

Annotation

Продолжение культовой книги «Воронята», лауреата престижной премии Michael L. Printz, которая вручается за лучший молодежный роман.

Роман «Воронята» – это:

Лучшая книга года по версии Publishers Weekly.

Лучшая книга года по версии New York Times.

Лучшая книга года по версии Kirkus Reviews.

«Чей-то голос шепнул ему в ухо: «Ты будешь жить благодаря Глендауэру. Кто-то на силовой линии сейчас умирает, хотя не должен. Поэтому ты будешь жить, хотя не должен».

Он умер – но не сумел остаться мертвым.

Он был королем».

Многие годы Ганси провел в поисках утраченного валлийского короля. Одного за другим он втянул в эти поиски своих друзей. Ронана, который умел выносить предметы из снов. Адама, чья жизнь больше ему не принадлежала. Ноя, чью жизнь и жизнью-то нельзя было назвать. И Блу – девушку, что любила Ганси всем сердцем, но которой было предназначено... его убить.

Теперь, когда поиски подошли к концу, а мечты и кошмары объединились против них, друзьям предстоит решиться на самый страшный шаг в их жизни».

* * *

Мэгги Стивотер

Пролог

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

55

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

66

67

Эпилог

Опал

От автора

notes1

2

3

* * *

Мэгги Стивотер

Король воронов

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Саре, отважно занявшей Гибельное Место.

Спать, плыть и видеть сны – навеки.

ЭЛДЖЕРНОН ЧАРЛЬЗ СУИНБЕРН. «СОН ПЛОВЦА»

Те знаменья отметили меня

Отличным от других. И все течение

Моей дальнейшей жизни подтвердило,

Что я не из людей обыкновенных [1].

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР. «ГЕНРИХ IV»

Любимый, композитор ступил в огонь.

АННА СЕКСТОН. «ПОЦЕЛУЙ»

Пролог

Ричард Ганси Третий уже сбился со счета, сколько раз ему говорили, что он рожден для величия.

Так его воспитали – благородство и целеустремленность с обеих сторон родословной. Дед Ганси по матери был дипломатом, архитектором судеб; дед по отцу был архитектором, дипломатом стилей. Бабушка по матери обучала

детей европейских принцесс. Бабушка по отцу на собственные деньги построила школу для девочек. Ганси были придворными и королями, а если не существовало замка, куда их могли пригласить, они возводили его сами.

Он был королем.

Однажды самого младшего в роду Ганси насмерть покусали осы. Но он обладал преимуществом во всем, и смерть не стала исключением. Чей-то голос шепнул ему в ухо: «Ты будешь жить благодаря Глендауэру. Кто-то на силовой линии сейчас умирает, хотя не должен. Поэтому ты будешь жить, хотя не должен».

Он умер – но не сумел остаться мертвым.

Он был королем.

Его мать, сама по себе особа королевской крови, вступила в борьбу на политическом поприще и, что неудивительно, изящно достигла верхних строк избирательного списка. Вперед и вверх. А что, кто-то сомневался? Ну, вообще-то... да, постоянно, всегда, поскольку Ганси не требовали услуг. Зачастую даже не просили о них. Они определенным образом поступали с людьми и молча надеялись, что те точно так же поступят с ними.

Сомнение... любой Ганси только и делал, что сомневался. Любой Ганси смело совал руку в непроглядно черную воду, не ведая своей судьбы до тех пор, пока не ощущал в раскрытой ладони рукоять меча.

Но... всего несколько месяцев назад один конкретный Ганси сунул руку в темную неизвестность будущего, рассчитывая обнаружить там обещанный меч, но вместо этого вытащил зеркало.

В некотором хитровывернутом смысле это было справедливо. Честно.

Это произошло 25 апреля, в канун дня святого Марка. За несколько лет до того Ганси прочитал книгу «Великая тайна: силовые линии мира», написанную Роджером Мэлори. В ней Мэлори тяжеловесными словами объяснял, что, если подежурить в канун дня святого Марка на силовой линии, увидишь души тех, кто умрет в течение следующего года. К тому моменту Ганси уже успел повидать самые разные чудеса, происходившие вблизи силовой линии или на ней: девушку, которая могла читать книжку в полной темноте, если стояла на линии, старуху, способную поднять полную корзину фруктов силой мысли, смуглых тройняшек, которые плакали кровавыми слезами, а в жилах у них текла соленая вода... но всё это не включало Ганси. Не требовало его участия. Не объясняло смысл его существования.

Он не знал, почему спасся.

Но хотел знать.

Поэтому Ганси целую ночь дежурил на силовой линии, ставшей для него лабиринтом – в одиночестве, на парковке у церкви Святого Искупителя. Он ничего не видел и не слышал. На следующий день Ганси сидел рядом с «Камаро», уставший до безумия, и прокручивал ночную запись.

Его собственный голос в диктофоне прошептал: «Ганси». Пауза. «Всё, что есть».

Наконец-то это случилось. Он перестал быть простым наблюдателем и сделался участником.

Даже тогда какая-то крошечная часть Ганси задумалась, что означает этот факт. Когда через час его друзья пришли на помощь «Кабану», он, вероятно, уже понял, в чем дело. Он, вероятно, знал ответ, когда ясновидящие в доме номер 300 на Фокс-Вэй вытащили для него карту. Он, вероятно, знал ответ, когда лично пересказал всю историю Роджеру Мэлори.

Ганси знал, чьи голоса шептались на силовой линии в ночь накануне дня святого Марка. Но он потратил несколько лет на то, чтобы заключить свой страх в оковы, и был еще не готов их снять.

Только когда умерла одна из ясновидящих в доме номер 300 на Фокс-Вэй, только когда смерть вновь стала реальностью, Ганси перестал отрицать правду.

Гончие псы в охотничьем клубе Агленби выли той осенью: прочь, прочь, прочь.

Он был королем.

В этом году он должен был умереть.

1

Взаимности от того, с чего вы начали эту историю, речь в ней шла про женщин из дома номер 300 на Фокс-Вэй.

Истории тянутся во все стороны. Жила-была женщина, которая хорошо умела играть со временем. Шаг вбок: жила-была дочь женщины, которая хорошо умела играть со временем. Теперь прыжок назад: жила-была дочь короля, которая хорошо умела играть со временем.

Повсюду, насколько хватает глаз, сплошные начала и концы.

За исключением одной лишь Блу Сарджент, все обитательницы дома номер 300 на Фокс-Вэй были ясновидящими. Посторонний человек мог предположить, что они сильно походили друг на друга, но в реальности они имели не больше общего, чем компания музыкантов, или врачей, или гробовщиков.

«Ясновидящая» – это не столько склад характера, сколько набор умений.

Система верований. Общее убеждение, что время – и история – есть не линия, а океан. Если ты не в состоянии найти именно тот момент, который ищешь, очевидно, ты заплыла недостаточно далеко. Вполне возможно, что ты

просто плохой пловец. А еще вполне возможно (как неохотно признавали эти женщины), что некоторые моменты скрыты слишком далеко и лучше оставить их глубоководным созданиям. Таким, как рыба-удильщик, с огромными зубами и фонариком, свисающим с морды. Ну, или таким, как Персефона Полдма. Она, впрочем, умерла, так что, наверное, это был не самый удачный пример.

В понедельник все наличествующие обитательницы дома номер 300 на Фокс-Вэй решили наконец исследовать нависшую над Ричардом Ганси угрозу, оценить ущерб, нанесенный их собственным жизням, как они их понимали, а также выяснить, каким образом связано то и другое, и связано ли вообще. Кроме того, Джими произвела очищение чакр в обмен на отличную бутылку жгучего торфяного виски и страстно хотела распить ее вместе с компанией.

Калла вышла на пронизывающий осенний холод, чтобы перевернуть табличку рядом с ящиком для писем. Теперь она гласила «ЗАКРЫТО. СКОРО ОТКРОЕТСЯ». Джими, верившая в магию трав, принесла несколько маленьких подушечек, набитых полынью (чтобы усилить проекцию души), и приготовила розмарин, чтобы жечь его на древесном угле (для памяти и ясновидения, что, по сути, есть одно и то же в двух разных направлениях). Орла потрясла дымящимся пучком шалфея над картами таро, Мора наполнила гадальную миску из черного стекла. Гвенллиан пела ликующую и непристойную песню, зажигая стоявшие в кружок свечи и опуская шторы. Калла вернулась в гадальную, держа в руках три статуэтки.

– Здесь пахнет как в поганом итальянском ресторане, – сказала она Джими, которая, не переставая напевать, разгоняла дым и виляла массивным тазом. Калла поставила свирепую статуэтку Ойи рядом с собственным креслом, а танцующее изображение Ошуна рядом с креслом Мору. Она крепко держала в руке третью статуэтку – это была Йемайя, водная богиня Йоруба, которая всегда стояла возле кресла Персефоны (либо на комод в спальне Каллы).

– Мора, я не знаю, куда поставить Йемайю.

Мора указала на Гвенллиан, а та на Мору.

– Ты сказала, что не хочешь проделывать это в присутствии Адама, так что отдай ей.

– Ничего подобного, – заметила Калла. – Я сказала, что он ко всему этому слишком близок.

Проблема заключалась в том, что они все были к этому слишком близки. Они месяцами жили в предельной близости к этой ситуации. Настолько, что теперь трудно было сказать, не являются ли они этой ситуацией.

Орла перестала жевать резинку и спросила:

– Мы готовы?

– М-м-м-м... хотя Блу не хватает... м-м-м-м... – произнесла Джими, продолжая мычать и покачиваться.

Отсутствие Блу и впрямь было примечательным. В качестве мощного усилителя пророческих способностей она в данном случае пригодилась бы, однако все

они шепотом согласились накануне вечером, что было бы жестоко обсуждать судьбу Ганси в ее присутствии больше необходимого. Женщины решили, что обойдутся Гвенллиан, пусть даже она была вдвое слабее и вдвое неговорчивее.

- Потом мы сообщим Блу результат, - сказала Мора. - Пожалуй, пойду извлеку Артемуса из кладовки.

Артемус: бывший возлюбленный Моря, биологический отец Блу, советник Глендауэра, обитатель кладовки в доме номер 300 на Фокс-Вэй. Чуть больше недели назад его достали из волшебной пещеры, и за это время он умудрился никоим образом не прирастить их эмоциональный и интеллектуальный ресурс. Калла считала Артемуса тряпкой (и не ошибалась). Мора полагала, что его неправильно понимают (и тоже не ошибалась). Джими сказала, что никогда в жизни не видела такого длинного носа (и, опять-таки, была права). Орла думала, что забаррикадироваться в кладовке - не лучший способ защититься от ясновидящей, которая тебя ненавидит (и не ошибалась). А Гвенллиан, собственно, и была ясновидящей, которая его ненавидела (и имела право).

У Моря ушло довольно много времени, чтобы убедить Артемуса выйти из кладовки; но, даже присоединившись к собравшимся за столом, он выглядел чужаком. Отчасти потому, что был мужчиной, отчасти из-за очень высокого роста. Но главное - потому что у Артемуса были темные беспокойные глаза, которые давали понять, что он повидал мир и для него это оказалось чересчур. Этот искренний страх резко контрастировал с уверенностью, которую в той или иной мере излучали ясновидящие обитательницы дома номер 300.

Мора и Калла знали Артемуса еще до рождения Блу, и обе полагали, что он сильно умалился по сравнению с собой прежним. Ну, Мора думала: «Сильно умалился», а Калла - просто «умалился», поскольку и раньше не была особенно высокого мнения об Артемусе. Впрочем, она никогда не питала пристрастия к долговязым мужчинам, которые появляются из волшебного леса.

Джими разлила виски.

Орла закрыла дверь в гадальную.

Женщины сели.

- Ну и компания, - сказала Калла в качестве вступительной реплики (и не ошиблась).

- Его ведь нельзя спасти? - спросила Орла.

Она имела в виду Ганси. Глаза у нее слегка затуманились. Не то чтобы она питала особенно теплые чувства к Ганси, но Орла была очень сентиментальна, и ее волновала мысль о юноше, которому предстояло погибнуть во цвете лет.

- М-м, - произнесла Мора.

Все женщины выпили. Артемус нет. Он бросил нервный взгляд на Гвенллиан. Та, неизменно внушительная, с башней волос, утыканых карандашами и

цветами, яростно взглянула на него в ответ. Жар ее взгляда вполне мог воспалить остатки спиртного в бокале.

Мора спросила:

– Значит, мы должны этому помешать?

Орла, самая младшая и шумная из присутствующих, разразилась оглушительным юным смехом.

– И как именно вы ему мешаете?

– Я сказала – мешаем этому, а не ему, – сердито отозвалась Мора. – Не стану притворяться, будто в моей власти мешать Ганси исследовать Вирджинию в поисках собственной могилы. Я имею в виду остальное.

Калла со стуком опустила бокал на стол.

– О, я могла бы его остановить. Но суть не в этом. Всё уже расставлено по местам.

Всё расставлено по местам: бывший киллер, который ныне спал с Морой, его помешанный на сверхъестественных артефактах бывший босс, который ныне спал в Бостоне, непонятные существа, выползавшие из пещеры позади заброшенной фермы, набирающая силу магическая линия, волшебный разумный лес, некий мальчик, умеющий выносить предметы из снов, другой мальчик, мертвый, который отказывался упокоиться, девушка, которая сверхъестественным образом усиливала девяносто процентов вышеперечисленного...

Женщины выпили еще.

– Они так и будут ездить в этот безумный лес? – спросила Орла.

Кабесуотер ее не волновал. Она уже ходила туда с компанией и достаточно близко подобралась к нему, чтобы.. почувствовать. Ясновидение лучше всего удавалось ей по телефону или по почте; лица только мешали на пути к истине. Но у Кабесуотера не было лица, а силовая линия превосходила любую телефонную. Орла чувствовала, как линия о чем-то ее просила. Она не могла разобрать, что конкретно ей нужно. И не думала, что речь обязательно о чем-то плохом. Орла лишь ощущала огромность просьб и вес обещаний. Они могли изменить ее жизнь. Но Орлу всё вполне устраивало, спасибо большое, поэтому она раскланялась и ушла.

– В лесу ничего страшного, – сказал Артемус.

Все женщины посмотрели на него.

– Что значит «ничего страшного»? – спросила Мора.

– Кабесуотер любит их, – сказал Артемус, складывая свои огромные ладони на коленях и нацеливая на них свой огромный нос. Он то и дело поглядывал на Гвенллиан, словно боялся, что она на него набросится.

Гвенллиан многозначительно потушила одну из свечей бокалом; в комнате стало темнее на один крохотный огонек.

- Развернешь? - спросила Калла.

Артемус промолчал.

Мора сказала:

- Мы примем твое мнение к сведению.

Женщины выпили.

- Кто-то из присутствующих в этой комнате умрет? - спросила Джими. - Тогда, у церкви, появился кто-нибудь еще из тех, кого мы знаем?

- К нам это не относится, - ответила Мора.

Дежурство у церкви в норме предсказывало смерти тех, кто родился в Генриетте или непосредственно на «дороге мертвых» (ну, или как в случае Ганси, переродился). А все, кто сейчас сидел за столом, приехали из других мест.

- Впрочем, это относится к Блу, - заметила Орла.

Мора агрессивно переключала карты.

- Это еще не гарантия безопасности. Бывает судьба страшнее, чем смерть.

- Давайте тасовать, - сказала Джими.

Каждая женщина поднесла колоду Таро к сердцу, потом перетасовала ее и наугад вытащила одну карту. И выложила на стол рубашкой вниз.

Таро - глубоко личная штука, и узор на каждой колоде отражал характер женщины, которая ей владела. У Мора были сплошь темные линии и простые цвета, одновременно небрежные и похожие на детский рисунок. Колода Каллы была роскошной, перенасыщенной, карты изобиловали подробностями. На каждой карте в колоде Орлы изображалась парочка, которая целовалась или занималась любовью, вне зависимости от того, предполагало ли значение карты поцелуи или секс. Гвенллиан создала свою колоду, нацарапав темные, безумные символы на самых обычных игральных картах. Джими предпочитала колоду со Священными Кошками и Святыми Женщинами, которую нашла в антикварном магазинчике в 1992 году.

Все ясновидящие достали пять разных версий Башни. Вариант Каллы, возможно, наилучшим способом отражал значение этой карты. В башню с надписью «постоянство» ударяла молния, башня горела, и на нее нападали змеи, похожие на коралловых аспидов. Женщина в окне переживала все последствия удара молнии. Какого-то мужчину сбросили с верхнего парапета, а может быть, он прыгнул сам. В любом случае он тоже горел, и за ним летела змея.

- То есть мы все умрем, если только не примем меры, - сказала Калла.

Гвенллиан произнесла:

- Owynus dei gratia Princeps Waliae, ла-ла-ла, Princeps Waliae, ла-ла-ла...

Издав короткий стон, Артемус попытался встать. Мора успокаивающе накрыла его ладонь своей.

- Мы все умрем, - повторила она. - Рано или поздно. Давайте не паниковать.

Калла не сводила глаз с Артемуса.

- Паникует только один из нас.

Джими передала по кругу бутылку с виски.

- Надо найти какое-то решение, дорогие. Как будем его искать?

Все женщины посмотрели на темную гадальную миску. В ней не было ничего особенно примечательного - просто стеклянная миска за одиннадцать долларов, купленная в одном из тех магазинчиков, где продаются кошачий корм, мульча и бытовая техника со скидкой. Налитый в нее клюквенно-виноградный сок не имел никаких волшебных свойств. Но тем не менее в этой миске было нечто зловещее. Жидкость как будто слегка беспокоилась. Она отражала только темный потолок, но, казалось, хотела показать нечто большее. Гадальная миска содержала разные возможности, и не все они были приятными.

(Одна из возможностей: использовать отражение, чтобы отделить собственную душу от тела, и в итоге умереть.)

Хотя именно Мора принесла в комнату миску, теперь она ее отодвинула.

- Давайте сделаем расклад на всю жизнь, - предложила Орла и щелкнула жвачкой.

- Ой нет, - сказала Калла.

- Для всех нас? - спросила Мора, как будто ничего не слышала. - Наша жизнь как единое целое?

Орла помахала рукой, указав на все колоды, и ее огромные деревянные браслеты удовлетворенно застучали друг о друга.

- Мне нравится, - сказала Мора.

Калла и Джими вздохнули.

Обычно для предсказания требовалась лишь некоторая часть из семидесяти восьми карт, составлявших колоду. Три. Десять. Возможно, еще одна или две дополнительно, если нужно было что-то прояснить. Предназначенное для каждой карты место содержало вопрос: каково состояние твоего подсознания?

чего ты боишься? что тебе нужно? Каждая карта, занимая определенную позицию, давала ответ.

Семьдесят восемь карт – это уйма вопросов и ответов.

Особенно если умножить на пять.

Калла и Джими опять вздохнули, но принялись тасовать. Мора сказала правду: вопросов скопилось много. И им было нужно получить много ответов.

Женщины, как одна, перестали тасовать карты, закрыли глаза и поднесли колоды к груди, сосредоточившись лишь друг на друге и на том, каким образом переплелись их жизни. Свечи мерцали. Позади статуэток богинь играли тени – длинные, короткие, снова длинные. Гвенллиан напевала под нос, и Джими вскоре последовала ее примеру.

Только Артемус, нахмурившись, сидел отдельно.

Но женщины включили его, когда принялись выкладывать карты. Сначала они изобразили мощный ствол, в процессе шепотом называя друг другу позиции и значения. Затем принялись выкладывать ветви, которые указывали на Артемуса, на Джими, на Орлу. Затем корни, которые вели к Калле, Море, Гвенллиан. Они стучались головами, и клали карты одну поверх другой, и смеялись, когда сталкивались, и ахали, увидев результат.

Постепенно появилась история. Она повествовала о людях – о тех, которых они изменили и которые изменили их. Сюжет включал все пикантные моменты: когда Мора влюбилась в Артемуса, когда Джими ударила Каллу, когда Орла втайне опустошила общий счет в банке, чтобы создать вебсайт, который пока так и не принес дохода, когда Блу убежала из дома и ее притащили обратно полицейские, когда умерла Персефона...

Ветвь, которая вела к Артемусу, была мрачной и гнилой, испещренной мечами и страхом. Заключенная в ней тьма текла обратно к стволу, соединяясь с какой-то жутью, истлевающей в корне, который принадлежал Гвенллиан. Было очевидно, что эта тьма убьет их всех, если они ничего не сделают, хотя никто не понимал, что конкретно она собой представляла. Зрение присутствующих женщин не могло проникнуть в область непосредственно над силовой линией, а тьма сосредотачивалась там.

Впрочем, разрешение проблемы лежало вне силовой линии. Оно было многогранным, неопределенным, трудным. Но основная идея была ясна.

– Им придется действовать заодно? – недоверчиво спросила Калла.

– Так говорят карты, – ответила Мора.

Джими потянулась за бутылкой виски, но та уже опустела.

– А мы не можем сами об этом позаботиться?

– Мы просто люди, – сказала Мора. – Обычные люди. А они особенные. Адам связан с силовой линией. Ронан – сновидец. Блу усиливает их всех.

- Золотой мальчик - просто человек, - заметила Орла.

- Да, и ему предстоит умереть.

Женщины вновь обозрели карты.

- Это значит, что она еще жива? - спросила Мора, постучав по одной из карт - Королеве Мечей.

- Возможно, - буркнула Калла.

- Это значит, что она скоро уйдет? - спросила Орла, постучав по другой карте. Имелась в виду другая «она».

- Возможно, - со вздохом сказала Мора.

- Это значит, что она вернется? - спросила Калла, указав на третью карту. Имелась в виду третья «она».

- Возможно! - воскликнула Гвенллиан и выскочила из-за стола.

Она принялась кружиться, воздев руки в воздух.

Никто больше не мог сидеть спокойно. Калла отодвинула кресло.

- Я хочу еще выпить.

Джими согласно прищелкнула языком.

- Если приближается конец света, я тоже хочу.

Когда остальные встали из-за стола, Мора осталась. Она смотрела на отравленную ветвь Артемуса и на самого Артемуса, который, ссутулившись, сидел над картами. Случайные мужчины из волшебных лесов больше не были в ее вкусе. Но все-таки она помнила, что любила Артемуса, а этот Артемус сильно умалился.

- Артемус, - ласково позвала Мора.

Он не поднял голову.

Мора коснулась пальцем его подбородка. Он вздрогнул. Она приподняла лицо Артемуса, чтобы заглянуть ему в глаза. Он никогда не спешил заполнять пустоту словами - и теперь тоже. Казалось, он ни за что не заговорил бы впредь, будь это в его власти.

С тех пор как они оба выбрались из пещеры, Мора не спрашивала Артемуса ни о чем, что произошло за все эти годы, минувшие с их последней встречи. Но теперь она спросила:

- Что случилось, если ты стал таким?

Он закрыл глаза.

– Черт, где Ронан? – спросил Ганси, повторяя слова, которые произносили тысячи людей с тех пор, как человечество обрело дар речи.

Выйдя из естественно-научного корпуса, он запрокинул голову, как будто Ронан Линч – сновидец, воин и злостный прогульщик – мог витать где-то в вышине. Но его там не было. Ганси увидел только самолет, беззвучно летевший в яркой синеве над школьным кампусом. По ту сторону железной ограды лежала Генриетта, издававшая деловой дневной шум. По эту сторону ограды ученики Агленби издавали неделовые подростковые крики.

– На технологии его тоже не было?

Адам Пэрриш – маг и загадка, школьник и логик, мужчина и мальчик – потерял ремень честолюбиво нагруженной сумки на плече. Он не видел никаких причин полагать, что Ронан где-то тут, в кампусе. У Адама уходили все силы на то, чтобы сосредоточиться на уроках после целой недели, полной волшебных пещер и загадочных спящих – а Адам был самым мотивированным учеником Агленби. Ронан, с другой стороны, регулярно появлялся только на уроках латинского. Теперь, когда всех ребят, изучавших латынь, позорно запихнули на дополнительные занятия французским, что ему оставалось делать?

– Он был? – повторил Ганси.

– Я думал, это риторический вопрос.

Ганси злился ровно столько времени, сколько понадобилось запоздалой бабочке, подхваченной осенним ветерком, чтобы пролететь мимо.

– Он даже не пытается.

Прошла неделя с тех пор, как они отыскали и извлекли из пещеры Мору – мать Влу – и Артемуса... отца Влу? Три дня с тех пор, как они посадили Роджера Мэлори – старинного друга Ганси – на обратный самолет в Англию. Два дня с тех пор, как начался учебный год.

Ни в один из этих дней Ронан не удосужился появиться в Агленби.

Они глупо тратили время и силы? Да. Ронан Линч должен был сам отвечать за себя? Да.

За спиной у них, в естественно-научном корпусе, зазвонил колокол – через две минуты после окончания урока. Это был настоящий колокол, с настоящей веревкой, и предполагалось, что в конце урока в него, как положено,

звонит настоящий ученик. Двухминутное опоздание преждевременно состарило Адама Пэрриша. Он страдал, когда люди плохо выполняли свои обязанности.

- Скажи что-нибудь, - потребовал Ганси.

- Этот колокол...

- Всё просто ужасно, - согласился Ганси.

Они сошли с дорожки и зашагали через спортивные площадки. Это был сущий дар богов - прогулка из естественно-научного корпуса до Грабер-Холла, десять роскошных минут на то, чтобы в перерыве между уроками насладиться воздухом и солнцем. Пребывание в кампусе, как правило, успокаивало Адама; предсказуемый распорядок убаюкивал его. Учись прилежно. Иди на урок. Поднимай руку. Отвечай на вопросы. Двигайся к выпускным экзаменам. Другие одноклассники жаловались на учебу. Ха! Учеба была островом, к которому Адам устремлялся в бурном море.

Очень бурном. На силовой линии кишели чудовища. Сквозь руки и глаза, которые Адам отдал Кабесуотеру, рос лес. А Ганси должен был умереть до наступления апреля. Вот что представляло собой это беспокойное море - а Глендауэр был в нем островом. Разбудить его значило получить подарок, который предназначался для того, чтобы спасти жизнь Ганси. Волшебная страна нуждалась в волшебном короле.

В минувшие выходные Адаму дважды снилось, что они уже нашли Глендауэра и теперь ищут его опять. Когда ему приснилось это в первый раз, это был кошмар. Во второй раз - облегчение.

Он осторожно спросил:

- Какой следующий этап?

- Пещера Диттли, - ответил Ганси.

Адам испугался. Обычно Ганси предпочитал безопасный подход, а пещера Диттли была чем-то совершенно противоположным. Во-первых, после того, как они извлекли оттуда дочь Глендауэра, Гвенллиан, из пещеры начали выползать странные существа. Во-вторых, у входа в нее Пайпер Гринмантл застрелила Джесса Диттли. Это место буквально вопило о прошлых и будущих смертях.

- А ты не думаешь, что, если бы Глендауэр находился дальше в пещере, Гвенллиан так и сказала бы, вместо того чтобы позволять нам рыскать по долине костей?

- Я думаю, Гвенллиан преследует свои личные цели, - ответил Ганси. - И я еще не выяснил какие.

- Просто я сомневаюсь, что стоит рисковать. Кроме того, это место преступления.

Будь здесь Ронан, он сказал бы: «Всё на свете - место преступления».

Ганси произнес:

- Значит, у тебя есть другие варианты?

Варианты? Во множественном числе? Адам был бы счастлив, если бы у него имелся хоть один. Самый многообещающий путь, пещера в Кабесуотере, рухнула во время их последней экспедиции, и на смену ей не появилось ничего нового. Ганси заметил, что это напоминает испытание на пригодность, и Адам невольно согласился. Кабесуотер устроил им проверку, они попытались ее пройти и обнаружили, что чего-то недостает. Впрочем, ощущение было правильное. Сначала они с Ронаном действовали заодно, чтобы очистить пещеру от опасных помех, а потом вся компания соединила свои таланты и ненадолго оживила скелеты древних животных, которые привели Ронана и Блу к Море. Каждую ночь с тех пор Адам воскрешал это воспоминание, прежде чем заснуть. Ронан, который видит сны, Адам, который фокусирует энергию, Блу, которая ее усиливает, Ганси, который приводит весь план в действие. Он никогда еще не чувствовал себя таким... настоящим. Вместе они составляли превосходную машину.

Но это не помогло им добраться до Глендауэра.

Адам предположил:

- Может, поговорить с Артемусом?

Ганси хмыкнул. Это звучало бы пессимистично в исполнении кого угодно - а в исполнении Ганси прозвучало пессимистично вдвойне.

- Я думаю, нам без проблем удастся поговорить с Артемусом. Но будет нелегко сделать так, чтобы он поговорил с нами.

- Ты, кажется, всегда считал, что у тебя есть дар убеждения, - сказал Адам.

- Практика еще этого не доказала.

- Ганси, чувак! - закричал кто-то через поле.

Уитман, прежний товарищ Ганси по гребной команде, приподнял три пальца в знак приветствия. Ганси не ответил, пока Адам не коснулся легонько его плеча тыльной стороной руки. Тогда он моргнул и наклеил на лицо улыбку Ричарда Кэмпбелла Ганси Третьего. Каким сокровищем была эта улыбка, которую передавали через века, от отца к сыну, с надеждой убирали в сундук, если в семье не было сына, полировали и гордо выставляли напоказ, когда кампания заканчивалась...

- А, Уит, - сказал Ганси, щедро растягивая гласные и наполняя свою речь классическим южным вирджинским акцентом. - Эй, гляди, ты оставил ключи в замке!

Уитман, рассмеявшись, застегнул ширинку. Размашистой походкой он зашагал рядом, и они с Ганси завязали какой-то беспечный разговор. Вскоре к ним присоединились двое ребят, потом еще двое. Они обменивались дружескими

шутками, жизнерадостные, полные энергии, общительные. Ходячая реклама приличной жизни и хорошего образования.

Это была наука, в которой Адаму никогда не удавалось преуспеть, хотя он посвятил много месяцев ее прилежному изучению. Он анализировал поведение Ганси, препарировал реакции других ребят, заносил в каталог образцы бесед. Он видел, как простой жест разворачивался в букет мужского разговора – изящно, словно по волшебству. Он внимательно присматривался и к происходящему за сценой. Как несчастный Ганси за одну секунду становился дружелюбным. Но практика Адаму не давалась. Теплые приветствия застывали на губах. Небрежные жесты превращались в пренебрежительные. Ровный зрительный контакт становился пугающим пристальным взглядом.

Он заново брал уроки каждую четверть и думал, что как ни трудно в это поверить, но, очевидно, есть вещи, которым не в состоянии научиться даже Адам Пэрриш.

– Где Пэрриш? – спросил Ингл.

– Здесь, – ответил Ганси.

– Даже не знаю, как это я пропустил ветер с ледника, – сказал Ингл. – Как дела, старик?

На этот риторический вопрос можно было ответить легкой нарисованной улыбкой. Эти ребята собрались ради Ганси. Где Пэрриш? Так далеко, что за день не дойдешь.

Некогда подобная сцена расстроила бы Адама. Напугала. Но теперь он был уверен, что занимает место одного из двух фаворитов Ганси. Поэтому он просто сунул руки в карманы и молча пошел вместе с остальными.

Внезапно Адам почувствовал, как Ганси рядом с ним напрягся. Прочие продолжали галдеть и смеяться, но лицо Ганси сделалось задумчивым. Адам проследил его взгляд до массивных колонн, поддерживавших крышу Грабер-Холла. Там, на лестнице между ними, стоял директор Чайлд, держа в руке учебник или что-то вроде того. Он больше походил на птицу, чем на человека – ходячая реклама крема от загара и широкополых шляп.

– Так, джентльмены, – сказал он, – мне вас слышно из кабинета. Почему мы галдим, как вороны? Занятия ждут.

Они стукнулись кулаками, взъерошили друг другу волосы, похлопали по плечам. Все разошлись; остались только Ганси и Адам. Чайлд приподнял руку и слегка помахал Ганси, прежде чем вернуться в недра Грабер-Холла.

И вновь у Ганси сделался сердитый вид. Не глядя по сторонам, он зашагал дальше.

– Что это было? – спросил Адам.

Ганси, поднимаясь по лестнице, на которой только что стоял Чайлд, сделал вид, что не расслышал.

- Ганси. Что это было?

- Что?

- Рука. Чайлд.

- Просто дружелюбный жест.

К Ганси мир всегда относился дружелюбнее, чем к Адаму; но на директора Чайлда это было непохоже.

- Так и скажи, что не хочешь говорить. Но только не ври.

Ганси с преувеличенным вниманием заправил рубашку и опустил свитер. Он не смотрел на Адама.

- Я не хочу ссориться.

Нетрудно было догадаться.

- Ронан.

Ганси воровато взглянул на Адама и снова занялся свитером.

- Нет, - сказал Адам. - Не может быть. Нет. Ты этого не сделал.

Он не знал в точности, в чем обвинял Ганси. Но он знал, чего Ганси хотел для Ронана. И как Ганси добивался своего.

- Я не хочу ссориться, - повторил Ганси.

Он протянул руку к двери. Адам положил ладонь сверху.

- Отглядишь. Ты видишь тут Ронана? Плевал он на учебу. Если пихать человеку еду в глотку, это еще не значит, что ему захочется есть.

- Я не хочу ссориться.

Ганси спасло какое-то гудение в кармане; у него звонил телефон. Теоретически им не разрешалось говорить по телефону во время учебного дня, но Ганси тем не менее достал мобильник и повернул экран, чтобы показать его Адаму. Адама поразили две вещи: во-первых, звонила миссис Ганси (очевидно, так оно и было), а во-вторых, часы на экране показывали 6:21 (и это совершенно точно было не так).

Адам слегка сменил позу - он больше не загораживал от Ганси вход в Грабер-Холл, просто положил руку на дверь. Теперь он стоял на стреме.

Ганси поднес мобильник к уху.

- Алло? А, мама. Я в школе. Нет, выходной был вчера. Нет. Конечно. Нет, просто давай быстро.

Пока Ганси говорил по телефону, Кабесуотер манил Адама, предлагая поддержать его усталое тело – и всего на минуту Адам разрешил ему сделать это. На несколько свободных вдохов его окружили листья и вода, стволы и корни, камни и мох. Силовая линия гудела в нем, слабея и угасая вместе с биением пульса, ну, или наоборот. Адам знал, что лес хотел что-то ему сказать, но пока не понимал, что именно. Нужно было погадать после школы, а может быть, выбрать время и съездить в Кабесуотер.

Ганси убрал телефон. И произнес:

– Она спрашивает, как мне идея устроить экспромтом мероприятие для ее избирательной кампании здесь, в кампусе, в выходные. Не помешает ли это праздновать День ворона, не будет ли Чайлд возражать. Я сказал... ну, ты слышал, что я сказал.

Вообще-то Адам ничего не слышал. Он слушал Кабесуотер. Более того, он прислушивался к нему до сих пор так внимательно, что, когда лес внезапно и неожиданно качнулся, Адама тоже шатнуло. Испугавшись, он схватился за дверную ручку, чтобы устоять.

Силовая линия перестала гудеть в нем.

Он едва успел задуматься, что произошло и вернется ли энергия, когда силовая линия вновь ожила и забормотала. Перед глазами у Адама пронеслись листья. Он выпустил ручку.

– Что это было? – спросил Ганси.

– Что? – слегка запыхавшись, повторил Адам, почти в точности подражая тону Ганси.

– Прекрати. Что случилось?

Случилось то, что кто-то выпустил огромное количество энергии из силовой линии. Такое большое, что даже у Кабесуотера захватило дух. Насколько Адам мог судить по своему ограниченному опыту, это могло произойти лишь по нескольким причинам.

Когда поток энергии стал постепенно набирать скорость, он сказал:

– Я почти наверняка знаю, чем сейчас занят Ронан.

Вто утро Ронан Линч проснулся рано, без будильника, думая: «Домой, домой, домой».

Он миновал спящего Ганси – тот стискивал в руке телефон, очки в металлической оправе лежали возле кровати – и прокрался вниз по лестнице, прижимая к груди Бензопилу, чтобы та молчала. Трава на парковке мочила росой ботинки, туман клубился вокруг колес угольно-черного «БМВ». Над Монмутской фабрикой нависало небо цвета грязной воды. Было холодно, но бензиновое сердце Ронана пылало. Он сел в машину, позволив ей стать своей второй кожей. Ночной воздух еще лежал под сиденьями и в карманах на дверцах; Ронан вздрогнул, когда привязал Бензопилу к ремню безопасности на пассажирском сиденье. Не лучший вариант, но достаточно эффективный, чтобы помешать ворону носиться по салону. Бензопила укусила его, но не так сильно, как утренний холод.

– Дай мне пиджак, гадость, – сказал Ронан птице.

Но та пробно потыкала клювом кнопку на окне, поэтому Ронан взял пиджак сам. Школьный свитер Агленби тоже лежал там, безнадежно скомканный, под коробкой-головоломкой, сонным артефактом, который переводил с нескольких языков, включая вымышленный, на английский.

Когда он снова пойдет в школу? И пойдет ли? Ронан подумал, что завтра может официально забрать документы. На неделе. На следующей неделе. Что ему мешает? Ганси. Диклан. Память об отце.

Даже в это время суток дорога до Сингерс-Фолз заняла двадцать минут, но в любом случае еще не рассвело, когда он миновал несуществующий город и наконец добрался до Амбаров. Колючие кусты, ветви, деревья сомкнулись вокруг машины, которая ехала по аллее длиной в полмили. Вырубленное среди покрытых лесом холмов, это место, куда можно было добраться лишь по извилистой дороге сквозь спутанную чащу, наполнилось звуками беспорядочных окрестных дебрей. Шуршали друг о друга дубовые листья, в подлеске хрустели ветками койоты или олени, шептала сухая трава, совы перебрасывались вопросами, всё дышало и ускользало от взгляда. Было слишком холодно для светлячков, но тем не менее множество этих насекомых сверкало и гасло над полями.

Это были его места. Причудливые, существующие без всякой цели, но любимые.

Ронан Линч любил видеть во сне свет.

Было время, когда Амбары составляли для Ронана целый мир. Линчи редко выезжали, когда он был маленьким, потому что в Амбарах хватало работы. Кроме того, Ниалл Линч мало кому доверял заботиться о них в свое отсутствие.

Лучше ездить в гости к друзьям, чем звать к себе – так объясняла мать, Аврора Линч, – поскольку у папы на ферме множество хрупких вещей.

Одной из таких хрупких вещей была сама Аврора. Золотоволосая Аврора Линч, несомненная королева Амбаров, кроткая и радостная правительница этой мирной потайной страны. Она покровительствовала причудливым занятиям сыновей (хотя Диклан, старший, редко бывал причудливым) и охотно

участвовала в их фантастических играх (хотя Диклан, старший, редко бывал склонен к играм). Она, конечно, любила Ниалла – все любили этого неправдоподобного человека, хвастливого поэта, короля музыки, – но, в отличие от остальных, Аврора предпочитала его тихим и молчаливым. Она любила правду, но трудно было любить одновременно правду и Ниалла Линча, когда он разговаривал.

Аврора была единственной, кого он не мог ослепить, и он любил ее за это.

Лишь много лет спустя Ронан узнал, что король придумал себе королеву. Но, если подумать, ничего удивительного тут не было. Его отец тоже любил грезить о свете.

Войдя в дом, Ронан включил несколько ламп, чтобы отогнать внешний мрак. Через несколько минут поисков он достал ведро с алфавитными кубиками, которые высыпал перед Бензопилой, и она принялась с ними возиться. Затем Ронан включил фолк из отцовской коллекции и, пока в узких коридорах трещали и гудели скрипка и волынки, стер пыль с полок и починил сломанную дверцу шкафчика на кухне. Когда утреннее солнце наконец залило золотыми лучами укромную долину, он принялся перекрашивать старую деревянную лестницу, которая вела к прежней комнате родителей.

Ронан вдохнул. Выдохнул.

Когда он жил не дома, то забывал, как дышать.

Время здесь шло по-своему. День в Агленби представлял собой стремительную смену образов, которые ничего не значили, и разговоров, которые не запоминались. Но тот же день, проведенный в Амбарах, был полон ленивого спокойствия и всех четырех времен года сразу. Ронан читал, сидя у окна; смотрел старые фильмы в гостиной; неторопливо чинил хлопающую дверь сарая. Часы тянулись, сколько им было надо.

Постепенно воспоминания о прошлом – обо всем, что значило для Ронана это место, когда в нем обитала вся семья Линчей, – сменились воспоминаниями и надеждами на «потом». Каждая минута, когда Амбары будут принадлежать ему, всё то время, которое он проведет здесь один или с Адамом, грезя и строя планы..

Дом, дом, дом.

Пора было спать. Грезить. Ронан хотел создать особую вещь и был не настолько глуп, чтобы полагать, что он получит ее с первой попытки.

– Правила для снов, – провозгласил Джона Майло.

Ронан сидел на уроке. Майло, учитель английского, в клетчатом костюме, стоял перед светящимся экраном. Его пальцы, как метроном, щелкали в такт словам: «Правила для снов. Правила для снов».

- Кабесуотер? - спросил Ронан у класса.

Его мысли сковала ненависть. Он никогда не мог забыть запах этого места - запах резины, моющего средства, плесени и теряки из школьной столовой.

- Мистер Линч, вы готовы поделиться с нами своими мыслями?

- Конечно. Я не останусь в этом гребаном классе ни на секунду..

- Никто вас здесь не держит, мистер Линч. Агленби - это выбор. - Майло явно был разочарован. - Давайте сосредоточимся. Правила для снов. Прочтите вслух, мистер Линч.

Ронан молчал. Они его не заставят.

- Сны легко ломаются, - пропел Майло. Его слова звенели, как в рекламе кондиционера для стирки. - Трудно поддерживать необходимый баланс между сознательным и бессознательным. На четвертой странице есть схема.

Третья страница была черной. Четвертой вообще не было. Никакой схемы.

- Правила для снов. Мистер Линч, пожалуйста, выпрямитесь, заправьте рубашку и сосредоточьтесь, как положено в Агленби. Психопомп поможет вам не растерять мысли, с которыми вы засыпали. Вы все, не забудьте проверить, здесь ли ваш товарищ по снам.

Его товарища по снам тут не было.

Зато был Адам - он сидел в самом заднем ряду. Внимательный. Погруженный в процесс. Типичное «ученик Агленби представляет американское культурное наследие». В пузыре мысли над головой у Адама виднелся учебник, полный букв и диаграмм.

Борода Майло сделалась длиннее, чем в начале урока.

- Правила для снов. На самом деле это просто высокомерие, не так ли? Мистер Линч, вы хотите поговорить о том, что Бог умер?

- Бред какой-то, - сказал Ронан.

- Если вам виднее, то можете встать и сами вести урок. А я просто пытаюсь понять, с чего вы взяли, что в конце концов не умрете, как ваш отец. Мистер Пэрриш, правила сновидца!

Адам ответил четко, как по писаному:

- Хини утверждает на странице двадцать, что сновидцев следует классифицировать как оружие. Изучая ровесников, мы видим, как это подкрепляется реальными доказательствами. Пример первый: отец Ронана умер. Пример второй: К. умер. Пример третий: Ганси умер. Пример четвертый: я тоже умер. Пример пятый: Бог умер, как вы и сказали. Я мог бы добавить в этот список Мэтью и Аврору Линч, но они, согласно исследованию Глассера в 2012 году, не являются человеческими существами. Здесь у меня диаграмма.

- Пошел ты, - сказал Ронан.

Адам испепеляюще взглянул на него. Это был уже не Адам, а Диклан.

- Сделай уроки, Ронан, хоть раз в жизни, блин. Ты разве не знаешь, кто ты такой?

Ронан проснулся злой и с пустыми руками. Он слез с кушетки и с грохотом захлопнул несколько ящиков на кухне. Молоко в холодильнике прокисло, а Мэтью съел все хот-доги, когда приезжал сюда в последний раз. Ронан яростно выскочил в рассветные сумерки на веранде и сорвал странный плод с дерева, на котором росли орехи в шоколадной глазури. Пока он порывисто бродил туда-сюда, Бензопила скакала и перепархивала следом, тыча клювом в темные пятна, которые, как она надеялась, были упавшими орехами.

Правила для снов. Во сне Майло спросил, где его товарищ. Хороший вопрос. Девочка-Сирота навещала его сны, сколько Ронан себя помнил - одинокое маленькое существо в белой шапочке, натянутой поверх коротко остриженных светлых волос. Некогда он думал, что она старше его, но, возможно, просто он сам в те времена был младше. Она помогала ему прятаться, когда Ронану снились кошмары. Теперь она чаще сама пряталась у него за спиной, но по-прежнему помогала ему не забывать о цели. Странно, что она не показалась, когда Майло упомянул ее. Весь сон был какой-то странный.

«Ты разве не знаешь, кто ты такой?»

Ронан, в общем, не знал, но думал, что научился жить с нераскрытой тайной в виде самого себя. Дурацкий сон.

- Брек, - сказала Бензопила.

Бросив ей орешек, Ронан зашагал обратно в дом в поисках вдохновения. Иногда, когда ему было трудно заснуть, он брал в руки что-нибудь реальное, и это помогало. Чтобы с успехом вынести из сна какой-то предмет, Ронан должен был понять, каков он на ощупь, как пахнет, как тянется и гнется, как на него действует (или не действует) притяжение... и всё прочее, делавшее вещь настоящей, а не эфемерной.

В спальне Мэтью взгляд Ронана привлек шелковый мешочек с магнитами. Пока он рассматривал ткань, Бензопила невозмутимо прошествовала у него между ног, издав низкое ворчание. Ронан никогда не мог понять, отчего она предпочитает ходить пешком и прыгать. Будь у него крылья, он бы только и делал, что летал.

- Его тут нет, - сказал он Бензопиле, когда та вытянула шею, пытаясь заглянуть на кровать.

Заурчав в ответ, Бензопила безуспешно принялась искать развлечений. Мэтью был шумным и веселым мальчиком, но в его комнате царили порядок и минимализм. Ронан привык считать, что это потому, что Мэтью держал весь бардак внутри своей кудрявой головы. Но теперь он заподозрил, что это

потому, что ему самому не хватило воображения, чтобы создать настоящего человека. Трехлетний Ронан хотел братика, чья любовь была бы полной и безусловной. Трехлетний Ронан приснил Мэтью, полную противоположность Диклану. Был ли Мэтью человеком? Адам из сна, он же Диклан, очевидно, так не думал, но Адам из сна, он же Диклан, явно врал.

Правила сновидца.

«Сновидцев следует классифицировать как оружие».

Ронан и так уже знал, что он – оружие, но пытался возместить ущерб. Сегодняшней задачей было приснить нечто, способное сохранить жизнь Ганси в том случае, если его опять ужалят. Ронан и раньше, конечно, придумывал противоядия – инъекторы и лекарства, но проблема заключалась в том, что он бы не узнал, работают они или нет, вплоть до той минуты, когда стало бы слишком поздно, если бы они не сработали.

Итак, план получше: легкая бронированная кожа. Нечто способное защитить Ганси еще до того, как ему станет плохо.

Ронан не мог отогнать мысль о том, что время истекает.

Это должно было сработать. Это будет здорово...

Около полудня Ронан встал с постели после еще двух неудачных попыток создать надежную броню. Он надел резиновые сапоги и грязную куртку с капюшоном и вышел на улицу.

Амбары представляли собой путаницу построек, сараев, загонов для крупного скота. В один из них Ронан заглянул, чтобы наполнить кормушки и положить сверху кусок соли – это была вариация его детских обязанностей. Затем он зашагал на верхнее пастбище, минуя молчаливые туши придуманного отцовского скота, который упрямо спал в полях по обе стороны тропинки. По пути Ронан завернул в большой сарай, где хранилось всякое оборудование. Встав на цыпочки, он нащупал над дверным косяком крохотный, принесенный из сна цветок. Когда он подбросил его, цветок завис над головой у Ронана, испуская слабый желтый свет, достаточный, чтобы позволить ему пройти по темному помещению. Ронан пробирался среди пыльных сельскохозяйственных машин, сломанных и несломанных, пока не нашел свой ночной кошмар – альбиноса, свернувшегося на капоте ржавого старого автомобиля. Это была воплощенная угроза – белая, оборванная, лежавшая с закрытыми глазами. Бледные жестокие когти процарапали краску на капоте. Ночной ужас провел здесь уже несколько часов. Он открыл розоватый глаз и взглянул на Ронана.

– Тебе что-нибудь нужно, сукин ты сын? – поинтересовался тот.

Кошмар закрыл глаз.

Ронан оставил его в покое и зашагал дальше, гремя ведерками и позволяя сонному цветку следовать за ним, хотя при дневном свете он в нем не нуждался. К тому времени, когда Ронан миновал самый большой загон, он уже был не один. Трава по обе стороны тропинки двигалась. Сурки, крысы,

несуществующие животные торопливо выбирались из травы и бежали сзади и спереди. На кромке леса появились олени. Пока они стояли неподвижно, их темные шкуры были невидимы.

Многие были настоящими. Обычные вирджинские белохвостые олени, которых Ронан прикармливал и приручал просто ради удовольствия. Этому способствовало присутствие вымышленного молодого самца, который жил среди них. Он был очаровательный, светлый, с длинными трепетными ресницами и рыжими, как у лисы, ушами. Он первым принял подношение Ронана – блок соли, который тот выкатил на поле, – и позволил погладить короткий жесткий мех у себя на холке и вытащить репей из мягкой шерсти за ушами. Один из диких оленей съел несколько кусочков с ладони Ронана, а остальные стояли и терпеливо ждали, когда тот насыплет корм на траву. Возможно, кормить их запрещалось. Ронан никогда не мог запомнить, кого в Вирджинии разрешалось кормить и отстреливать.

Мелкие зверьки подобрались ближе, кто-то поскреб лапой его сапог, кто-то сел рядом на траву, прочие вспугнули оленей. Ронан бросил еды и им и осмотрел на предмет ран и клещей.

Он вдыхал. И выдыхал.

Ронан задумался, как, по его мнению, должна была выглядеть защитная кожа для Ганси. Может, ей не обязательно быть невидимой? Может, сделать ее серебристой? И с огоньками.

Ронан ухмыльнулся при этой мысли, внезапно почувствовав себя глупым и ленивым. Он встал, позволяя дневным ошибкам скатиться с его плеч наземь. Когда он потянулся, молодой белый олень поднял голову и внимательно взглянул на него. Остальные заметили внимание сородича и тоже посмотрели на Ронана. Они были прекрасны, как его сны, как Кабесуотер, только сейчас Ронан не спал. Каким-то образом, незаметно для него, пропасть между бодрствованием и сном начала сокращаться. Хотя половина этого странного стада погрузилась бы в сон, если бы Ронан умер, пока он находился здесь, пока вдыхал и выдыхал, он был королем.

Он оставил свое дурное настроение в поле.

Ронан вернулся в дом и заснул.

Он лежал ничком на земле, вытянув руки и впившись пальцами в землю, в поисках силовой линии. Он чувствовал, как горят и падают листья. Смерть и возрождение. Воздух был его кровью. Голоса, шепотом обращавшиеся к нему сверху, были его голосами, которые накладывались друг на друга. Ронан, перемотать; Ронан, снова; Ронан, снова.

- Вставай, - сказала на латыни Девочка-Сирота.

- Нет, - ответил Ронан.

- Ты в ловушке? - спросила она.

- Не хочу уходить.

- А я хочу.

Он посмотрел на нее - непонятно как, потому что он по-прежнему лежал, запутавшись в собственных корнях-пальцах и в черных ветвях, которые росли из татуировки на его обнаженной спине. Девочка-Сирота стояла, держа в руках ведро. Глаза у нее были темные и запавшие - глаза вечно голодного или вечно чего-то жаждущего существа. Белая шапочка была низко надвинута на светлые, коротко стриженные волосы.

- Ты просто кусок сна, - объяснил Ронан. - Какая-то подсознательная хреновина из моего воображения.

Она заскулила, как щенок, получивший пинка, и Ронан немедленно разозлился на нее - или на себя. Почему он не может просто сказать, что она такое?

- Я искал тебя, - сказал он, просто потому что вспомнил об этом.

Присутствие Девочки-Сироты снова и снова напоминало ему, что он во сне.

- Керау, - произнесла она, всё еще дуюсь.

Ронан рассердился, когда услышал, что она украла имя, которым называла его Бензопила.

- Придумай свое прозвище, - сказал он, но ему уже надоело проявлять твердость, даже если это была просто честность.

Девочка-Сирота села рядом, подтянув колени к груди.

Прижавшись щекой к прохладной земле, он потянулся еще глубже. Его пальцы касались личинок и червей, кротов и змей. Личинки разворачивались, когда он миновал их. Черви ползли следом. Кротовий мех касался Ронана. Змеи обвивались вокруг рук. Он и был всеми ими.

Ронан вздохнул.

На поверхности земли Девочка-Сирота покачивалась и тихонько пела жалобную песенку, тревожно поглядывая на небо.

- Periculosum, - предупредила она. - Suscitat.

Он, впрочем, не чувял никакой опасности. Только земля, и силовая линия, и ветви-вены. Дом, дом.

- Это здесь, внизу, - сказал Ронан.

Земля поглотила его слова и выпустила новые побеги.

Девочка-Сирота прислонилась спиной к ноге Ронана и задрожала.

- Quid... - начала она, а затем, запинаясь, продолжила по-английски: - Что это?

Это была кожа. Светящаяся, почти прозрачная. Ронан почти целиком ушел под поверхность и мог разглядеть, как она выглядела. Она имела форму тела - как будто росла под землей, как будто ждала, когда ее выкопают и освободят. На ощупь она напоминала спальный мешок в комнате Мэтью.

- Держу, - сказал Ронан, взяв пальцами по поверхности.

«Помоги мне не выпустить ее». Он, видимо, только подумал это, но не сказал вслух.

Девочка-Сирота начала плакать.

- Осторожно, осторожно!

Она едва успела договорить, как он почувствовал...

Что-то?

Кого-то?

Кого?

Это была не холодная и сухая змеиная чешуя. Не теплое и быстрое сердцебиение кротов. Не мягкость червей, похожих на шевелящуюся землю, не гладкая малоподвижная плоть личинок.

Это было что-то темное.

Оно текло.

Не столько существо, сколько НЕ существо.

Ронан не стал ждать. Он сразу же распознал кошмар.

- Девочка, - позвал он. - Вытащи меня.

Одной рукой-корнем он схватился за волшебную кожу, спешно пытаясь запомнить это ощущение. Вес, плотность, реальность...

Девочка-Сирота копала руками землю вокруг Ронана, как собака, издавая тихие испуганные звуки. Как же она ненавидела его сны.

Тьма, которая не была тьмой, ползла к Ронану сквозь землю. Она пожирала то, к чему прикасалась. Или, точнее, сначала оно было, а потом переставало быть.

- Быстрее, - сказал Ронан, отступая вместе с кожей, которую стискивал своими корнями-пальцами.

Он мог бросить волшебную кожу и проснуться.

Но он не хотел ее бросать. Она могла помочь Ганси.

Девочка-Сирота ухватила его за ногу, или за руку, или за одну из ветвей. Она тянула, тянула, тянула, пытаясь вытащить Ронана из-под земли.

- Керау, - плакала она.

Темнота проедала себе путь наверх. Если бы ей удалось схватить Ронана за руку, он, возможно, проснулся бы без руки. Он еще мог обойтись малой кровью..

Девочка-Сирота выдернула его из земли и упала. Тьма вырвалась из дыры за спиной у Ронана. Не успев ни о чем подумать, он накрыл девочку собой.

«Нет ничего невозможного», - сказал лес, или мрак, или Ронан.

Он проснулся. Он не мог двинуться, как всегда бывало, когда Ронан выносил из сна предмет - любого размера. Он не чувствовал собственных рук («Пожалуйста, - подумал Ронан, - пожалуйста, пусть у меня еще будут руки») и ног («Пожалуйста, пожалуйста, пусть у меня еще будут ноги»). Несколько долгих минут он провел, глядя в потолок. Ронан лежал на старой клетчатой кушетке в гостиной и смотрел на те самые три трещины, которые много лет подряд складывались в букву М. Вокруг пахло орехами и самшитом. Бензопила, вспорхнув, взлетела над кушеткой и тяжело опустилась ему на левую ногу.

Значит, у него как минимум осталась одна нога.

Ронан никак не мог сформулировать, что делало ту тьму такой жуткой - теперь, когда он ее не видел.

Его пальцы медленно обрели подвижность. Значит, они тоже уцелели.

Волшебная кожа лежала рядом, она наполовину сползла с кушетки. Кожа была прозрачной и нематериальной на вид, в грязи, местами порвана в клочья. Все конечности у Ронана остались на месте, а вот одежда нуждалась в стирке. Еще он умирал от голода.

Мобильник загудел, и Бензопила, хлопнув крыльями, перелетела на спинку кушетки. В норме Ронан не стал бы отвечать на звонок, но воспоминание о пустоте во сне так смутило его, что он, воспользовавшись своими едва

ожившими пальцами, вытащил телефон из кармана и убедился, что это не Мэтью.

Сообщение прислал Ганси. «Пэрриш хочет знать не убится ли ты во сне прямо сейчас пожалуйста сообщи».

Прежде чем Ронан успел выразить какие-либо чувства по поводу осведомленности Адама, Бензопила вдруг низко пригнула голову. Перья у нее на шее встали дыбом. Она насторожилась. Взгляд птицы был устремлен на какую-то точку в другом конце комнаты.

Приподнявшись, Ронан проследил его. Поначалу он не увидел ничего, кроме обычной тесноты в гостиной. Кофейный столик, телевизор, игровой автомат, корзина для тростей. А потом он заметил какое-то движение под столом.

И застыл.

До Ронана постепенно дошло, на что он смотрит.

- Черт, - сказал он.

5

Блу Сарджент выгнали из школы.

Всего на один день. За двадцать четыре часа, предположительно, она должна была избавиться от желания злонамеренно крушить всё вокруг, «и, честно говоря, Блу, от удивительно плохого поведения». Блу понимала, что ей должно быть стыдно, но никак не могла заставить себя стыдиться; школьные дела совершенно не казались реальными по сравнению со всем остальным. Стоя в коридоре перед кабинетом директора, она слышала, как Мора объясняет, что у них недавно умерла родственница, что совсем недавно вернулся биологический отец Блу, что всё это очень травматично. Возможно - добавила Мора, от которой пахло полынью (следовательно, она проводила какой-то ритуал с Джими, пока Блу была в школе) - возможно, ее дочь даже не сознавала, что делает.

О нет, Блу прекрасно всё сознавала.

И теперь она сидела под буком на заднем дворе дома номер 300 на Фокс-Вэй, злая и в скверном настроении. В глубине души Блу сознавала, что у нее проблемы - проблемы гораздо более серьезные, чем всё то, что случалось до сих пор. Но другая, ближайшая часть радовалась: целый день не придется притворяться, будто ее интересуют уроки! Блу бросила поеденный жуками буковый орешек, и тот ударился о забор с таким треском, словно выстрелили из пистолета.

- Есть идея.

Сначала она услышала голос, потом почувствовала холод. В следующую секунду к ней присоединился Ной Черни, как всегда в синем школьном свитере. «Присоединился», наверное, было неподходящим словом. Ной, скорее, «проявился». Еще больше подходило словосочетание «оптический обман». Или, точнее, «обман чувств». Блу редко удавалось отследить тот конкретный момент, когда возникал Ной. Не то чтобы он появлялся постепенно. Но мозг Блу как будто переписывал предшествующую минуту и внушал девушке, что Ной с самого начала сидел рядом.

Иногда было немного жутко дружить с мертвецом.

Ной дружелюбно продолжал:

- У тебя, значит, трейлер. Не как у Адама. Просто прицеп.

- Что? У меня?

- У тебя. У тебя. Как это называется, когда что-то есть у всех, а говоришь про себя одного? Какое-то грамматическое правило.

- Не знаю. Спроси у Ганси. В каком смысле - «трейлер не как у Адама»?

- Безличное «ты»? - предположил Ной, словно не слыша ее. - Ладно, проехали. Я имею в виду - ну, вообще. Вот, скажем, ты придумываешь пять суперских рецептов, как жарить курицу. Гриль-бар. Так называется, да? - Он щелкнул пальцами. - Ну, типа, курица по-мексикански. Карри с медом. Барбекю. Э... терияки. И... что-то там с чесноком. Дальше нужны напитки. Чтоб люди к ним привыкали. Пусть думают: а-а, мне до смерти хочется курочки с карри и медом, да, и чай с лимоном, черт, да, побольше, побольше, ура!

Он был очень оживлен. Блу его давно таким не видела. Этот Ной, восторженный и болтливый, несомненно, напоминал того, каким был при жизни - скейтбордист из Агленби, обладатель ярко-красного «Мустанга»... Блу вдруг поразила мысль, что, возможно, она никогда не подружилась бы с тем, прежним Ноем. Он не был плох. Просто юн... и совсем не так, как она. И думать об этом было неприятно.

- ... и я бы назвал его - ты готова? - «МИР КУРИЙ!» Дошло? «Куда мы сегодня едем?» «Пожалуйста, мама, в МИР КУРИЙ!» - Ной поддел коротенький хвостик Блу, так что тот стукнул ее по затылку. - Ты будешь носить маленькую бумажную шапочку. И представлять «МИР КУРИЙ!»

Блу враз потеряла терпение. Она взорвалась.

- Слушай, Ной, хватит, потому что...

Сверху донесся каркающий смех, заставив девушку замолчать. Вниз слетели несколько сухих листьев. Блу и Ной запрокинули головы.

Гвенллиан, дочь Глендауэра, растянулась на мощных ветвях. Ее длинное тело прислонялось к стволу, а ноги обвивали гладкий сук. Как обычно, она являла собой пугающее и дивное зрелище. Темные волосы, напоминающие

грозовую тучу, были полны ручек, ключей и обрывков бумаги. Гвенллиан натянула на себя как минимум три плаття – и все три задрала до бедер, то ли пока лезла на дерево, то ли нарочно.

– Привет, покойник, – пропела она и достала из волосяной башни с одной стороны сигарету, а с другой зажигалку.

– Ты давно там сидишь? – спросила Блу. – Смотри не убей мое дерево.

Гвенллиан выпустила клуб дыма, пахнувший гвоздикой.

– Ты говоришь как Артемус.

– С чего бы это?

Блу старалась не выказывать досады, но тщетно.

Она и не надеялась, что Артемус заполнит зияющую дыру в ее сердце, но не ожидала, что он просто запрется в кладовке.

Выпустив весьма внушительное кольцо дыма сквозь сухую листву, Гвенллиан оттолкнулась от ствола и соскользнула на нижнюю ветку.

– Этого мелкого любителя ползать по кустам, твоего отца, не так легко понять, о, синяя лилия, лилия синяя. Но опять-таки, эту штуковину там, внизу, тоже понять непросто, не так ли?

– Какую штуковину? Ноя? Ной не ШТУКОВИНА!

– Мы видели птичку в кусте, птичку в кусте, птичку в кусте, – пропела Гвенллиан.

Она соскользнула ниже, потом еще ниже, так что ее сапоги заболтались на уровне глаз Блу.

– И тридцать ее друзей! С нами ты чувствуешь себя вполне живым, маленький покойничек, правда? Одна лилия с ее зеркальной силой, другая со своей зеркальной силой, а ты посерединке вспоминаешь жизнь?

Неприятно было сознавать, что Гвенллиан, очевидно, права. Этот веселый, полный жизни Ной с вероятностью мог возникнуть только в присутствии двух волшебных батареек. А еще неприятно было видеть, что Гвенллиан полностью испортила ему настроение. Он опустил голову, так что из виду скрылось всё, кроме вихра на голове.

Блу гневно взглянула на Гвенллиан.

– Ты ужасна.

– Спасибо. – Гвенллиан размахисто спрыгнула наземь и затушила сигарету о ствол бука.

На коре осталось черное пятно, которое Блу словно ощутила всей душой.

Она хмуро уставилась на Гвенллиан. Блу была низенькой, а Гвенллиан очень высокой, но Блу очень хотелось посверлить Гвенллиан взглядом, а Гвенллиан как будто сама нарывалась, поэтому у них это как-то получилось.

- Что ты хочешь от меня услышать? Что он мертвый? Ну? И что дальше?

Гвенллиан придвинулась так близко, что их носы соприкоснулись. Ее шепот пах гвоздикой.

- Ты когда-нибудь отгадывала загадку, которой тебе не загадывали?

Калла думала, что Гвенллиан начала петь и говорить загадками из-за того, что провела шестьсот лет в гробнице. Но, глядя теперь в ее радостные яркие глаза и вспоминая, что Гвенллиан погребли живой после того, как она попыталась заколоть любимого поэта Оуэна Глендауэра, Блу подумала, что, вполне возможно, Гвенллиан была такой всегда.

- Разгадать Ноя невозможно, - ответила она, - разве что сделать так... чтобы он ушел. А он не хочет!

Гвенллиан хихикнула.

- «Хочет» и «нужно» - это разные вещи, деточка.

Она постучала сидящего Ноя по затылку мыском сапога.

- Покажи ей, что ты скрываешь, покойничек.

- Ты вовсе не обязан ее слушаться, Ной, - сказала Блу быстро и сразу поняла, что одновременно верит Гвенллиан и боится правды.

Они все знали, что существование Ноя хрупко - оно зависело от причуд силовой линии и местонахождения его физических останков. Блу и Ганси лично видели, что Ню становилось всё труднее и труднее справляться с собственной... мертвизной. То, что Блу уже знала о Ное, пугало ее. Если было что-то похуже... она сомневалась, что хотела это знать.

Ной вздохнул.

- Я это заслужил. Просто... извини, Блу.

В ней зашевелилась тревога.

- Тебе не за что извиняться.

- Да, - тихо отозвался Ной. - Не... в общем... ладно.

Гвенллиан отступила на шаг, позволяя ему встать. Он поднялся - медленно, скованно, спиной к Блу. И расправил обычно сутулые плечи, словно готовясь к бою. Блу почувствовала, что Ной перестал выкачивать из нее энергию. Ощущение было, как будто она сбросила на землю тяжелый рюкзак.

А потом он повернулся.

Каждое лето в Генриетте проходил карнавал. За торговым центром устраивали огромную ярмарку, и несколько вечеров там мигали огни, лежала примятая трава и продавали пирожное «муравейник». Блу очень старалась полюбить карнавал – она несколько раз ходила туда с одноклассниками (их она тоже старалась полюбить), – но почему-то девушке всегда казалось, что она ждет, когда же произойдет что-нибудь настоящее. Решив, что ей не хватает адреналина, Блу попробовала прокатиться на «свободном падении». Аттракцион поднял их наверх – скрип-скроп, скрип-скроп – и ничего. Он толком не работал, и в результате они не упали, а просто опустились, точно таким же образом, как поднялись. Но, пусть даже они так и не рухнули вниз, на долю секунды у Блу что-то оборвалось в животе, как будто ее действительно отпустили лететь в пустоту. И это ощущение казалось тем более странным оттого, что тело не сдвинулось ни на сантиметр.

Именно так она почувствовала себя теперь.

– О... – сказала она.

Пустые мертвые глаза, оскаленные зубы, душа, виднеющаяся между обнаженными костями. Это существо умерло много лет назад. Невозможно было не замечать, как разложилась душа Ноя, как отдалилась она от человеческого состояния, как истончилась от долгого времени, проведенного без биения сердца.

Ной Черни умер.

И ничего другого не осталось.

Это была правда.

Тело Блу судорожно дрожало. Она целовала это. Это тонкое, холодное воспоминание о человеке.

Поскольку Ной представлял собой одну лишь энергию, он читал воспоминания Блу так же легко, как слышал слова. Она почувствовала, как он проник в ее мысли и прошел насквозь.

Он прошептал:

– Я же сказал – прости.

Блу сделала глубокий вдох.

– А я сказала, что тебе не за что извиняться.

И она не покривила душой.

Ее не отталкивало, что это... оно... Ной... был странным, разложившимся, пугающим. Она знала, что это... оно... Ной... странный, разложившийся, пугающий – и всё равно его любила.

Блу обняла это существо. Ноя. Ее не смущало, что он перестал быть человеком. Она звала бы его – чем бы оно ни было – Ноем до тех пор, пока он сам хотел, чтобы его так звали. И Блу радовалась, что в ту минуту он

мог прочесть ее мысли: девушка желала, чтобы он знал, что она абсолютно в этом уверена.

Ее тело стало холодным, как лед: обвив Ноя руками за шею, она позволила ему черпать из себя энергию.

- Не говори остальным, - попросил он.

Когда Блу отступила, поверх мертвенных черт вновь появилось мальчишеское лицо.

- Тебе надо уйти? - спросила Блу.

Она имела в виду «уйти навсегда», но не смогла произнести это вслух.

Он шепотом ответил:

- Пока нет.

Блу вытерла слезинку тыльной стороной ладони. Еще одну - с другой щеки - стер Ной.

На подбородке у него появилась ямочка, как бывает у человека, собирающегося заплакать, но Блу коснулась ее пальцами, и она исчезла.

Оба стремительно двигались к какому-то концу, и оба знали это.

- Хорошо, - сказала Гвенллиан. - Ненавижу лжецов и трусов.

И немедленно принялась карабкаться обратно на дерево. Блу повернулась к Ню, но он исчез. Возможно, он пропал раньше, чем Гвенллиан заговорила; как и в случае с его появлением, трудно было в точности определить момент, когда он исчезал. Мозг Блу уже переписал все секунды по соседству с исчезновением Ноя.

Отстранение от занятий казалось полузабытым сном. Что было реально? Вот это.

Кухонное окно со скрипом распахнулось, и Джими крикнула:

- Блу! Тут твои парни, и у них такой вид, как будто они ищут, где похоронить труп!

«Опять?» - подумала Блу.

Когда Блу залезла в черный «Шевроле» Ганси, то обнаружила, что Ронан, со свежевыбритым черепом, готовый к бою, уже угнездился на заднем сиденье, задрал ноги. То, что он сидел сзади, а не на своем обычном «троне» впереди, намекало, что у парней какие-то проблемы. Вместо Ронана на пассажирском месте рядом с Ганси сидел Адам, в белой футболке и чистом рабочем комбинезоне, спущенном до пояса. Ганси – в школьной форме и с наэлектризованным выражением лица, которое испугало Блу, – был за рулем. Его широко раскрытые глаза блестели, словно по ту сторону радужки горела спичка. Блу уже видела Ганси таким оживленным, но только когда они были вдвоем.

– Привет, Джейн, – сказал он, и его голос был бодрым и насыщенным, как и взгляд.

Трудно было не увлечься этим Ганси; в своем напряжении он одновременно источал силу и вызывал беспокойство.

«Не глазей»... слишком поздно. Адам застукал ее. Блу отвела глаза и деловито принялась подтягивать высокие сапоги.

– Привет.

Ганси спросил:

– Ты можешь съездить с нами? Или у тебя дела? Уроки?

– Никаких уроков, меня временно вышибли.

– Да ладно, – сказал Ронан с явным восхищением. – Сарджент, ну ты оторва.

Блу неохотно стукнулась с ним кулаками. Ганси многозначительно наблюдал за ней в зеркальце заднего вида.

Адам развернулся в другую сторону – направо, а не налево, так что теперь ему приходилось смотреть на Блу, выглядывая из-за кресла. Это выглядело так, как будто он прятался, но Блу знала: Адам просто хотел повернуться к ним здоровым ухом, а не глухим.

– А за что?

– Выхватила у одного парня рюкзак и высыпала всё содержимое ему же на капот. Честно, я не хочу об этом говорить.

– А я хочу, – заметил Ронан.

– А я нет! Я этим вовсе не горжусь.

Ронан похлопал ее по коленке.

– Я буду гордиться вместо тебя.

Блу устремила на него испепеляющий взгляд, но впервые за весь день почувствовала, что ей удалось обрести опору. Не то чтобы обитательницы дома номер 300 на Фокс-Вэй не были ее семьей – к ним уходили ее корни, и

ничто не могло этого преуменьшить. Но в этой другой семье, собравшейся в машине, ощущалось нечто новое и могучее. Они все росли и привыкали друг к другу, как деревья, которые вместе тянутся к солнцу.

– Так что случилось?

– Ты не поверишь, – сказал Ганси по-прежнему холодным и необыкновенно вежливым тоном, который намекал, что он раздражен. – Вообще-то изначально я собирался заехать к вам и поговорить с Артемусом о Глендаузере. Но Ронан решил иначе. У него другие планы на наш вечер. Гораздо более рациональное использование нашего времени.

Ронан подался вперед.

– Скажи, папочка, ты злишься, что я облажался или что прогулял школу?

Ганси ответил:

– По-моему, лажей можно считать то и другое. Тебе так не кажется?

– Не надо, – попросил Ронан. – Это так вульгарно звучит в твоём исполнении.

Машина сорвалась с места, и Адам понимающе взглянул на Блу. Его лицо гласило: «Да, они уже некоторое время так разговаривают». Блу испытала странную благодарность за этот беззвучный обмен мыслями. После неприятного разрыва (а они вообще были парой?) Блу убеждала себя, что Адам слишком обижен или смущен, чтобы оставаться ее другом. Но он пытался. И она пыталась. И, казалось, всё шло нормально.

Но она любила лучшего друга Адама и скрывала это.

Ощущение спокойствия немедленно покинуло Блу, сменившись тем самым чувством, которое посетило ее за секунду до того, как она вытряхнула рюкзак одноклассника ему же на капот. Все эмоции слились в белую пелену.

Нужно было как-то с этим справляться.

– Ганси, чувак!!!

Они все вздрогнули, услышав в открытое окно этот крик. Машина остановилась на светофоре неподалеку от главных ворот Агленби. На тротуаре стояла кучка ребят с плакатами. Ганси неохотно отсалютовал им тремя пальцами, вызвав очередной залп радостных возгласов.

Вид всех этих парней в школьной форме немедленно всколыхнул неприятное чувство в душе Блу. Это было давно сдерживаемое, многоголовое ощущение, которое складывалось из предубеждений, личного опыта и зависти, но Блу старалась не обращать на него внимания. Не то чтобы она признала, что ее отрицательное мнение о «Воронятах» ошибочно. Но знакомство с Ганси, Адамом, Ронаном и Ноем усложняло сценарий. В те времена, когда она считала, что имеет право презирать их всех с высоты морального превосходства, было гораздо проще.

Блу вытянула шею, пытаясь прочитать надписи на плакатах, но парни держали их как попало, в основном развернув в сторону от дороги. Она задумалась, превратилась бы Блу Сарджент, ученица Агленби, в Блу Сарджент – участницу акции протеста.

– А что их не устраивает? – спросила она.

– Жизнь, – ответил Адам сухо.

Блу узнала одного из парней, стоявших на тротуаре. У него были черные волосы, которые незабываемым образом стояли дыбом, и кеды, буквально кричавшие о том, сколько они стоят.

Генри Чень.

В последний раз она видела его, когда ездила на тайное свидание с Ганси. Подробности Блу не помнила, за исключением того, что суперэлектромобиль Ченя сломался на дороге, он отпустил шуточку, которую она не сочла смешной, и напомнил ей обо всём, чем она отличалась от Ганси. Это был не лучший финал свидания.

Генри явно вспомнил и ее, потому что широко улыбнулся и указал двумя пальцами сначала на себя, а потом на Блу – «я за тобой наблюдаю».

Коллекция смешанных чувств пополнилась новыми образцами.

– Как это называется, когда говоришь «ты», но имеешь в виду всех вообще? – спросила Блу, подавшись вперед и по-прежнему смотря на Ченя.

– Обобщенное «ты», – ответил Ганси. – Кажется.

– Да, – подтвердил Адам.

– Во выпендриваются, – сказал Ронан.

Трудно было понять, имел ли он в виду Ганси и Адама с их знанием грамматики или учеников Агленби, которые стояли на улице с самодельными плакатами.

– Ну конечно, – ответил Ганси, по-прежнему холодно и раздраженно. – Упаси боже, чтобы молодые люди выражали свои принципы с помощью публичных, хотя и тщетных протестов. Ведь они могут прогуливать уроки и судить других, сидя на заднем сиденье автомобиля!

– Принципы? Главный принцип Генри Ченя – чтобы о нем напечатали большими буквами в школьном бюллетене, – сказал Ронан и оскорбительно передразнил Генри: – Четырнадцатый? Восемнадцатый? Меньше курсива, больше жирного!

Блу увидела, что Адам одновременно усмехнулся и поспешно отвернулся прочь, чтобы Ганси этого не заметил, но было слишком поздно.

– И ты, Брут? – спросил Ганси. – Досадно.

– Я ничего не говорил, – возразил Адам.

Загорелся зеленый свет, и машина покатила прочь от парней с плакатами.

- Ганси! Ганси! Ричард, чувак!

Это был голос Генри; даже Блу его узнала. Сзади никто не ехал, поэтому Ганси притормозил и высунул голову в окно.

- Чем могу помочь, мистер Чень?

- Э... у тебя задний борт открыт.

Легкомысленное лицо Генри приобрело какое-то сложное выражение. Бодрая улыбка не вполне сошла с него, но за ней что-то крылось. Блу вновь ощутила неуверенность; она знала, что представлял собой Генри, и в то же время совершенно этого не знала.

Ганси бросил взгляд на приборную доску в поисках предупреждающего сигнала.

- Да нет... а.

И произнес с той же интонацией, что и Генри:

- РОНАН.

- Чего? - огрызнулся тот.

Его ревность нетрудно было заметить даже из космоса.

- У нас открыт задний борт.

Сзади кто-то засигналил. Ганси помахал водителю, отсалютовал Генри и нажал на газ. Блу, посмотрев через плечо, успела увидеть, как Генри повернулся к остальным, и его лицо опять, как раньше, расплылось в простодушной широкой улыбке.

Интересно.

Тем временем Ронан изогнулся, чтобы заглянуть за спинки задних сиденьев, в багажный отсек. Он прошипел:

- Не высовывайся!

Он явственно обращался не к Блу. Та прищурилась и осторожно спросила:

- А что конкретно мы сейчас делаем?

Ганси охотно ответил:

- Линч, в его бесконечной мудрости, решил поспать, вместо того чтобы пойти в школу, и притащил с собой больше, чем рассчитывал.

Встреча с Генри явно пробила брешь в бодрой агрессии Ронана. Он отгрызнулся:

- Ты мог бы просто сказать, чтобы я сам с этим разобрался. Мои сны не касаются никого, кроме меня.

Адам вмешался:

- Ну нет, Ронан. Я не стою ни на чьей стороне... но ты говоришь чушь.

- Спасибо, - сказал Ганси.

- Слушай, старик...

- Нет, - перебил Ганси. - Джесс Диттли погиб, потому что посторонние люди заинтересовались вашими семейными снами. Поэтому не надо вести себя так, как будто состояние твоих секретов никак не отразится на других. Сны, конечно, твои, но мы все - на линии огня.

Ронан замолчал. Он плюхнулся обратно на сиденье и стал смотреть в окно, прикусив один из своих кожаных браслетов.

Блу услышала достаточно. Она отстегнула ремень безопасности, повернулась и оперлась на подголовник, чтобы заглянуть в грузовой отсек у себя за спиной. Сначала она ничего не увидела. То есть, может быть, и увидела, просто не хотела этого признавать: как только ее глаза заметили сон Ронана, стало ясно, что его нельзя было не увидеть в первую же секунду.

Блу ничто не могло шокировать.

Но тем не менее.

Она спросила:

- Это... ребенок?

Между спортивной сумкой и рюкзаком Ганси, свернувшись, лежало какое-то существо с огромными глазами, которые почти скрывала шапочка, низко натянутая на лоб. На нем был старый, потрепанный, непомерно большой вязаный свитер и серые лосины... или это были серые ноги? Они заканчивались то ли ботинками, то ли копытцами. Блу подумала, что сходит с ума.

Ронан бесстрастно произнес:

- Я зову ее Девочка-Сирота.

Адам предложил поехать в Кабесуотер, и они повезли ее в Кабесуотер.

Впрочем, Адам сам не знал, что они там будут делать; просто Кабесуотер был первым местом, которое пришло ему в голову. Точнее, вторым, но первая мысль была настолько постыдной, что он немедленно отогнал ее.

Адам бросил на существо лишь один взгляд и подумал, что, возможно, это очередной кошмар, который следует убить, ну, или где-нибудь выбросить.

А в следующую секунду – нет, даже быстрее, через полсекунды, почти немедленно – Адам сам себя возненавидел за эту мысль. Ни о чем другом сын Роберта Пэрриша и не мог подумать. «Что, хочешь уйти? Уже собрался? Это твои вещи? Знаешь, да если б ты имел такое право, я бы сам свалил тебя в канаву. Вечно с тобой один цирк».

Он ненавидел себя, и ненавидел своего отца, и передал эти чувства Кабесуотеру у себя в голове, а Кабесуотер их рассеял.

И вот они были в Кабесуотере, Кабесуотере во плоти, сообразно второй мысли Адама – про которую он жалел, что она не первая. Он подумал, что нужно отвезти Девочку-Сироту к матери Ронана, Авроре. Они добрались до поля, которое когда-то заметили с самолета, с огромным силуэтом ворона, выложенным из ракушек. Ганси не мог не ехать по валявшимся на земле ракушкам, но он очень старался не задевать самого ворона. Адам ценил в Ганси это свойство – бесконечную заботу обо всем, что его интересовало.

Машина остановилась. Ганси, Блу и Адам вылезли. Ронан и странная девочка – нет; между ними, казалось, шли какие-то переговоры.

Остальные ждали.

Небо было низким и серым, его пронзали вершины, поднимавшиеся над коричнево-красно-черными деревьями Кабесуотера. С того места, где они стояли, можно было счесть его обычным лесом на обычной вирджинской горе. Но если долго – и правильно – всматриваться в Кабесуотер, становилось видно, как между деревьями перебегают секреты. Тени рогатых животных, которые никогда не показывались на глаза. Мигающие огоньки прошлогодних светлячков. Шелест многочисленных крыльев, шум большой стаи, которая вечно оставалась незаметной.

Магия.

Вблизи леса Адам чувствовал себя очень... Адамом. Его голову переполняло привычное ощущение комбинезона, собравшегося складками на поясице, обычные мысли о завтрашней контрольной по литературе. Казалось, рядом с Кабесуотером он должен стать другим, более странным, но на самом деле чем ближе Адам подходил к Кабесуотеру, тем прочнее укреплялся в настоящем. Зачем сознанию забредать далеко, чтобы пообщаться с Кабесуотером, если телу достаточно поднять руку, чтобы коснуться его?

Странно, но поначалу у Адама не было никакого предчувствия насчет того, чем станет для него это место. Хотя, возможно, он ошибался. Такое

количество магии – то есть силы – требовало веры как необходимого условия.

Ганси кто-то позвонил. Адам пошел отлить. Ронан оставался в машине.

Адам обошел машину с другой стороны и приблизился к Блу. Он изо всех старался не смотреть ни на ее грудь, ни на губы. Адам и Блу больше не были парой – если, конечно, они хоть когда-либо были парой, – но разрыв и сознание того, что так будет лучше для обоих, ничуть не уменьшили эстетическую привлекательность их тел друг для друга. Волосы у Блу стали еще непослушнее со времен их первой встречи, они едва держались под заколками, рот сделался небрежнее, он жаждал запретных поцелуев, а поза – жестче, словно ее позвоночник сковали горе и опасность.

– Кажется, нам надо поговорить про... – сказала Блу.

Она замолчала. Глаза девушки были устремлены на Ганси. Адам задумался: сознает ли она, насколько прозрачен ее взгляд. Смотрела ли она когда-нибудь на него с таким же ненасытным видом?

– Да, – ответил Адам.

Он с запозданием осознал, что она, вероятно, хотела обсудить поиски Глендауэра, а не признаться в тайном романе с Ганси. «Что ж, об этом тоже надо поговорить».

– Когда?

– Позвоню сегодня вечером. Хотя нет... я работаю. Завтра после школы.

Они кивнули. Какой-никакой, но план.

Ганси продолжал говорить по телефону.

– Нет, о пробках можешь не волноваться, если только в этот вечер нет розыгрыша лотереи. Автобус? Сколько народу ты ожидаешь? Я не представляю, чтобы.. О. Можно задействовать школьный автобус, конечно.

– КЕРАУ!

Блу и Ганси одновременно вздрогнули от этого дикого вопля. Адам, узнав имя, которое Бензопила дала Ронану, посмотрел в небо.

– Господи боже мой, – прорычал Ронан. – Прекрати придуриваться.

Потому что этот звук издала не Бензопила, а маленькая и хрупкая Девочка-Сирота. Она свернулась невероятно маленьким комочком в бесцветной траве за машиной и походила на кучку тряпья. Она покачивалась и отказывалась встать. Когда Ронан что-то прошипел, она вновь завопила ему в лицо. Это был крик не ребенка, а неведомого существа.

Адам уже много раз видел, как претворяются в реальность сны Ронана, и знал, какими свирепыми, прекрасными, пугающими и причудливыми они могут

быть. Но эта девочка содержала в себе гораздо больше Ронана, чем все остальные его творения.

Испуганное чудовище.

- Это просто конец света. Напиши мне, если придумаешь что-нибудь еще, - сказал Ганси и убрал телефон. - Что с ней такое?

Его голос звучал неуверенно, словно он сомневался, то ли с ней вправду что-то случилось, то ли она всегда была такая.

- Она не хочет заходить, - сказал Ронан.

Безо всяких церемоний он нагнулся, подхватил девочку на руки и зашагал к краю леса. Теперь, когда ее тонкие ножки болтались в воздухе, стало ясно, что они заканчивались изящными копытцами.

Стоя рядом с Адамом, Блу поднесла руку к губам и вновь опустила ее. Она очень тихо произнесла:

- Ох, Ронан.

Точно так же любой другой человек сказал: «О боже».

Потому что они наблюдали невозможное. Существо из сна было девочкой - и не было; она была сиротой; они не были ее родителями. Адам не мог осуждать Ронана за то, что он столь обширно грезил; Адам и сам имел дело с магией, которую не до конца понимал. Они все воздевали руки к небу и надеялись на комету. С той разницей, что дикая и постоянно расширяющаяся вселенная Ронана Линча существовала в его собственной голове.

- Эксельсиор, - произнес Ганси.

Они вошли в лес вслед за Ронаном.

Кабесуотер бормотал, старые осенние деревья шипели на разные голоса, исчезающие среди замшелых валунов. Для всех них это место значило что-то свое. Адам, хранитель леса, был связан сделкой, благодаря которой он стал глазами и руками Кабесуотера. К этому имела какое-то отношение усилительная способность Блу. Ронан - Грейуорен - бывал тут гораздо раньше, чем они все, он успел оставить на камнях свои каракули. А Ганси... Ганси просто любил Кабесуотера, со страхом, с благоговением и обожанием.

Деревья над головой перешептывались на тайном языке, и на латыни, и на испорченной смеси того и другого, с добавлением английских слов. Они совсем не говорили по-английски, когда ребята впервые пришли сюда, но Кабесуотер учился. Быстро. Адам невольно подумал, что за этой языковой эволюцией кроется какой-то секрет. Были ли они первыми англоговорящими людьми, посетившими Кабесуотера? Если нет, почему деревья начали еле-еле говорить по-английски только теперь? И откуда взялась латынь?

Он уже почти видел правду, скрытую за этой загадкой...

- Salve, - поздоровался с деревьями неизменно вежливый Ганси.

Блу протянула руку и коснулась ветки. Она не нуждалась в словах, чтобы приветствовать Кабесуотер.

«Привет», - шелестом отозвались деревья. Листья зашекотали пальцы Блу.

- Адам? - позвал Ганси.

- Секунду.

Они ждали, пока Адам сориентируется. Потому что на силовой линии можно было договориться со временем и пространством. Они вполне могли выйти из этого леса не тогда и не там, где зашли. Поначалу действие этого феномена казалось хаотическим, но постепенно, по мере того как Адам все более впадал в ритм силовой линии, он начал понимать, что временные аномалии имеют свои правила, просто не линейные, которые они принимали как данность в обычном мире. Это больше походило на дыхание. Его можно задержать. Можно дышать быстрее или медленнее. Можно дышать в такт человеку, который стоит рядом. Двигаться по Кабесуотеру предсказуемым образом значило ориентироваться на имеющиеся ритмы дыхания. Двигаться с ним, а не против него, если ты хотел вернуться в то самое время и место, которое покинул.

Закрыв глаза, Адам позволил силовой линии на несколько мгновений завладеть своим сердцем. Теперь он знал, в каком направлении она текла под их ногами, и чувствовал, как она пересекалась с другой линией за много миль слева и с еще двумя справа. Откинув голову назад, он ощутил покалывание звезд и понял свое местоположение относительно них. Внутри него Кабесуотер осторожно выпускал лозы, испытывал настроение Адама, как обычно, не пробуя на прочность границы (в последнее время он делал это только в случае острой необходимости). Кабесуотер пользовался разумом и глазами Адама, чтобы исследовать землю под ногами, зарыться вглубь в поисках воды или камней в качестве ориентиров, затем двинуться дальше...

Поскольку Адам много практиковался, он много чего умел, но это... как это вообще называлось? Гадание, ясновидение, магия, магия, магия. У него не просто хорошо получалось - он желал этого, стремился к этому, любил это и был преисполнен благодарности. До сих пор он не знал, что способен любить. Они с Ганси однажды поругались - Ганси с отвращением сказал: «Перестань говорить о привилегиях. Любовь - это не привилегия». Но Ганси всегда был окружен любовью и всегда умел любить. Теперь, когда Адам открыл это чувство в себе, он сильнее прежнего уверился, что не ошибся. Основой основ, источником жизненных сил для Адама была нужда. А любовь казалась привилегией. Теперь Адам чувствовал, что она досталась ему, и не желал от нее отказываться. Он хотел снова и снова вспоминать это ощущение.

И вот когда Адам полностью раскрыл для него свои органы чувств, Кабесуотер неуклюже попытался вступить в контакт со своим магом-человеком. Он взял воспоминания Адама и принялся крутить и выворачивать их, подгоняя к иероглифическому языку снов. Грибы на дереве; Блу, чуть не упавшая от спешки, так она торопилась поскорее уйти; ссадина на запястье;

особая складка кожи в точности между бровями (Адам знал, что так хмурился Ронан); змея, исчезающая под мутной поверхностью озера; большой палец Ганси, касающийся нижней губы; приоткрытый клюв Бензопилы и выползающий из него червяк...

- Адам? - спросила Блу.

Он вынырнул из своих мыслей.

- Да. Я готов.

Они пошли дальше. Трудно было сказать, сколько времени понадобится, чтобы добраться туда, где жила мать Ронана - иногда это не занимало ни минуты, а иногда целую вечность, и Ронан сердито жаловался на это, неся Девочку-Сироту на руках. Он попытался убедить ее пойти своими ногами, но она тут же упрямой бескостной кучкой свернулась на земле. Ронан не желал тратить время на борьбу с ней; он снова поднял ее на руки и понес - с очень сердитым видом.

Девочка-Сирота, очевидно, понимала, что слишком сильно дергает за ниточки; пока Ронан шел, толкая ее на каждом шаге, она издала одну решительную ноту, одновременно брыкнув копытцами. В следующее мгновение невидимая птица откликнулась другой нотой, тремя ступенями выше. Девочка-Сирота взяла тоном выше, и другая незримая птица повторила тот же интервал. Третья нота - третья птица. Они перекликались так, пока вокруг не завертелась песня, синкопированный танец, состоявший из детского голоса и невидимых птиц, которые то ли существовали, то ли нет.

Ронан сердито глянул на Девочку-Сироту, но всем было ясно, что значит этот взгляд. Он держал ее крепко и бережно.

От Адама не ускользнуло, как хорошо они знали друг друга. Девочка-Сирота не была случайным существом, выхваченным из лихорадочного сна. Они вели себя по привычным эмоциональным сценариям, как близкие родственники. Она прекрасно знала, как управлять бурным нравом Ронана, а он помнил, насколько резким можно быть с ней. Они дружили, хотя даже с вымышленными друзьями Ронана было нелегко ладить.

Девочка-Сирота продолжала выкрикивать свою часть мелодии, и было ясно, что эта эксцентричная песня имеет нечто общее с настроением не только Ронана, но и Ганси. Спор в машине очевидно выскользнул у него из головы; он поднял руки и водил ими в такт музыке, как дирижер, ловя падающие осенние листья, когда те пролетали рядом. Каждая мертвая сухая завитушка, которой Ганси касался кончиками пальцев, превращалась в золотую рыбку, которая плавала в воздухе. Кабесуотер внимательно прислушивался к его намерениям - всё больше листьев, кружась, летело к нему и ждало прикосновения. Скоро целая стая - косяк - поток рыб окружил Ганси. Они сверкали, носились туда-сюда и меняли цвет, когда солнечные лучи падали на их чешуйки.

- У тебя всегда рыба, - сказала Блу и засмеялась, когда они, щекоча, закружились вокруг ее шеи и рук.

Ганси взглянул на нее и потянулся к следующему листку. Оба лучились радостью. Адам подумал: как чисто и просто Блу и Ганси любили магию Кабесуотера.

«Легко им быть такими светлыми».

Кабесуотер осторожно ткнулся в сознание Адама, вызывая десяток счастливых воспоминаний прошлого года – ну, больше им неоткуда было взяться, ведь даже Кабесуотер вряд ли сумел бы обнаружить счастливые воспоминания до появления Ганси и Ронана. Адам еще сопротивлялся, но в голове у него замелькали образы его самого. Адам с точки зрения остальных. Потаенная улыбка, удивленный смех, руки, устремленные к солнцу. Кабесуотер не вполне понимал людей, но он учился. Счастье, твердил он. Счастье.

Адам смягчился. Они продолжали идти, и Девочка-Сирота напевала свою песню, и рыбки продолжали носиться в воздухе вокруг, и Адам добавил к ним свое желание.

Получившийся в результате гул удивил даже самого Адама; он немедленно услышал его одним ухом и ощутил обеими ногами. Остальные испугались, когда в начале очередного такта мелодии прозвучал еще один басовитый раскат. Третий «бум» явственно был в такт музыке. Все деревья, мимо которых они проходили, звучали этим преображенным гулом, пока звук вокруг не превратился в пульсирующий электронный ритм, который неизменно играл в машине Ронана или в его наушниках.

– О боже, – сказал Ганси; впрочем, он смеялся. – Нам и здесь придется это терпеть? Ронан!

– Это не я, – ответил тот.

Он посмотрел на Блу. Та пожала плечами. Ронан перехватил взгляд Адама. Когда у того дернулись губы, лицо Ронана застыло на миг, а затем расплылось в улыбке, которую он обычно приберегал для глупостей Мэтью. Адам ощутил одновременно прилив удовлетворения и куража. Он шел по краю. Заставив Ронана Линча улыбнуться, он почувствовал себя таким же наэлектризованным, как в ту минуту, когда заключил сделку с Кабесуотером. С обеими этими силами не стоило шутить.

Девочка-Сирота внезапно замолкла. Адам поначалу подумал, что она каким-то образом поддалась его настроению. Но нет. Они достигли долины роз.

Аврора Линч жила на поляне, окруженной с трех сторон роскошными, пышными розами, которые росли на кустах, лозах и деревьях. Цветы ковром устилали землю и водопадом лились с четвертой стороны – с крутого каменного карниза на склоне горы. Воздух был насыщен солнцем, как свет, видимый сквозь воду, и отдельные лепестки парили в нем, словно плавали. Всё было розовым, нежно-белым или ярко-желтым.

Весь Кабесуотер представлял собой сон, но розовая долина была сном во сне.

– Возможно, девочка составит Авроре компанию, – сказал Ганси, наблюдая, как последние рыбки выплывают с поляны.

- Сомневаюсь, что можно просто всучить человеку ребенка и ожидать, что он будет в восторге, - парировала Блу. - Это же не кошка.

Ганси открыл рот, и Адам понял, что тот готовится произнести фразу на грани оскорбления. Он перехватил взгляд Ганси. Тот закрыл рот. Подходящий момент прошел.

Впрочем, Ганси не то чтобы ошибался. Аврора была создана, чтобы любить - и она любила, применяясь к каждому предмету своих чувств. Она обнимала младшего сына, Мэтью, и расспрашивала Ганси про знаменитых исторических личностей, и приносила Блу странные цветы, которые находила во время прогулок, и позволяла Ронану показывать ей то, что он приснил или сделал на предыдущей неделе. Адаму она задавала вопросы типа: «Откуда ты знаешь, что видишь желтый цвет таким же, как я?» И внимательно слушала, пока он объяснял. Иногда Адам пытался добиться объяснений от самой Авроры, но она не особенно любила размышлять - ее вполне устраивало слушать других, которые размышляли охотно.

Иными словами, они знали, что Аврора полюбит Девочку-Сироту. Правильно или нет было давать Авроре еще один объект для любви - другой вопрос.

- Мама, ты здесь? - голос Ронана звучал иначе, когда он разговаривал с матерью или с Мэтью. Это был Ронан неосуществленный.

Нет. Ронан незащищенный.

Адам вспомнил беззастенчивую улыбку Ронана, которую видел чуть раньше. «Не играй, - велел он себе. - Это не игра».

Но, честно говоря, это и не казалось игрой. Адреналин шептал в его сердце.

Появилась Аврора Линч.

Она показалась не из домика, не пришла по тропинке, ведущей на поляну. Она возникла прямо из стены роз, каскадом спускавшихся со скалы. Было невозможно, чтобы женщина прошла сквозь камень и розы, но Аврора это сделала. Ее золотые волосы, переплетенные розовыми бутонами и украшенные жемчугами, падали на плечи, как полотнища ткани. Мгновение Аврора казалась одновременно розами и женщиной, а потом стала только Авророй. Кабесуотер вел себя с ней иначе, чем с остальными: они, в конце концов, были людьми, а она - созданием из мира грез. Они здесь отдыхали, а Аврора жила.

- Ронан, - сказала Аврора, искренне обрадованная (она всегда была искренне рада). - А где мой Мэтью?

- Играет в лакросс или что-то такое, - ответил Ронан. - Где надо потеть.

- А Диклан? - спросила Аврора.

Пауза. На одно биение сердца дольше необходимого.

- Работает, - соврал Ронан.

Все присутствующие взглянули на него.

- О. Он всегда был таким прилежным, - произнесла Аврора.

Она помахала Адаму, Блу и Ганси. Адам, Блу и Ганси помахали в ответ.

- Ты уже нашел своего короля, Ганси?

- Нет, - ответил тот.

- О, - повторила Аврора.

Она обвила руками шею Ронана и прижалась своей бледной щекой к его бледной щеке, как будто он держал в охапке кучу покупок, а не странную маленькую девочку.

- Что ты принес мне сегодня?

Ронан бесцеремонно поставил девочку наземь. Она свернулась у него в ногах - сплошной свитер - и проскулила по-английски с легким акцентом:

- Я хочу уйти!

- А я хочу снова почувствовать правую руку, - отгрызнулся Ронан.

- Anabo te, Грейуорен, - сказала та.

«Пожалуйста, Грейуорен».

- Да встань ты. - Ронан взял ее за руку, и она поднялась, вытянувшись по струнке рядом с ним и слегка расставив коричневые изящные копытца.

Аврора опустила на колени, чтобы оказаться на одном уровне с Девочкой-Сиротой.

- Какая она красивая!

Девочка не смотрела на Аврору. Вообще не двигалась.

- Вот прекрасный цветок под цвет твоих глаз. Хочешь подержать? - спросила Аврора и протянула на ладони розу. Она действительно была цвета глаз девочки - тусклого, грозowego синего. Таких роз не существовало... до этой секунды.

Девочка даже не повернула голову, чтобы посмотреть на розу. Ее глаза были устремлены в какую-то точку позади Адама, а лицо оставалось бесстрастным или скучающим. И до Адама вдруг стало доходить. Лицо Девочки-Сироты было не капризным и не сердитым. Она не дулась.

Адам и сам это переживал, когда сидел, съжившись, возле шкафчика на кухне и рассматривал лампочку на дальней стене, а отец орал ему на ухо. Адам узнавал этот тип страха, когда видел его.

Было нестерпимо смотреть на девочку.

Вместо этого он уставился на тонкие обнаженные ветви. Тем временем Ронан и его мать негромко заговорили. Невероятно, но у Ганси загудел телефон. Он вытащил его и взглянул на экран. Кабесуотер давил на Адама. Блу выкладывала у себя на руке розовые лепестки. Большие деревья на краях полянки продолжали шептать что-то на латыни.

– Нет, мама, – нетерпеливо сказал Ронан, и этот новый тон привлек внимание остальных. – Это не как раньше. Она появилась случайно.

Вид у Авроры был кроткий и полный терпения, и это явно бесило ее среднего сына.

– Да, – настаивал он, хотя она не возражала. – Я видел кошмар, и в нем что-то было не как всегда.

Блу быстро вмешалась:

– А как?

– Какая-то... в общем, что-то не то. Черное и по ощущениям стремное. – Ронан угрюмо уставился на деревья, словно они могли подсказать ему нужные для объяснения слова.

Наконец он добавил:

– Разложившееся.

Это слово поразило их всех. Блу и Ганси переглянулись, как будто продолжая прерванный разговор. Адам припомнил тревожные образы, которые явил ему Кабесуотер, когда он впервые вошел в лес. Золотистая радость Авроры слегка угасла.

Она сказала:

– Лучше я вам всем кое-что покажу.

8

Кбольшой досаде Ганси, мобильник здесь работал.

В норме Кабесуотер перебивал сигнал, но сегодня телефон вибрировал от прибывающих сообщений про намечавшуюся в Атленби акцию по сбору средств, пока сам Ганси лез то вверх на гору, то вниз.

Мамины эсэмэски напоминали правительственные документы.

«Директор Чайлд согласился со мной, что время поджимает, но, к счастью, у моей команды достаточно опыта, чтобы всё организовать быстро. Будет так чудесно устроить это вместе с тобой и твоими товарищами по школе».

Папа писал весело, в тоне мужской беседы.

«Суть не в деньгах, вечеринка и вечеринка. Не зови это акцией по сбору средств, мы же просто хотим повеселиться».

Сестра Хелен сразу переходила к главному.

«Скажи сразу, сколько актов непристойного поведения со стороны твоих приятелей дойдет до прессы, и я начну разруливать ситуацию уже сейчас».

Ганси продолжал думать, что связь вот-вот оборвется, но она оставалась сильной и уверенной. В результате он получил сообщение о количестве мест в отеле Генриетты для иногородних гостей в ту самую минуту, когда обозревал волшебное дерево, которое истекало какой-то черной, ядовитой на вид жидкостью.

«Грейуорен, – шептал голос с далеких ветвей. – Грейуорен».

Жидкость сочилась из-под коры, как пот, стекая медленным ядовитым ручьем. Они все уставились на нее, кроме странной девочки, которая уткнулась лицом в Ронана. Ганси ее не винил. На дерево было... трудно смотреть. Он не задумывался, как мало в природе чисто черного цвета, пока не увидел этот сок цвета дегтя. Абсолютная чернота, вздувавшаяся пузырями на стволе, казалась ядовитой... или искусственной.

У Ганси снова загудел мобильник.

– Ганси, чувак, это большое дерево мешает твоим переговорам? – поинтересовался Ронан.

Проблема заключалась в том, что переговоры мешали больному дереву. Кабесуотер был для Ганси убежищем. Появление эсэмэсок здесь и сейчас казалось таким же неуместным, как чернота, сочившаяся из ствола. Ганси отключил телефон и спросил:

– Оно здесь одно такое?

– Его я нашла, когда гуляла, – ответила Аврора.

Лицо у нее оставалось безмятежным, но она то и дело проводила рукой по волосам.

– Дереву больно, – сказала Блу, запрокидывая голову и глядя на вянущую листву.

Это темное дерево было противоположностью Кабесуотеру. Чем больше времени Ганси проводил в волшебном лесу, тем сильнее благоговел. Чем дольше он смотрел на темный сок, текущий по стволу, тем сильнее тревожился.

Он спросил:

- А это штука что-нибудь делает?

Аврора склонила голову набок.

- В смысле? Помимо того, что есть?

- Не знаю, - сказал Ганси. - Сам не знаю, что я имел в виду. Это... просто какая-то уродливая болезнь или что-то магическое?

Аврора пожала плечами. Решение проблемы для нее заключалось в том, чтобы найти человека, способного решить проблему. Обходя вокруг дерева и пытаясь изображать полезную деятельность, раз больше ничего не оставалось, Ганси увидел, как Адам присел на корточки перед девочкой с копытцами. Она продолжала смотреть мимо него. Он снял свои дешевые часы. Потом легонько постучал девочку по руке, чтобы она заметила, что он протягивает их ей. Ганси ожидал, что она не обратит на Адама внимания или откажется от подарка, как отказалась от розы, но девочка не колеблясь взяла часы. С необыкновенной сосредоточенностью она принялась заводить их, а Адам еще несколько секунд сидел перед ней на корточках, сдвинув брови.

Ганси подошел к Ронану, стоявшему у дерева. Вблизи чернота как будто гудела отсутствием звука. Ронан сказал дереву что-то на латыни. Ответа не было.

- Кажется, у него нет голоса, - сказала Аврора. - Просто какое-то странное ощущение. Я то и дело возвращаюсь сюда, даже если не хочу.

- Похоже на Ноя, - произнесла Блу. - Разложение...

Ее голос звучал так грустно, что до Ганси сразу дошло, чего они с Блу на самом деле лишились, держа свои отношения в секрете. Блу делилась энергией с другими, но через прикосновение забирала обратно свою долю. Она постоянно обнимала мать, держала Ноя за руку, брала под локоть Адама, клала ноги на колени Ронану, когда они сидели на кушетке. Прикасалась к шее Ганси между волосами и воротником. Тревога в голосе девушки требовала сплетенных пальцев, положенных на плечи рук, щеки, прижавшейся к груди...

Но поскольку Ганси был слишком труслив, чтобы признаться Адаму, что он влюбился в Блу, ей приходилось стоять вот так и в одиночку нести свою печаль.

Аврора взяла девушку за руку.

От Ганси исходил стыд, черный, как древесный сок.

«Именно так ты хочешь провести остаток дней?»

Его внимание привлекло какое-то движение среди деревьев.

- О, - произнесла Блу.

Три фигуры. Знакомые и невероятные.

Это были три женщины с лицом Блу, ну, или вроде того. Не столько лицо Блу, сколько память о нем. Возможно, разница казалась бы не такой очевидной, если бы сама Блу тут не стояла. Она была настоящей, а они – сном.

И они приближались так, как приближаются сны. Ганси даже не мог понять, шагали ли они по земле, хотя внимательно смотрел на них. Они становились всё ближе. Больше ничего он не знал. Они двигались, воздев руки на уровень лица. Ладони были красными.

– Дорогу, – сказали женщины хором.

Взгляд Ронана метнулся к Ганси.

– Дорогу Королю Воронов, – приказали они.

Девочка-Сирота начала плакать.

Ганси негромко спросил:

– Кабесуотер пытается что-то нам сказать?

Они приближались. За ними тянулись черные тени, а папоротник под их ногами увядал.

– Это кошмар, – сказал Адам.

Правой рукой он цеплялся за запястье левой, вдавив палец туда, где бился пульс.

– Мой кошмар. Я не хотел об этом думать. Кабесуотер, заberi их.

Тени тянулись к черноте на дереве, черная родословная подтверждала их происхождение. Сок забулькал и заструился по стволу немного быстрее. Ветка наверху застонала.

– Дорогу, – повторили женщины.

– Убери их! – проскулила Девочка-Сирота.

– Кабесуотер, *dissolvere*, – сказал Ронан.

Аврора шагнула вперед, как будто желая защитить сына. Теперь всё в ней было предельно ясно.

Три женщины приблизились. И Ганси вновь не понял, как это у них вышло. Они были далеко – и вот уже оказались близко. Он ощутил запах тления. Не сладковатая вонь гниющей еды или растительности, но терпкая жуть разлагающейся плоти.

Блу шарахнулась от них. Ганси подумал, что это страх, но девушка подбежала к нему. Она схватила его за руку.

- Да, - сказал Адам, быстрее Ганси поняв, в чем дело. - Скажи им.

«Скажи им». Они хотели, чтобы он велел женщинам уйти. Вот так взял и велел. В пещере Ганси приказал скелетам ожить - и они ожили. Он использовал энергию Блу и собственное желание, чтобы озвучить приказ, который не мог остаться не услышанным. Но Ганси не понимал, почему это сработало, и почему это был именно он, и каким образом Адам, Ронан и Блу сжились со своими магическими способностями, потому что ему это явственно не удавалось.

- Дорогу Королю Воронов, - повторяли женщины снова и снова.

И вдруг они оказались прямо перед Ганси. Три мнимые Блу смотрели на Блу и Ганси.

К удивлению Ганси, девушка свободной рукой выхватила нож. Он не сомневался, что она способна пустить его в ход: в конце концов, она однажды ранила Адама. Впрочем, Ганси сомневался, что нож окажет какое-то действие на три кошмара, стоявших перед ним.

Он посмотрел в их черные глаза. И произнес, стараясь говорить уверенно:

- Кабесуотер, защити нас.

Три женщины превратились в дождь.

Они забрызгали одежду Блу и плечи Ганси. Потом вода впиталась в землю. Блу тихо выдохнула и обмякла.

Слова Ганси вновь сработали, а он по-прежнему понятия не имел, почему и каким образом он должен был использовать свою способность. Глендауэр управлял погодой при помощи слов и разговаривал с птицами; оставалось надеяться, что король, когда они найдут его и разбудят, объяснит Ганси тонкости Ганси.

- Прости, - сказал Адам. - Очень глупо с моей стороны. Я был неосторожен. И дерево... кажется, оно их усилило.

- Может быть, это я, - возразила Блу.

Она смотрела на забрызганные дождем плечи Ганси, и на лице у нее отразилось такое потрясение, что он окинул взглядом свой свитер, чтобы убедиться, что брызги не прожгли в нем дырки.

- Давайте... давайте уйдем отсюда.

- Полагаю, это разумно, - сказала Аврора.

Ее голос не звучал так уж тревожно, всего лишь практично, и до Ганси дошло, что для сна, возможно, кошмар - это просто неприятный знакомый, а не что-то из ряда вон выдающееся.

- Тебе лучше в это не влезать, - посоветовал матери Ронан.

- Оно меня находит, - ответила та.

- Operaе pretium est, - сказала Девочка-Сирота.

- Хватить дурить, - сказал Ронан. - Это уже не сон. Говори по-английски.

Впрочем, девочка не перевела то, что сказала. Аврора погладила ее по голове, обтянутой шапочкой.

- Она будет моей маленькой помощницей. Пойдемте, я вас выведу.

Добравшись до опушки леса, Аврора вместе с ними подошла к машине. Та стояла за пределами Кабесуотера, но Аврора никогда не засыпала немедленно. В отличие от грез Кавински, которые заснули сразу же после его смерти, жена Ниалла Линча могла продержаться некоторое время и одна. После его смерти она не спала три дня. Однажды она провела целый час за пределами Кабесуотера. Но, в конце концов, сон всегда нуждался в сновидце.

И вот теперь Аврора проводила их до машины. Вне Кабесуотера она больше обычного походила на сон - видение, забредшее в реальную жизнь и облаченное в цветы и свет.

- Передай Мэтью, что я люблю его, - сказала Аврора и обняла Ронана. - Так приятно снова увидеть вас всех.

- Оставайся с ней, - велел Ронан Девочке-Сироте.

Та выругалась.

- И следи за словами в присутствии моей матери!

Девочка сказала что-то еще, стремительно и красиво, и Ронан огрызнулся:

- Я не понимаю этот язык, когда не сплю. Говори по-английски или на латыни. Ты хотела уйти; ты ушла. Теперь всё по-другому.

Его тон привлек внимание сразу двоих - Авроры и Адама.

Аврора сказала:

- Не грусти, Ронан.

Он отвел взгляд и замер. По плечам было видно, что Ронан в бешенстве.

Аврора повернулась вокруг своей оси, вытянув руки.

- Будет дождь, - произнесла она и мягко упала на колени.

Ронан, неподвижный, мрачный, очень реальный, закрыл глаза.

Ганси сказал:

- Я помогу тебе ее отнести.

9

Едва вернувшись из Кабесуотера, Блу сразу же влипла в новые неприятности.

После того как парни высадили ее возле дома номер 300 на Фокс-Вэй, Блу влетела на кухню и начала односторонний допрос Артемуса, который по-прежнему прятался за запертой дверью кладовки. После того как он ничего не ответил на ее вполне разумные вопросы о женщинах с окровавленными руками и о возможном местонахождении Глендауэра, Блу повысила голос и забарабанила в дверь. Ее душу переполняли воспоминания о школьном свитере Ганси, забрызганном дождем, - именно так выглядел его дух, когда они повстречались у церкви, - а мозг переполняла досада. Потому что Артемус знал обо всем этом гораздо больше, чем говорил.

Гвенллиан с восторгом наблюдала за процессом, угнездившись на столе.

- Блу! - раздался откуда-то из недр дома голос Мора. - Блу-у-у-у! Не зайдешь ли на минутку поговорить с нами?

Услышав этот сладкий тон, Блу поняла, что у нее проблемы. Она перестала колотить кулаком по двери кладовки и зашагала вверх по лестнице. Голос матери исходил из единственного санузла в доме; зайдя туда, Блу увидела, что Мора, Калла и Орла сидят в наполненной ванне, одетые и все одинаково мокрые. Джими восседала на крышке унитаза, держа в руке горящую свечу. Было видно, что они недавно плакали. Но не теперь.

- Что? - спросила Блу.

У нее немного саднило горло - очевидно, она кричала громче, чем хотела.

Мать посмотрела на нее гораздо более властно, чем можно было ожидать от женщины, сидящей в ванне.

- По-твоему, тебе понравилось бы, если бы кто-то ломился к тебе в спальню и велел выходить?

- Кладовка - это не спальня, - отрезала Блу. - Во-первых.

- Он пережил много нелегких лет, - заметила Мора.

- Гвенллиан пережила много нелегких веков - и она, по крайней мере, сидит на столе!

Джими, не вставая с унитаза, отозвалась:

- Все по-разному справляются с трудностями. Не надо сравнивать, милая.

Калла фыркнула.

- Поэтому вы все залезли в ванну? - поинтересовалась Блу.

- Не хами, - сказала Мора. - Мы пытались вступить в контакт с Персефой. И - нет, ничего не вышло. Кстати, раз уж мы заговорили о глупостях, которые ты творишь, куда ты исчезла? Временное исключение - это не каникулы.

Блу ощетибилась.

- А я и не отдыхала! Ронан приснил своего внутреннего ребенка, ну, или что-то типа того, и нам пришлось отвезти это существо в Кабесуотер. Пока мы были там, к нам явились три женщины с гобелена, о котором я вам рассказывала. Еще мы нашли дерево, с которым что-то произошло. Ганси мог запросто умереть, прямо рядом со мной!

Женщины взглянули на нее с сожалением, и это взбесило Блу еще сильнее.

Она сказала:

- Я хочу его предупредить.

Настала тишина.

Она сама не знала, что собирается сказать, пока эти слова не сорвались с ее губ. Но вот она их произнесла.

- Я помню, вы говорили: если человек об этом узнает, это лишь испортит ему жизнь, но не спасет его. Я всё понимаю. Но сейчас совсем другое дело. Мы найдем Глендауэра и попросим сделать так, чтобы жизни Ганси ничто не угрожало. Но нам нужно, чтобы Ганси дожил до тех пор. А значит, он должен перестать бросаться навстречу опасности!

Ниточка надежды в ту минуту не выдержала бы больше жалости, но, к счастью, Блу получила другую реакцию. Женщины переглянулись и явно задумались. Трудно было понять, принимают ли они решение, основываясь на обычных фактах или на прозрениях.

Наконец Мора пожала плечами.

- Ладно.

- Ладно?

- Ну да. Конечно, - сказала Мора и посмотрела на Каллу в поисках подтверждения.

Та подняла брови.

- Расскажи ему.

- Вы серьезно?

Блу ожидала, что они будут упрямыться, но они не стали, и она почувствовала себя так, как будто из-под нее выхватили стул. Одно дело – сообщить родственникам, что она собирается предупредить Ганси о грозящей ему смерти. И совсем другое – представить, как она скажет об этом самому Ганси. После этого обратной дороги не будет. Блу плотно зажмурилась – «веди себя разумно, соберись».

Она открыла глаза.

Мать взглянула на дочь. Дочь взглянула на мать.

Мора сказала:

- Блу.

И Блу позволила себе сломиться.

Джими задула свечу и поставила на пол рядом с унитазом. Затем она обвила руками бедра Блу, притянула ее к себе и посадила на колени, как делала в те времена, когда Блу была маленькой.. впрочем, Блу и сейчас была маленькой. Когда Блу была ребенком. Унитаз заскрипел под ними.

- Ты сейчас сломаешь толчок, – предупредила Блу, однако не стала сопротивляться, когда Джими обняла ее и прижала к своей внушительной груди.

Джими погладила девушку по спине, сочувственно цокая языком. Блу прерывисто вздохнула. Она не понимала, каким образом эта детская ласка может быть одновременно столь успокаивающей и удушающей. Она радовалась ей и в то же время мечтала находиться где-нибудь в другом месте, с меньшим количеством нитей, привязывающих ее к каждой нелегкой задаче и к каждой печали в жизни.

- Знаешь, Блу, нет ничего плохого в том, что ты хочешь уехать из Генриетты, – сказала Мора из ванны.

Она так точно угадала ее мысли, что Блу не могла понять, почему мать заговорила об этом. То ли потому, что была хорошей ясновидящей, или просто потому, что хорошо знала дочь.

Блу пожала плечами.

- Подумаешь!

- Уехать не всегда значит сбежать, – сказала Джими, чей голос низким рокотом отдавался в ухе Блу, прижатом к ее груди.

Калла добавила:

- Мы не будем думать, что ты ненавидишь Фокс-Вэй.

- С какой стати мне ненавидеть Фокс-Вэй.

Мора шлепнула Орлу по руке: та попыталась заплести сырые волосы Мора.

- Знаю. Потому что мы круты. Но разница между хорошим домом и хорошей тюрьмой на самом деле невелика. Мы выбрали Фокс-Вэй. Мы создали это место - Калла, Персефона и я. Но для тебя это лишь точка старта, а не пункт назначения.

Мудрость Мора отчего-то рассердила Блу.

- Скажи что-нибудь, - попросила Орла.

Блу даже не знала, как сформулировать; она не вполне понимала, что вообще имеет в виду.

- Это... такая трата сил. Поллюбить сразу всё...

«Всё» действительно значило всё. Дом номер 300 на Фокс-Вэй, своих «Воронят», Джесса Диттли. Будучи благоразумным человеком, Блу подумала, что у нее какая-то проблема с любовью. Нехорошим голосом она добавила:

- Только не говорите «это полезный жизненный опыт». Не надо.

- Я много кого любила, - заметила Орла. - Я могла бы сказать, что это полезный жизненный опыт. И потом, я давным-давно предупреждала, что парни уедут и оставят тебя.

- Орла, - резко сказала Калла, поскольку у Блу вырвался неровный вдох. - Иногда я просто с ума схожу, когда представляю, что ты говоришь по телефону своим бедным клиентам.

- Проехали.

Мора бросила на Орлу мрачный взгляд через плечо и произнесла:

- Я не собиралась говорить про полезный жизненный опыт. Я хотела сказать, что иногда отъезд приносит пользу. Необязательно расставаться навеки. Можно уехать и вернуться.

Джими покачала Блу на коленях. Крышка унитаза скрипнула.

- Сомневаюсь, что смогу поступить в тот колледж, в который хочу, - сказала Блу. - Школьный консультант так не думает.

- А чего ты хочешь? - спросила Мора. - Не от колледжа. От жизни.

Блу сначала проглотила то, что собиралась сказать, поскольку была готова перейти от кризиса и слез к решениям и стабильности. Потом она произнесла - медленно и вдумчиво, чтобы сделать правду посильной:

- То, чего хотела всегда. Посмотреть мир. Сделать его лучше.

Мора, казалось, тоже осторожно подбирала слова.

- Ты уверена, что колледж - единственный способ это сделать?

Такого рода невозможный ответ дал бы Блу школьный консультант, изучив ее финансовое состояние и отметки. Да, она была уверена. Разве она могла изменить мир к лучшему, не выяснив сначала, как это сделать? Разве могла найти работу, которая позволила бы ей накопить денег на билет до Гаити, Индии или Словакии, не поступив в колледж?

Потом она вспомнила, что с ней разговаривает не школьный консультант, а собственная мать-ясновидящая.

- Что я делаю? - спросила Блу. - Что вы видите обо мне?

- Ты путешествуешь, - сказала Мора. - Меняешь мир.

- В твоих глазах деревья, - добавила Калла мягче обычного. - А в сердце звезды.

- Но как? - спросила Блу.

Мора вздохнула.

- Ганси ведь предлагал тебе помощь, не так ли?

Чтобы угадать это, не требовались пророческие способности - достаточно было минимальных знаний о характере Ганси. Блу сердито попыталась встать, но Джими ее не пустила.

- Я не собираюсь кататься за счет Ганси.

- Не надо так, - попросила Калла.

- Как?

- Не злись, - сказала Мора и добавила: - Я просто хочу, чтобы будущее представлялось тебе миром, где возможно всё.

Блу выпалила:

- Например, Ганси не умрет к апрелю? Я не убью своего любимого поцелуем? Это тоже возможно?

Мать долго молчала. Блу вдруг поняла, что наивно надеялась услышать от нее: «Нет, оба эти предсказания могут оказаться ошибкой, с Ганси всё будет в порядке». Но наконец Мора сказала:

- Жизнь не закончится после того, как он умрет. Тебе придется подумать, что ты будешь делать потом.

Блу уже не раз думала, что будет делать потом - именно поэтому у нее и случился кризис.

- Я, во всяком случае, не собираюсь его целовать, значит, он умрет не от этого.

- Я не верю в настоящую любовь, - сказала Орла. - Это концепция моногамного общества. А мы животные. Мы занимаемся любовью в кустах.

- Спасибо за ценное мнение, - произнесла Калла. - Давай позвоним судьбе Блу и расскажем ей об этом.

- Ты любишь его? - с любопытством спросила Мора.

- Лучше бы нет, - сказала Блу.

- У Ганси масса отрицательных качеств. Могу уточнить, если хочешь, - предложила мать.

- Я и так про них в курсе. Целиком и полностью. И вообще, это глупо. Настоящая любовь существует. Артемус был твоей настоящей любовью? А как насчет мистера Грея? Что, предыдущая любовь от этого как бы становится ненастоящей? Только один шанс - и всё?

Последний вопрос прозвучал с максимальной непочтительностью, но только потому, что он был самым болезненным. Блу была совершенно не готова принять смерть Ганси - и уж точно она не могла смириться с тем, что он будет мертвым, а она счастливо бросится в объятия другого мужчины, с которым пока еще даже не познакомилась. Она просто хотела и дальше оставаться с Ганси лучшими друзьями, а в один прекрасный день, возможно, познать его плотски. Это казалось вполне логичным желанием, и Блу как человек, который всю жизнь старался быть благоразумным, страшно расстроилась из-за того, что даже в этой небольшой просьбе ей было отказано.

- Я плохая мать. Я плохая ясновидящая, - сказала Мора. - Я не знаю ответа на эти вопросы. Мне очень жаль.

- Бедная девочка, - пробормотала Джими на ухо Блу. - М-м... как я рада, что ты не стала выше.

- Потому что много плакала, - сказала та.

Калла приподнялась, схватившись за палку для занавески, чтобы удержаться. Вода забурлила под ней. Она выругалась. Орла заслонила голову от потоков, лившихся с рубашки Каллы.

Калла сказала:

- Хватит плакать вместе. Пошли приготовим пирог.

Впятистах милях от Генриетты Ломоньер курил сигарету, сидя в салоне старого паррома. Салон был некрасивым, сугубо утилитарным: грязные стеклянные окна в некрашенных железных рамах, всё холодное, как черная гавань, и пропахшее рыбой. От предыдущего дня рождения там остались праздничные украшения, но от времени и тусклого освещения они казались бесцветными и зловеще шуршали на сквозняке.

Глаза Ломоньера были устремлены на далекие огни Бостона. Но мысли Ломоньера устремлялись к Генриетте, штат Вирджиния.

- Первый шаг? - спросил Ломоньер.

- Не знаю, можно ли считать это конкретным действием, - заметил Ломоньер.

- Я бы хотел получить ответы, - сказал Ломоньер.

Тройняшки Ломоньер выглядели почти одинаково. Были легкие различия - у одного, например, были волосы чуть короче, другой обладал примечательной массивной челюстью. Но индивидуальность, которая проглядывала во внешности, они стерли многолетней практикой использования одной лишь фамилии. Посторонний знал, что разговаривает не с тем Ломоньером, которого видел во время предыдущего визита, но братья обращались друг к другу одинаково, поэтому и чужаку приходилось считать их одним лицом. По сути, не было никаких трех братьев Ломоньер. Был просто Ломоньер.

И сейчас Ломоньер сомневался.

- И как же ты намерен получить эти ответы?

- Один из нас туда съездит, - сказал Ломоньер, - и задаст вопросы.

«Туда» - то есть в Бэк-Бэй, к их старому сопернику Гринмантлу. А «задаст вопросы» означало «сделает что-нибудь неприятное в отместку за пять лет вреда». Ломоньер охотился за магическими артефактами с тех самых пор, как поселился в Бостоне, и мало кто составлял ему конкуренцию, пока не появился этот пижонистый выскочка Гринмантл. Продавцы сделались жадными, артефакты - дорогими. Пришлось прибегать к помощи наемной силы. Ломоньер полагал, что Колин Гринмантл и его жена Пайпер насмотрелись фильмов про гангстеров.

Но теперь Колин выказал некоторую слабость, отступив из Генриетты, которую долго удерживал за собой. Он приехал один. Пайпер не было.

Ломоньер хотел понять, что это значит.

- Я не возражаю, - сказал Ломоньер, выдув облако сигаретного дыма.

Его настойчивое желание курить не позволяло двум остальным бросить - предлог, которым они все охотно пользовались.

- А я возражаю, - сказал Ломоньер. - Не хочу лишней грязи. И этот его наемник - жуткий мужик.

Ломоньер стряхнул пепел с сигареты и обвел взглядом поздравительные транспаранты, как будто мечтал их поджечь.

- Говорят, Серый Человек больше на него не работает. Да и мы знаем, что такое осторожность.

У Ломоньера были общие имя и цель, но методы отличались. Один предпочитал осторожность, другой огонь, а третий играл роль миротворца и адвоката дьявола.

- Разумеется, есть какой-нибудь другой способ выяснить про... - начал Ломоньер.

- Не произноси этого слова, - одновременно перебили двое остальных.

Ломоньер поджал губы. Это выглядело эффектно, поскольку у всех братьев были подвижные рты - черта, которая одного, искажая, делала почти красивым, а другому тем же образом придавала малопривлекательный вид.

- Значит, мы едем туда, чтобы поговорить... - вновь начал Ломоньер.

- Поговорить, - фыркнул Ломоньер, играя зажигалкой.

- Прекрати, пожалуйста. Ты ведешь себя как школьный забияка.

Данный Ломоньер сохранил свой акцент и использовал его в ситуациях такого рода. Акцент прибавлял веса презрению.

- Мой адвокат говорит, мне нельзя совершать никаких правонарушений как минимум полгода, - жалобно сказал Ломоньер и затушил сигарету.

Ломоньер тихонько загудел.

Это гудение встревожило бы братьев в любом случае, от кого бы оно ни исходило, но в нем к тому же слышались какие-то дополнительные зловещие нотки, которые немедленно наполнили атмосферу холодом.

Двое других подозрительно переглянулись: они подозревали не друг друга, но всё вообще за пределами друг друга. Они изучили гудящего брата на предмет признаков какого-нибудь заболевания, а затем проверили, нет ли у него с собой древнего амулета, украденного из одной могилы во Франции, загадочного браслета, незаконным образом приобретенного в Чили, зловещей пряжки от пояса, которую они стянули в Монголии, или таинственного шарфа, сделанного из перуанского погребального покрова. Чего угодно, что могло вызвать сверхъестественный побочный эффект.

Они ничего не нашли, но гудение не прекращалось, поэтому они методично обыскали комнату, проводя руками под стульями и вдоль карнизов и время от времени поглядывая друг на друга, чтобы убедиться, что гудит по-прежнему только один. Если кто-то сыграл с ними злую шутку, самым вероятным

кандидатом был Гринмантл. Конечно, у Ломоньера имелись и другие враги, но Гринмантл стоял ближе остальных. Во всех смыслах.

Ломоньер не нашел ничего, представляющего сверхъестественный интерес. Только кучку сухих божьих коровок.

- Эй. Это я.

Ломоньер повернулся к гудящему брату, который одновременно перестал гудеть и уронил сигарету. Она беспомощно адела на железном полу. Брат хмурился, глядя на гавань, и вид у него был задумчивый, что в целом противоречило его натуре.

- Это сказал он? - уточнил Ломоньер.

Ломоньер нахмурился.

- Кажется, это был не его голос.

Третий брат произнес:

- Вы слышите меня? Я пока не вполне разобралась, как оно работает..

Это совершенно точно был не его голос. И не его выражение лица. Брови Ломоньера, разумеется, двигались вполне естественным образом, но таким, какого от них никогда не требовалось раньше. Поэтому он выглядел моложе и настойчивее.

Ломоньер дружно ощутил близость откровения.

- Кто здесь? - спросил он.

- Пайпер.

Это имя немедленно оказало подсознательный эффект на Ломоньера. Ярость, ощущение, что его предали, шок, а потом опять ярость и ощущение, что его предали. Пайпер Гринмантл. Жена Колина. Никто не упоминал ее имя в разговоре, но она всё равно влезла.

Ломоньер сказал:

- Пайпер! С какой стати? Покинь его.

- О, значит, вот как это работает? - с любопытством спросила Пайпер. - А как выглядит? Жутко? Как будто говоришь по телефону, только через чужое тело?

- Это ты, - с удивлением произнес Ломоньер.

- Привет, папа, - сказала Пайпер.

Хотя прошло уже много лет, Ломоньер до сих пор прекрасно помнил манеры своей дочери.

Ломоньер сказал:

- С ума сойти. Чего тебе надо? И как поживает твой поганец муж?
- Он в Бостоне без меня, - ответила Пайпер. - Наверно.
- Я просто хотел услышать ответ, - произнес Ломоньер. - Я это и так знал.

Пайпер сказала:

- Ты был прав, а я ошибалась. Я больше не хочу ссориться.

Ломоньер, который затушил сигарету, теперь сентиментально вытирал один глаз.

Ломоньер, который не переставал курить, огрызнулся:

- Десять лет прошло - и ты внезапно «больше не хочешь ссориться»?
- Жизнь коротка. Я бы теперь хотела заняться делом вместе с вами.
- погоди. Правильно ли я понимаю? В прошлом году из-за тебя мы чуть не угодили в тюрьму. Твой муж убил поставщика ради какого-то несуществующего артефакта. Ты вселилась в нас. И ты желаешь войти с нами в дело? Что-то не похоже на хорошенькую женушку Колина Гринмантла.
- Разумеется, не похоже. Именно поэтому я и звоню. Я хочу начать с чистого листа.
- И к какому дереву принадлежит этот лист? - подозрительно спросил Ломоньер.

- К очень славному, со сверхъестественными корнями, - ответила Пайпер. - Я нашла кое-что потрясающее. Невероятное. Такое бывает раз в жизни. Раз в сто лет. Я хочу, чтоб вы очень постарались и собрали всех сюда, на аукцион. Это будет нечто.

Ломоньер как будто исполнился надежды.

- Мы..

Единственный Ломоньер, продолжавший курить, перебил:

- После того, что было в августе? Неужели ты ожидаешь, что мы очертя голову в это кинемся? Назови меня ненормальным, дорогая, но я тебе не доверяю.
- Придется просто поверить мне на слово.
- Из всего, что ты можешь мне предложить, эта вещь меньше всего достойна доверия, - холодно отозвался Ломоньер.

Он протянул сигарету другому брату, сунул руку под пальто и свитер и нащупал четки.

- За последние десять лет твое слово слегка упало в цене.

- Ты худший отец на свете, - отрызнулась Пайпер.

- Честно говоря, ты - худшая дочь.

Он прижал четки к голове недавно гудевшего брата. Тот немедленно сплкнул кровью и упал на колени. Его лицо вновь приобрело привычное выражение.

- Именно это, - сказал Ломоньер, - я и подозревал.

- С ума сойти, ты положил трубку, прежде чем я успел с ней попрощаться, - с обидой сказал Ломоньер.

- Такое ощущение, что в меня кто-то вселился, - сказал Ломоньер. - Вы что-нибудь видели?

11

ВГенриетте продолжалась ночь.

Ричард Ганси не мог заснуть. Как только он закрывал глаза, появлялись: руки Блу, его голос, кровоточащее черным дерево. Что-то начиналось, начиналось. Нет. Заканчивалось. Он сам заканчивался. Это было зрелище его персонального апокалипсиса. Радость, которую Ганси ощущал, когда бодрствовал, превращалась в ужас, когда он уставал.

Ганси открыл глаза.

Он приоткрыл дверь Ронана - чуть-чуть, чтобы убедиться, что Ронан там и спит, приоткрыв рот, в наушниках с ревущей музыкой. Бензопила неподвижным комком сидела в клетке. Ганси оставил их и поехал к школе.

Он воспользовался старым ключом, чтобы попасть в спортивный комплекс. Там он разделся и спустился в темный бассейн в еще более темном зале. Ночью все звуки казались странными и глухими. Ганси нарезал бесконечные круги, как делал, когда только поступил в Агленби, в те времена, когда он был членом гребной команды и порой приходил сюда с утра пораньше, до начала тренировки. Ганси уже почти забыл, как это - находиться в воде. Как будто тела не существовало; оставалось лишь безграничное сознание. Он оттолкнулся от едва видимого бортика и направился к противоположному, еще менее видимому, больше не в состоянии удерживать в голове свои конкретные тревоги. Школа, директор Чайлд, даже Глендауэр. Он ведь отдался одной нынешней минуте. Ганси уже не помнил, почему отказался от этого...

В темной воде, здесь и сейчас, он был только Ганси. Он никогда не умирал, он не умрет опять. Только Ганси, сейчас, сейчас, только сейчас.

Незамеченный им, Ной стоял на бортике бассейна и наблюдал. Когда-то он тоже был хорошим пловцом.

Адам Пэрриш работал. В тот день у него была поздняя смена на складе – он разгружал стеклянные банки, дешевую электронику и детские головоломки. Иногда, когда Адам работал допоздна и уставал, он мысленно возвращался к прежней жизни в трейлере. Без страха, без ностальгии. Просто он многое забывал. Почему-то ему не сразу удавалось вспомнить, что ситуация изменилась; Адам вздыхал, представляя, как поедет домой, в трейлерный парк, когда закончится смена. Потом он удивленно вздрагивал: сознание напоминало, что вообще-то его нынешнее место жительства – квартирка над церковью святой Агнессы.

Сегодня он вновь ошибся в воспоминаниях, потом к нему рывком вернулась память о нынешнем, улучшенном положении вещей, и, вздыхая от облегчения, Адам припомнил испуганное личико Девочки-Сироты. Честно говоря, сны Ронана часто были пугающими, и, в отличие от него, она не могла пробудиться. Когда Ронан принес Девочку-Сироту в реальный мир, она, вероятно, подумала, что тоже создала себе новую жизнь. А они вместо этого просто поместили ее в очередной кошмар.

Адам сказал себе, что она не настоящая.

Но ему не давало покоя чувство вины.

Он подумал, что сегодня поедет домой – в тот дом, который сам для себя создал. А Девочка-Сирота останется, как в ловушке, среди снов, со старыми часами Адама и его старым страхом.

Когда он взял инвентарный список, мысли о Кабесуотере нахлынули на него, напоминая, что надо обдумать происхождение того почерневшего дерева. Когда Адам поставил подпись, в голове настойчиво замаячила школа, напоминая, что нужно написать и сдать трехстраничную контрольную работу об экономике тридцатых годов. Когда Адам сел в машину, мотор тонко завыл, напоминая, что нужно им заняться, пока он вконец не отказал.

Ему некогда было возиться с беспризорницей Ронана; у Адама хватало своих проблем.

Но он постоянно думал о ней.

Его мысли сосредоточились на пальцах, которые подрагивали, лежа на руле. До Адама не сразу дошло, что такое он видит, пусть даже всё происходило у него на глазах. Рука Адама пробежала по рулю, ошупала его, пробуя поверхность всеми подушечками...

Адам не приказывал своей руке двигаться.

Он сжал ее в кулак и убрал с руля. Потом стиснул запястье другой рукой.

«Кабесуотер?»

Но Кабесуотер, казалось, присутствовал в нем не больше, чем обычно (в те минуты, когда не пытался привлечь его внимание). Адам изучил ладонь в дрянном свете уличного фонаря, весьма встревоженный тем, что пальцы двигались как ножки насекомого, а мозг в этом не участвовал. Теперь, когда он в упор смотрел на свою руку, самую обычную, с темными от картонной пыли и металлических опилок линиями, Адаму казалось, что ему просто померещилось. Может быть, это видение прислал Кабесуотер.

Адам неохотно припомнил формулировку сделки, которую заключил с волшебным лесом. «Я буду твоими руками. Я буду твоими глазами».

Он вновь положил руку в центр руля. Она лежала там, и незагоревшая полоска кожи в том месте, где раньше были часы, смотрелась странно. Рука не двигалась.

«Кабесуотер?» – вновь подумал Адам.

Сонные листья закружились в его голове. Ночной лес, холодный, медлительный. Рука лежала на месте. Но сердце, впрочем, по-прежнему двигалось как воображаемые пальцы, шевелившиеся по собственной воле.

Адам не знал, померещилось ему или нет. В последнее время «реальность» стала куда более гибкой.

Ронан Линч спал на Монмутской фабрике.

Ему снилось воспоминание. Роскошная летняя зелень Амбаров, полных влаги и жужжания насекомых. Вода била фонтаном из брызгалки, стоящей в траве. Мэтью бегал под струей в купальных шортах. Маленький. Пухлый. Его кудряшки выгорели добела от солнца. Он громко и заразительно смеялся. К нему бросился другой мальчик и без колебаний перехватил поперек тела, как в регби. Оба покатались по земле, облепленные мокрыми травинками.

Второй мальчик встал. Высокий, жилистый, спокойный. Волосы – темные, вьющиеся – были у него длиной почти до подбородка.

Это был Ронан. В детстве.

Там был и третий мальчик. Он аккуратно перескочил через брызгалку. «Джек, прыгни через реку».

«Ха, ты думал, что я не прыгну», – сказал Ганси, упираясь руками в голые колени.

«Ганси!» – со смехом произнесла Аврора. Смеялась она так же безудержно, как Мэтью. Она направила брызгалку прямо на Ганси и сразу же промочила с головы до ног.

Взрослый Ронан наблюдал за маленьким.

Он уловил тот момент, когда до него дошло, что он спит – он услышал электронное «тыц-тыц» в ушах и понял, что может проснуться. Но это воспоминание, это прекрасное воспоминание... он стал тем маленьким Ронаном, ну, или тот маленький Ронан стал им, взрослым.

Солнце делалось всё ярче. Ярче.

Ярче.

Оно напоминало добела раскаленный электрический глаз. Мир иссох, превратившись в свет и в тень – и ничего в промежутке. Ганси заслонил глаза рукой. Кто-то вышел из дома.

Диклан. Он что-то держал в руке. Что-то, казавшееся черным в этом ослепительном свете.

Маску.

С круглыми глазами и разинутым в улыбке ртом.

Ронан сохранил о ней единственное воспоминание: ужас. С этой маской было связано нечто кошмарное, но прямо сейчас он не помнил, что именно. Этот ядерный взрыв памяти выжег в нем все мысли.

Старший из братьев Линч широкими шагами шел к ним – очень целеустремленно. Его ботинки скрипели по мокрой траве.

Сон содрогнулся.

Диклан перешел на бег, направляясь к Мэтью.

– Девочка-Сирота! – крикнул Ронан, поднимаясь на ноги. – Кабесуотер! Tir e e'lintes curralo!

Сон опять содрогнулся. Поверх картинки возникло видение леса, как лишний кадр, всунутый в киноленту.

Ронан понесся по болезненно белой траве.

Но Диклан добрался до Мэтью первым. Младший брат доверчиво наклонил голову набок, и это был кошмар.

«Когда ты наконец вырастешь, придурок», – сказал Диклан Ронану.

И нацепил на Мэтью маску.

Это был кошмар.

Ронан вырвал Мэтью у Диклана; сон нахлынул вновь. Ронан держал в руках знакомое тело младшего брата, но было уже слишком поздно. Первобытная маска немедленно приросла к лицу Мэтью.

Над их головами пролетел ворон и скрылся где-то в небе.

«Всё будет хорошо, – сказал Ронан брату. – Ты сможешь так жить. Просто никогда не снимай ее».

Глаза Мэтью без страха смотрели на него через широкие прорезы. Это был кошмар. Это был кошмар. Это был...

Диклан сорвал маску.

Дерево у него за спиной засочилось черным.

Лицо Мэтью представляло собой линии и штрихи. Ни крови, ни прочих ужасов – просто оно не было лицом, и это пугало. Мэтью был не человеком, а нарисованной картинкой.

Грудь Ронана тряслась от беззвучных, задыхающихся рыданий. Он уже давно так не плакал..

Сон содрогнулся. Не только Мэтью распадался на части. Рассыпалось всё. Руки Авроры указывали одна на другую, пальцы были выгнуты назад, к груди – они тоже представляли собой незавершенные линии. Ганси стоял на коленях позади нее, и глаза у него были мертвые.

У Ронана пересохло в горле. «Я сделаю что угодно! Что угодно! Что угодно...»

Исчезало всё, что Ронан любил.

«Пожалуйста...»

В другом месте – в дортуаре Агленби – проснулся Мэтью Линч. Потянувшись, он стукнулся головой о стенку, потому что во сне подкатился к ней вплотную. Но только когда его сосед по комнате, Стивен Ли, издал смешной сердитый звук, Мэтью понял, что проснулся от звонка телефона.

Он прижал мобильник к уху.

– Да?

Ответа не было. Мэтью посмотрел на экран, чтобы узнать, кто звонит, потом опять поднес телефон к уху. И сонно прошептал:

– Ронан?

– Ты где? У себя?

– Быр.

– Я серьезно.

– Фыр.

- Мэтью.

- Да, да, я у себя. Стивен Ли тебя ненавидит. Третий час. Чего тебе?

Ронан ответил не сразу. Мэтью не видел его, но средний Линч лежал, свернувшись, у себя на кровати, на Монмутской фабрике, уткнувшись лбом в колени, одной рукой стискивая собственный затылок, а другой прижимая телефон к уху.

- Просто хотел убедиться, что у тебя всё в порядке.

- Всё хорошо.

- Тогда спи.

- Уже сплю.

Конец разговора.

А за пределами Генриетты, на силовой линии, что-то темное наблюдало за ними - за всем, что лежало в ночи - и говорило: «Я не сплю, я не сплю, я не сплю».

12

Следующее утро было слишком ясным и слишком жарким.

Ганси и Адам, аккуратно сложив руки на груди, стояли возле двойных дверей Мемориального театра Глэдис Франсин Моллин Райт. Они исполняли обязанности билетеров - точнее, исполнял только Адам, но Ганси вызвался сменить Бранда в качестве второго билетера. Ронана нигде не было видно. В душе Ганси кипело раздражение.

- День Ворона, - сказал директор Чайлд, - это не просто возможность показать, как мы гордимся нашей школой. Разве мы не испытываем гордости за нее каждый день?

Директор стоял на сцене. Все немного вспотели, но только не он. Это был поджарый суровый ковбой на перегоне, называемом жизнью. Его кожа напоминала побелевшую от солнца стену каньона. Ганси уже давно пришел к выводу, что способности Чайлда в школе тратятся впустую. Напялить на этого прирожденного победителя светло-серый костюм с галстуком значило лишить его возможности надеть широкополую шляпу и вспрыгнуть на спину буланого коня.

Адам бросил на Ганси понимающий взгляд. Одними губами он произнес: «Йохо». Они ухмыльнулись и поспешно посмотрели в разные стороны. Взгляд Ганси упал на Генри Ченя и ванкуверскую тусовку – они сидели все вместе в задних рядах. словно ощутив чужое внимание, Генри посмотрел через плечо. Одна бровь у него взмыла вверх. Это неприятно напомнило Ганси о том, как Генри увидел Девочку-Сироту в багажнике «Шевроле». В любой момент могли потребоваться объяснения, увертки или ложь.

– ...в нынешний День Ворона, – с ударением произнес Чайлд.

Обычно Ганси очень любил День Ворона. Этот праздник целиком и полностью состоял из вещей, которые ему нравились. Школьники в красивых белых рубашках и брюках защитного цвета, в которых они походили на статистов из фильма про Вторую мировую; спортивные команды, которые под общие одобрительные крики бросались в атаку; поднятие флагов; помпа, торжественность, шутки, понятные лишь посвященным; нарисованные повсюду вороны.. Нынешние одиннадцатиклассники наделали воронов для остальных учеников, чтобы устроить шутовую битву на школьной лужайке, а школьные фотографии запечатлевали сияющие лица для очередной порции рекламных материалов.

Но душа Ганси настойчиво требовала посвятить всё свободное время поискам. Тайна Глендауэра напоминала проголодавшуюся волчицу.

– Сегодня десятая годовщина Дня Ворона, – продолжал Чайлд. – Десять лет назад праздник, которому мы радуемся сегодня, был придуман юношей, который учился в Агленби. К сожалению, Ной Черни не может сегодня отпраздновать вместе с нами, но, прежде чем примутся праздновать все остальные, одна из младших сестер Ноя скажет нам несколько слов о своем брате и о происхождении этого праздника.

Ганси решил бы, что ему послышалось, если бы Адам не уставился на него и не прошептал:

– Ной?..

Да, Ной, потому что на сцену поднималась одна из сестер Черни. Даже если бы Ганси не видел ее на похоронах, он сразу узнал бы и узкий рот Ноя, и его крошечные глазки со смешливыми мешочками, и огромные уши, которые прятались под светлыми волосами. Странно было видеть знакомые черты Ноя в этой молодой женщине. Еще более странно было видеть их у живого человека. Она казалась слишком взрослой для того, чтобы быть младшей сестрой Ноя, но Ганси просто забыл, что Ной теперь существовал в подвешенном состоянии. Если бы выжил он, а не Ганси, Ню исполнилось бы двадцать четыре.

Какой-то первогодок сказал что-то, чего Ганси не расслышал, и его поспешно вывели из театра. Сестра Ноя наклонилась к микрофону и тоже сказала что-то, чего Ганси не расслышал, а потом что-то еще, утонувшее в визге динамиков (звукорежиссер пытался наладить громкость). Наконец она произнесла:

– Здравствуйте, я Адель Черни. У меня короткое выступление. Я сама сидела на всяких официальных мероприятиях, когда была в вашем возрасте, и знаю,

что это скучно. Я всего лишь скажу пару слов про Ноя и День Ворона. Кто-нибудь из присутствующих знал его?

Ганси и Адам начали одновременно поднимать руки и так же быстро опустили их. Да, они знали его. Нет, они его не знали. Живой Ной учился здесь до того, как они оба поступили в Агленби. Мертвый Ной был феноменом, а не знакомым.

– Значит, вы кое-чего лишились, – продолжала Адель. – Моя мама всегда говорила, что Ной был просто бомбой. Иными словами, он постоянно получал штрафы за превышение скорости, запрыгивал на стол на семейных праздниках и всё такое. И вечно что-нибудь выдумывал. Ной был невероятно энергичным.

Адам и Ганси переглянулись. Они всегда подозревали, что Ной, с которым они общались, не был настоящим Ноем. И теперь оба с грустью осознали, сколько... «ноизма» тот утратил, умерев. Невозможно было не гадать, каким стал бы Ной, если бы остался жив.

– Я приехала к вам сюда, потому что вообще-то была первой, кому он рассказал про День Ворона. Однажды вечером он позвал меня – кажется, ему было четырнадцать – и сказал, что видел сон про воронов, которые сражались друг с другом. Ной сказал – они все были разного цвета, размера, формы, а он стоял в самой середине, так что все они кружились вокруг него. – Адель Черни помахала вокруг себя руками; у нее были руки Ноя, локти Ноя. – И он сказал: «Это может быть классный художественный проект для школы». И я ответила: «Если каждый человек в школе сделает по одному ворону, наверное, их тебе будет достаточно».

Ганси почувствовал, как у него встают дыбом волоски на руках.

– И вот они летают и кружатся, и нет ничего, кроме воронов, ничего, кроме снов вокруг, – сказала Адель, хотя Ганси сомневался, что это были ее слова; может быть, ему послышалось, и на самом деле он смутно припоминал что-то из того, что было сказано раньше. – В любом случае я знаю, что Ною понравилась бы эта традиция в том виде, какой она обрела в наши дни. Так что... спасибо, что помните его безумную мечту.

Она сошла со сцены. Адам прикрыл глаза рукой. Послышались сдержанные двойные хлопки (учеников Агленби просили обходиться без бурных аплодисментов).

– Летите, вороны! – сказал Чайлд.

Это был сигнал для Ганси и Адама открыть двери. Ученики бросились наружу. В зал хлынули свет и влажный воздух.

Директор Чайлд подошел к дверям. Он пожал руку сначала Ганси, потом Адаму.

– Спасибо за помощь, джентльмены. Мистер Ганси, я сомневался, что ваша мать сможет организовать мероприятие по сбору средств и составить список гостей к выходным, но уже практически всё готово. Обещаю ей свой голос в предвыборной гонке.

Они с Ганси обменялись товарищескими улыбками, которые проистекают из совместного подписания юридических бумаг. Эпизод был бы приятным, если бы он здесь и закончился, но Чайлд задержался – он стоял и беседовал с Ганси и Адамом, двумя светилами Агленби, лучшим и умнейшим соответственно. За семь невыносимых минут они поговорили о погоде, о планах на День благодарения, поделились впечатлениями от исторического музея в Вильямсбурге, а потом наконец, измученные, разошлись, когда появились младшеклассники со своими воинами-воронами.

– Господи, помилуй, – сказал Ганси, переводя дух.

– Я думал, он никогда не уйдет, – добавил Адам.

Он потрогал левое веко и прищурил глаз, а потом бросил взгляд за плечо Ганси.

– Если... ох. Сейчас вернусь. Кажется, мне что-то попало в глаз.

Он ушел, а Ганси погрузился в День Ворона. Он стоял у подножия лестницы, где ученикам раздавали воронов. Птицы были сделаны из бумаги, алюминиевой фольги, дерева, папье-маше и латуни. Одни летали, снабженные животами из гелиевых воздушных шаров. Другие скользили в воздухе. Третьи покачивались на многочисленных подпорках (отдельные палочки управляли крыльями).

Это сделал Ной. Это придумал Ной.

– Птичка капнула, – сказал младшеклассник, вручая Ганси дурацкого черного ворона, сделанного из газеты на деревянном каркасе.

Ганси шагнул в толпу. Толпу Ноя. В идеальном мире Ной произносил бы речь на десятилетней годовщине праздника...

На уровне глаз мелькали сплошь палки, руки, белые рубашки, веревочки и прочие механизмы. Но если прищуриться и посмотреть в необыкновенно яркое небо, палки и люди исчезали – всё пространство наполняли только вороны. Они ныряли и нападали, опускались и поднимались, хлопали крыльями и кружили.

Было очень жарко.

Ганси почувствовал, как время поехало. Слегка. Просто это зрелище странным образом напоминало нечто из совсем другой жизни – его настоящей жизни; эти птицы были двоюродными братьями грез Ронана. Казалось несправедливым, что Ной умер, а Ганси нет. Ной жил, когда его убили. А Ганси тянул время.

– Какие правила у сражения? – спросил он через плечо.

– На войне нет правил, кроме одного – остаться в живых.

Ганси повернулся; рядом захлопали крылья. Его сплошь окружали плечи и спины. Он не знал, кто ему ответил, и даже, не встретив обращенного к себе лица, усомнился, что ответ вообще был.

Время зывало к его душе.

Заиграл школьный оркестр. Первые ноты представляли собой гармоническую толщу звуков, но кто-то из духовых ошибся в самом начале следующего такта. В то же мгновение возле лица Ганси прожужжало какое-то насекомое, так близко, что он его почувствовал. И вдруг всё поехало вкривь и вкось. Солнце сделалось белым. Вороны захлопали крыльями вокруг Ганси, когда тот обернулся, ища Адама, Чайлда или хоть кого-то, кто состоял бы не только из белой рубашки, руки и птицы. Взгляд Ганси упал на часы. Они показывали 6:21.

Когда он умер, было жарко.

Он находился в лесу палок, в лесу птиц. Негромко бормотали трубы, вскрикивали флейты. Со всех сторон гудели, жужжали и вздрагивали крылья. Ганси чувствовал у себя в ушах ос.

«Их тут нет».

Но то большое насекомое вновь пронеслось вокруг него.

Прошли годы с тех пор, как Мэлори был вынужден остановиться на полпути и подождать Ганси, который зажал уши руками и рухнул на колени. Дрожа, умирая.

Он изо всех старался избавиться от этого воспоминания.

«Их здесь нет. Ты на Дне Ворона. Сейчас ты будешь есть сэндвичи. А потом с пинка заведешь «Камаро» и поедешь на Фокс-Вэй. Ты расскажешь Блу, как у тебя прошел день. Расскажешь».

Насекомые забирались ему в ноздри, легонько шевелили волосы, дружно кишели на лице. Вдоль хребта у Ганси катился пот. Школьники, которые проходили мимо и толпились вокруг, превратились в призраков. Колени у него подгибались. Он понял, что вот-вот упадет.

Ганси не мог заново пережить здесь собственную смерть. Только не сейчас, не в ту минуту, которая запечатлется в сознании всех присутствующих. «Ганси Третий сошел с ума в День Ворона, слышали? Миссис Ганси, не расскажете ли нам, что произошло с вашим сыном?» Он не мог привлечь к себе всё внимание...

Но время истекало, и он терял равновесие. Его сердце наполнилось черной, черной кровью.

«Ганси, чувак».

Ганси с трудом сосредоточился на этих словах. Рядом с ним стоял Генри Чень – сплошь волосы и зубы. И очень внимательные глаза. Он забрал у Ганси ворона и взамен вложил ему в ладонь что-то прохладное. Прохладное и делавшееся всё холоднее.

– Однажды ты принес мне кофе, – сказал Генри. – Когда я совсем выбился из сил. Услуга за услугу.

Ганси держал в руке пластиковый стаканчик с ледяной водой. Казалось, ничто не должно было измениться, но тем не менее что-то изменилось. Ошеломляющая разница температур, знакомое постукивание кубиков льда, зрительный контакт... Ученики по-прежнему теснились вокруг, но они вновь сделались обычными мальчишками. А музыка превратилась в обычные звуки школьного оркестра, исполнявшего новую пьесу в невероятно жаркий день.

– Вот и отлично, – сказал Генри. – У нас сегодня вечеринка в тогах, Ричард. В Личфилд-Хаус. Приводи друзей и свою девочку-невесту.

Потом Генри ушел, и там, где он только что стоял, захлопали крыльями вороны.

13

Адам думал, что ему что-то попало в глаз. Неприятное ощущение возникло, когда он стоял в невероятно душном театре. Не столько раздражение, сколько усталость, как будто он слишком долго смотрел на экран. Адам мог бы дотерпеть до конца дня, если бы ощущение не усиливалось, но постепенно перед глазами всё слегка поплыло. Само по себе это было не страшно, но в сочетании с тем, что он буквально чувствовал свой глаз, Адам решил, что надо на него взглянуть.

Вместо того чтобы зайти в один из учебных корпусов, он спустился по лестнице к боковому выходу из театра. Там, в помещении под сценой, находились уборные; Адам шагал туда, минуя вереницы старых стульев, похожие на многоногих животных, странные силуэты картонных деревьев и бездонные океаны черной ткани, которая висела повсюду. Коридор был темный и тесный, с кошмарными стенами, покрытыми облупившейся зеленой краской; Адаму, который шел, прикрыв один глаз рукой, он казался искаженным и жутковатым. Он снова припомнил свои бегающие пальцы.

Он подумал: нужно пообщаться с Кабесуотером и выяснить, что произошло с тем деревом.

Свет в душевой был выключен. Вроде бы пустяки – выключатель находился прямо за дверью, – но тем не менее Адаму не хотелось совать руку в темноту. Он стоял в коридоре, и его сердце билось слегка учащенно. Он оглянулся.

Коридор был темный, тесный, пустой, залитый болезненным флуоресцентным светом. Тени сливались с занавесом. Широкие черные полосы соединяли между собой все предметы.

«Включи свет», – подумал Адам.

Свободной рукой – той, что не закрывала глаз, – он потянулся за порог.

Он сделал это быстро – пальцы пронзили холод и тьму, что-то нащупали..

Нет, это была лоза Кабесуотера, и всего лишь у него в голове. Адам протянул руку мимо нее и включил свет.

В душевой было пусто.

Конечно, пусто. Конечно, пусто. Конечно, пусто.

Две старые кабинки, с перегородками из зеленой фанеры (никакого кода доступа, никаких представлений о нормальной гигиене). Писсуар. Раковина с желтым кольцом вокруг слива. Зеркало.

Адам встал перед зеркалом, прикрывая глаз рукой, и посмотрел на свое худое лицо. Почти бесцветная бровь была тревожно вздернута. Опустив руку, Адам взглянул на себя еще раз. Никакого покраснения он не заметил. Глаз не слезился. Он..

Адам прищурился. Он слегка косил? Или как это называется, когда глаза у человека не смотрят в одном направлении?

Адам моргнул.

Нет, всё нормально. Это холодный зеленый свет сыграл с ним шутку. Он придвинулся ближе, чтобы посмотреть, нет ли красноты в уголке.

Глаз определенно косил.

Адам моргнул – косоглазие исчезло. Моргнул – и оно появилось. Оно напоминало скверный сон – не кошмар, а просто неприятный сон, когда собираешься надеть носки и вдруг понимаешь, что они не налезают тебе на ноги.

Пока он рассматривал себя в зеркало, левый глаз вдруг, независимо от своего соседа, медленно обратился к полу.

Картинка поплыла и вновь прояснилась, когда правый глаз взял управление на себя. Адам дышал неровно. Он и так уже оглох на одно ухо. Он не мог лишиться еще и зрения на один глаз. В этом тоже был виноват отец? Какое-то отсроченное последствие удара по голове?

Глаз медленно закачался, как стеклянный шарик в банке с водой. В животе у Адама возникло ощущение ужаса.

Ему показалось, что тень одной из кабинок изменилась.

Он обернулся. Ничего. Ничего.

«Кабесуотер, ты со мной?»

Адам снова повернулся к зеркалу. Теперь левый глаз медленно двигался кругами, назад и вперед, вверх и вниз.

У Адама всё сжалось в груди.

Глаз смотрел на него.

Адам, спотыкаясь, отступил от зеркала и захлопнул глаз рукой. Спиной он врезался в противоположную стену и застыл, хватая воздух ртом, напуганный, бесконечно напуганный. В какой помощи он нуждался и к кому мог обратиться?

Тень над кабинкой действительно менялась. Из квадратной она становилась треугольной, потому что... о боже... дверь кабинки открывалась.

Длинный коридор, ведущий наружу, казался галереей ужасов. Из кабинки лилась тьма.

Адам сказал:

- Кабесуотер, ты мне нужен.

Тьма растекалась по полу.

Адам думал только о том, что нельзя позволить ей коснуться его. Представлять ее на своей коже было страшнее, чем видеть в зеркале собственный бесполезный глаз.

- Кабесуотер. Защити меня. Кабесуотер!

Послышался звук, похожий на выстрел - Адам метнулся в сторону, - и зеркало расколосось. По другую сторону стекла зажглось неизвестно откуда взявшееся солнце. К стеклу прижимались листья, словно к окну. Лес шептал и шипел в глухом ухе Адама, вынуждая его искать проход для Кабесуотера.

В нем вспыхнула благодарность, которую было так же трудно вынести, как и страх. Если сейчас с ним что-нибудь случится, по крайней мере, он будет не один.

«Вода, - сказал Кабесуотер. - Вода, вода, вода».

Добравшись до раковины, Адам открыл кран. Оттуда хлынула вода, пахнувшая дождем и камнями. Он протянул руку и сунул в сливное отверстие затычку. Похожая на чернила тьма текла к нему, она уже почти достигла ботинок.

«Не давай ей коснуться тебя...»

Он вскарабкался на раковину в ту секунду, когда тьма достигла подножия стены. Адам знал, что она полезет за ним. Но тут наконец вода наполнила раковину до краев и хлынула на пол. Беззвучная, бесцветная, она смыла черноту и понесла ее к сливному отверстию в полу. Остался только обычный светлый бетон.

Даже после того как тьма исчезла, Адам ждал еще целую минуту. Вода лилась, и у него промокли ботинки. Потом он слез с раковины, набрал пахнущую землей воду в ладони и плеснул себе в лицо, на левый глаз.

Снова и снова, еще и еще, еще и еще, пока не прошла усталость. Пока он не перестал ощущать собственный глаз. Когда Адам посмотрел в зеркало, это был всего лишь глаз. Всего лишь его лицо. Не было ни второго солнца, ни жутко катающегося зрачка. Капли рек Кабесуотера висели на ресницах Адама. Кабесуотер бормотал и стонал, внутри Адама разворачивались лозы, в глазах пятнами вспыхивал свет, камни прижимались к ладоням..

Кабесуотеру понадобилось слишком много времени, чтобы прийти на помощь. Всего лишь пару недель назад с крыши на голову Адаму свалилась гряда шифера, и Кабесуотер мгновенно бросился на выручку. Случись это сегодня, Адам бы погиб.

Лес шептал ему что-то на языке, который представлял собой смесь образов и слов, и Адам понял, почему Кабесуотер так медлил.

Что-то напало на них обоих.

14

Как верно заметила Мора, временное исключение – это не каникулы, поэтому вечером Блу, как обычно, отправилась в «Нино». Хотя солнце на улице жарило изо всех сил, в ресторане царил странный полумрак – из-за грозовых туч, висящих на западе. Под столиками с металлическими ножками лежали серые бесформенные тени; трудно было понять, пора включать лампы, висевшие над каждым столиком, или еще нет. Впрочем, решение могло и подождать: в ресторане не было ни души.

Поскольку ничто не занимало мыслей девушки, кроме выметания пармезана из углов, Блу думала про Ганси, который пригласил ее на сегодняшнюю вечеринку в тогах. Как ни странно, Мора настоятельно посоветовала ей пойти. Блу сказала, что вечеринка в Агленби противоречит всем ее убеждениям. Мора уточнила: «Ученики частной школы, которые используют случайные куски ткани, чтобы смастерить себе костюм? По-моему, твоим нынешним убеждениям это вполне соответствует».

Шух, шух. Блу агрессивно мела пол. Она чувствовала, что склоняется к самоанализу, и ей это не нравилось.

На кухне засмеялся менеджер. Со звуком электрогитары в зале мешалась негармоничная гроыхающая музыка: он вместе с поварами смотрел видео на телефоне. Послышался громкий звон колокольчика – дверь ресторана открылась. К удивлению Блу, вошел Адам. Он подозрительно взглянул на пустые столы. Как ни странно, выглядел он настоящим замарашкой: брюки мятые и заляпанные грязью, белая рубашка в пятнах и местами мокрая.

– Кажется, мы хотели созвониться попозже, – напомнила Блу.

Она окинула его взглядом. В норме Адам был одет безупречно.

- Ты в порядке?

Адам сел на стул и осторожно потрогал левое веко.

- Я вспомнил, что после школы у меня еще веса и открытия. Я не хотел заставлять тебя ждать. Э... дополнительные физкультура и естествознание.

Блу вместе со шваброй подошла к нему.

- Ты не ответил, всё ли в порядке.

Он раздраженно провел пальцами по сырому пятну на рукаве.

- Кабесуотер. С ним что-то происходит. Не знаю. Я должен что-то сделать. И, видимо, мне нужен кто-то, чтобы присмотрел за мной. Что ты делаешь сегодня вечером?

- Мама говорит, что я иду на вечеринку в тогах. А ты?

Голос Адама источал презрение.

- Я не пойду на вечеринку к Генри Ченю. Нет.

Генри Чень. Во всей этой истории появилось чуть больше смысла. На диаграмме Венна, где один кружок содержал слова «вечеринка в тогах», а другой - «Генри Чень», Ганси, скорее всего, оказался бы в зоне пересечения. На Блу вновь нахлынули смешанные чувства.

- Что у вас такое с Генри Ченем? И - ты хочешь пиццу? Кто-то ошибся при заказе, и мы получили угощение.

- Ты же его видела. У меня на это просто нет времени. И - да, хочу.

Блу принесла пиццу. Она сидела напротив Адама, пока тот уплетал ее как можно вежливее. По правде говоря, только когда Адам пришел в «Нино», Блу вспомнила, что они условились созвониться, чтобы поговорить про Ганси и Кабесуотер. После семейного обсуждения в ванной у нее определенно закончились идеи. Девушка признала:

- Честно, я понятия не имею, что делать с Ганси, кроме как найти Глендауэра. И я не знаю, каким должен быть следующий шаг.

Адам сказал:

- Мне сегодня тоже некогда было много думать об этом, потому что... - Он снова указал на свою мятую форму, хотя Блу не поняла, что он имел в виду - Кабесуотер или школу. - Поэтому идей у меня нет. Есть только вопрос. Как ты думаешь, Ганси может приказать Глендауэру появиться?

И от этого вопроса у Блу всё перевернулось в животе. Не то чтобы она не задумывалась о силе приказа Ганси, но его сверхъестественно властный голос находился так близко к его обычному командному тону, что иногда

было трудно убедить себя, что это не глюк. И даже когда девушка признавала, что ситуация и правда необычная – например, когда Ганси несомненно волшебным образом расточил мнимых Блу во время последней поездки в Кабесуотер, – тем не менее всё равно было трудно думать об этом в магическом ключе. Знание о способностях Ганси ускользало, притворялось чем-то нормальным. Впрочем, теперь, если Блу задумывалась об этом всерьез, то понимала, что это во многом походило на исчезновения и появления Ноя, ну, или на магическую логику существования Авроры, проходившей сквозь камень. Сознание с радостью позволило Блу поверить, что в этом нет ничего волшебного, кое-как убедить себя, что это просто типичное поведение Ганси.

– Не знаю, – сказала Блу. – Если так, разве он уже не попытался бы вызвать Глендауэра?

– Честно говоря... – начал Адам и замолчал. У него изменилось лицо. – Ты пойдешь на вечеринку?

– Наверное, да... – И тут Блу с опозданием поняла, что этот вопрос значил нечто большее, чем слова, которые она услышала. – Я же говорю – мама сказала мне, что я должна, ну и...

– С Ганси.

– Да. И с Ронаном, если он пойдет.

– Ронан не пойдет к Генри.

Блу осторожно произнесла:

– В таком случае – да, очевидно, с Ганси.

Адам нахмурился, глядя на собственную руку. Он не торопился, взвешивал слова, испытывал их, прежде чем сказать:

– Знаешь, когда я впервые познакомился с Ганси, я не мог понять, почему он дружит с таким человеком, как Ронан. Ганси всегда посещал уроки, выполнял задания, был любимчиком учителей. А Ронан... он же как непрекращающийся сердечный приступ. Я понимал: глупо жаловаться только потому, что я не успел первым. А Ронан успел. Но однажды он выкинул что-то совершенно идиотское, даже не помню что, и я просто не смог с этим смириться. Я спросил у Ганси, почему он с ним дружит, если Ронан всё время ведет себя как полный кретин. И Ганси сказал, что Ронан никогда не врет, а правда – это самое важное.

Блу без труда представила Ганси, говорящего эти слова.

Адам посмотрел на Блу и буквально приковал ее к месту взглядом. Ветер бросал листья о стекло.

– И я хочу знать, почему вы не желаете сказать мне правду... о том, что между вами происходит.

И тут в животе у нее всё перевернулось в другую сторону. «Между вами». Между ней и Ганси. Ганси и ней. Блу десятки раз представляла себе этот разговор. Бесконечные вариации на тему того, как она заговорит с Адамом, как онотреагирует, чем всё кончится.

Она могла это сделать. Она была готова.

Нет, не была.

– Между нами? – неуклюже переспросила Блу.

Выражение лица Адама – если только это было возможно – сделалось еще презрительнее, чем в ту секунду, когда речь зашла о Генри Чене.

– Знаешь, что больнее всего? Что я вижу, какого мнения ты обо мне. Ты даже не дала мне шанса с этим примириться. Ты была заранее уверена, что меня сожрет ревность. Значит, по-твоему, я такой?

И он не то чтобы ошибался. Но когда они с Ганси впервые приняли решение ничего не говорить ему, Адам был гораздо более хрупким, чем теперь. Впрочем, сказать это вслух казалось непорядочным, поэтому Блу выговорила:

– Ты... то есть ситуация... раньше была другой.

– Раньше? И сколько это уже продолжается?

– «Продолжается» – не вполне правильное слово, – сказала Блу.

Роман, который вмещался в украденные обмены взглядами и тайные телефонные звонки, настолько не дотягивал до того, чего ей хотелось, что Блу отказывалась называть это свиданиями.

– И это ведь не то же самое, что прийти на новую работу, например. Дата начала – икс. Я не могу в точности сказать, сколько это продолжается.

– Ты сама сказала «продолжается», – заметил Адам.

Мысленно Блу перевалила через гребень волны, отделявший сочувствие от досады.

– Ты просто невозможен. Послушай, мне правда жаль. Я вовсе не думала, что между нами что-то будет, но это случилось, а я не знала, как тебе сказать. Я не хотела рисковать нашей дружбой.

– Поэтому, хотя я на самом деле мог отреагировать вполне прилично, ты предположила, что я буду постоянно и злобно соперничать с Ганси? И решила просто соврать?

– Я не врала.

– Конечно, Ронан. Умолчание – тоже ложь, – сказал Адам.

Он слегка улыбался, но так, как обычно улыбаются люди, когда им досадно, а не когда весело.

Какая-то парочка остановилась у двери ресторана, чтобы прочитать висевшее на ней меню. Блу и Адам застыли в напряженном молчании. Парочка не стала заходить в ресторан и двинулась дальше. Адам раскрыл ладони, словно ожидая, что Блу положит в них удовлетворительное объяснение.

Отчасти Блу, будучи справедливой, прекрасно сознавала, что она неправа, а значит, ее задача – умерить его вполне понятную боль. Но гордость по-прежнему напоминала, как трудно было иметь дело с Адамом в те времена, когда они с Ганси впервые осознали свои чувства друг к другу. С некоторым усилием Блу нашла золотую середину.

– Ты зря предполагаешь здесь какой-то расчет.

Но Адам не желал золотой середины.

– Но я видел, как вы пытались это скрыть. Самое странное... ну, я же здесь. Я с вами каждый день. Думаешь, я ничего не замечал? Ганси мой лучший друг. Думаешь, я его не знаю?

– Тогда почему ты сейчас разговариваешь не с ним? Как ты понимаешь, он тоже в этом поучаствовал.

Адам обвел руками пустой ресторан, как будто его тоже удивил тот поворот, который приняла их беседа.

– Потому что я пришел поговорить с тобой о том, как спасти Ганси от смерти. И выяснил, что вы вместе собираетесь на вечеринку. Просто не верится, что ты настолько безответственна.

Блу тоже расставила руки. Получилось не так элегантно, как у Адама. Больше похоже на сжатые кулаки, только наоборот.

– Я безответственная?!

– Он знает про проклятие?

Блу почувствовала, что ей стало жарко.

– Только не начинай.

– Тебе не кажется, что это как-то связано – что парень, который должен умереть в пределах года, встречается с девушкой, которая, предположительно, должна убить своего возлюбленного поцелуем?

Блу была слишком зла, чтобы сделать хоть что-то, кроме как покачать головой. Адам в ответ просто приподнял бровь, и от этого температура крови у Блу повысилась на один градус.

Она огрызнулась:

– Я в состоянии себя контролировать.

- При любых обстоятельствах? Ты не столкнешься с ним случайно, тебя не принудят хитростью, магия Кабесуотера не сыграет с вами злую шутку... гарантируешь? Сомневаюсь.

Теперь Блу уж точно перевалила через гребень волны и оказалась там, где царил кипящий гнев.

- Знаешь что? Я прожила с этим гораздо дольше, черт возьми, чем ты, и вряд ли тебе стоит приходить сюда и объяснять мне, как себя вести...

- Стоит, если речь о моем лучшем друге.

- Он и мой друг!

- В таком случае ты не вела бы себя как полная эгоистка.

- Будь он твоим другом, ты был бы рад, что у него появилась девушка.

- Как я мог быть рад, если я даже про это не знал?

Блу встала.

- Просто удивительно, но мы опять заговорили о тебе, а не о нем.

Адам тоже встал.

- Забавно. Я собирался сказать то же самое.

Они смотрели друг на друга - оба в ярости. Блу чувствовала, что ядовитые слова выстраиваются в очередь и бурлят, как сок на том дереве. Она ничего не собиралась говорить. Не собиралась. У Адама губы сделались совсем тонкими, словно он хотел выплунуть язвительную реплику, но в конце концов он просто схватил ключи со стола и вышел из ресторана.

На улице прогрехотал гром. Солнца не было; ветер затянул всё небо облаками. Ночь предстояла безумная.

15

За много лет до этого дня одна гадалка сказала Море Сарджент, что она «слишком категоричная, но одаренная ясновидящая с явной склонностью к принятию неверных решений». Они обе тогда стояли на обочине автомагистрали I-64, примерно в двадцати милях от Чарльстона, в Западной Вирджинии. Обе были с рюкзаками и выставляли большой палец, пытаясь поймать машину. Мора ехала автостопом с запада. Та, другая ехала с юга. Они были незнакомы. Пока что.

- Я приму это как комплимент, - сказала Мора.

- Потрясающе, - буркнула вторая гадалка, но таким тоном, что это тоже прозвучало как комплимент.

Она была злее и прочнее Моря - непрощающая, уже закаленная кровью. Она немедленно понравилась Море.

- Куда направляешься? - спросила Мора.

Приблизилась машина, и обе выставили большие пальцы. Автомобиль исчез, свернув на шоссе. Они опустили пальцы. Неудача их не обескуражила. Зеленое кольшущееся лето всё на свете заставляло казаться возможным.

- На восток, наверно. А ты?

- Тоже. Ноги сами туда идут.

- А мои бегут, - сказала гадалка, поморщившись. - На восток - как далеко?

- Наверное, пойму, когда доберусь, - задумчиво ответила Мора. - Можем путешествовать вместе. Откроем лавочку, когда доедем.

Вторая гадалка понимающе подняла бровь.

- Займемся проституцией?

- Продолжим образование.

Обе рассмеялись и поняли, что поладят. Показалась еще одна машина; они выставили пальцы; машина проехала мимо.

День продолжался.

- А это что? - спросила вторая гадалка.

На съезде с магистрали показался мираж, но когда они взгляделись повнимательнее, оказалось, что это обыкновенный человек, ведущий себя как-то необыкновенно. Он - она - шагала в их сторону прямо посреди шоссе, держа в одной руке до отказа набитую сумку в форме бабочки. На ней были старомодные высокие сапоги на шнуровке, которые заканчивались выше того места, где начинался подол причудливого платья. Ее волосы представляли собой светлое пенное облако, а кожа была белой, как мел. Не считая черных глаз, эта женщина была такой же бледной, насколько стоявшая рядом с Морой ясновидящая была темной.

Мора и вторая ясновидящая наблюдали, как третья женщина поднимается по шоссе, явно не беспокоясь о возможном появлении автомобилей.

Когда бледная молодая особа почти поравнялась с ними, из-за поворота выехал старенький «Кадиллак». У женщины было много времени, чтобы отпрыгнуть с дороги, но она этого не сделала. Она остановилась и подтянула молнию на сумке-бабочке. Тормоза «Кадиллака» оглушительно завизжали. Машина затормозила в нескольких сантиметрах от незнакомки.

Персефона взглянула на Мору и Каллу.

- Полагаю, - сказала она, - сейчас мы узнаем, что эта дама готова нас подвести.

Прошло двадцать лет со дня той встречи в Западной Вирджинии. Мора по-прежнему оставалась категоричной, но одаренной ясновидящей с явной склонностью принимать неверные решения. Но за минувшие годы она постепенно привыкла быть частью нераздельной трехголовой сущности, которая принимала решения сообща. Они позволили себе надеяться, что так будет всегда.

Было намного труднее вникать в суть вещей без Персефоны.

- Что-нибудь нашла? - спросил мистер Грей.

- Сделай еще кружок, - ответила Мора.

Они ехали обратно через Генриетту, а огни магазинов мигали в такт незримой силовой линии. Дождь прекратился, но настали сумерки, и мистер Грей включил фары, прежде чем вновь переплестись пальцами с Морой. Он сидел за рулем, пока Мора пыталась кристаллизовать какое-то предчувствие, всё отчетливее напоминающее о себе. Оно появилось утром, когда она проснулась - зловещее ощущение, какое бывает у человека, очнувшегося после дурного сна. И вместо того чтобы угаснуть с течением времени, оно лишь усиливалось и указывало на Блу, на Фокс-Вэй, на подползающую тьму, которая напоминала обморок.

А еще у Моры болел глаз.

Она занималась своим делом достаточно долго и знала, что это нормально. Просто у какого-то другого человека на каком-то отрезке времени болел глаз, а Мора просто поймала ту же волну. Это раздражало ее, но не требовало действий. А вот предчувствие - требовало. Проблема с разгадыванием дурных ощущений заключается в том, что всегда трудно понять, стремишься ли ты в направлении проблемы, чтобы разрешить ее или чтобы создать. Было бы гораздо проще, будь их по-прежнему трое. Обычно Мора начинала проект, Калла придавала ему осязаемую форму, а Персефона запускала в эфир. Когда остались только двое, всё шло не так, как раньше.

- Еще круг, - велела Мора мистеру Грею.

Она чувствовала, как он раздумывал, сидя за рулем. Поэзия и герои, романтика и смерть. Какие-то стихи про феникса. Мистер Грей был худшим решением в ее жизни, но Мора упорно принимала его раз за разом.

- Ты не возражаешь, если я поговорю? - спросил он. - Тебе это не мешает?

- Мне всё равно не везет. Так что валяй. О чем ты думаешь? О птицах, восстающих из пепла?

Он посмотрел на нее и оценивающе кивнул. Мора хитро улыбнулась. Это был всего-навсего салонный трюк, самое легкое из того, что она умела – выхватить случайную мысль из незащищенного сочувствующего ума. Но всё равно было приятно, что ее оценили.

– Я много думал об Адаме Пэррише и его веселых молодцах, – признал мистер Грей. – И об опасном мире, в который они вступают.

– Странная формулировка. Я бы сказала – Ричард Ганси и его веселые молодцы.

Мистер Грей слегка наклонил голову, как бы желая взглянуть на это с чужой точки зрения, пусть даже он ее и не разделял.

– Я думал о том, сколько опасностей досталось им в наследство. Когда Колин Гринмантл уехал из Генриетты, здесь не стало спокойнее. Здесь стало опаснее.

– Потому что до сих пор он удерживал на расстоянии остальных.

– Именно.

– И теперь ты думаешь, что остальные приедут, пусть даже в Генриетте никто ничего не продает? Но что же их в таком случае привлечет?

Мистер Грей указал на гудящий светофор возле здания суда. Над ним скользнули три тени; Мора не видела, что их отбрасывало.

– Генриетта – такое место, которое даже на расстоянии кажется сверхъестественным. Она вечно будет притягивать людей, которые занимаются этими делами, ищут разные вещи, которые могут быть причиной или следствием...

– И для веселых молодцов это опасно, поскольку приезжая публика может действительно найти что-нибудь? Кабесуотер?

Мистер Грей вновь наклонил голову.

– Угу. И ферму Линчей. Я и своего участия не забываю.

Мора тоже.

– Ты не можешь его отменить.

– Да. Но... – возникшая в разговоре пауза свидетельствовала о том, что Серый Человек заново отрастил себе сердце. Как жаль, что ростку приходилось пробиваться в той самой выжженной земле, которая его некогда погубила. Последствия, как выразалась Калла, были херовыми.

– Какое будущее ты видишь для меня? Я останусь здесь?

Мора не ответила, и Серый Человек спросил:

– Я умру?

Она убрала руку.

- Ты действительно желаешь знать?

- Simle þreora sum þinga gehwylce, ær his tid aga, to tweon weorþeð; adloþþeyldo oþþe ecghete fægum fromweardum feorh oðþringeð... - Он вздохнул, и это сказало Море о его душевном состоянии больше, чем непереведенные строки древнеанглийской поэзии. - Проще отличить героя от негодяя, когда на кону стоят только жизнь и смерть. Если речь о том, что в промежутке становится сложнее.

- Так живет другая половина человечества, - заметила Мора.

И, охваченная внезапной ясностью, начертила в воздухе состоящий из нескольких петель символ.

- У какой компании такой логотип?

- Дисней?

- Ха.

- «Треворн-Басс». Это неподалеку.

- И рядом, кажется, молочная ферма?

- Да, - ответил Серый Человек.

Он ловко, хотя и незаконно развернулся. Через несколько минут они миновали вылинявший бетонный монолит фабрики «Треворн-Басс», затем свернули на проселок и наконец покатали по дороге, огороженной дощатым забором. Мора чувствовала, что всё делает правильно. Как будто она нащупала приятное воспоминание и убедилась, что оно осталось прежним.

Мора сказала:

- Как ты узнал, что оно здесь?

- Я уже был тут, - слегка зловещим тоном произнес мистер Грей.

- Надеюсь, ты никого не убил.

- Нет. Но я приставил кое к чьей голове пистолет, полностью разоблачив себя.

Еле видимый указатель приглашал их провести отпуск в приятном месте. Дорожка заканчивалась гравиевой парковкой; фары осветили амбар, который был превращен в стильное жилое пространство.

- Тут поселился Гринмантл, когда приехал в Генриетту. Молочная ферма - вон там.

Мора уже открывала дверцу машины.

- Думаешь, мы сможем попасть внутрь?

- Давай будем лаконичны.

Боковая дверь оказалась не заперта. Когда они шагнули за порог, напряженные и внимательные, ясновидение Мора и ее сердце подсказывали, что мистер Грей следует за ней шаг в шаг. Где-то рядом сопели и мычали коровы, отчего-то казавшиеся больше, чем на самом деле.

В доме было темно - сплошные тени, без углов. Мора закрыла глаза, позволяя им привыкнуть к абсолютной темноте. Она не боялась мрака и вещей, которые в нем таились. Страх не стоил ее преданности делу, а справедливость стоила.

И теперь Мора ухватилась за нее.

Открыв глаза, она обошла ком, который, очевидно, был кушеткой. Уверенность еще громче зазвучала в ней, когда она нашла лестницу и начала подниматься. Наверху оказалась кухня, тускло освещенная сине-зеленым огоньком микроволновки и фиолетово-серым светом, который падал сквозь большие новые окна.

Тут было неприятно. Мора не могла сказать, в чем заключалась проблема - в самой комнате или в том, что воспоминания мистера Грея смешивались с ее собственными. Она двинулась дальше.

Непроглядно-черный коридор. Ни окон, ни света.

Он был не просто темный.

Когда Мора осторожно ступила в него, темнота перестала быть темнотой и сделалась отсутствием света. Два эти состояния отчасти похожи, но их невозможно спутать, когда оказываешься в одном вместо другого.

Что-то шепнуло Море на ухо: «Блу».

Все ее органы чувств обрели предельную остроту; Мора не понимала, надо ей двигаться вперед или нет.

Мистер Грей коснулся ее спины.

Но это был не он. Море достаточно было слегка повернуть голову направо, чтобы увидеть мистера Грея, который по-прежнему стоял на границе жидкой тьмы. Мора поспешно представила вокруг себя защитную оболочку. И тогда она увидела в конце коридора дверь. Хотя в коридор, по обе его стороны, выходили и другие двери, источником беспокойства, несомненно, была та, дальняя.

Мора бросила взгляд на выключатель рядом с мистером Греем. Тот щелкнул кнопкой.

Это было всё равно что проиграть спор, имея правильный ответ. Свет должен был включиться. И он включился. Глядя на лампочки, Мора совершенно объективно могла утверждать, что они горят.

Но коридор по-прежнему оставался неосвещенным.

Мора встретила взгляд прищуренных глаз мистера Грея.

Они прошли последние несколько шагов, без звука, толкая впереди себя отсутствие света, а затем Мора потянулась к дверной ручке. Она казалась вполне обыкновенной – именно так и выглядят самые опасные вещи. Она не отбрасывала тени на дверь, поскольку свет ее не касался.

Мора поискала в себе ощущения справедливости и обнаружила ужас. Тогда она потянулась глубже и нашла ответ.

Повернув ручку, она толкнула дверь.

Свет из коридора мрачно просочился мимо, озарив огромную ванную. Рядом с ванной лежала гадальяная миска. Три бесцветные свечи закапали воском раковину. «ПАЙПЕР ПАЙПЕР ПАЙПЕР» было написано задом наперед на зеркале, каким-то веществом, сильно смахивавшим на розовую губную помаду.

На полу лежало что-то большое. Оно двигалось и скребло кафель.

Мора велела своей руке найти выключатель, и та повиновалась.

Лежавшее на полу нечто оказалось телом.. или нет. Это был человек. Он, впрочем, корчился так, как человеку не положено, выгнув плечи и царапая пальцами пол. Ноги елозили по кафелю, словно пытались бежать. Из рта вырвался нечеловеческий звук, и тогда до Моря дошло.

Он умирал.

Мора дождалась конца, а затем сказала:

– Ты, наверное, Ной.

Каллу в тот день тоже неотвязно преследовало неприятное ощущение, но, в отличие от Моря, она торчала в Академии Агленби, занимаясь бумажной работой, и не имела возможности пойти и отыскать источник скверного предчувствия. Тем не менее оно всё росло и росло, наполняя ее голову, как черная мигрень, пока Калла не сдалась и не отпросилась домой на час раньше. Она лежала ничком наверху, в своей комнате, которую делила с Джими, пока не хлопнула входная дверь.

Из прихожей отчетливо послышался голос Моря:

- Я привезла домой мертвецов! Отмените все сеансы! Бросьте телефон! Орла, если у тебя парень, ему придется уйти!

Калла отскребла себя от кровати, надела тапочки и спустилась. Джими, которой всегда и до всего было дело, стукнулась объемистым бедром о швейный столик, так она торопилась узнать, что случилось.

Обе остановились на лестнице.

К ее чести, Калла, увидев рядом с Морой и мистером Греем Ноя Черни, подумала лишь о том, чтобы сбежать.

«Ной Черни» - это было слишком человеческое имя, чтобы называть им существо, которое, с точки зрения Каллы, выглядело не очень-то по-человечески. В жизни она повидала множество людей - и призраков тоже, - но ничего подобного еще не встречала. Душа, в такой степени разложившаяся, не могла быть... в общем, она не могла быть ничем. Разве что деградировавшим привидением, бессмысленным, навязчивым, беспокойным духом. Столетним запахом в коридоре. Дрожью, которую ощущаешь, стоя рядом с конкретным окном.

Но тем не менее Калла смотрела на руины души и видела там мертвого мальчика.

- Ох, малыш, - сказала Джими, немедленно исполнившись сочувствия. - Бедненький. Сейчас налью тебе...

Джими, травник по жизни, готова была предложить чай буквально от любой смертельной болезни.

- Что? - поинтересовалась Калла.

Джими поджала губы и покачалась на пятках. Она явно была выбита из колеи, но не могла потерять лицо в присутствии остальных. Кроме того, Джими обладала утомительно добрым сердцем, и, несомненно, существование Ноя огорчило ее.

- Мимоза, - торжествующе закончила она, и Калла вздохнула, неохотно признав ее правоту.

Джими погрозила пальцем Ню.

- Цветы мимозы помогают духам проявиться. Тебя это укрепит!

Она зашагала вверх, а Мора попросила мистера Грея проводить Ноя в гадальную комнату. Они с Каллой принялись совещаться, стоя у подножия лестницы. Вместо того чтобы объяснить, каким образом Ной оказался с ними, Мора просто вытянула руку и позволила Калле прижать к ней ладонь. Психометрия Каллы - ясновидение через прикосновение - часто давала неточные результаты, но в данном случае событие произошло совсем недавно.

Оно было достаточно ярким, и Калла с легкостью ухватила картинку заодно с поцелуем, которым Мора наградила мистера Грея.

- Мистер Грей талантлив, - заметила Калла.

Мора устремила на нее испепеляющий взгляд. И сказала:

- В том-то и загвоздка. Я полагаю, что зеркало с именем Пайпер показали мне не случайно, хотя сомневаюсь, что это было желание Ноя. Он не помнит, как оказался там и почему с ним это происходило.

Калла негромко спросила:

- А он не может быть предвестием?

Предвестия - потусторонние знаки грядущих несчастий - в норме не особенно интересовали Каллу, в основном потому, что были, как правило, игрой воображения. Люди склонны видеть предзнаменования повсюду: черные кошки, которые сулят неудачу, ворона, предрекающая печаль... Но настоящее предвестие - зловещий намек непознанного космического разума - не стоило игнорировать.

Мора тоже заговорила вполголоса:

- Возможно. Я весь день не могла избавиться от этого ужасного ощущения. Правда, я никогда не думала, что предвестием может служить разумное существо.

- А он разумен?..

- Во всяком случае, отчасти. Мы поговорили в машине. Я в жизни ничего подобного не видела. Он достаточно разложился, чтобы казаться неразумным предвестием, но в то же время там остается и мальчик. Он ведь сидел с нами в машине...

Обе женщины задумались.

Калла спросила:

- Это он умер на силовой линии? Возможно, Кабесуотер дал ему достаточно сил, чтобы до сих пор оставаться разумным, хотя в норме он уже давным-давно должен был уйти. Если мальчик слишком труслив, чтобы двигаться дальше, этот безумный лес, возможно, питает его, позволяя удерживаться здесь.

Мора бросила на Каллу еще один испепеляющий взгляд.

- Это называется «напуган», Калла Лили Джонсон, и он еще ребенок. Ну, подросток. Не забывай, что его убили. И что он один из близких друзей Блу.

- Ну и что дальше? Хочешь, чтобы я установила с ним связь и что-нибудь выяснила? Или мы попытаемся отправить его дальше?

Мора смущенно сказала:

- Только не забывай про лягушек.

Несколько лет назад Блу поймала двух древесных лягушек, когда помогала соседке в саду. Она торжественно устроила для них самодельный террариум в одном из самых больших кувшинов Джими, предназначавшихся для чая со льдом. Когда Блу ушла в школу, Мору немедленно посетило прозрение – бытовое, вовсе не сверхъестественное, – что древесных лягушек ждет медленная смерть, если заботиться о них будет юная Блу Сарджент. Она выпустила животных на заднем дворе и спровоцировала одну из крупнейших ссор с дочерью в своей жизни.

- Отлично, – прошипела Калла. – Мы не станем отпускать призраков на волю, пока Блу будет на вечеринке.

- Я не хочу уходить.

Мора и Калла подскочили.

Разумеется, рядом с ними стоял Ной, опустив плечи и подняв брови. Всё остальное было – нити и тьма, пыль и пустота. Он говорил негромко и слегка невнятно.

- Пока не хочу.

- У тебя не так много времени, мальчик, – предупредила Калла.

- Я пока не хочу, – повторил Ной. – Пожалуйста.

- Никто не заставит тебя делать то, что ты сам не хочешь, – сказала Мора.

Ной грустно покачал головой.

- Уже... заставили. И заставят еще раз. Но это... я хочу сделать это для себя.

Он протянул руку Калле, ладонью вверх, как нищий. Этот жест напомнил ей еще одного знакомого покойника, который по-прежнему, двадцать лет спустя, висел на ее шее бременем скорби и вины. На самом деле – если задуматься – этот жест был слишком точен, вялое запястье слишком знакомо, пальцы слишком тонки и нарочито расставлены. Эхо воспоминаний Каллы...

- Я зеркало, – тускло произнес Ной, отвечая на ее мысли.

Он уставился в пол.

- Простите.

Ной начал опускать руку, но Каллу наконец охватило уклончивое и искреннее сострадание. Она коснулась его холодных пальцев.

И немедленно получила удар в лицо.

Она должна была ожидать этого, но тем не менее едва успела оправиться, когда ее настиг следующий. Выплеснулся страх, затем боль... и очередной удар Калла ловко отразила. Ей не было необходимости переживать смерть Ноя целиком.

Она обошла вокруг и... ничего не нашла. Обычно ее психометрия превосходно работала с прошлым, пробиваясь сквозь недавние события к сильным впечатлениям минувшего. Но Ной так разложился, что его прошлое по большей части исчезло. Осталась только истончившаяся паутина воспоминаний. Там были поцелуи, и Калла как-то не ожидала ощущения стольких Блу Саргент, со столькими языками во рту. Там был Ронан, который в воспоминаниях Ноя оказался гораздо добрее. И Ганси, отважный и стойкий, чему Ной явно завидовал. И Адам... Ной боялся его – или за него. Этот страх пронизывал воспоминания об Адаме темными нитями. А еще там было будущее, которое тянулось вперед всё более неясными образами. И..

Калла отняла руку и уставилась на Ноя. В кои-то веки ей было нечего сказать.

– Ладно, парень, – произнесла она наконец. – Добро пожаловать. Оставайся здесь сколько сможешь.

17

Хотя Ганси и нравился Генри Чень, согласие пойти на вечеринку в тогах создавало впечатление переворота во власти. Не то чтобы Генри хоть в чем-то угрожал ему – они оба, и Ганси, и Генри, правили на своих территориях, – но встреча с Ченем в его королевстве представлялась серьезнее, чем на нейтральной почве Академии Агленби. Ванкуверская четверка вся жила вне кампуса, в Личфилд-Хаусе, и вечеринки там проходили неслыханные. Это был эксклюзивный клуб. Безусловно принадлежавший Генри. Поужинать в волшебной стране – значит остаться там навсегда или уйти и вечно тосковать.

Ганси сомневался, что он сейчас в состоянии заводить новых друзей.

Личфилд-Хаус был старым викторианским особняком, находившимся на другом конце города. Сырым прохладным вечером его окружали завитки тумана; башенки, крыша, крылечки, все окна освещались крошечными электрическими свечками. На подъездной дорожке в два ряда стояли четыре дорогие машины, и серебристый «Фискер» Генри, припаркованный рядом с послушным старым седаном, напоминал изящное привидение.

У Блу было ужасное настроение. За время ее смены в «Нино» что-то, несомненно, произошло, но попытки Ганси выяснить, что конкретно, убедили его лишь в том, что дело не в вечеринке и не в нем самом. Теперь именно Блу сидела за рулем «кабана», и это была тройная удача. Во-первых, Ганси не представлял другого человека, чье настроение могло хоть немного

подняться от нахождения за рулем «Камаро». Во-вторых, Блу сказала, что у нее нет шансов попрактиковаться в вождении при помощи общественного транспорта, принадлежавшего дому номер 300 на Фокс-Вэй. В-третьих – и это было самое главное, – Ганси возмутительно и бесконечно отвлекался, представляя Блу за рулем своей машины. Ронан и Адам не собирались с ними, поэтому никто не мог застигнуть их во время этого действия, казавшегося чудовищно непристойным.

Он должен был рассказать друзьям.

Ганси сомневался, что в его положении стоит влюбляться, но всё равно влюбился. И не вполне мог уловить механику этого состояния. Он понимал свою дружбу с Адамом и Ронаном – оба обладали качествами, которых у него не было и которыми он восхищался, и им нравилось в Ганси то, что он любил и сам. Поэтому он подружился и с Блу, но потом к дружбе прибавилось нечто большее. Чем лучше Ганси узнавал девушку, тем чаще его накрывало ощущение, как тогда в бассейне. Он перестал разрываться между несогласованными версиями самого себя. Теперь был только Ганси – сейчас, сейчас, сейчас.

Блу притормозила у знака остановки на углу, напротив Личфилд-Хаус, оценив возможность припарковаться.

– Ух, – сказала она недовольно, глядя на дорогушие машины.

– Что?

– Я забыла, насколько он... Агленби.

– Нам ведь необязательно туда идти, – сказал Ганси. – То есть я могу заглянуть на минутку и сказать ему спасибо... и всё.

Оба посмотрели через дорогу, на Личфилд-Хаус. Ганси подумал: как странно, что он чувствует себя неуютно теперь, во время бесцельного визита в компанию, которую почти наверняка знает во всей полноте. Он уже собирался признать это вслух, когда входная дверь вдруг открылась. Показался желтый квадрат, похожий на портал в другое измерение, и на веранду вышел Юлий Цезарь. Юлий помахал «Камаро» рукой и гаркнул:

– Эй, эй, Дик Ганси!

Разумеется, это был не Юлий Цезарь, а Генри в тоге.

Брови Блу исчезли под челкой.

– И ты тоже это наденешь?

Ганси подумал, что его ждет ужасный вечер.

– Однозначно нет, – ответил он.

Тогда, когда он глядел прямо на нее, выглядела гораздо реальнее, чем ему хотелось бы.

- Мы ненадолго.

- Паркуйся за углом и не задави кошку! - крикнул Генри.

Блу объехала квартал, успешно разминувшись с белой кошкой, и медленно, но вполне убедительно припарковалась - пусть даже Ганси внимательно наблюдал за ней, пусть даже гидроусилитель застонал в знак протеста.

Хотя Генри наверняка понимал, что это не займет у них много времени, он ушел обратно в дом, чтобы великолепным жестом распахнуть дверь, когда они позвонили. Когда он закрыл за ними дверь, они оказались в слегка перегретой атмосфере, пахнувшей чесноком и розами. Ганси ожидал увидеть парней, которые качаются на люстрах и непрерывно пьют, и, хотя ему не то чтобы этого хотелось, несоответствие сбilo его с толку. Внутри было необыкновенно чисто; темный коридор, увешанный зеркалами в резных рамах и заставленный хрупкой старинной мебелью, тянулся, уходя в недра дома. Личфилд-Хаус даже отдаленно не напоминал место проведения вечеринки. Он, скорее, напоминал место, где может умереть какая-нибудь старушка и не привлечь ничего внимания, пока соседи не почуют странный запах. Этот дом совершенно не соответствовал тому, что Ганси знал о Генри.

А еще тут было очень тихо.

Ганси вдруг посетила ужасная мысль, что, возможно, вечеринка предполагает лишь Генри и их двоих - в тогах, в изящной гостиной.

- Добро пожаловать, добро пожаловать, - сказал Генри, как будто он не видел Ганси всего минуту назад. - Ты переехал кошку?

Он явно потратил много сил, чтобы придать себе нужный вид. Его тога была подвязана тщательнее, чем Ганси когда-либо завязывал галстук - а Ганси проделывал это нередко. На нем были хромированные часы, каких Ганси еще не видел - а Ганси повидел множество хромированных штук. Его черные волосы отчаянно стремились вверх - а Ганси знал, что такое стремление вверх.

- Мы направо, - коротко сказала Блу. - Она налево.

- Венди с нами! - воскликнул Генри, как будто только что заметил ее. - Я погуглил женские тоги, как раз на этот случай. Здорово, что повезло с кошкой. Миссис Ву отравила бы нас во сне, если бы ты ее задавила. Напомни, как тебя зовут?

- Блу, - ответил Ганси. - Блу Сарджент. Блу, ты помнишь Генри?

Они посмотрели друг на друга. Во время предыдущей краткой встречи Генри умудрился до глубины души оскорбить Блу посредством небрежного самоуничтожения. На базовом уровне Ганси понимал, что Генри возмутительным, оскорбительным образом выставлял себя на посмешище, поскольку альтернативой было ворваться в комнату и опрокинуть столы на стоявших за ними менял. Блу, впрочем, явно полагала, что он просто не нюхавший жизни богатенький пижон. А в ее нынешнем настроении...

- Помню, - прохладно ответила она.

- Это был не лучший момент в моей жизни, - сказал Генри. - Но с тех пор мы с моей машиной возместили ущерб.

- С его электромобилем, - тонко ввернул Ганси на тот случай, если Блу не заметила, как Генри заботится об окружающей среде.

Блу прищурилась, глядя на Ганси, и произнесла:

- Отсюда до Агленби можно доехать на велосипеде.

Генри помахал пальцем в воздухе.

- Да, да. Но езда должна быть безопасной, а шлема, в который нормально поместились бы мои волосы, еще не существует...

Обратившись к Ганси, он произнес:

- Ты видел Ченя-второго?

Ганси, в общем, не знал Ченя-2 - Генри Бродвея, которому дали это неловкое прозвище не потому, что он оказался вторым из двух Ченей в Агленби, но, скорее, потому, что он оказался вторым из двух Генри. Знал он в целом только то, что знали все - что это электровеник, непрерывно подпитываемый энергетическими напитками собственные конечности.

- Разве что он обзавелся «Камри», пока я смотрел в другую сторону.

Генри радостно рассмеялся - очевидно, Ганси намекал на какой-то предыдущий разговор.

- Это машина миссис Ву, нашей крохотной повелительницы. Она где-то здесь. Проверьте карманы. Может быть, она там. Иногда она проваливается в щели между половицами - это проблема больших старых домов. А где Линч и Пэрриш?

- К сожалению, оба заняты.

- Невероятно. Я знал, что президент не всегда обязан действовать в согласии с Конгрессом и Верховным судом, но я не думал, что однажды увижу это своими глазами.

Ганси спросил:

- А кто еще придет?

- Обычный состав банды. Кому охота видеть случайного знакомого в простыне?

- Но ты совсем не знаешь меня, - намекнула Блу.

Было невозможно понять, что значит выражение ее лица. Но оно не сулило ничего хорошего.

- Ричард Ганси Третий ручается за тебя, и этого достаточно.

В конце коридора открылась дверь, и оттуда вышла крохотная азиатка неопределенного возраста, держа полную охапку сложенных простыней.

- Здравствуйте, тетюшка, - ласково сказал Генри.

Она гневно посмотрела на него и затопала дальше.

- Бедную миссис Ву изгнали из Кореи за скверный характер. Ха, да у нее обаяние химической бомбы.

Ганси смутно предполагал, что в Личфилд-Хаусе обитает некое авторитетное лицо, но до сих пор он об этом не особо задумывался. Однако вежливость требовала, чтобы в случае небольшого сборища он привез цветы или угощение.

- Мне нужно было купить что-нибудь для нее?

- Для кого?

- Для твоей тети.

- Нет, это тетка Ляна, - ответил Генри. - Ну, пошли, пошли дальше. Кох наверху, составляет список спиртного. Вам необязательно напиваться, ну а я напьюсь. Говорят, в пьяном виде я не буяню, но иногда становлюсь филантропом. Считайте, что вас предупредили.

Выражение лица Блу теперь стало по-настоящему осуждающим - примерно в двух шагах от ее обычного выражения и в одном шаге от выражения Ронана. Ганси начал подозревать, что два мира никоим образом не смешаются.

Послышался громкий стук: Чень-2 и Логан Разерфорд ввалились в другую дверь, держа в руках полиэтиленовые пакеты. У Разерфорда хватило ума держать рот закрытым, но Чень-2 так и не освоил этот навык.

Он сказал:

- Ё-мое, мы пригласили девочек?

Блу, стоявшая рядом с Ганси, сделалась в четыре раза выше. В комнате воцарилась тишина, предшествующая взрыву.

«Это будет ужасный вечер».

6:21.

Нет, 8:31. Ронан что-то напутал, когда взглянул на часы в машине.

Небо было черное, деревья были черные, дорога была черная. Он остановился у обочины, неподалеку от того места, где жил Адам. Тот занимал квартиру над помещением приходского секретаря католической церкви Святой Агнессы – счастливое сочетание, объединившее все объекты поклонения Ронана в пределах одного квартала. Ронан, который, как обычно, не обращал внимания на телефон, несколько часов назад пропустил звонок от Адама. Голосовое сообщение было кратким: «Если ты сегодня не идешь к Ченю вместе с Ганси, не поможешь мне с Кабесуотером?»

Ронан не поехал бы к Генри Ченю ни при каких обстоятельствах. От улыбок и политической активности он покрывался сыпью.

Он совершенно точно ехал к Адаму.

И теперь он вылезал из машины, щелкая языком, чтобы Бензопила оставила попытки распороть шов на пассажирском сиденье. Ронан окинул взглядом парковку возле церкви, ища трехцветную «Хондаёту». Она стояла с включенными фарами и выключенным мотором. Адам сидел перед ней на корточках и смотрел, не моргая, на ярко горящие огни. Растопыренными пальцами он упирался в асфальт, слегка расставив ноги, как бегун в ожидании старта. Перед ним лежали три карты Таро. Прежде чем присесть, Адам подстелил взятый из машины коврик, чтобы не запачкать рабочие брюки. Если кому-то удавалось соединить эти две вещи – непостижимое и практическое, – этот человек проходил изрядное расстояние по дороге, ведущей к познанию Адама Пэрриша.

– Пэрриш, – сказал Ронан.

Адам не ответил. Его зрачки были камерами-обскурами, ведущими в иной мир.

– Пэрриш.

Адам приподнял одну руку в направлении ноги Ронана. Пальцы дернулись, как бы давая понять: «Не мешай». Минимум движений.

Ронан скрестил руки и стал ждать, просто наблюдая. Он смотрел на изящные скулы Адама, на его нахмуренные светлые брови, на красивые руки, на всё остальное, омытое яростным светом. В особенности он запомнил форму кистей – неуклюже, по-детски оттопыренный большой палец, отчетливо выступавшие дорожки вен, крупные костяшки, словно знаки препинания. Во сне Ронан клал их себе в рот.

Его чувства к Адаму напоминали утечку нефти; он позволил им разлиться, и теперь, черт побери, весь океан воспламенился бы, стоило уронить спичку.

Бензопила подлетела к разложенным на земле картам, от любопытства приоткрыв клюв. Когда Ронан молча устремил на нее палец, она угрюмо залезла под машину. Ронан повернул голову, чтобы разглядеть карты. Что-то

с языками пламени, что-то с мечом. Дьявол. Одно-единственное слово – дьявол – оживляло в сознании тысячу образов. Красная кожа, белые солнечные очки, испуганные глаза Мэтью, лежащего в багажнике машины. Страх и стыд одновременно, в таком количестве, что тянуло на рвоту. Ронан с тревогой вспомнил свои недавние кошмары.

Пальцы Адама напряглись, и он сел. Он моргнул и еще раз – быстро, – потом пощупал кончиком безымянного пальца угол глаза. Это не помогло, и он стал тереть ладонями глаза, пока они не заслезились. Наконец Адам поднял голову и посмотрел на Ронана.

– Фары? Вот это жуть, Пэрриш.

Ронан протянул руку. Адам принял ее. Ронан помог ему встать, думая только об этом – ладонь, касающаяся ладони, скрещение больших пальцев, косточка запястья... Адам оказался лицом к нему, и Ронан выпустил его руку.

Океан пылал.

– Что такое с твоими глазами? – спросил он.

Зрачки у Адама по-прежнему были крошечные.

– Мне нужно некоторое время, чтобы прийти в себя.

– Стремный сукин сын. А при чем тут дьявол?

Адам уставился на темный витраж в церковном окне. Отчасти он еще оставался в плену света, исходившего от фар.

– Я не понимаю, о чем говорит эта карта. Такое ощущение, что она удерживает меня на расстоянии вытянутой руки. Мне нужно заглянуть поглубже, но кто-то должен понаблюдать за мной – на тот случай, если я отойду слишком далеко от самого себя.

В данном случае «кем-то» был Ронан.

– А что ты пытаешься выяснить?

Адам описал обстоятельства, связанные с его глазом и рукой, тем же ровным тоном, каким ответил бы на вопрос учителя в классе. Он позволил Ронану придвинуться, чтобы сравнить его глаза, так близко, что Ронан ощутил на щеке дыхание Адама. Потом он позволил Ронану изучить свою ладонь. Этого, в общем, не требовалось, и оба это знали, но Адам внимательно наблюдал за Ронаном, который легонько касался линий на руке.

Происходившее напоминало границу между сном и явью. Характерный ночной баланс, когда ты спишь достаточно крепко для того, чтобы видеть сны, и в то же время бодрствуешь – настолько, чтобы помнить, что тебе нужно.

Он знал, что Адам угадал его чувства. Но Ронан понятия не имел, можно ли сойти с этой узкой, как лезвие ножа, тропы, не разрушив то, чем он обладал.

Адам удержал взгляд Ронана, когда тот выпустил его руку.

– Я хочу найти источник того, что угрожает Кабесуотеру. Я могу лишь предположить, что эта же штука угрожала и тому черному дереву.

– Оно и у меня в голове, – признался Ронан.

День, проведенный в Амбарах, был отмечен снами, от которых он спешно пробудился.

– Да? И поэтому ты так ужасно выглядишь?

– Спасибо, Пэрриш, твое лицо меня тоже радует.

Ронан коротко объяснил, что искажение, которому подверглось дерево, напоминало искажение его сна. Впрочем, он умолчал о своей тревоге насчет содержания этого сна и о том, что это свидетельствовало о еще одном немаленьком секрете с избытком бранных слов.

– Вот я и не сплю больше.

Прежде чем Адам успел ответить, их отвлекло какое-то движение наверху. Что-то светлое и странное пролетело между темными деревьями, росшими вдоль улицы. Чудовище.

Чудовище Ронана.

Кошмар-альбинос редко покидал безопасные поля Амбаров, а если делал это, то лишь для того, чтобы следовать за Ронаном. Не как верный пес, а скорее, как кошка – бесечно, расширяющимися кругами. Но теперь он летел по улице к Ронану и Адаму, прямо и целеустремленно, волоча за собой изодранные крылья и свисавшую с тела ткань. На фоне лилово-черной ночи кошмар выделялся, как дым. Шум крыльев был примечательней всего остального – шух, шух, шух. Когда существо разевало свои два клюва, они дрожали, испуская отчаянный крик, не слышимый человеческими ушами.

Ронан и Адам запрокинули головы. Ронан крикнул:

– Эй, ты куда?

Но существо, даже не замедлив хода, пронеслось над ними. Оно летело прямо к горам. «Однажды этого урода подстрелит какой-нибудь напуганный фермер».

Ронан сам не знал, почему так беспокоился о нем. Наверное, потому, что однажды кошмар спас ему жизнь.

– Стремный сукин сын, – повторил Ронан.

Адам нахмурился и спросил:

– Который час?

– Шесть двадцать один, – ответил Ронан, и Адам нахмурился. – Нет, восемь сорок. Показалось.

- Еще успеем, если это недалеко.

Адам Пэрриш всегда думал о своих ресурсах: деньги, время, сон. В будний день, даже когда в затылок Адаму дышала сверхъестественная угроза, он упрямо держался за всё перечисленное; так он выживал.

- Куда едем?

- Не знаю. Надо понять, где дьявол... интересно, получится ли у меня погадать, пока ты ведешь. Жаль, что я не могу вести машину и гадать одновременно, но это исключено. Если честно, я просто хочу двигаться телом туда, куда мне приказывает идти сознание.

Над головой у них загудел и погас фонарь. Дождя не было уже несколько часов, но тем не менее в воздухе висело электричество, как во время грозы. Ронан задумался, куда отправился его ночной ужас. Он сказал:

- Ладно, маг, если я должен вести машину, пока ты будешь в отключке, как я узнаю, куда ехать?

- Я постараюсь оставаться в сознании в достаточной мере, чтобы сказать тебе.

- А это реально?

Адам пожал плечами; определения возможного и невозможного в последнее время стали растяжимы. Он наклонился и протянул руку Бензопиле. Та вспрыгнула на нее, хлопнув крыльями, чтобы удержать равновесие, когда под ее лапами заскользил рукав, и наклонила голову. Адам осторожно погладил мягкие перья возле клюва. Он сказал:

- Не узнаем, пока не попробуем. Ну, ты готов?

Ронан позвенел ключами от машины с таким видом, как будто у него не было никакого настроения ехать. Он указал подбородком на «Хондаёту».

- Ты хоть запрешь свое ведро с гайками?

Адам ответил:

- А смысл? Хулиганы всё равно заберутся.

Хулиган тонко улыбнулся.

И они поехали.

Адам вздрогнул и проснулся, когда дверца машины захлопнулась.

Он сидел в своей ужасной маленькой «Хондаёте» – разве он должен был в ней находиться?

Персефона уселась на пассажирское место, и волна ее светлых волос низверглась через приборную панель на водительское кресло. Она осторожно поставила ящик с инструментами, который сняла с сиденья, на пол, между ног.

Адам прищурился в бесцветном свете новой зари – разве уже настал день? Глаза у него по-прежнему болели от усталости. Казалось, вечерняя смена на фабрике закончилась совсем недавно. Без возможности поспать хоть несколько минут поездка домой казалась огромной задачей. Непосильной.

Адам не понимал, действительно Персефона здесь или нет. Да, наверное; ее волосы щекотали его голую руку.

– Достань карты, – велела она своим тихим голосом.

– Что?

– Сейчас будет урок, – кротно сказала Персефона.

Утомленный мозг отказывался служить; что-то в происходящем казалось Адаму не вполне правдивым.

– Персефона, я... я слишком устал, чтобы думать.

Тонкий утренний свет озарил чуть заметную улыбку Персефоны.

– На это я и рассчитываю.

Когда Адам потянулся за колодой и стал рыться в кармане на дверце, где она обычно лежала, до него дошло.

– Ты же умерла.

Персефона кивнула в знак согласия.

– Ты – мое воспоминание, – сказал Адам.

Она опять кивнула. Теперь всё обрело смысл. Он блуждал среди воспоминаний о своих уроках с Персефой. Цель занятий была всегда одной и той же – отдалиться от сознательного, раскрыть бессознательное, расширить его до коллективного бессознательного. Поискать нити, которые соединяли всё со всем. Сполоснуть и повторить. Поначалу Адаму никак не удавалось пройти первые две ступени. Каждое занятие проходило в попытках отвлечься от собственных конкретных мыслей.

Пальцы Адама коснулись пустого дна кармана на дверце. Представление о том, где, по его воспоминаниям, лежали карты, сталкивалось с точным

знанием, куда он положил их в реальности. После смерти Персефоны это окно начало протекать, и Адам стал хранить карты в бардачке, чтобы они не испортились.

– Почему ты здесь? Это сон? – спросил он, а потом оговорился: – Нет. Я гадаю. Я что-то ищущу.

И тут же Адам оказался в машине один.

Он был не просто один – он сидел на пассажирском сиденье, где раньше сидела Персефона, и держал в руке одну-единственную карту Таро. Рисунок на карте, приблизительный, небрежный, немного напоминал кучу ос. На самом деле это, вероятно, было лицо. Впрочем, неважно. Что он искал? Ориентироваться в пространстве между сознательным и бессознательным было трудно. Сосредоточись слишком сильно – выскочишь из состояния медитации. Сосредоточись недостаточно – забудешь про цель.

Адам позволил своему сознанию подобраться чуть ближе к настоящему.

В пределы слышимости просочилась электронная музыка, напоминая, что телом он по-прежнему в машине Ронана. Но теперь было нетрудно понять, что эта музыка составляла часть души Ронана. Ненасытная, полная мольбы, она шептала о темных местах – древних местах, – огне и сексе.

Адам удержался, зацепившись за пульсирующий электронный ритм и воспоминание о близости Ронана. Дьявол. Нет, демон. Секунду назад этого знания не было – и вдруг оно появилось.

«На север», – сказал он.

Сияющее белое кольцо окружало всё. Оно было таким ярким, что болели глаза, если смотреть прямо на него; Адаму пришлось устремить взгляд вдаль. Очень далекая часть Адама – часть, гудевшая от электрического ритма, – вдруг вспомнила, что это светится зарядка для телефона. Эта часть мозга всё еще присутствовала в реальности – в достаточной мере, чтобы шепотом давать Ронану указания.

«Поверни направо».

Кабесуотер бормотал ему в глухое ухо. Он шептал о разрывании на части, об отвержении, о жестокости, о небытии. Полный сомнения шаг назад, лживое обещание, которое, как ты понимал, должно было причинить боль впоследствии, знание, что тебе будет больно и что ты, возможно, это заслужил. Демон, демон, демон.

«Вперед, вперед, вперед».

Где-то по ночной дороге неслась темная машина. За руль крепко держалась рука, на запястье висели кожаные шнурки. Грейуорен. Ронан. В этом сонном мире все времена были одним временем, и Адама посетила странная и ясная картина – он заново пережил тот момент, когда Ронан протянул руку, помогая ему подняться с асфальта. Лишенные контекста, хлынули физические ощущения – удивительный, потрясающий жар прикосновения, тихое шипение

браслетов, скользнувших по запястью Адама, внезапное осознание возможности...

Всё в его сознании окружал жгучий белый свет.

Чем глубже Адам двигался сквозь музыку и окаймленную белым тьму, тем ближе подбирался к какой-то скрытой истине о Ронане. Она таилась среди вещей, которые Адам уже знал, наполовину проглядывала из-за леса мыслей. На секунду Адаму показалось, что он почти понял нечто о Ронане и о Кабесуотере – о Ронане-и-Кабесуотере, – но тут же это осознание ускользнуло. Он бросился за ним, глубже погружившись в то, из чего состояли мысли Кабесуотера. Лес забрасывал его образами. Лоза, душащая дерево, злокачественная поросль, ползущая гниль.

Адам мгновенно понял, что демон внутри.

Он чувствовал, что демон наблюдает за ним.

«Пэрриш».

Его видели.

«Пэрриш».

Что-то коснулось руки Адама.

Тот моргнул. Всё превратилось в сияющий круг, и тогда он моргнул еще раз, и свет уменьшился до огонька телефонной зарядки, воткнутой в прикуриватель.

Машина не двигалась, хотя явно остановилась недавно. В лучах фар по-прежнему клубилась пыль. Ронан сидел абсолютно тихо и неподвижно; одна рука, сжатая в кулак, лежала на рычаге переключения скоростей. Музыка была выключена.

Адам огляделся. Ронан, стиснув зубы, продолжал глядеть в ветровое стекло.

Пыль осела, и Адам наконец понял, куда он завел их обоих.

Он вздохнул.

Беспорядочная поездка сквозь холодную ночь и подсознание Адама привели их не к какому-то несчастью в Кабесуотере, не к очередному разрыву среди камней на силовой линии, не к угрозе, которую Адам видел в сияющих лучах фар своей машины. Нет. Адам, освободившись от рациональности, вырвавшись на волю в собственном сознании и посвятив себя задаче найти демона, привел их прямо к трейлерному парку, где жили его родители.

Оба молчали. В трейлере горел свет, но в окнах не было видно силуэтов. Ронан не выключил фары, и лучи утыкались прямо в переднюю стену трейлера.

– Почему мы здесь? – спросил Ронан.

– Я ошибся дьяволом, – тихо ответил Адам.

Прошло не так уж много времени после судебного слушания. Он знал, что Ронан до сих пор полнился праведного гнева по поводу результата: Роберт Пэрриш за свое первое – в глазах суда – правонарушение отделался штрафом и административным надзором. Чего Ронан не понимал, так это что победа не заключалась в наказании. Адаму не требовалось непременно отправить отца в тюрьму. Ему было нужно, чтобы кто-то просто посмотрел на ситуацию извне и подтвердил: да, Роберт Пэрриш совершил преступление. Адам не придумал всё это, не спровоцировал, не заслужил. Так говорилось в официальных документах. Роберт Пэрриш, виновен. Адам Пэрриш, свободен.

Ну... почти. Он по-прежнему сидел здесь и смотрел на трейлер, и сердце испуганно билось где-то у него в животе.

– Почему мы здесь? – повторил Ронан.

Адам покачал головой, не сводя глаз с трейлера. Ронан не выключил фары, и Адам знал: отчасти его друг надеялся, что Роберт Пэрриш откроет дверь, чтобы посмотреть, кто приехал. Отчасти Адам тоже на это надеялся, но с дрожью – так человек надеется, что дантист просто выдернет ему зуб и на этом всё закончится.

Он почувствовал на себе взгляд Ронана.

– Почему, – произнес Ронан в третий раз, – мы здесь, мать твою?

Но Адам не ответил. Потому что дверь открылась.

Роберт Пэрриш стоял на крыльце, и выражение его лица по большей части терялось в свете фар. Адаму, впрочем, необязательно было видеть его лицо, поскольку чувства отца прекрасно выражало тело. Разворот плеч, наклон головы, сунутые под мышку руки, словно попавшие в ловушку. Адам понял, что отец узнал эту машину, и не приходилось сомневаться, что Роберт Пэрриш чувствовал по этому поводу. Адам ощутил неожиданный страх, совершенно не связанный с его сознательными мыслями. Кончики пальцев у Адама онемели от болезненного прилива адреналина, вызванного отнюдь не приказом мозга. Шипы впились в сердце.

Отец Адама просто стоял и смотрел. И они сидели и смотрели. Ронан, сжавшийся как пружина, закипал. Одну руку он положил на дверцу.

– Не надо, – сказал Адам.

Но Ронан нажал кнопку, открывавшую окно. Тонированное стекло поползло вниз. Ронан свесил руку через окно, продолжая смотреть на хозяина дома. Адам знал: Ронан прекрасно сознавал, каким злобным мог казаться, и он ни на йоту не смягчил своего выражения, глядя через лужайку, поросшую клочковатой травой, на Роберта Пэрриша. Взгляд Ронана Линча был змеей на тропинке. Спичкой, оставленной на подушке. Он заклеивал противнику рот и пробовал его кровь на вкус.

Адам тоже смотрел на отца, но без всякого выражения. Он был в машине и одновременно в Кабесуотере и в трейлере. С отстраненным любопытством он

отметил эту путаницу, но тем не менее продолжал существовать на трех расколотых экранах.

Роберт Пэрриш не двигался.

Ронан сплюнул в траву – лениво и как будто не угрожающе. Затем он отвернулся (презрение заполнило машину до краев и вытекло наружу) и молча поднял окно.

В салоне стояла абсолютная тишина. Было так тихо, что, когда подул ветерок, послышалось шуршание сухих листьев, касавшихся крышишек.

Адам коснулся пальцем того места на запястье, где обычно носил часы.

Он сказал:

– Я хочу повидать Девочку-Сироту.

Ронан наконец взглянул на него. Адам ожидал увидеть в его глазах бензин и гравий, но у Ронана было выражение, которого Адам, казалось, никогда раньше не видел – задумчивое, оценивающее... Ему предстала более осмотрительная и умудренная версия Ронана. Ронан, но выросший. Адам почувствовал, что... не знает. Он не располагал достаточной информацией, чтобы понять, что чувствует.

«БМВ» развернулся в вихре пыли и угрозы. Ронан сказал:

– Ладно.

20

Вечеринка в римском стиле оказалась не такой уж скверной.

Более того, она была замечательная.

Они обнаружили ванкуверскую тусовку в гостиной, на креслах, застеленных простынями, и сами они были тоже наряжены в простыни. Всё сплошь белое и черное: черные волосы, белые зубы, черные тени, белая кожа, черный пол, белая ткань. Здесь собрались ребята, которых Ганси знал: Генри, Чень-второй, Лянь, Ли-в-Квадрате, Кох, Разерфорд, Стив-Зараза. Но в Личфилд-Хаусе они держались иначе. В школе они были тихими, прилежными, незаметными – образцовые ученики, «одиннадцать процентов наших учащихся – иностранцы, чтобы узнать больше о программах зарубежного обмена, пройдите по ссылке». А здесь они сидели развалившись. Они никогда не разваливались в школе. Здесь они были злыми. В школе они никогда не позволяли себе злиться. Здесь они были шумными. Они не настолько доверяли себе, чтобы шуметь в школе.

Вот так: Генри показал Ганси и Блу Личфилд-Хаус, а остальные, в тогах, следовали за ними. Одной из черт Агленби, которая всегда нравилась Ганси, было ощущение единообразия, преемственности, традиции, неизменности. Время не существовало в стенах Академии... а если существовало, то не играло никакой роли. Школу всегда населяли ученики – и так должно было быть всегда; в Агленби они становились частью чего-то большего. Но в Личфилд-Хаус получалось наоборот. Сразу становилось понятно, что все эти ребята приехали из мест, которые не являлись Агленби, и впереди их ждала жизнь, которая также не являлась Агленби. Повсюду валялись книги и журналы, не имевшие отношения к школе, на ноутбуках были открыты игры и новостные сайты. В дверных проемах, как мертвые тела, висели костюмы, зачастую достаточно поношенные и поэтому уютные. Мотоциклетные шлемы валялись на старых самолетных билетах и стопках сельскохозяйственных журналов. Обитатели Личфилд-Хаус уже прожили целую жизнь. У них было прошлое, и они стремились дальше. Ганси чувствовал себя странно: ему казалось, что он смотрит в кривое зеркало. Цвета те же самые, а детали искажены.

Вот так: Блу, балансируя на грани оскорбления, сказала: «Я не понимаю, почему ты постоянно говоришь гадости про корейцев. Про самого себя». А Генри ответил: «Лучше я, чем кто-нибудь другой. Это единственный способ не злиться постоянно». И внезапно Блу подружилась с ванкуверской компанией. Казалось невероятным, что они вот так взяли и приняли ее и что она столь же быстро сбросила колючки, но факт оставался фактом: Ганси видел, как это случилось. Теоретически Блу совершенно не походила на них. На практике она была такой же, как они. Ванкуверская тусовка не походила на весь остальной мир, и их это вполне устраивало. Голодные глаза, голодные улыбки, голодное будущее.

Вот так: Кох показал, как сделать тогу из простыни, и отправил Блу и Ганси переодеваться в тесную спальню. Ганси вежливо повернулся спиной, пока Блу раздевалась, а потом повернулась она (возможно). Плечо Блу, ее ключицы, ноги, горло, ее смех, ее смех, ее смех. Он не мог не смотреть на нее, и здесь это было не страшно, потому что никого не волновало, что они вместе. Здесь он мог перебирать пальцы Блу, стоя рядом с ней, она могла коснуться щекой голого плеча Ганси, он мог игриво зацепить ее ногу своей ногой, она могла обвить рукой его талию. Здесь он испытывал невероятный голод по ее смеху.

Вот так: кей-поп, опера, хип-хоп, баллады восьмидесятых, рвущиеся из динамиков рядом с компьютером. Чень-2, в эйфории, рассуждающий о своих планах по развитию экономики в южных штатах. Генри, напившийся, но тихий – вместе с Лянем они играли в бильярд на полу, при помощи клюшек для лакросса и мячиков для гольфа. Стив-Зараза, который включил кинопроектор и убрал звук, позволяя желающим заняться озвучкой.

Вот так: будущее густо висело в воздухе, а Генри завел тихий пьяный разговор о том, хотела бы Блу или нет поехать с ним в Венесуэлу. Блу негромко ответила, что хотела бы, очень хотела, и Ганси услышал в ее голосе тоску, как будто он погибал, как будто его собственные чувства невыносимым образом нашли отражение. «А мне нельзя поехать?» – спросил Ганси. «Да, встретишь нас там на крутом личном самолете», – сказал Генри. «Пусть тебя не вводит в заблуждение его прическа, – вмешалась Блу. –

Ганси пойдет пешком». И тепло наполнило пустоты в сердце Ганси. Он почувствовал, что его знают.

Вот так: Ганси шел вниз по лестнице, ведущей на кухню, Блу направлялась наверх, и они встретились посередине. Ганси шагнул в сторону, чтобы пропустить ее, но передумал. Он поймал Блу за руку, потом обнял. Она была теплой, живой, полной сил под этой тонкой простыней; он был теплым, живым, полным сил.. Блу провела рукой по его обнаженному плечу, потом по груди, прижала ладонь к косточке посередине, с любопытством вдавила пальцы в кожу.

- Я думала, у тебя больше волос, - шепнула она.

- Извини, если разочаровал. На ногах точно больше.

- У меня тоже.

Вот так: они бессмысленно смеялись, уткнувшись друг в друга, играли, пока внезапно игра не оборвалась, и Ганси остановился, замерев в опасной близости от ее губ, и Блу остановилась, прижавшись к нему животом.

Вот так. Ганси сказал:

- Ты мне ужасно нравишься, Блу Сарджент.

Вот так: улыбка Блу - кривая, насмешливая, нелепая, смущенная. В уголке этой улыбки было столько счастья, и, пусть даже лицо девушки находилось в нескольких сантиметрах от лица Ганси, некоторое количество счастья выплеснулось и попало на него. Блу коснулась пальцем щеки Ганси, в том месте, где, как он знал, появилась ямочка его собственной улыбки, а потом они взялись за руки и вместе пошли вверх по лестнице.

Вот так: этот момент и никакой другой. И впервые Ганси понял, что такое присутствовать в собственной жизни.

21

Ронан сразу мог сказать, что что-то не так.

Когда они вступили в Кабесуотер, Адам произнес «День» в ту же секунду, когда Ронан сказал: Fiat lux. Лес обычно прислушивался к пожеланиям гостей-людей, особенно когда эти люди были магом либо Грейуореном. Но сегодня темнота вокруг деревьев упрямо оставалась на месте.

- Я сказал, fiat lux, - рыкнул Ронан и неохотно добавил: - Amabo te.

Тьма медленно начала рассеиваться, как вода, просачивающаяся сквозь бумагу. Впрочем, до конца так и не рассвело, и то, что они увидели... было неправильно. Ронан и Адам стояли среди черных деревьев, поросших тусклым серым лишайником. Воздух был зеленоватым. Хотя на деревьях не осталось листьев, небо казалось низким – оно походило на замшелый потолок. Деревья по-прежнему молчали; это напоминало мрачное затишье перед бурей.

– Ух, – сказал Адам, явно выбитый из колеи.

И не ошибся.

– Ты еще не передумал? – спросил Ронан.

Всё это в точности напоминало его кошмары. Весь вечер – безумная поездка в трейлерный парк, призрак Роберта Пэрриша, болезненная мрачность Кабесуотера. Бензопила в норме улетела бы, чтобы пошарить вокруг, но сегодня она сидела на плече у Ронана, пригнувшись и запуская когти ему в куртку.

Как в одном из своих снов, Ронан подумал: «Я знаю, что сейчас произойдет». И действительно: Адам помедлил. А потом кивнул.

Во сне никогда было нельзя понять, то ли Ронан заранее знал, что сейчас произойдет, то ли события случались именно потому, что он о них подумал.

«Это важно? Да – если ты не спишь».

Они помедлили на кромке леса, чтобы утвердить свое присутствие. Ронану было достаточно просто походить вокруг, чтобы деревья увидели его; они постарались бы по мере сил сделать то, что ему было нужно, в том числе не позволили бы ничему сверхъестественному убить Грейуорена. Для Адама это значило связаться с силовой линией, которая пульсировала под землей, развернуться и впустить внутрь кусок покрупнее. Процесс был одновременно жутковатый и впечатляющий, если наблюдать снаружи. Адам; Адам, пустой; Адам, нечто большее.

Ронан вспомнил про блуждающий глаз Адама и его взбунтовавшуюся руку. «Я буду твоими глазами. Я буду твоими руками».

Он выкинул эту мысль из головы. Воспоминание о том, как Адам отдал Кабесуотеру часть себя, и так слишком часто посещало Ронана в кошмарах; не было нужды призывать его еще раз, уже намеренно.

– Маг, ты закончил? – спросил он.

Адам кивнул.

– Время?

Ронан с облегчением вернул Адаму его мобильник.

Адам посмотрел на циферблат.

– Шесть двадцать одна, – сказал он, нахмурившись.

Ронан тоже нахмурился. Это было удивительно не потому, что неожиданно. Время на силовой линии всегда шло неопределенно, оно скакало туда-сюда, минуты занимали часы и наоборот. Удивительно было то, что 6:21 настало достаточно далеко от силовой линии, и поэтому возбудило их подозрения. Что-то случилось, а Ронан не понимал, что.

- А ты, Грейуорен, закончил? - спросил Адам.

- В процессе, - ответил Ронан.

Он сложил руки рупором и заорал:

- Девочка-Сирота!

Где-то далеко, в зеленом воздухе, отозвался ворон:

- Ха, ха, ха!

Бензопила зашипела.

- Меня вполне устраивает, - сказал Ронан и двинулся вперед, между зелеными деревьями.

Мрак его не радовал, но он ведь привык действовать в кошмаре. Главным было поскорее понять, какие правила и страхи разыгрывались здесь, и принять вызов. Вред в кошмарах причиняла паника. Напомнить сну, что ты чужероден ему, - прекрасный способ оказаться изгнанным или убитым.

Ронан хорошо умел вести себя как существо из мира грез, особенно в Кабесуотере.

Они продолжали идти. И всё это время лес вокруг оставался НЕПРАВИЛЬНЫМ. Как будто они шли по склону, хотя земля под ними была вполне ровной.

- Скажи мне еще раз, - осторожно произнес Адам, догоняя Ронана, - что именно в твоих снах было не так. Меньше ругательств, больше конкретики.

- Не меня Кабесуотер?

Хотя Кабесуотер откликнулся на их просьбу о свете медленно, это не значило, что он не поспешит откликнуться на воспоминание о кошмаре. Особенно теперь, когда лес выглядел как серо-зеленый полумир, полный черных стволов.

- Разумеется.

- Вот так оно и было.

- Как?

Ронан ответил:

- Как сейчас.

Он не сказал больше ничего. И крикнул:

- Девочка-Сирота!

- Кар, кар, кар!

На сей раз это больше походило на голос девочки, чем на птичий крик. Ронан слегка ускорил шаг; теперь они поднимались в горку. Справа круто уходила вниз голая скала; из трещин в ее обнаженной поверхности пробивались немногочисленные маленькие деревца. Ронан и Адам осторожно двигались по ненадежному краю; один неверный шаг – и они съехали бы на несколько метров, не имея возможности быстро взобраться вверх.

Ронан оглянулся, чтобы убедиться, что Адам следует за ним. Тот шел по пятам, глядя на Ронана прищуренными глазами.

- Думаешь, в твоём сне что-то не так, потому что с Кабесуотером что-то не так? – спросил Адам.

- Возможно.

- Значит, если мы исправим Кабесуотер, то наведем порядок и в твоих снах.

- Возможно.

Адам продолжал размышлять – он думал так усиленно, что Ронан как будто это чувствовал. Впрочем, в Кабесуотере, так близко от Адама, было вполне возможно, что и правда чувствовал.

- Ты и раньше, до того, как мы нашли Кабесуотер, умел делать вещи из снов реальными, так ведь? А без Кабесуотера у тебя это получается?

Ронан остановился и, прищурившись, посмотрел во мрак. Примерно в пятнадцати метрах внизу скалистый спуск, вдоль которого они шли, обрывался в озерцо с идеально прозрачной водой. Она была окрашена зеленью, потому что воздух был зеленым, всё было зеленым, но, несмотря на это, она оставалась чистой. Ронан мог разглядеть каменистое дно. Озерцо, несомненно, было больше в глубину, чем в ширину – просто щель, наполненная водой. Она притягивала его внимание.

- А что?

- Если ты отключишься от Кабесуотера, пока я его не почию, твои сны станут нормальными?

Вот оно. Наконец-то Адам стал задавать правильные вопросы, вопросы, которые давали понять, что он, вероятно, уже знает ответ. Чем больше времени они вместе проводили в Кабесуотере, чем чаще имели дело со снами Ронана, тем сильнее кошмары Кабесуотера отражались в кошмарах Ронана и наоборот. Тем больше собиралось доказательств.

Но теперь, когда они дошли до сути, Ронан засомневался, что хочет быть на другой стороне. Столько дней он сидел на церковной скамье, прижав

костяшки пальцев ко лбу, и мысленно спрашивал: «Кто я, единственный ли я, что это значит...»

Он сказал:

- С Кабесуотером получается лучше. С Девочкой-Сиротой тоже. Но...

Он замолчал. И посмотрел в землю.

- Спроси меня, - велел Ронан. - Просто спроси. Просто...

- Спросить - о чем?

Ронан не ответил. Он продолжал смотреть в землю. Воздух двигался, окрашивая его светлую кожу зеленью, и деревья изгибались вокруг, черные и реальные; всё здесь походило на его сны, ну, или всё в его снах было таким же, как здесь.

Адам сжал губы, а потом спросил:

- Ты приснил Кабесуотер?

И Ронан вскинул на него свои синие глаза.

22

На часах было 6:21.

- Когда? - спросил Адам. - Когда ты понял, что приснил Кабесуотер? Сразу же?

Они смотрели друг на друга, стоя наверху скалистого откоса, а далеко внизу лежало прозрачное озерцо. Сердце у Адама колотилось то ли от адреналина, то ли от близости к силовой линии.

- Я всегда знал, - сказал Ронан.

Это не могло повлиять на то, каким он видел Ронана. Умение грезить всегда было впечатляющим и необычным - божественный глюк, фокус силовой линии, позволяющий Ронану превращать свои мысли в конкретные предметы. Магия, но вполне разумная. Но... не только приснить целый лес, но и создать пространство сна за пределами собственной головы... Адам находился во сне Ронана - вот что значило это осознание.

Ронан оговорился:

- Ну, вроде как. Просто... когда мы сюда попали, я узнал это место. Свой почерк на камне. Наверное, я сразу понял. Но у меня ушло некоторое время, чтобы в это поверить.

Все воспоминания Адама об их предыдущих вылазках в лес медленно двигались в его душе. Фрагменты вставали на места.

- Вот почему он называет тебя Грейуореном. Вот почему он тебя отличает.

Ронан пожал плечами, но это был жест человека, которому не всё равно, а вовсе даже наоборот.

- Вот почему он говорит на скверной латыни. Это твоя латынь.

Ронан вновь пожал плечами. Вопросы переполняли Адама - слишком сложные, чтобы их озвучить. Ронан вообще человек? Наполовину сновидец, наполовину сон, создатель воронов, девочек с копытами вместо ног, новых земель. Неудивительно, что школьная форма душила Ронана, неудивительно, что отец взял с него клятву молчать, неудивительно, что он не мог заставить себя сосредоточиться на уроках. Адам понял это и раньше - а теперь понял вновь, полнее, серьезнее осознал всю нелепость Ронана Линча в школе для будущих политиков.

Адам почувствовал, что близок к истерике.

- Вот почему он в принципе говорит на латыни, а не по-португальски, не по-валлийски. О боже. Я...

Он заключил с этим лесом сделку. Когда он засыпал, когда Кабесуотер проникал в его мысли, вмешивался в его сны, это был Ронан...

- Нет, - сказал Ронан быстро - он явно не успел к этому подготовиться. - Нет, я не выдумывал его с нуля. После того как я понял, в чем дело, я спросил у деревьев, почему, блин... как, блин, это произошло. Кабесуотер каким-то образом существовал и до меня. Я просто приснил его. В смысле... заставил выглядеть вот так. Я выбрал эти деревья, этот язык, всё вот это, не зная о том. В какой бы точке силовой линии он ни находился раньше, он был разрушен, не имел тела, формы... когда я приснил Кабесуотер, то вернул ему физический облик. Ну... проявил, вызвал из того, блин, места, где он находился. Это не я.

Мысли Адама забуксовали в грязи; он не мог двинуться дальше.

- Кабесуотер - это не я, - повторил Ронан. - Ты - по-прежнему ты.

Одно дело - сказать это, а другое - видеть Ронана Линча, стоявшего среди деревьев, которые он перенес в реальность, и выглядевшего как единое целое с ними, потому что он и был с ними единым целым. Маг... Неудивительно, что Ронана не отпугивала странность Адама. Неудивительно, что он был нужен ему таким.

- Сам не знаю, почему я тебе это рассказал, - произнес Ронан. - Мог бы и соврать.

- Просто дай мне минутку, чтоб привыкнуть, ладно? - попросил Адам.
- Дело твое.
- Не надо злиться из-за того, что я хочу это обдумать.
- Я сказал - дело твое.
- Сколько времени понадобилось тебе, чтобы в это поверить? - спросил Адам.
- Я до сих пор пытаюсь, - признался Ронан.
- Тогда ты не можешь...

Адам замолчал. Ему вдруг показалось, что он упал с высоты. То же самое он почувствовал, когда понял, что Ронан приснил нечто очень большое. Адам едва успел задуматься, что это такое - скачок силовой линии или просто шок от услышанного, - когда ощущение повторилось. На сей раз свет вокруг ослабел одновременно с ним.

Лицо Ронана заострилось.

- Силовая линия... - начал Адам и замолчал, не зная, как закончить свою мысль. - Что-то с ней происходит. Ощущение - как в те разы, когда ты творил что-то большое.

Ронан развел руки. Ответ был ясен. «Это не я».

- И что делать?
- Не знаю, стоит ли оставаться здесь, пока он такой, - сказал Адам. - И я сильно сомневаюсь, что нам надо идти в долину роз. Давай просто прокричим еще.

Ронан окинул Адама взглядом, оценивая его состояние. Он всё понял правильно: Адам чувствовал себя так, как будто ему было нужно встать на колени у себя в комнате, заложить руки за голову и подумать над тем, что он только что узнал. Он сказал:

- Еще один раз.

И они хором прокричали:

- Девочка-Сирота!

Этот объединенный зов был полон силы, пронзающей мрак.

Лес прислушался.

Возникла Девочка-Сирота, в шапочке, почти закрывающей огромные глаза, в свитере, который казался потрепаннее прежнего. В этом зелено-сером лесу она невольно выглядела отталкивающе, поскольку появилась не как обычно, несясь между темными деревьями. Она принадлежала миру старинных

фотографий, которые Адам видел в Амбарах – потерявшийся ребенок-эмигрант из разоренной страны.

– Вот ты где, хулиганка, – сказал Ронан, а Бензопила нервно закаркала. – Наконец-то.

Девочка неохотно протянула Адаму его часы. С тех пор как он в последний раз их видел, на ремешке успели появиться отметины от зубов. Циферблат показывал 6:21. Часы были очень грязные.

– Можешь оставить себе, – сказал Адам, – пока что.

Он не мог на самом деле подарить Девочке-Сироте часы, но у нее вообще ничего не было, даже имени.

Она начала говорить что-то на странном, запутанном языке; Адам знал, что это – древний и основной язык Кабесуотера, чем бы тот ни был. Язык, который юный Ронан в своих давних снах, видимо, по ошибке принял за латынь. Девочка вдруг замолчала.

Она сказала:

– Берегись.

– Чего? – уточнил Ронан.

Девочка завопила.

Свет померк.

Адам почувствовал это – взрыв энергии. Как будто все артерии в его сердце перерезали ножницами.

Деревья завывали, земля задрожала.

Адам присел, прижав ладони к земле. Он надеялся, что Кабесуотер поможет, даст ему вздохнуть... вернет его сердцу способность биться.

Девочка-Сирота пропала.

Нет, не пропала. В нескольких метрах от них она летела по скалистому откосу, цепляясь пальцами и глухо скребя копытами. Вместе с ней вниз катились камушки. Девочка не звала на помощь – она просто пыталась спастись. Адам и Ронан увидели, как она соскользнула прямо в хрустально-чистое озерцо; сквозь прозрачную воду было видно, как глубоко она погрузилась.

Не сказав ни слова, Ронан прыгнул следом.

На часах было 6:21.

Ронан ударился о воду с такой силой, что в глазах у него замелькали искры. Вода была теплой, как кровь, и в ту же секунду, когда он ощутил жар, Ронан понял, что помнит это озеро. Он уже видел его во сне.

В нем была кислота.

Жар исходил от воды потому, что она съедала его. В конце этого сна от Ронана не оставалось ничего, кроме костей, чистых белых палочек в школьной форме, как от Ноя.

Ронан немедленно обратил всю силу мысли к Кабесуотеру.

«Не кислота, – подумал он. – Сделай это чем-нибудь другим».

Кожа продолжала нагреваться.

– Не кислота, – повторил Ронан вслух, чувствуя, как болят глаза.

Жидкость проникала в рот, просачивалась в ноздри. Он чувствовал, как она пузырится под ногтями. Где-то внизу, под ним, была Девочка-Сирота – она пробыла в этом странном озере на несколько секунд дольше, чем он. Сколько у него времени? Он не мог в подробностях вспомнить тот сон. Ронан выдохнул прямо в кислоту:

– Спаси нас.

Кабесуотер всколыхнулся вокруг, задрожал, пожал плечами, пытаясь удовлетворить его просьбу. Ронан увидел, что Девочка-Сирота медленно уходила в глубину прямо под ним. Она закрыла глаза; она не знала, что Ронан прыгнул следом. Очевидно, бедняжка не ждала помощи. Девочка-сирота, мальчик-сирота.

Ронан поплыл за ней – он был неплохим пловцом, но не без воздуха, не в кислоте.

Жидкость ворчала, касаясь кожи.

Он ухватил девочку за мешковатый свитер, и она раскрыла глаза, большие, странные, испуганные. Ее губы выговорили: «Керау?», а потом она ухватила Ронана за руку. Несколько секунд оба тонули, но девочка была не глупа – она начала грести свободной рукой и отталкиваться ногами от каменных стенок.

Они как будто погрузились на несколько миль.

– Кабесуотер, – позвал Ронан, и из его рта вырвались огромные пузыри.

Мозг отказывал.

– Кабесуотер, воздух.

В норме Кабесуотер всегда спасал его. Кабесуотер знал, как хрупко человеческое тело. В норме. Но сейчас он не слушал Ронана – а может быть, слушал, но ничего не мог сделать.

Озеро кипело вокруг них.

Ронан должен был умереть. Он думал только об одном: что жизнь Мэтью тоже закончится, если его не станет.

Внезапно что-то ударило Ронана по ногам. Прижалось к рукам. Сдавило грудь. Дыхание... он едва успел схватить Девочку-Сироту, прежде чем всё почернело.

А потом Ронан вырвался из воды, вытолкнутый снизу. Его выплюнуло на скалистый берег озера. Девочка-Сирота выкатилась из его объятий. Оба откашливали жидкость; от волдырей на языке она была розоватой. Руки Ронана, руки Девочки-Сироты сплошь облепили листья. Очень много листьев.

Ошалело глядя через плечо, Ронан увидел, что весь пруд полон лозами и кустами. Побегги продолжали медленно тянуться из воды. Оставшиеся внизу части растений уже пожирала кислота.

Вот что спасло их и не позволило утонуть. Ронана и Девочку-Сироту подняли ветви.

Адам сидел на корточках на другом берегу, низко опустив голову. Он как будто собирался то ли бежать спринт, то ли молиться – его руки прижимались к земле, костяшки побелели. Адам положил между расставленными ладонями несколько маленьких камней, создав узор, который, очевидно, имел для него смысл. Один из продолжавших расти побегов обвился вокруг его лодыжек и запястий.

И тут до Ронана дошла правда. Жизнь им спасли не растения. Их спас Адам Пэрриш.

– Пэрриш, – позвал Ронан.

Адам взглянул на него пустыми глазами. Он дрожал.

Девочка-Сирота обошла вокруг озерца, стараясь держаться подальше от края, и приблизилась к Адаму. Она поспешно, двумя пальцами, сбросила маленькие камушки в воду. И тут же лозы перестали расти. Адам содрогнулся и сел. Лицо у него по-прежнему было отстраненное и болезненное, правая рука дергалась так, что было неприятно на нее смотреть. Девочка-Сирота взяла Адама за левую руку и поцеловала в ладонь – он просто закрыл глаза, – а затем устремила на Ронана настойчивый взгляд.

Она сказала:

– Увести! Надо увести!

- Куда? - спросил Ронан, осторожно шагая к ним.

Он посмотрел на скалистый склон, на горы вокруг, пытаясь понять, как им выбраться.

- Кабесуотер, - сказала Девочка-Сирота. - Тут что-то происходит. Ай!

В промежутках между изъеденными кислотой листьями озерцо начало чернеть. Начинаясь кошмар.

- Вставай, Пэрриш, - велел Ронан, схватив Адама за руку. - Мы уходим отсюда.

Адам открыл глаза. Одно веко не желало подниматься. Он сказал:

- Не забудь, что она идет с нами.

24

Было 6:21.

Никто уже давно не подходил к телефону в доме номер 300 на Фокс-Вэй. Блу послушно пользовалась мобильником Ганси, чтобы звонить домой каждые сорок пять минут, как просила Мора, но никто не брал трубку. В самый первый раз Блу не увидела в этом ничего странного: если линия была занята телефонной консультацией, внешние звонки перенаправлялись в голосовую почту. Но проблема состояла в том, что линия упорно не освобождалась. Блу попыталась вновь через сорок пять минут. И еще раз.

- Нам надо ехать, - сказала она Ганси.

Тот не задавал вопросов. Генри Чень, надо отдать ему должное, тоже (пусть даже он был пьян и человеколюбив и предпочел бы, чтобы они остались). Он сразу догадался, что это частное дело и лучше не мешать. Он забрал у них простыни, пожелал хорошего вечера и в последний раз позвал Блу с собой в Венесуэлу.

В машине они поняли, что часы Ганси продолжают показывать 6:21.

Что-то было не так.

Добравшись до дома номер 300 на Фокс-Вэй, Блу дернула входную дверь. Хотя было уже поздно - поздно ли? Ведь часы показывали 6:20, нет, 6:21, всегда 6:20, потом 6:21 - дверь оказалась не заперта. Ганси, стоя рядом с Блу, одновременно был наэлектризован и насторожен.

Они закрыли дверь за собой.

Что-то было не так.

Оказавшись в темном доме, Блу никак не могла понять, чего недостает, хотя была абсолютно уверена, что ей не мерещится. Она застыла с этой мыслью, не в силах сделать ни шагу, пока не определила, что именно ее беспокоит. «Наверное, – подумала она, – так себя чувствуют ясновидящие».

У девушки дрожали руки.

Что ее смущало? В доме, возможно, было темнее, чем обычно – свет из кухни не мог рассеять ночь. Возможно, было прохладнее, чем обычно, но не исключено, что Блу просто волновалась. Было тише – не бормотал телевизор, не звенела посуда... но, возможно, просто все уже легли. Мигнула лампочка... нет, просто чьи-то фары отразились от стеклянного циферблата часов на столике в коридоре. Часы показывали 6:21.

Блу не могла двинуться с места.

Казалось невыносимым стоять вот так, в плену страха – всего лишь страха, – но тем не менее она стояла. Блу напонила себе, что лазала по загадочным пещерам, видела волшебного огнедышащего дракона, находилась в двух шагах от отчаявшегося человека с пистолетом. С какой стати ее парализовал вид собственного дома, без всякой видимой угрозы?

Но она не могла двинуться, и Ганси тоже не шевелился. Он рассеянно прижал палец к левому уху. Его глаза слегка остекленели. Блу вспомнила: то же самое произошло совсем недавно, во время панической атаки в пещере.

У девушки мелькнула мысль, что они – последние два человека, оставшиеся на Земле. Войдя в гостиную, она не обнаружит там ничего, кроме тел...

Прежде чем Блу успела спохватиться, у нее вырвался тихий всхлип.

«Будь благоразумна!»

Ганси нащупал ее руку. Ладонь у него была мокрая, но какая разница? У нее тоже. Они оба были в ужасе.

Как только Блу подумала об этом, дом перестал быть тихим. В тишине раздавались потрескивание и гудение, словно от нестройно работающих электроприборов.

Взгляд Ганси упал на девушку. Она благодарно стиснула его пальцы. А потом они одновременно разжали руки. Оба не знали, какое количество свободных конечностей понадобится им для самозащиты.

«Иди, Блу».

Они двинулись вперед – медленно. Оба выжидали, не заскрипят ли половицы. Оба боялись произвести хоть звук, прежде чем станет ясно, что случилось.

Они боялись, точка.

Дойдя до лестницы, Блу положила руку на перила и прислушалась. Гудение, которое она слышала, сделалось громче, оно стало живым и негармоничным. Это была монотонная песня без слов – кто-то зловеще тянул одну ноту, а затем переходил к другой, чуть выше в незнакомом ладу.

Какой-то стук прямо у них за спиной заставил Ганси подскочить. Но Блу обрадовалась, потому что она его знала. Это было постукивание гигантских сабо кухни по неровному полу. Она с облегчением повернулась к Орле, приятно знакомой и нелепой в своих брюках клеш. Взгляд Орлы был устремлен на что-то над головой Блу.

– Орла, – позвала Блу.

Кухина опустила глаза и посмотрела на нее.

А потом завизжала.

Руки Блу действовали сами по себе – она зажала уши, как ребенок. Ноги тоже среагировали без приказа – она попятилась к Ганси. Орла схватилась за сердце и снова завопила – еще громче и пронзительнее. Ничего подобного от своей кухни Блу раньше не слышала. Часть ее души метнулась прочь – это не Орла кричала, это не Блу наблюдала за ней, это был сон, а не явь...

Орла замолчала.

Ее глаза, впрочем.. она по-прежнему смотрела мимо Блу, в пустоту. На что-то внутри себя. Плечи Орлы вздымались от ужаса.

И на заднем фоне продолжалось гудение, исходившее из какого-то места в доме.

– Орла, – прошептал Ганси. – Орла, ты меня слышишь?

Орла не ответила. Она видела мир, скрытый от Блу.

Блу не хотелось говорить правду, но все-таки она сказала:

– Думаю, надо найти источник звука.

Ганси мрачно кивнул. Оставив Орлу незряче смотреть перед собой и плакать, они осторожно пошли дальше. Свет на кухне, в конце коридора, казалось, воплощал безопасность и уверенность. Но между ними и кухней зиял черный дверной проем гадальной комнаты. Хотя сердце Блу говорило ей, что в комнате абсолютно темно, глаза подсказывали, что на столе стоят три свечи. Они были зажжены. Но от этого ничего не менялось. Они никак не влияли на темноту.

Странное, многоголовое гудение доносилось из гадальной.

Послышалось негромкое шарканье, словно кто-то возил шваброй по половицам.

Ганси для пробы коснулся костяшками пальцев руки Блу.

«Сделай шаг».

Она сделала.

«Зайди».

Они зашли.

На полу гадальной комнаты извивался и корчился Ной – в невозможных позах. Где-то он умирал. Вечно умирал. Пусть даже Блу уже видела раньше, как он заново переживал свою смерть, от этого не становилось легче. Его лицо было обращено к потолку, рот раскрыт в бездумной гримасе боли.

Ганси задыхался рывками.

Над Ноем, за большим гадальным столом, сидела Калла, и ее глаза были устремлены в никуда, а руки покоились поверх разбросанных карт Таро. Рядом лежал телефон; Калла общалась с клиентом.

Негармоничный гул звучал здесь громче прежнего.

Он исходил от Каллы.

– Тебе страшно? – прошептал Ной.

Ганси и Блу вздрогнули. Они не заметили, что Ной перестал корчиться, но он перестал и теперь лежал на спине, подтянув колени, и смотрел на них. Его лицо вдруг сделалось насмешливым, слегка нетипичным для Ноя. Сквозь губы скалились зубы черепа.

Блу и Ганси взглянули друг на друга.

И тут Ной вдруг посмотрел вверх, словно услышал чье-то приближение. Он тоже начал напевать. Немелодично.

Каждая клеточка в теле Блу вспыхнула в знак предостережения.

Затем Ной разделился и снова соединился.

Блу сама не знала, как еще это назвать. Только что перед ней был один Ной, потом рядом возник второй, обращенный лицом в другую сторону, затем она опять увидела одного. Блу не могла понять, в чем заключалась проблема – в самом Ное или в ее глазах.

– Неудивительно, что нам страшно, – сказал Ной – его голос едва доносился сквозь гудение. – Когда играешь со временем..

Он вдруг оказался совсем рядом, глаза в глаза – он встал, ну, или только его лицо поднялось, – и в следующую секунду Ной вновь возник в нескольких шагах от Блу и Ганси. Он вернул себе некоторое подобие прежнего Ноя – облик мальчика. Он уперся руками в колени, как бегун; каждый раз, когда Ной выдыхал, у него вырывалось затруненное гудение.

Дыхание Блу и Ганси облаком повисло в воздухе, посверкивая, как будто это они были мертвецами. Ной вытягивал у них энергию. Много энергии.

- Блу, уйди, - сказал Ной.

Голос него был напряженный, но ему удавалось сдерживать жуткое гудение.

- Ганси... уйди. Это буду не я!

Он скользнул направо и опять вернулся; материю вовсе не полагалось так себя вести. Кривая улыбка появилась у Ноя на губах, странно контрастируя с нахмуренными бровями, и пропала. На лице отразилась борьба и тоже пропала.

- Мы не уйдем, - сказала Блу.

Но тем не менее она начала создавать вокруг себя защиту. Она не помешала бы Нюю черпать энергию у Ганси и Каллы, зато могла отключить его от собственных внушительных запасов.

- Пожалуйста... - прошептал Ной. - Разрушитель, разрушитель...

- Ной, - сказал Ганси, - ты сильнее, ты справишься.

Лицо Ноя почернело. Белизна черепа за одну секунду превратилась в чернильную черноту. Только зубы сияли. Он то ли ахнул, то ли рассмеялся.

- ВЫ ВСЕ УМРЕТЕ.

- Оставь его в покое! - потребовала Блу.

Ганси вдруг затрясся от холода.

- Ной, ты справишься!

Ной поднял перед собой руки, обращенные пальцами друг к другу, как в танце. Сначала это были руки Ноя, а потом они превратились в тонкие линии.

- Нет ничего невозможного, - сказал Ной ровным и низким голосом.

Летучие линии - искаженные, бесполезные - вновь сменили очертания его рук. Блу могла заглянуть ему в грудную клетку - там не было ничего, кроме черноты.

- Нет ничего невозможного. Я иду к нему. Я иду к нему. Я иду к нему.

Лишь одно не позволяло Блу сорваться с места - лишь одно удерживало ее рядом с этим существом. Осознание того, что она сейчас является свидетельницей преступления. Это был не Ной, который, сам не желая того, стал жутким. Это было нечто внутри Ноя, оно действовало им без разрешения.

Гудящий голос продолжал:

- Я иду к нему... Блу! Я иду к нему... Пожалуйста! Уходи! Я иду к нему...

- Я тебя не брошу, - ответила Блу. - Я не боюсь.

Ной издал дикий смех, радостный хохот гоблина. Высоким неестественным голосом он прокричал:

- Посмотрим!

И бросился на Блу.

Та успела заметить, как Ганси попытался перехватить его - и в то же мгновение ногти Ноя впились ей в лицо.

В гадальной сделалось светло - в той же мере, в какой раньше было темно. Боль и ослепительный блеск, холод и жар...

Он пытался вырвать ей глаз.

Блу завопила:

- НОЙ!

Всё превратилось в изгибающиеся линии.

Она вскинула руки к лицу, но ничего не изменилось. Глазницу как будто зацепили крючьями. Пальцы Ноя вонзались в ее плоть. Левый глаз видел только белое, правый только черное. Пальцы у Блу сделались скользкими, щеке стало горячо.

Свет исходил от Ноя, как сияние от солнца.

Внезапно чьи-то руки схватили Блу за плечи, оттаскивая в сторону. Ее окружали тепло и запах мяты. Ганси держал девушку так крепко, что она чувствовала, как он дрожит. Гудение слышалось повсюду. Оно отдавалось в пылающем лице Блу, когда Ганси развернулся, вставая между ней и звенящей яростью, в которую превратился Ной.

- Господи. Блу, мне нужна твоя сила, - сказал Ганси ей прямо на ухо, и она услышала, что его слова пронизаны страхом. - Сейчас же.

От каждого удара сердца в ней вспыхивала боль, но она позволила Ганси коснуться ее мокрых пальцев.

Ганси схватил Блу за руку. И она обрушила все стены, которые возвела вокруг себя.

Твердо, уверенно и громко Ганси велел твари:

- Стань Ноем.

В комнате воцарилась тишина.

Было 6:21.

Примерно в шестистах милях дальше по силовой линии в темноте мерцал миллион крошечных огоньков – это были холодные воды Чарльз-Ривер. Зубастый ноябрьский холод проник сквозь балконную дверь дома Колина Гринмантла. Он ее закрыл, но она тем не менее приоткрылась. Совсем чуть-чуть.

Они пробрались внутрь.

Сам Колин Гринмантл находился на первом этаже, в золотисто-коричневой комнате без окон, которую отвел под свою коллекцию. Витрины сами по себе были прекрасны: стекло и металл, железная сетка и золото, подобающе экстравагантный фон для подобающе странных артефактов. Пол, на котором стояли шкафы, был сделан из дуба, срубленного на одной старой ферме в Пенсильвании; Гринмантлы всегда предпочитали владеть вещами, которые раньше принадлежали кому-то еще. Невозможно было понять, насколько велика комната, поскольку свет исходил только от ламп, укрепленных над каждым необычным экспонатом. Лампы сияли в темноте, как корабли в ночном море.

Гринмантл стоял перед старым зеркалом. Рама была украшена резными листьями аканта и лебедями, которые поедали других лебедей. В верхний край мастер встроил часы в латунной оправе. Они показывали 6:21. Предположительно, зеркало показывало слезы на лицах тех, кто в него смотрелся, если в их семье недавно кто-то умер. Отражение смотрело на Гринмантла сухими глазами, но он чувствовал, что всё равно выглядит жалостно. В одной руке он держал бутылку «Каберне совиньон», сулившую «нотки вишни и графита», а в другой пару серег, которые купил для своей жены, Пайпер. На нем были семейные трусы и пиджак прекрасного покроя. Он не ждал гостей.

Но тем не менее они приближались, перебираясь через лепнину на потолке библиотеки на втором этаже, перелезая друг через друга.

Гринмантл отхлебнул вина прямо из горлышка (когда он выбрал на кухне эту бутылку, то подумал, что она будет воплощать скорбь и отчаяние эстетичнее, чем одинокий бокал). И не ошибся. Он жалел, что никто не видит, как эстетично он воплощает скорбь и отчаяние.

– «Нотки дымного пороха и одиночества», – сказал он своему отражению и сделал еще глоток.

Им Гринмантл подавился. Слишком много черного пороха и одиночества за раз.

У его отражения широко открылись глаза: за спиной стояла Пайпер, держа мужа руками за горло. Несколько светлых прядей выбились из гладкой

прически; светильники на дальней стене сделали их золотисто-белыми, накаленными яростью. Глаза Пайпер казались черными. Одна бровь была приподнята, но в остальном бывшую миссис Гринмантл совершенно не смущало, что она стояла, вдавливая кончики пальцев ему в кожу. Шея у Гринмантла посинела.

Он моргнул.

Она пропала.

Ее никогда и не было здесь. Она бросила его. Ну, точнее сказать, это он ее бросил, но она начала первая. Именно она предпочла совершить внушительное количество бестактных и жестоких преступлений в дебрях штата Вирджиния в ту самую минуту, когда он решил, что пора сматывать удочки.

- Я один, - сказал Гринмантл зеркалу.

Но он ошибся.

Они с гудением спустились по лестнице, присаживаясь по пути на верхние края рам, затем рикошетом влетели в кухню.

Гринмантл отвернулся от зеркала и обзрел свою коллекцию. Доспех с четырьмя руками, чучело единорога размером с карликовую козу, клинок, с которого на пол витрины постоянно капала кровь. Лучшее из лучших - результаты двадцати лет поисков. Ну, не лучшее (подумал Гринмантл), просто предметы, которые, как ему казалось, могли привлечь внимание Пайпер.

Ему послышался какой-то звук в коридоре. Гудение. Или царапанье. Нет, не совсем... для царапанья звук был слишком легким.

- После бесчисленных предательств Колин Гринмантл, не дожив до сорока, заработал нервный срыв, - сообщил Гринмантл, не обращая внимания на шум, - и заставил многих поверить, что он канет в неизвестность.

Он посмотрел на серьги, которые держал в руке. Он начал предпринимать определенные шаги, чтобы приобрести их, более двух лет назад, но лишь совсем недавно его поставщики наконец срезали эти серьги с женских ушей в Гамбии. Ходили слухи, что человек, который их носит, способен видеть сквозь стены. Определенные типы стен, конечно. Не кирпич, не камень. Гипсокартон. Они могли бы сделать стены из гипсокартона. У Гринмантла уши были не проколоты, поэтому он не примерял серьги. А поскольку Пайпер ступила на новый путь - путь преступлений, - он имел шансы никогда не узнать правду.

- Но люди недооценили душевную стойкость Колина, - заявил он. - Его способность оправляться после эмоциональных травм.

Он повернулся к двери в ту секунду, когда в нее влетели гости.

Гринмантл моргнул.

Они не исчезли.

Он моргнул, и еще раз, но что-то продолжало вливаться в дверь – что-то, что не было ни плодом его фантазии, ни отражением в проклятом зеркале. Лишь через несколько секунд Гринмантл понял, что это не один посетитель, а много. Они текли рекой, толкались, падали друг на друга.

И лишь когда от целого отделилась частичка и зигзагами полетела к нему, Гринмантл понял, что это насекомые. Когда черная оса приземлилась на его запястье, он велел себе сдержаться. Она ужалила Гринмантла.

– Тварь! – сказал он и замахнулся на нее бутылкой.

Вторая оса присоединилась к первой. Гринмантл потряс рукой и согнал ее, но тут же подлетела третья. Четвертая, пятая... коридор был полон ос. Они облепили Гринмантла. На нем были семейные трусы, прекрасный пиджак – и осы.

Он завертелся, и серьги упали на пол. Отражение в зеркале роняло слезы, и он видел не ос, а Пайпер – ее улыбку и руки, которые обвивались вокруг него.

– Всё кончено, – произнесли ее губы.

Свет погас.

На часах было 6:22.

26

Про Пайпер Гринмантл можно было говорить что угодно, но она никогда не бросала начатое дело, даже если оно оборачивалось совсем не так, как она ожидала. Она продолжала ходить на пилатес еще долго после того, как тренировки перестали приносить физическое удовлетворение, посещала книжный клуб, даже когда обнаружила, что читает намного быстрее остальных, и настаивала на том, чтобы ей каждые две недели приклеивали искусственные ресницы из меха норки, даже когда ближайший салон красоты закрылся из-за нанесения вреда здоровью клиентов.

Поэтому, когда Пайпер отправилась на поиски волшебного спящего существа, якобы погребенного вблизи дома, который они сняли на время отпуска, она не успокоилась, пока не нашла его.

Разрушитель.

Это было первое, что оно сказала, когда Пайпер его разбудила. Она не сразу поняла, что оно ответило на ее вопрос: «Какого черта?»

В защиту Пайпер надлежит сказать, что спящий выглядел неприятно. Она ожидала увидеть человека, а вместо этого обнаружила убийственно-черное шестиногое существо, которое бы назвала шершнем, если бы не считала шершней отвратительными. Кроме того, Пайпер полагала, что шершни не имеют никакого права достигать тридцати сантиметров в длину.

– Это демон, – сказала Нив.

Нив служила третьей опорой их неустойчивой конструкции. Это была приземистая женщина с красивыми руками, тихим голосом и скверными волосами; Пайпер показалось, что она видела Нив по телевизору, но она никак не могла понять, откуда у нее в голове возникла эта мысль.

Нив, казалось, не обрадовалась, когда они обнаружили демона, но Пайпер в то время умирала и не особенно привередничала в выборе друзей. Она отбросила все социальные условности и обратилась к демону:

– Я тебя разбудила. Значит, я получу награду? Исцели меня.

«Ты получишь награду».

И он сдержал слово. Воздух в темной гробнице слегка шевельнулся, и Пайпер перестала истекать кровью. Она полагала, что на том дело и кончится. Оказалось, впрочем, что подарок был разовым, зато дарение длилось вечно.

Вы подумайте. Они выбрались из пещеры, солнце сияло (ну, типа того), и Пайпер только что убила своего трусливого поганца-мужа. Магия бурлила в ней, и, честно говоря, Пайпер чувствовала себя по-настоящему крутой. Водопад возле пещеры лился снизу вверх, задом наперед, вода мощными всплесками била в небо. Со стоявшего рядом дерева большими влажными кусками сходила кора.

– Почему воздух такой странный? – спросила Пайпер. – Как будто он меня царапает. Он так и будет всё время подергиваться?

– Полагаю, он успокаивается, – своим бесцветным голосом ответила Нив. – По мере того как смерть твоего мужа уходит в прошлое. Это затихающие толчки землетрясения. Лес пытается избавиться от демона, который, очевидно, использует тот же источник энергии. Лес реагирует на то, что его использовали для убийства. Я чувствую, что суть этого места – творение. Поэтому каждый твой шаг в противоположную сторону будет вызывать нечто вроде душевного землетрясения.

– Нам всем приходится делать то, что не хочется, – заметила Пайпер. – И мы ведь не собираемся убивать людей десятками. Я просто хотела доказать отцу, что говорила серьезно, когда предлагала помириться.

Демон спросил: «А ТЕПЕРЬ ты чего хочешь?»

Он прицепился к куску старой коры и сидел, изогнув спину, как сворачиваются шершни, когда им холодно, сыро или ветер дует с воды. Его усики подрагивали, обратившись в сторону Пайпер, и он по-прежнему гудел в тон рю, который давно скрылся из виду. Солнце в небе дрожало; Пайпер

заподозрила, что на самом деле сейчас вовсе не день. С дерева сполз еще кусок коры.

- Ты приносишь вред окружающей среде?

Пайпер всегда заботили экологические последствия. Казалось бессмысленным двадцать лет тщательно сортировать отходы, если она собиралась уничтожить всю экосистему.

«Я – естественный продукт этой среды».

Ветка рядом с Пайпер поникла до земли. Листья почернели, с них стекала густая желтая жидкость. Воздух продолжал дрожать.

- Пайпер, - Нив осторожно взяла ее за руку, с таким безмятежным видом, какой только может быть у человека, одетого в лохмотья и стоящего возле водопада, который течет снизу вверх. - Я знаю - когда ты залезла в гробницу, отпихнув меня с дороги и сделав так, чтобы тебе и только тебе досталась награда, ты рассчитывала оставить меня за бортом и шагнуть навстречу будущему, где ты и только ты контролировала бы свои желания и наслаждалась полученными от демона подарками, а я, возможно, осталась бы в пещере, где в лучшем случае блуждала бы, а в худшем - умерла. Признаю, я была очень расстроена; чувства, которые я тогда испытала - не предмет для гордости. Теперь я понимаю, что у тебя не только проблемы с доверием - кроме того, ты меня не знаешь. Но если хочешь...

Пайпер пропустила большую часть мимо ушей, поскольку заметила аккуратные ногти Нив. Они напоминали безусловно ровные кератиновые монетки. Сама Пайпер обломала все ногти, вылезая из обрушившейся пещеры.

- ...есть и другие способы достигнуть цели. Я настоятельно советую тебе положиться на мой значительный опыт в магии.

Пайпер сосредоточилась.

- Так. Я прослушала. Можно еще разок? Про чувства пропусти.

- Сомневаюсь, что вступать в союз с демоном - это разумно. Демоны, по сути своей, скорее отнимают, чем прибавляют. Они забирают больше, чем дарят.

Пайпер повернулась к демону; трудно было понять, насколько внимательно он их слушал. У шершней нет век, поэтому было вполне возможно, что он спал.

- Какой части этого леса придется умереть, чтобы я вернула себе свой образ жизни?

«Теперь, когда я пробудился, я уничтожу его весь. Рано или поздно».

- Ясно, - сказала Пайпер, чувствуя облегчение - в конце концов, скверное решение приняли за нее. - Значит, решено. Давайте ковать железо, пока горячо. Эй... ты куда? Ты разве не хочешь стать... - Пайпер задумалась, и демон прислушался к ее мыслям, - ... знаменитой?

Нив моргнула.

– Я хочу, чтобы меня уважали.

– Никакой разницы, – сказала Пайпер. – Ну, не уходи вот так. Признаю, я тебя вроде как оттерла, потому что умирала... короче, это было грубо. Немножко. Но теперь я всё исправлю.

Нив обрадовалась гораздо меньше, чем ожидала Пайпер, но, по крайней мере, не попыталась вновь сбежать. Это был плюс; Пайпер вообще-то не хотела оставаться с демоном наедине. Не потому, что она боялась – просто в присутствии зрителей у нее прибывало энергии. Однажды Пайпер прошла опрос в интернете и узнала, что она особый тип экстраверта и, скорее всего, это навсегда.

– Нас обеих ждет новая жизнь, – заверила она Нив.

Демон наклонил голову набок и вновь пошевелил усиками. Пайпер подумала: у шершней не бывают таких больших глаз. Они напоминали огромные коричнево-черные очки. В них мрачно двигались варианты жизни и смерти.

«Что теперь?»

Пайпер сказала:

– Надо снова позвонить папе.

27

Было уже не 6:21.

Была то ли поздняя ночь, то ли раннее утро.

Когда Адам и Ронан приехали в пункт неотложной медицинской помощи Маунтин-Вью, они обнаружили, что в маленькой приемной никого нет, кроме Ганси. Наверху брэнчала музыка, флуоресцентные лампы светили бездушно и невинно. Брюки Ганси были запачканы кровью, и он сидел, опустив голову на руки – то ли спал, то ли горевал. На противоположной стене висел написанный маслом вид Генриетты, с картины капала вода: таков, видимо, был мир, в котором они сейчас жили. В какое-нибудь другое время Адам, возможно, попытался бы понять, что означает этот знак, но сегодня его мозг и без того до краев переполняла информация. Его рука перестала дергаться теперь, когда Кабесуотер вновь обрел некоторую силу, но Адам не питал иллюзий: он знал, что опасность не минула.

– Эй, слабак, – сказал Ронан, обращаясь к Ганси. – Ты чего реवेशь?

Он потолкал его ногу.

- Жопа. Ты спишь?

Ганси поднял голову и посмотрел на Адама и Ронана. На подбородке у него было маленькое пятнышко крови. Он глядел на друзей внимательнее, чем ожидал Адам, - и внимание еще обострилось, когда Ганси заметил грязную одежду Ронана.

- Где вы были?

- В Кабесуотере, - ответил Ронан.

- Кабе... а она что тут делает? - Ганси только теперь заметил Девочку-Сироту, которая неуклюже вошла вслед за Адамом.

Она с трудом шагала в резиновых сапогах, которые Ронан извлек из багажника «БМВ». Они были ей слишком велики и, разумеется, по форме совершенно не годились для копыт, но отчасти именно этого эффекта они и добивались.

- Какой был смысл тратить полдня на то, чтобы увезти ее отсюда, если вы взяли и привезли ее обратно?!

- Спокойно, чувак, - сказал Ронан, подняв бровь. - Мы потратили только два часа.

Ганси парировал:

- Может быть, для тебя два часа ничего не значат, но некоторые ходят в школу, и это всё наше свободное время.

- Как скажешь, папочка.

- Знаешь что? - произнес Ганси, вставая. В его голосе слышалось нечто незнакомое - звук оттянутой тетивы. - Если ты еще хоть раз так меня назовешь...

- Как там Блу? - перебил Адам.

Он уже догадался, что она жива, иначе Ганси не пришло бы в голову ссориться с Ронаном. Более того, он предположил, что всё не так страшно, иначе бы Ганси начал с диагноза.

Выражение лица у Ганси по-прежнему было острым и блестящим.

- Она не лишится глаза.

- Не лишится глаза, - эхом повторил Адам.

- Сейчас ей накладывают швы.

- Швы, - эхом повторил Ронан.

Ганси сказал:

- Вы думаете, я запаниковал на пустом месте? Я же говорил: Ной одержим.

Одержим. Типа одержим дьяволом. Как рука Адама. Связав воедино мерцающую черноту в Кабесуотере и жестокий результат одержимости Ноя, Адам начал догадываться, на что, возможно, была бы способна его собственная рука, если бы не помощь Кабесуотера. Одна часть души требовала рассказать об этом Ганси, но другая часть не могла забыть мучительный вопль друга в ту минуту, когда Адам заключил сделку с Кабесуотером. Адам сомневался, что Ганси скажет: «Я же предупреждал», но он знал, что Ганси вправе так сказать - и это было еще хуже. В голове Адама всегда звучал самый пессимистичный голос.

С ума сойти, Ронан и Ганси продолжали ссориться. Адам включился, когда Ронан сказал:

- Да ладно... какое мне дело, позвал Генри Чень меня на вечеринку или нет?!

- Но тебя позвал я, - заметил Ганси. - Не Генри. Ему всё равно, а мне нет.

- А, - произнес Ронан недобрым тоном.

- Ронан, - сказал Адам.

Ганси потрогал кровавое пятно у себя на брюках.

- А вы поперлись в Кабесуотер. Вы могли погибнуть там, а я даже не знал бы, где вы, потому что ты не удосуживаешься отвечать на звонки. Помнишь гобелен, о котором рассказывал Мэлори, когда приезжал сюда? Тот, на котором женщины с лицом Блу? Ну конечно, ты, Адам, его помнишь, ведь ты вызвал тех кошмарных женщин в Кабесуотере. Когда Ной прекратил, Блу выглядела именно так.

Ганси поднял руки, ладонями наружу.

- Ее руки были сплошь в крови. В ее собственной крови. Это ты, Ронан, сказал мне: «Что-то начинается». Несколько месяцев назад. И теперь не время бунтовать. Иначе кого-нибудь убьют. Больше никакого баловства. Ничего, кроме правды. Мы должны пройти это вместе, чем бы ЭТО ни было.

Возразить было нечего; это всё было несомненной истиной. Адам мог бы сказать, что он бесчисленное количество раз ездил в Кабесуотер, чтобы поправить силовую линию, и не думал, что сегодняшний случай чем-то отличается от остальных. Но нет, он прекрасно знал, что в лесу что-то не так, и тем не менее продолжил.

Девочка-Сирота опрокинула вешалку за дверь и от шума ускакала прочь.

- Хватит ерундой заниматься, - огрызнулся Ронан.

Как ни странно, если он срывался, это значило, что ссора окончена.

– Убери руки в карманы!

Девочка прошипела что-то на незнакомом языке – это был не английский и не латынь. Здесь, в самом обычном помещении, становилось особенно ясно, что она была создана по правилам иного мира. Старомодный свитер, огромные черные глаза, изящные ножки с копытами, скрытыми в сапогах. Просто не верилось, что Ронан принес ее из снов, но в другие его нездешние изобретения тоже верилось с трудом. Теперь было вполне очевидно, что они уже некоторое время существовали в мире, где присутствие демона не казалось невероятным.

Все резко подняли головы, когда дверь в дальней стене открылась. Блу и Мора вышли в приемную, а медсестра начала что-то искать в столе. Все взгляды немедленно устремились на Блу.

На правой брови у нее были два заметных шва, которые стягивали промытые края глубокой раны, спускавшейся на щеку. Небольшие царапины по обе стороны раны красноречиво говорили о пальцах, впившихся в плоть. Правый глаз был прищурен, почти закрыт, но, по крайней мере, он никуда не делся. Адам сразу понял, что Блу больно.

Он понял, что ему не всё равно, поскольку при взгляде на ее рану Адам ощутил неприятное покалывание в животе. Мысль о чужой жестокости скребла душу, словно кто-то провел ногтями по школьной доске.

На Блу напал Ной. Адам сжал пальцы в кулак, вспоминая, каково это – двигать рукой по собственному желанию.

Ганси был прав: любой из них мог погибнуть сегодня. Надо было прекращать глупые игры.

Несколько секунд все молчали.

Наконец Ронан сказал:

– Господи, Сарджент. У тебя швы на лице. Вот это круто. Дай пять, блин.

Блу с некоторым облегчением подняла руку, и они стукнулись кулаками.

– Царапина на роговице, – произнесла Мора.

Ее деловитый бесстрастный тон выдавал тревогу гораздо более явно, чем выдали бы слезы.

– Выписали антибиотик. Всё будет нормально.

Она взглянула на Девочку-Сироту. Девочка-Сирота взглянула на нее. Как и у Ронана, ее внимательный взгляд содержал нечто среднее между мрачным упрямством и агрессией, но в исполнении маленькой девочки в резиновых сапогах эффект выходил чуть более зловещим. Мора как будто хотела что-то спросить, но вместо этого подошла к медсестре, чтобы расплатиться за прием.

– Слушайте, – негромко сказал Ганси. – Я должен кое-что сказать. Сейчас не лучшее время, но я... я долго ждал подходящего момента, и теперь постоянно думаю, что, если бы сегодня случилась беда, я, возможно, так и не дождался бы. Поэтому слушайте: я не имею права требовать от вас честности, если сам не буду откровенен.

Он собрался с духом. Адам увидел, как взгляд Ганси упал на Блу. Возможно, Ганси пытался угадать, понимает она или нет, что он собирался сказать. И стоит ли ему это говорить. Он прикоснулся большим пальцем к нижней губе, спохватился и опустил руку.

– Мы с Блу встречаемся, – произнес он. – Не хочу ранить ничьи чувства, но я намерен и дальше с ней встречаться. Я больше не желаю таиться. Это не дает мне покоя, и в тех случаях, когда нужно стоять и смотреть на Блу с израненным лицом, и притворяться, что...

Он заставил себя остановиться и замолчать. Настала такая тишина, что никто не смел издать ни звука. Затем Ганси закончил:

– Я не имею права требовать от вас того, чего не делаю сам. Простите меня за лицемерие.

Адам никогда не верил, что Ганси признает свои отношения столь подчеркнуто, и теперь, когда его признание повисло в воздухе, это оказалось очень неприятно. Не было никакой радости в том, что Ганси стоял тут такой несчастный, не было никакого удовлетворения в том, что Ганси и Блу, по сути, просили позволения и дальше встречаться. Адам жалел, что они просто не сказали ему правду раньше; тогда до этого бы вообще не дошло.

Ронан поднял бровь.

Блу крепко сжала кулаки.

Ганси больше ничего не добавил – он ждал приговора и не сводил неуверенного взгляда с Адама. Он был потрепанной тенью себя прежнего, и Адам не мог понять, то ли Ганси правда изменился, то ли просто становился тем, кем был когда-то давно. Адам порывлся в памяти, припоминая всё, что ему хотелось бы услышать сейчас от Ганси, но ничего не нашёл. Всё это время он желал уважения – и он его получил, пускай и с запозданием.

– Спасибо, – проговорил Адам. – Спасибо, что наконец сказал нам.

Он имел в виду – «сказал мне». Ганси понял это, он чуть заметно кивнул. Блу и Адам переглянулись. Она прикусила губу, он приподнял плечо. Оба извинялись.

– Отлично. Я рад, что мы всё расставили на места, – приподнятым тоном произнес Ганси.

Раньше Адам счел бы эти легкомысленные слова невыносимыми, он решил бы, что Ганси несерьезен. Но теперь он знал, что всё как раз наоборот. Когда речь заходила о чем-то большом и личном, Ганси искал прибежища в бодрой вежливости. Она казалась такой неуместной в этой приемной, этой бурной

ночью, что по-настоящему выбивала из колеи, особенно в сочетании с замешательством на лице Ганси.

Блу взяла его за руку.

Адам обрадовался этому.

- Фу, - сказал Ронан совсем по-детски.

Но Ганси ответил:

- Твое мнение очень ценно для нас, Ронан, - и вновь обрел нормальный вид, и Адам понял, как ловко Ронан ослабил напряжение.

Они все вновь смогли вздохнуть.

Мора вернулась к ним. У Адама появилось отчетливое впечатление, что она медлила нарочно, давая им время. Мора достала ключи от машины и сказала:

- Поехали. В больницах мне как-то не по себе.

Адам протянул руку, и они с Ганси стукнулись костяшками.

Шутки закончились. Настало время истины.

28

Взаимности от того, с чего начать, речь в этой истории шла о Диклане Линче.

Трудно было в это поверить, но он не родился на свет параноиком.

И, кроме того, разве это паранойя, если ты, возможно, прав?

Осторожность. Вот как это называется, когда кто-то действительно собирается тебя убить. Диклан вырос осторожным, а не параноиком.

Он родился доверчивым и податливым, но многое усвоил. Он научился подозревать людей, которые спрашивали: «Где ты живешь?» Научился разговаривать с отцом только по одноразовым телефонам, которые можно купить на заправке. Научился не доверять никому, кто говорил, что недостойно мечтать о старинном доме в городе греха, о спальне с тигровой шкурой на полу, о ящике, полном заманчиво поблескивающих бутылок дорогого вина, о немецкой машине, которая умнее своего владельца. Он узнал, что ложь опасна лишь в том случае, если иногда ты говоришь правду.

Старший и самый естественный сын Ниалла Линча стоял в своем доме в городе Александрия, штат Вирджиния, прислонившись лбом к стеклу, и смотрел на тихую утреннюю улицу. Урча, начали появляться первые машины, квартал только-только просыпался.

Диклан держал в руке мобильник. Телефон звонил.

Он был массивнее, чем рабочий телефон, которым Диклан пользовался во время практики у Марка Рэндалла, прирожденного политика и сущего убийцы на поле для гольфа. Для дел, связанных с отцом, Диклан намеренно выбрал модель иной формы. Он не хотел, роясь в сумке, случайно схватить не тот мобильник. Не хотел, нащупав его на тумбочке посреди ночи, заговорить запросто не с тем человеком. Не хотел дать Эшли неправильный телефон. Всё, что он мог сделать – это напомнить себе, что паранойя, точнее осторожность, когда речь шла о делах Ниалла Линча, не бывала лишней.

Но этот телефон не звонил уже несколько недель. Диклан думал, что наконец всё закончилось.

И вот он зазвонил.

Диклан долго спорил сам с собой, что опаснее – ответить или проигнорировать звонок.

Потом он напомнил себе, что он уже не Диклан Линч – выскочка, старающийся втереться в доверие, а Диклан Линч – сын Ниалла Линча и обладатель стальной хватки.

Телефон звонил. Диклан ответил.

– Линч слушает.

– Считайте, что я звоню из вежливости, – сказал голос в трубке.

На заднем плане играла музыка – завывал какой-то струнный инструмент.

Какая-то тонкая и злая жилка натягивалась и ослабевала на шее у Диклана.

Он сказал:

– Не думайте, что я поверю, будто другой причины нет.

– Ничего подобного я и не думаю, – ответил голос на другом конце.

Он звучал отрывисто и чуть насмешливо, с акцентом, обязательно в сопровождении какой-нибудь музыки. Диклан знал свою собеседницу только как Сондок. Она покупала мало артефактов, но когда покупала, то без особых страстей. Условия были ясные: Диклан выставлял магической предмет, Сондок предлагала цену, он передавал артефакт, и они расставались до следующего раза. Диклану ни разу не показалось, что его могут по чьему-то капризу запихнуть в багажник машины, и, лежа там, он будет слушать, как убивают Ниалла. Или что на него наденут наручники и заставят смотреть, как обшаривают родительское гнездо. Или что изобьют до бесчувствия и оставят полумертвым в комнате школьного общежития.

Диклан ценил все эти мелочи.

Но доверять нельзя было ничему.

Осторожность, а не паранойя.

– В Генриетте ситуация очень нестабильная, – сказала Сондок. – Я слышала, она перестала быть вотчиной Гринмантла.

Нестабильная, да. Подходящее слово. Некогда Ниалл Линч продавал свои «артефакты» покупателям со всего света. Каким-то образом их круг сузился до Колина Гринмантла, Ломоньера и Сондок. Диклан предполагал, что это было сделано в целях безопасности, но, возможно, он преувеличивал благоразумие отца. Возможно, всех остальных Ниалл просто оттолкнул.

– Что еще вы слышали? – спросил Диклан, не подтверждая и не отрицая.

– Приятно знать, что вы мне не доверяете, – ответила Сондок. – Ваш отец слишком много говорил.

– Мне не нравится ваш тон, – заметил Диклан.

Его отец действительно говорил слишком много. Но право признать это оставалось за Линчами, а не за какой-то корейской любительницей нелегальных магических древностей.

Музыка на заднем плане виновато взывала.

– Да, я грубо выразилась. Говорят, кто-то еще торгует магическими вещами в Генриетте, – сказала Сондок.

Нервы на шее у Диклана ослабли.

– Это не я.

– Я этого и не предполагала. Я же сказала, что звоню из вежливости. Я подумала: вам, наверное, стоит знать, что к вашим дверям подбираются волки.

– Сколько волков?

Музыка запнулась и заиграла вновь.

– Возможно, целые стаи.

Не исключено, что они узнали про Ронана. Пальцы Диклана крепче сжали телефон.

– А вы знаете, отчего они воют, сонсэним?[2]

– М-м, – отозвалась Сондок.

Этот выразительный звук означал следующее: она поняла, что Диклан подлизывается, но не собиралась возражать.

- Секрет совсем недавний. Я позвонила в надежде на то, что позволю вам выиграть немного времени и что-то предпринять.

- А что, по-вашему, мне следует предпринять?

- Вряд ли я вправе давать советы. Я вам не мать.

Диклан сказал:

- Вы знаете, что у меня нет родителей.

Музыка шептала и вздыхала. Наконец Сондок повторила:

- Я вам не мать. Я просто еще один волк. Не забывайте этого.

Диклан оттолкнулся от окна.

- Простите. Это невежливо с моей стороны. Я благодарен вам за звонок.

Мысленно он перебирал худшие сценарии.

Увезти из Генриетты Ронана и Мэтью - вот что самое главное.

Сондок сказала:

- Артефакты вашего отца - самые красивые. Я по ним скучаю. Он был простым человеком, но душа у него, мне кажется, была прекрасная.

Она представляла, как Ниалл Линч роется в кладовках, подвалах, чужих коллекциях, осторожно отбирая предметы. Диклан представлял себе нечто более близкое к истине: отца, спавшего в Амбарах, в номерах гостиниц, на кушетке, на заднем сиденье «БМВ», который сейчас принадлежал Ронану.

- Да, - сказал Диклан. - Да, я тоже так думаю.

29

Сон - урывками. Завтрак - мимо. Уроки - есть.

Ганси не знал, насколько близко должен подступить конец света - его света, - чтобы он позволил себе прогулять школу и отправиться вместо этого на поиски Глендауэра. Поэтому он продолжал заниматься. Адам тоже - он не отказался бы от мечты о Лиге плюща, даже если бы их тащила в зубах Годзилла. К удивлению обоих, Ронан тоже пошел в школу, и они чуть не

опоздали, потому что он искал форму в бардаке, который царил у него в комнате. Ганси подозревал, что Ронан поехал в Агленби только для того, чтобы искупить вчерашнюю ссору в больнице, но, в конце концов, какая разница? Он просто хотел, чтобы Ронан некоторое время провел в классе.

Генри догнал Ганси в коридоре Борден-Хауса, когда у того закончился урок (Ганси занимался французским взамен прекратившей свое существование латыни – он предпочитал латынь, но французский ему давался неплохо, так что *n'y a pas de quoi fouetter un chat*[3]). Генри подскакивал рядом, пока не пошел в ногу с Ганси.

– Привет, Младший. Прекрасен ли твой мир после вчерашнего?

– Два шага до счастья. Мы прекрасно провели вчера время. С нашей стороны было невежливо сорваться так внезапно.

– Ну, после того как вы уехали, мы только смотрели музыкальные клипы на мобильных. Настроение как-то упало. Я уложил детишек и почитал им сказки на ночь, но они упорно спрашивали, где ты.

Ганси рассмеялся.

– У нас были приключения.

– Я так и подумал. Так и сказал остальным.

Ганси осторожно добавил:

– Одному моему давнему другу нездоровилось.

Он не лгал. Просто не говорил всю правду. Это был краешек правды.

Генри приподнял бровь, давая понять, что заметил этот краешек, но не стал за него тянуть.

– С ним всё будет хорошо?

Лицо Ноя стало цвета чернил. Сестра Ноя стояла на сцене. Кости желтели под школьным свитером.

Ганси ответил:

– Мы сохраняем оптимизм.

Он сомневался, что в его голосе было что-то не так, когда он это сказал, но Генри быстро окинул Ганси взглядом. И снова дернул бровью.

– Оптимизм. Да, Ганси, ты оптимистичный человек. Хочешь посмотреть кое-что интересное?

Ганси глянул на часы и понял, что как минимум Адам скоро будет искать его в столовой.

Генри быстро истолковал этот взгляд.

- Это прямо здесь. В Борден-Хаус. Будет клево. В духе Ганси.

Ганси подумал, что это полная ерунда. Никто не знал, каков «дух Ганси» и каков вообще Ганси. Учителя и друзья семьи вечно собирали статьи и истории, которые, по их мнению, могли привлечь его внимание; они приносили ему вещи, которые казались им «в духе Ганси». Полные благих намерений, они неизменно обращались к самым очевидным частям его натуры. Валлийские короли, старые «Камаро», другие молодые люди, которые путешествовали по миру, влекомые странными причинами, которых никто не понимал.. Никто не закапывался глубже, и Ганси полагал, что не стоит поощрять раскопки. В те дни было много тьмы, а он предпочитал поворачивать лицо к солнцу. В духе Ганси. А что было в духе Ганси?

- Эта улыбка означает «да»? Отлично, пошли, - сказал Генри.

Он немедленно свернул налево и вошел в узкую дверь с надписью «Только для персонала». Борден-Хаус изначально был жилым домом, а не учебным корпусом, и за дверью начиналась узкая лестница. Дорогу освещала одна слабая лампа, свет поглощали ужасные пестрые обои. Юноши зашагали вниз по лестнице.

- Это очень старое здание, Дик Третий. Тысяча семьсот пятьдесят первый год. Представь, сколько всего оно видело. Ну, или слышало, поскольку у домов нет глаз.

- Закон о золотом стандарте, - сказал Ганси.

- Что?

- Его издали в 1751 году, - объяснил Ганси. - Он запрещал выпуск бумажных денег в Новой Англии. А Георг Третий стал в 1751 году принцем Уэльским, если не ошибаюсь.

- А еще...

Генри потянулся к выключателю. Свет едва озарил подвал с низким потолком и грязным полом. Знаменитый подпол, где не было ничего, кроме нескольких картонных коробок, лежавших у стены.

- А еще в Соединенных Штатах выступила первая дрессированная обезьяна.

Ему пришлось наклонить голову, чтобы не зацепиться волосами за деревянные балки, поддерживавшие потолок. Пахло концентрированным запахом полов Борден-Хауса - то есть плесенью и синими коврами, - но с дополнительным оттенком сырости, живым, присущим пещерам и очень старым подвалам.

- Правда? - спросил Ганси.

- Возможно, - ответил Генри. - Я пытался найти исходный источник, но ты же знаешь, что такое интернет. Мы пришли.

Они добрались до дальнего конца подвала. Единственная лампочка у подножия лестницы не освещала то, на что показывал Генри. Ганси не сразу понял, что такое этот черный квадрат на темном земляном полу.

- Это туннель? - спросил он.

- Не-а.

- Убежище?

Ганси присел. Да, походило на то. Дыра была площадью не больше метра, с истертymi от времени краями. Ганси коснулся желобка сбоку.

- Когда-то здесь, видимо, был люк. В Англии такие штуки называли «убежище священника». Возможно, здесь прятали рабов... или алкоголь во времена сухого закона.

- Ага, типа того. Интересно, да?

- Хм, - произнес Ганси.

Это была историческая штукавина. Очевидно, в духе Ганси. Он был слегка разочарован, возможно, потому, что надеялся на нечто большее, хотя и не знал, чем могло быть это нечто большее.

- Нет, штука в духе Ганси - там, внутри, - сказал Генри.

К удивлению Ганси, он скользнул в дыру и с глухим стуком приземлился.

- Лезь сюда.

- Надеюсь, ты продумал, как выбраться обратно.

- Здесь есть за что ухватиться.

Ганси не двигался с места, и Генри пояснил:

- Это испытание.

- На что?

- На дерзость. Нет. Как его... слово на «д», которое обозначает смелость, только я его не помню. Лобные доли у меня еще не протрезвели со вчера.

- Доблесть.

- Да, да, точно. Испытание на доблесть. Вот это в духе Ганси.

Ганси понял, что Генри прав, потому что в нем сразу вспыхнула энергия. Примерно так же он чувствовал себя на вечеринке. Ощущение, что тебя знают. Не в сверхъестественном смысле, а в другом, более глубоком и правдивом. Он спросил:

- Какую награду я получу, если пройду испытание?

- А какая бывает награда в испытаниях на доблесть? Награда - ваша честь, мистер Ганси.

Его знали вдвойне. Втройне.

Ганси еще не понял, как быть с тем фактом, что его столь верно постиг человек, с которым они, в конце концов, недавно познакомились.

Поэтому ему ничего не оставалось, кроме как спуститься в дыру.

Там было почти совсем темно. Стены наступали. Ганси стоял достаточно близко к Генри, чтобы одновременно почуять запах его геля для волос и услышать слегка учащенное дыхание.

- История - сложная сволочь, - сказал Генри. - У тебя нет клаустрофобии?

- Нет. У меня другие пороки.

Будь это Кабесуотер, он бы живо поработал со страхами Ганси и породил ядовитых насекомых. Ганси благодарил судьбу за то, что за пределами Кабесуотера воображение было не столь мощной силой. Эта дыра в земле могла оставаться просто дырой в земле. Здесь Ганси приходилось беспокоиться только о том, чтобы держать под контролем внешнее, но не внутреннее.

- Представляешь, если бы пришлось здесь прятаться. Ну, я выдержал испытание?

Генри поскреб стену, судя по всему. Послышался мертвый, шипящий звук, когда земля осыпалась к его ногам.

- Тебя когда-нибудь похищали, Ричард Ганси?

- Нет. А что, сейчас я похищен?

- Только не в учебный день. А меня один раз похитили, - сказал Генри, таким беспечным, самым обычным тоном, что Ганси не понял, шутит он или нет. - Ради выкупа. Мои родители были за границей, поэтому переговоры шли с трудом. Меня посадили в яму вроде этой. Даже немного меньше.

Он не шутил.

- Господи, - сказал Ганси.

Он не видел в темноте лица Генри и не мог понять, как тот относится к истории, которую рассказывает. Голос Генри оставался беззаботным.

- Господа там, к сожалению, не было, - сказал он. - Или к счастью. В яме едва хватало места для меня.

Ганси услышал, как Генри трет пальцы друг о друга, а может быть, сжимает и разжимает кулаки. В этом пыльном помещении все звуки усиливались. Теперь он почуял тот особый запах, которым сопровождался страх - запах

гормонов, которые вопили о тревоге. Впрочем, Ганси не мог понять, чей это был запах, его или Генри. Разум знал, что в этой дыре не появится внезапно рой насекомых-убийц. Но сердце Ганси помнило, как он висел в пещере в Кабесуотере и слышал внизу гудение пчел.

- Это тоже в духе Ганси? - спросил Генри.

- Которая часть?

- Секреты.

- В общем, да, - признал Ганси, поскольку признать, что у тебя есть секреты - это еще не значит поделиться ими. - И что случилось?

- Что случилось, он спрашивает. Моя мать знала, что немедленно заплатить выкуп - значит поощрить других похитителей. Поэтому она торговалась с ними. Им, как можно догадаться, это не нравилось. Они заставили меня объяснять маме по телефону, что они будут делать со мной каждый день, пока она не пришлет деньги.

- Они заставили тебя об этом рассказать?

- Да, да. Таковы правила. Если родители знают, что ребенку страшно, то заплатят побыстрее и побольше, вот в чем фишка.

- Я не знал.

- Теперь знаешь.

Казалось, стены подступили ближе. Генри, негромко рассмеявшись - рассмеявшись! - продолжал:

- Она сказала: «Я не плачу за бракованный товар». А они сказали, что других условий не будет, и так далее, и тому подобное. Но моя мать хорошо умеет торговаться. Поэтому через пять дней я вернулся к ней, сохранив все пальцы и оба глаза. Говорят, за немалую сумму. Я слегка охрип, но исключительно по своей вине.

Ганси не знал, как к этому относиться. Ему открыли секрет, а он понятия не имел, почему. Он не знал, чего Генри хотел от него. У Ганси было наготове столько реакций, которые он мог выдать, - сочувствие, совет, тревога, поддержка, негодование, сожаление, - но он не знал, какая комбинация требуется. Ганси привык знать. Он не думал, Впрочем, что Генри в чем-то нуждался...

Это была неведомая земля без карты.

Наконец Ганси сказал:

- А теперь мы стоим в точно такой же яме, и ты совершенно спокоен.

- Да. В том-то и штука. Я потратил... потратил много лет, чтобы этого достичь, - сказал Генри.

Он коротко вздохнул; Ганси не сомневался, что лицо Генри рассказывает совсем иную повесть, нежели бодрый голос.

- Вместо того чтобы прятаться, повернись лицом к тому, чего ты боишься.

- Сколько лет? Сколько тебе тогда было?

- Десять.

Свитер Генри зашуршал; Ганси догадался, что он перешел на другое место. Его голос зазвучал чуть-чуть иначе.

- А сколько лет было тебе, Ух Ты Ганси, когда тебя зажалили пчелы?

Ганси знал фактический ответ, но сомневался, что Генри был нужен именно он. Он по-прежнему не знал, почему они вообще вели этот разговор.

- Мне тоже было десять.

- И как ты прожил все эти годы?

Ганси помедлил.

- Иногда лучше, иногда хуже. Ты сам видел.

- Ты доверишь мне? - спросил Генри.

Здесь, в темноте и еще раз в темноте, это был непростой вопрос. Здесь, во время испытания на доблесть. Доверял ли он Генри? Доверие Ганси всегда основывалось на инстинкте. Его подсознание быстро собирало все знаки в картину, которую он понимал, сам не зная почему. Почему он находился в этой яме?

Ганси уже знал ответ.

- Да.

- Дай руку, - сказал Генри.

Одной рукой он нащупал в темноте ладонь Ганси. А другой посадил на нее насекомое.

30

Ганси не дышал.

Поначалу он усомнился, что это правда насекомое. В темном и тесном помещении ему просто померещилось. Но потом Ганси почувствовал, как оно шевельнулось на его ладони. Очень знакомо. Ощущение тонких ножек, поддерживающих довольно крупное туловище...

- Ганси, старик, - сказал Генри.

Ганси не дышал.

Он не мог отдернуть руку: в эту заведомо проигрышную игру он уже однажды играл. А потом, к его ужасу, насекомое коротко зажужжало. Не взлетая. Этот шум Ганси уже давно перестал воспринимать как звук. Это было оружие. Тот, кто дернется первым, умрет.

- Дик.

Ганси не дышал.

На самом деле было удивительно мало шансов, что его ужалит какое-нибудь насекомое. «Сам посуди», - часто говорил Ганси какому-нибудь обеспокоенному другу или родственнику, когда они стояли на улице и в воздухе носились насекомые. «Когда тебя кусали в последний раз?» Но Ганси не мог понять, почему Генри это сделал. Он вообще не знал, что ему положено думать. Он должен припомнить всё, что случилось с ним? Всё хорошее и плохое? Если так, то ленту заело, и в его памяти проигрывался один только этот момент.

- Ганси, - сказал Генри. - Дыши.

Перед глазами у Ганси замелькали огоньки. Он дышал, но недостаточно. Двигаться значило рисковать.

Генри коснулся тыльной стороны ладони Ганси, затем накрыл его руку своей. Насекомое оказалось в ловушке между Ганси и Генри, внутри шара из пальцев.

- Вот чему я научился, - сказал Генри. - Если не можешь не бояться...

Было место, где ужас замирал и превращался в ничто. Но теперь, когда Ганси стоял в этой дыре, с насекомым на ладони и с осознанием того, что он скоро умрет, «ничто» не желало приходить.

Генри продолжал:

- ...бойся - и будь счастлив. Подумай о своей девочке-невесте, Ганси, и о том, как мы веселились вчера вечером. Подумай о том, чего ты боишься. Этот вес на ладони говорит тебе, что ты держишь пчелу? Это обязательно должно быть что-то, что убьет тебя? Нет. Это просто какая-то мелочь. Она может оказаться чем угодно. Она может быть чем-то прекрасным.

Ганси не мог больше удерживать дыхание, он должен был упасть в обморок или нормально вздохнуть. Он выпустил прерывистую струю никчемного воздуха и втянул новую порцию. Темнота опять стала просто темнотой, пляшущие

огоньки исчезли. Сердце по-прежнему бешено билось в груди, но постепенно успокаивалось.

- Вот молодец, - сказал Генри, совсем как в День Ворона. - Ужасно видеть, когда человек боится, да?

- Что у меня в руке?

- Секрет. Я хочу доверить его тебе, - произнес Генри, и в его голосе зазвучала легкая неуверенность. - Потому что я хочу, чтобы ты доверял мне. Но для этого - если мы собираемся стать друзьями - ты должен знать правду.

Генри глубоко вздохнул, а потом убрал руку, накрывавшую ладонь Ганси. Там сидела пчела необыкновенного размера.

Ганси не успел отреагировать - Генри вновь коснулся его пальцев.

- Спокойно, мистер Ганси. Посмотри еще разок.

Теперь, когда Ганси успокоился, он понял, что это не обыкновенная пчела, а прекрасное механическое насекомое. Возможно, слово «прекрасное» не вполне для него подходило, но Ганси не успел придумать другое определение. Крылышки, усики, ножки были явно сделаны из металла - снабженные изящными суставами и тонкими проволочными жилками, они выглядели хрупкими и элегантными, как цветочные лепестки. Насекомое, хотя и не живое, казалось полным жизни. Ганси мог разглядеть пчелу в темноте, потому что у нее было крошечное сердце, которое испускало слабый янтарный свет.

Ганси знал, что семья Генри занимается разработкой роботов-пчел, но, думая о роботах-пчелах, он представлял себе нечто другое. Он видел фотографии этих роботов - они представляли собой впечатляющие образчики нанотехнологий, но тем не менее совсем не походили на настоящих пчел. Они напоминали скорее миниатюрные вертолеты, чем живых насекомых. А пчела Генри на вид была жуткой и невероятной. Она так сильно смахивала на предметы, сотворенные Ронаном, что Ганси уже не смог отогнать эту идею, как только она его посетила...

Генри вытащил из кармана телефон. Быстро нажимая на экран, он вывел радужную картинку, которая тоже выглядела как-то странно.

- Робо-Пи связана с телефоном через это приложение. Оно реагирует на отпечатки пальцев, вот, смотри, я прикладываю палец сюда и говорю, чего хочу от нее... Робо-Пи, найди волосы! О, смотри, она летит.

Ганси страшно испугался, когда пчела взлетела с тем же звуком, что и прежде, поднялась в воздух и приземлилась ему на волосы. Теперь она казалась еще тяжелее, чем когда сидела у него на ладони. Он сдержанно произнес:

- Можешь ее убрать? Мне очень неудобно.

Генри вновь приложил палец к экрану, и пчела опять взмыла в воздух и опустилась ему на плечо.

Ганси заметил:

- Ты ничего не сказал.

- Мне необязательно что-то говорить. Через отпечатки пальцев она читает мои мысли, - ответил Генри.

Он сказал это, не отрывая взгляд от экрана, но Ганси видел в тусклом свете, что Генри оценивает его реакцию.

- Я просто говорю ей, что делать, и раз! Она летит, спасибо, спасибо, пчелка.

Генри поднял руку, и пчела понеслась к ней, как летучий цветок. Свет погас. Он сунул насекомое обратно в карман. Разумеется, это было невозможно, и Генри ждал, что Ганси скажет, что это невозможно. Вот почему он хранил секрет. Потому что этого не могло быть.

Ганси чувствовал, как вокруг него стягивалась сеть.

- Твои родители создают пчел-роботов, - осторожно начал он.

- Мой отец. Его фирма. Да.

Здесь пролегалла какая-то черта, хотя Ганси не понимал, какая.

- И она делает вот таких пчел. - Ганси даже не старался говорить таким тоном, будто он этому верил.

- Ганси, кажется, нам придется решить, доверяем мы друг другу или нет, - сказал Генри. - Кажется, в нашей новорожденной дружбе настал именно этот этап.

Ганси задумался над его словами.

- Но доверять и доверяться - не одно и то же.

Генри одобрительно засмеялся.

- Да. Но я уже поверил и доверился тебе. Я сохранил в секрете то, что лежало у вас в багажнике «Шевроле». И почему Адама Пэрриша не убило сорвавшимся шифером. А еще я показал тебе Робо-Пи.

Всё это было правдой. Но Ганси знал много людей с секретами и не мог настолько впасть в заблуждение, чтобы пользоваться ими как разменной монетой. Вдобавок нынешние занятия Ганси во многом ставили под угрозу чужие жизни, а не только его собственную. Это был слишком большой знак доверия в обмен на римскую вечеринку и яму в земле. Он сказал:

- Есть один психологический принцип, которым пользуются люди, продающие машины. Они за свой счет покупают тебе колу в автомате, и ты чувствуешь себя обязанным купить у них автомобиль.

Генри весело отозвался:

- Хочешь сказать, что твои секреты по сравнению с моими - это как машина по сравнению с газированной водичкой?

В голосе Ганси тоже прозвучала шутливая нотка:

- Эту пчелу создала не фирма твоего отца, так?

- Да.

Можно было наконец поставить точку.

- Что ты хочешь от меня услышать? Слово «магия»?

- Ты видел магические предметы вроде моей Робо-Пи и раньше, - сказал Генри. - Это немного другое, не как в том случае, когда Пэрриш отразил тонну шифера. Где ты видел такую магию?

Ганси не смог.

- Это не мой секрет.

Генри сказал:

- Я избавлю тебя от мучений. Я знаю. Диклан Линч продал моей матери две такие штуки.

Это было так неожиданно, что Ганси обрадовался абсолютной темноте, он не сомневался, что на лице у него отразился шок. Он попытался сложить два и два. Диклан... то есть мать Генри получила пчелу работы Ниалла. Если она была клиенткой Диклана, значит, он продавал что-то ребятам из Агленби? Нет. Он не настолько глуп.

- Откуда твоя мать узнала, у кого их купить? Это ты ей рассказал?

- Наоборот. Она знает не потому, что я здесь. Я здесь, потому что она знает. Разве ты не понимаешь? Я - просто предлог. Она навещает меня. Покупает что-нибудь у Диклана Линча. Уезжает. Очень умно. Я два года хотел кому-нибудь об этом рассказать. Секреты, они причиняют боль...

- Твоя мать отправила тебя в Агленби только для того, чтобы иметь прикрытия для сделок с Дикланом? - уточнил Ганси.

- Магические артефакты, старик. Большой бизнес. Грязный. Ничего не стоит получить пулю в колено. Или погибнуть, как старина Кавински.

От этих откровений Ганси начал задыхаться.

- Она имела с ним дело?

- Нет! Кавински торговал только наркотиками, но она говорила, что они тоже волшебные. И потом... ты же был на вечеринке в честь Четвертого июля. Объясни этого дракона.

- Не могу, - сказал Ганси. - Мы оба знаем.

- Да, знаем, - удовлетворенно подтвердил Генри. - Однажды он чуть не убил Ченя-второго просто ради развлечения. Он был жуткий тип.

Ганси прислонился к пыльной стене.

- Ты падаешь? Всё в порядке? Я думал, мы просто разговариваем.

Они действительно разговаривали, хотя и не так, как ожидал Ганси. В погоне за Глендауэром он общался со многими странными людьми. Как правило, его странствия определялись не городами и странами, где он побывал, а людьми и феноменами. Разница заключалась в том, что Ганси сам приезжал их искать. Они никогда не приезжали за ним. Он никогда не встречал людей, похожих на себя; и пусть даже Генри был далеко не близнецом Ганси, он тем не менее стоял ближе всех...

Ганси не сознавал, как ему одиноко, пока эта мысль не возникла.

- В Агленби есть еще маги, о которых мне надо знать?

- Помимо тех, что тусуют с тобой? Понятия не имею. Я уже год пытаюсь понять, чего ты стоишь.

- Спроси у моего консультанта в банке.

- Дурак. Я выражаюсь образно. Чего. Ты. Стоишь. Я хочу понять, не такой ли ты скользкий тип, как Кавински. У кого тут английский - не родной язык? Намек: не у тебя.

Ганси рассмеялся, а потом рассмеялся снова. Он подумал, что за последние несколько дней пережил все эмоции, доступные человеку.

- Я не скользкий тип, - ответил он. - Я просто человек, который ищет короля. Ты сказал, твоя мать купила две такие штуки. А где вторая?

Генри снова вытащил блестящее насекомое из кармана. Янтарное сердце Робо-Пи снова зажглось теплым светом.

- В лаборатории, конечно - мой дорогой отец пытается снять с него копию неволшебными средствами. А эту штуку мама велела сохранить, чтобы она напоминала мне, кто я такой.

- И кто?

Пчела освещала одновременно себя и Генри - прозрачные крылышки, сердито поднятые брови.

- Нечто большее.

Ганси внимательно взглянул на него. Где-то по пути, во время охоты за Глендауэром, он перестал обращать внимание на то, сколько в мире магии. Магии, не погребенной в могиле. Теперь он это чувствовал.

– Вот что я должен сказать тебе, прежде чем мы станем друзьями, – сказал Генри. – Моя мать торгует магией. Она велела мне следить за тобой, чтобы узнать твои секреты. Я не собираюсь тебя использовать. Но должен был делать именно это. Я вступил в игру не потому, что искал друга.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Пока ничего, – сказал Генри. – Я хочу, чтобы ты об этом подумал. Надеюсь, ты решишь, что я достоин доверия. Потому что я по горло сыт секретами, а друзей мне отчаянно недостает.

Он держал пчелу возле лица, и Ганси смотрел на него сквозь чудесное сияющее тельце Робо-Пи. Глаза Генри были полны энергии и ярости.

Он подбросил пчелу в воздух.

– Ну, пошли отсюда.

31

В мире не существует единицы для измерения ненависти. Есть тонны, метры, годы. Вольты, ватты, узлы. Ронан мог объяснить, как быстро едет машина. Мог определить, насколько теплый сегодня день. Мог в точности назвать свой сердечный ритм. Но не было никакого способа описать, в какой именно мере он ненавидел Академию Агленби.

Любая единица измерения должна была включать одновременно объем и вес ненависти. А еще временной компонент. Дни, проведенные на уроках, потраченные, бесполезные – он учился навыкам для жизни, которой не хотел. Возможно, не существовало ни единого слова, способного вместить идею этой ненависти. Разве что слово «всё». Вся сила ненависти Ронана была устремлена на Академию Агленби.

Воровство? Воровкой была школа. А жизнь Ронана – украденным сном.

Он говорил себе, что может всё бросить. Сделать самому себе такой подарок на день восемнадцатилетия.

Но он остался.

Уйти. Просто уйти. Или он считал, что может это сделать, или нет.

Ронан слышал голос Ганси: «Продержись до выпуска, всего лишь еще пару месяцев. Разумеется, тебе это под силу».

Поэтому он старался.

Школьный день напоминал подушку на голове. Ронан думал, что задохнется, прежде чем прозвонит звонок с последнего урока. Кислород содержался только в бледной полоске кожи на запястье Адама, где раньше были часы, и в проблесках неба между уроками.

Еще четыре часа.

Диклан непрерывно слал ему сообщения. «Когда будет время, напиши». Но Ронан никому не писал. «Слушай, я знаю, что ты в школе, но на перемене отзовись». Это была ложь – суперсила Диклана. Он предполагал, что Ронан не в школе. «Слушай, я в Генриетте, мне надо с тобой поговорить».

Эта эсэмэска привлекла внимание Ронана. Теперь, когда старший брат закончил школу, он в основном находился на безопасном расстоянии, в двух часах езды. Это расстояние, как казалось Ронану, улучшило отношения братьев настолько, насколько их в принципе было можно улучшить. Диклан приезжал только в воскресенье на мессу, совершая нерациональное четырехчасовое путешествие, которое Мэтью принимал как данность, а Ронан понимал лишь отчасти. Разумеется, Диклану было чем заняться в Вашингтоне, вместо того чтобы проводить полдня в ненавистном городке, с родственниками, с которыми он никогда себя не ассоциировал.

Ронана всё это не волновало. Он чувствовал, что за лето как будто ничего не выиграл. Он снова торчал в Агленби, видел страшные сны и избегал Диклана.

Еще три часа.

– Линч, – сказал Цзян, догоняя его в столовой. – Я думал, ты умер.

Ронан устремил на него холодный взгляд. Он не хотел видеть лицо Цзяня, разве что за рулем машины.

Еще два часа.

Диклан позвонил во время представления гостей. Телефон, переведенный в беззвучный режим, гудел. Небо на улице было синее, с прорехами облаков. Ронану хотелось быть там. Такие, как он, умирали в неволе.

Еще час.

– Я решил, что у меня глюки, – сказал Адам, стоя возле шкафчиков; из школьных громкоговорителей неслось какое-то объявление. – Ронан Линч в коридорах Агленби.

Ронан захлопнул шкафчик. Он ничего не держал в нем и не имел причины открывать его или закрывать, но ему нравилось, когда по коридору разносился приятный грохот металла, заглушавший все объявления. Он хлопнул дверцей еще раз – просто так.

- Пэрриш, это нормальный разговор?

Адам не удосужился ответить. Он положил в шкафчик три тетрадки и достал спортивную куртку.

Ронан рывком распустил галстук.

- Ты после школы работаешь?

- Сонная смена.

Он удержал взгляд Ронана через дверцу шкафчика.

И у того слегка улучшилось настроение.

Адам осторожно закрыл шкафчик.

- Заканчиваю в полпятого. Если ты готов к мозговому штурму, чтобы как-нибудь поправить дело в твоём волшебном лесу. Если тебе не надо делать уроки.

- Придурок, - сказал Ронан.

Адам бодро улыбнулся. Ради этой улыбки, эластичной и дружелюбной, Ронан был готов начинать войны и сжигать города дотла.

Хорошее настроение у Ронана держалось, лишь пока он не миновал коридор и лестницу, поскольку снаружи, у обочины, красовался блестящий «Вольво» Диклана. Сам Диклан стоял рядом с машиной и разговаривал с Ганси. Рукава формы у Ганси были грязные - интересно, как он умудрился испачкать их во время учебного дня. Диклан был в костюме, но в таких случаях он никогда не выглядел нарочно принаряженным. Он носил деловой костюм точно так же, как другие люди носят штаны от пижамы.

Не существовало слов, способных измерить ненависть Ронана к старшему брату и наоборот. Не существовало единицы измерения для чувства, которое в равных долях было осуждением и привычкой, ненавистью и ощущением, что его предали.

Ронан сжал кулаки.

Окно машины опустилось, и он увидел золотые кудри Мэтью и его патологически солнечную улыбку. Брат коротко помахал Ронану.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как все трое в последний раз бывали где-то вместе, не считая церкви.

- Ронан, - сказал Диклан.

Это слово было нагружено дополнительным смыслом: «Я вижу, ты только что вышел из школы, и твоя форма уже выглядит черт знает как – ничего удивительного». Он указал на машину.

– Давай заходи в кабинет.

Ронан не хотел заходить в кабинет к Диклану. Он хотел перестать чувствовать в желудке стакан аккумуляторной кислоты.

– Что тебе нужно от Ронана? – спросил Ганси.

Слово «Ронан» в его устах тоже несло дополнительный смысл: «Вы условились об этом заранее? Объясни мне, что происходит, и не нужно ли вмешаться?»

– Небольшая семейная беседа, – ответил Диклан.

Ронан умоляюще взглянул на Ганси.

– А эта семейная беседа может состояться по пути на Фокс-Вэй? – спросил Ганси, включив вежливость на полную мощность. – Потому что мы с ним как раз собирались туда.

В норме Диклан бросился бы в атаку при малейшем признаке давления со стороны Ганси, но на сей раз он сказал:

– О, я сам могу завезти его туда, когда мы закончим. Всего несколько минут.

– Ронан! – Мэтью высунул руку из окна и потянулся к брату.

Его полное энтузиазма «Ронан» было синонимом «пожалуйста».

Ловушка.

– *Miseria fortes viros*, Ронан, – сказал Адам.

Когда он говорил «Ронан», это значило «Ронан».

– Придурок, – повторил Ронан, но ему стало немного легче.

Он сел в машину.

Когда оба оказались в машине, Диклан поехал недалеко, всего лишь на другую сторону парковки, подальше от выреливавших на дорогу автомобилей и автобусов. Он откинулся на спинку сиденья и устремил взгляд на Агленби. Он совершенно не походил на мать и всего лишь капельку – на отца. Глаза у Диклана были полны усталости.

Мэтью перестал играть в телефоне, и его губы изогнулись в небрежной улыбке.

Диклан начал:

- Нам надо поговорить о твоём будущем.

- Нет, - сказал Ронан. - Нет, нет, не нужно.

Он уже почти вылез из машины - мертвые листья затрещали у него под ногами.

- Ронан, подожди!

Ронан не желал ждать.

- Ронан! Незадолго до смерти - когда мы с ним вместе были во дворе - папа рассказал мне про тебя.

Это было чертовски несправедливо.

Чертовски несправедливо, потому что ничто иное не помешало бы Ронану уйти.

Чертовски несправедливо, потому что Диклан это знал - он предвидел, что Ронан попытается уйти, и держал наготове оружие, редкое блюдо из истощившейся кладовой.

Ноги Ронана прикипели к асфальту. Атмосферное электричество потрескивало под кожей. Он не знал, на что злитесь сильнее - на то, что Диклан в точности знал, как накинуть ему петлю на шею, или на самого себя, за неспособность выскользнуть из удавки.

- Про меня, - эхом отозвался Ронан наконец как можно более мертвым голосом.

Брат не ответил. Он просто ждал.

Ронан снова залез в машину и хлопнул дверью. Он открыл ее и хлопнул еще раз. Открыл в третий раз и хлопнул опять, прежде чем прислониться затылком к изголовью сиденья и уставиться на бурные облака в ветровом стекле.

- Ты закончил? - поинтересовался Диклан.

Он взглянул на Мэтью, но младший Линч продолжал тактично играть в телефоне.

- Я закончил уже несколько месяцев назад, - ответил Ронан. - Если ты врешь...

- Я слишком сердился, чтобы сказать тебе раньше.

И Диклан совершенно другим тоном добавил:

- Ты будешь молчать?

И это тоже был нечестный удар, потому что именно так обычно говорил отец, когда собирался рассказать им какую-нибудь историю. Ронан уже приготовился слушать; это заставило его прислониться головой к стеклу и закрыть глаза.

Диклан во многом отличался от отца, но, как и Ниалл Линч, умел рассказывать истории. В конце концов, сказка очень похожа на ложь, а Диклан был превосходным лжецом. Он начал:

– Жил когда-то один ирландский герой – давным-давно, когда в Ирландии были не столько люди и города, сколько земля и магия. У этого героя было имя, но я открою его тебе лишь в самом конце. Он был героем-богом, страшным, мудрым и безудержным. Он приобрел копье – это история о копье, – которое жаждало крови и больше ничего. Тот, кто владел этим копьем, главенствовал на поле боя, потому что никто не мог устоять против его смертоубийственной магии. Оно столь ненасытно жаждало крови, что его приходилось накрывать, чтобы лишить зрения и остановить бойню. Только слепота заставляла волшебное копье успокоиться.

Диклан сделал паузу, вздохнул, как будто ощутил тяжесть рассказываемой истории, и ему требовалось сделать передышку, чтобы собраться с силами. Действительно, воспоминание об этом ритуале было достаточно тяжелым. Ронан путался в полуразмытых образах – отец, сидящий в изголовье кровати Мэтью, братья, привалившиеся друг к другу на подушке, мать, устроившаяся на старом стуле, на который больше никто не садился. Она тоже любила эти истории – особенно те, где речь шла о ней.

В следующую секунду послышался звук, похожий на стук ногтей по крыше машины; по ветровому стеклу скользнули сухие листья. Ронан вспомнил о когтях своего ночного ужаса и задумался, вернулся ли тот уже в Амбары.

Диклан продолжал:

– Когда с копья снимали ткань, оно не задумывалось, кто находился перед ним: возлюбленная героя, его родственники или друзья... оно убивало всех подряд. В первую очередь оно умело убивать – и именно это и делало.

Мэтью на заднем сиденье драматически ахнул, слегка разрядив атмосферу. Он, как и Бензопила, не выносил, когда Ронан расстраивался.

– Это было прекрасное оружие, созданное для боя, и больше ни для чего, – продолжал Диклан. – Герой, защитник острова, пытался использовать свое копье в благих целях. Но оно пронзало врагов и друзей, преступников и возлюбленных, и герой понял, что упрямое копье нужно спрятать.

Ронан сердито дернул кожаные шнурки у себя на запястье. Он вспомнил сон, который видел всего несколько дней назад.

– Ты, кажется, сказал, что это история про меня.

– Папа объяснил, что копье – это он, – произнес Диклан и посмотрел на Ронана. – И он попросил меня убедиться, что Ронан – имя героя, а не еще одного копья.

Эти слова повисли в воздухе.

Для стороннего наблюдателя трое братьев Линч казались совершенно не похожими: Диклан, скользкий политик, Ронан, слон в посудной лавке, и Мэтью, солнечное дитя.

Но изнутри братья Линч были на удивление похожи. Они все любили машины, себя и друг друга.

– Я знаю, что ты сновидец, как и он, – негромко сказал Диклан. – Я знаю, ты это хорошо умеешь. Знаю, что бессмысленно просить тебя перестать. Но папа не хотел, чтобы ты был одинок, как он. Чтобы ты стал таким, каким он сделал себя.

Ронан всё туже и туже закручивал кожаные шнурки.

– Ясно, – наконец сказал Мэтью. Он негромко рассмеялся и добавил: – Ну надо же.

– Почему ты говоришь мне об этом теперь? – наконец спросил Ронан.

– Я слышал, что здесь, в Генриетте, скоро должно случиться нечто очень серьезное, – ответил Диклан.

– От кого?

– Что?

– От кого ты это слышал?

Диклан тяжело взглянул на брата.

– Откуда они узнали, как позвонить тебе?

Диклан ответил:

– Ты правда думаешь, что папа один этим занимался?

Ронан так думал, но ничего не сказал.

– Почему, ты думаешь, я поехал в Вашингтон?

Ронан думал, что Диклан уехал туда заниматься политикой, но это, очевидно, был неправильный ответ, поэтому он не стал открывать рот.

– Мэтью, надень наушники, – велел Диклан.

– Я их не взял.

– Тогда притворись, что ты в наушниках, – посоветовал Ронан.

Он сделал радио чуть погромче.

- Я хочу, чтобы ты дал мне прямой ответ, - сказал Диклан. - Ты вообще думаешь поступать в колледж?

- Нет.

Было приятно и страшно сказать это вслух - кнопка нажата, взрыв грянет через секунду. Ронан обернулся в поисках трупов.

Диклан покачнулся; пуля, во всяком случае, слегка коснулась какого-то жизненно важного органа. С некоторым усилием он остановил артериальное кровотечение.

- Да. Я так и думал. Значит, ты именно так представляешь свою карьеру?

На самом деле Ронан хотел не этого. Хотя он мечтал свободно грезить и жить в Амбарах, сны были нужны ему не для того, чтобы жить в Амбарах. Он хотел, чтобы его оставили в покое и дали восстановить ферму, хотел пробудить отцовские стада от волшебного сна, заселить поля новыми животными, которых можно будет есть и продавать, превратить самое дальнее поле в гоночный трек и носиться по нему кругами. Для Ронана это был романтический идеал, которого он очень желал достичь. Впрочем, он не знал в точности, как объяснить это брату убедительно и непринужденно, поэтому Ронан сказал просто и недружелюбно:

- Вообще я думал стать фермером.

- Ронан, ну блин, - отозвался Диклан. - Мы можем хоть раз поговорить серьезно?

Ронан быстрым движением продемонстрировал ему средний палец.

- Как хочешь, - сказал Диклан. - Возможно, сейчас тебе не кажется, что в Генриетте жарко, но это только потому, что я лезу вон из шкуры, чтобы не пустить чужаков в город. Я уже некоторое время продолжаю папины дела, поэтому я известил всех, что буду заниматься ими из Вашингтона.

- Если новых вещей нет, что же ты продаешь?

- Ты видел Амбары. Главное, распродавать старое барахло достаточно медленно - пусть думают, что я добываю их из разных источников, а не просто выйдя на задний двор. Вот почему папа всё время путешествовал - чтобы создавать впечатление, что он привозит артефакты со всего света.

- Если новых вещей нет, почему ты их продаешь?

Диклан провел рукой по рулю.

- Папа вырыл нам всем могилу. Он обещал людям вещи, которые еще даже не приснил. Он заключал сделки с людьми, которые не всегда удосуживались платить и которые знали, где мы живем. Он притворялся, что нашел этот артефакт - Грейуорен, - который позволяет выносить разные предметы из снов. Вот так. Знакомо звучит? Когда люди приезжали к нему, чтобы купить Грейуорен, он всучивал им взамен что-нибудь другое. Грейуорен стал легендой. И, конечно, отцу надо было стравливать клиентов друг с другом,

дразнить этого психопата Гринмантла и в конце концов погибнуть. Вот что мы имеем.

Чуть раньше подобного заявления было бы достаточно, чтобы вызвать драку, но теперь горечь и скорбь в голосе Диклана перевесили гнев. Ронан мог сделать шаг назад и взвесить эти слова, сравнить их с тем, что он знал об отце. Сравнить их с тем, что он знал о Диклане.

Ему это не понравилось. Он верил Диклану, но ему это не нравилось. Гораздо проще было просто драться.

- Почему ты не сказал мне? - спросил он.

Диклан закрыл глаза.

- Я пытался.

- Хрен там.

- Я пытался сказать тебе, что он не тот, кем ты его считал.

Он ошибался. Ниалл Линч был именно тем, кем его считал Ронан, но в то же время он был и тем, кем его считал Диклан. Две версии не исключали друг друга.

- В смысле... почему ты не сказал, что противостояшь всем этим людям?

Диклан открыл глаза. Они были ослепительно синие, как у всех братьев Линч.

- Я хотел защитить тебя, мелкий засранец.

- Знаешь, было бы гораздо проще, если бы я знал больше, - огрызнулся Ронан. - А вместо этого нам с Адамом пришлось своими силами справляться с Гринмантлом, пока ты разыгрывал трагедию плаща и шпаги.

Брат оценивающе взглянул на него.

- Так это были вы? Как... О.

Ронан целую минуту наслаждался одобрением брата.

- Пэрриш всегда был до жути умным мелким поганцем, - заметил Диклан, против воли говоря почти совсем как отец. - Слушай, вот в чем дело. Один человек позвонил мне сегодня утром и сказал, что кто-то здесь выставляет на продажу нечто очень большое. Люди будут съезжаться отовсюду, чтобы посмотреть на эту штуку, чем бы она ни была. Понадобится совсем немного усилий, чтобы найти тебя, Мэтью, Амбары и тот лес.

- А кто продает что-то большое?

- Не знаю. И мне всё равно. Это вообще неважно. Ты разве не понимаешь? Даже после того как сделка состоится, люди будут ездить сюда, потому что Генриетта - громадный сверхъестественный маяк. И потому что я сам не

знаю, что из папиных дел я еще не успел подчистить. И если они выяснят, что ты сновидец... всё будет кончено. Я просто... – Диклан замолчал и закрыл глаза; и в ту минуту Ронан увидел в нем брата, с которым вместе вырос, а не от которого бежал. – Я устал, Ронан.

В машине стало очень тихо.

– Пожалуйста... – начал Диклан. – Просто поехали со мной, ладно? Ты бросишь Агленби, Мэтью переведется в школу в Вашингтоне, я полью бензином всё, что построил папа, и мы оставим Амбары в прошлом. Давай уедем.

Однажды, когда Ронан был еще маленьким, достаточно маленьким, чтобы посещать воскресную школу, он проснулся, держа в руке настоящий пылающий меч. Его пижама, соответствовавшая жестким правилам безопасности, которые до сих пор, казалось, имели чисто научный интерес, расплавилась и спасла его, но одеяло и почти все занавески полностью погибли в маленьком аду. Именно Диклан вытащил Ронана из комнаты и разбудил родителей; он никогда и ничего об этом не говорил, а Ронан никогда не благодарил его.

Строго говоря, вариантов не было. Линчи всегда спасали друг друга, если приходила беда.

– Забери Мэтью, – сказал Ронан.

– Что?

– Забери Мэтью в Вашингтон и защити его, – повторил Ронан.

– Да? А ты?

Они переглянулись – искаженные отражения друг друга.

– Это мой дом, – сказал Ронан.

32

Грозовая погода идеально отражала состояние души Блу Сарджент. Первый день в школе после временного исключения казался бесконечным. Отчасти так вышло оттого, что время, проведенное вне школы, было необыкновенным – полная противоположность скучному существованию в Маунтин-Вью. Но по большей части проблема заключалась в воспоминании о самом невошлешем событии минувшего дня – вечеринке у Генри Ченя. Очарование этого события казалось еще внушительней оттого, что в нем не содержалось абсолютно никакой магии. И мгновенно заключенный союз с ребятами из Агленби лишь подчеркивал то, что Блу ни разу не удалось пережить ничего подобного за все годы, проведенные в старшей школе Маунтин-Вью. Что заставило ее сразу же сойтись с ванкуверской тусовкой? И почему ощущение душевного родства

связало Блу с людьми, принадлежавшими к иному миру? Вообще-то она знала ответ на этот вопрос. Ванкуверская компания смотрела на звезды, а не на землю. Они не знали всего, но очень хотели знать. При другом раскладе Блу, возможно, общалась бы с людьми типа Генри всю свою школьную жизнь. Но при нынешнем – она сидела в Генриетте и наблюдала, как такие люди уезжают. Ни в какую Венесуэлу она не собиралась.

Блу наполняла досада при мысли о том, что ее жизнь столь отчетливо определена.

Есть вещи, которых недостаточно, зато для нее они достижимы.

Есть вещи, которые представляют собой нечто большее, но их она получить не может.

И вот она стояла, как сердитая старушка, согнувшись, в своей длинной изуродованной куртке с капюшоном, которую превратила в платье, и ждала, когда автобусы уедут и она сможет забрать свой велосипед. Блу жалела, что у нее нет мобильного или Библии, чтобы она могла притвориться необыкновенно занятой, как кучка застенчивых ребят, стоявших в автобусной очереди впереди нее. Четверо одноклассников стояли в опасной близости и спорили, можно ли считать по-настоящему крутой цепочку банковских ограблений в каком-то фильме, который все смотрели. Блу боялась, что они спросят ее мнения. В широком смысле она знала, что это совершенно нормальный разговор, но в узком смысле понимала, что не сможет заговорить о кино, не показавшись высокомерной мажоркой. Блу чувствовала себя тысячелетней. А еще ей казалось, что, возможно, она и вправду высокомерная мажорка. Она хотела забрать свой велосипед. Хотела общаться с друзьями, которые тоже были тысячелетними высокомерными мажорами. Она хотела жить в мире, где ее окружали бы тысячелетние высокомерные мажоры.

Она хотела в Венесуэлу.

– Эй, мисс! Хотите прокатиться, как никогда в жизни?

Блу не сразу поняла, что эти слова обращены к ней. До девушки дошло это, только когда она заметила, что все вокруг смотрят на нее. Она медленно развернулась и увидела прямо перед собой очень серебристую и очень дорогую машину.

Блу несколько месяцев общалась с ребятами из Агленби, не позволяя никому заподозрить, что она общается с ребятами из Агленби, но здесь, перед ней, в машине сидел самый воронистый из всех воронят. У водителя были часы, которые даже Ганси счел бы слишком большими. Волосы у него стояли торчком, так высоко, что касались потолка салона. И, несмотря на явственную нехватку солнца, водитель смотрел на Блу сквозь солнечные очки в черной оправе. Это был Генри Чень.

– Ух ты, – сказал Бертон, любитель банковских ограблений, медленно разворачиваясь. – «Не твоя подружка» идет на свидание? Это он тебя жарит?

Коди, второй «грабитель», подошел ближе к краю тротуара, чтобы поглазеть на машину.

Он поинтересовался:

- Это «Феррари»?

- Нет, чувак, это «Бугатти», - ответил Генри через открытое окно. - Ха-ха, я шучу. Конечно, «Феррари». Сарджент! Не заставляй меня ждать! Половина очереди смотрела на нее. До сих пор Блу, в общем, никогда не подсчитывала количество собственных публичных высказываний о бессмысленной коммерциализации, наглых парнях и учениках Агленби. Но теперь, когда все смотрели на Генри и на нее, она обзрела эту кучу и нашла ее огромной. А еще она понимала, что перед мысленным взором собравшихся постепенно возникает надпись «БЛУ САРДЖЕНТ ЛИЦЕМЕРКА».

Не было простого способа дать зрителям понять, что Генри - не ее парень. Более того, это казалось бессмысленным, поскольку ее тайный парень был почти столь же вопиющим «Вороненком», как и тип, который сейчас торчал прямо перед ней.

Блу тоскливо подумала, что, возможно, надпись «БЛУ САРДЖЕНТ ЛИЦЕМЕРКА» ей следует вывести собственным почерком.

Она сердито зашагала к машине.

- Не сноси ему прямо здесь, Сарджент! - крикнул кто-то. - Пусть сначала закажет тебе стейк!

Генри лучезарно улыбнулся.

- Хо! Аборигены беспокоятся. Здравствуйте, мои дорогие! Не волнуйтесь, я добьюсь повышения минимальной заработной платы для всех вас!

Вновь посмотрев на Блу, ну, или, по крайней мере, обратив на нее свои солнечные очки, он добавил:

- Приветик, Сарджент.

- Что ты тут делаешь? - спросила Блу.

Она сама не знала, что чувствовала. Она чувствовала много чего.

- Я здесь, чтобы поговорить о мужчинах в твоей жизни. И в моей. Кстати, отличное платье. Стиль бохо. Я ехал домой и решил узнать, понравилась ли тебе вечеринка. И заодно убедиться, что наши планы насчет Зимбабве еще в силе. Кажется, ты пыталась вырвать себе глаз. Смелый ход.

- Я думала... если не ошибаюсь... речь шла о Венесуэле?

- А, ну да. Мы заскочим туда по пути.

- Господи, - сказала Блу.

Генри наклонил голову в знак смирения.

- Выпускные экзамены дышат нам в затылок, прекрасная поселянка, - сказал он. - Пора убедиться, что у нас в руках ниточки от всех воздушных шариков, которые мы хотим удержать, пока они не упорхнули.

Блу внимательно посмотрела на него. Было так легко сказать, что она никуда не полетит, что ее воздушный шарик будет медленно терять гелий, пока не опустится наземь в том же самом месте, где родился, но тут она вспомнила пророчества Моры и не стала этого делать. Вместо ответа Блу подумала, как бы ей хотелось поехать в Венесуэлу, и Генри Ченю тоже, и в ту минуту это что-то значило, даже если бы перестало значить на следующей неделе.

Девушке в голову пришла одна мысль.

- Мне ведь не нужно напоминать тебе, что я встречаюсь с Ганси, так?

- Естественно, нет. Я, во всяком случае, генрисексуален. Можно отвезти тебя домой?

«Держись подальше от ребят из Агленби, потому что все они придурки».

Блу сказала:

- В эту машину я не сяду. Видишь, что творится у меня за спиной? Я даже смотреть не хочу.

Генри предложил:

- Тогда, может быть, обругаешь меня и удалишься со своими принципами?

Он торжествующе улыбнулся, выставил три пальца и с плутовским видом загнул два.

- Это абсолютно излишне, - сказала Блу, но не сумела сдержать улыбку.

- Жизнь - театр, - заметил Генри.

Он загнул средний палец и изобразил на лице преувеличенный ужас.

Блу заорала:

- Сдохни, тварь!

- НУ И ПОДУМАЕШЬ! - крикнул в ответ Генри чуть истеричнее, чем требовала роль.

Он попытался лихо сорваться с места, однако забыл снять ручной тормоз и в результате вывалился с парковки довольно медленно.

Блу даже не успела обернуться, чтобы посмотреть на результат этой трехактной драмы. Она услышала очень знакомый шум. О нет..

Разумеется, прежде чем она успела оправиться после визита Генри, у обочины, прямо перед ней, остановился оранжевый «Камаро». Мотор слегка

упрямился – «кабан» явно не так радовался жизни, как автомобиль, минуту назад занимавший площадку у пожарного гидранта, но в любом случае старался изо всех сил. И это столь же несомненно была машина Агленби, содержащая ученика Агленби, как и только что отъехавший «Феррари».

До сих пор на Блу смотрела только половина толпы на автобусной остановке. Теперь на нее уставились все.

Ганси перегнулся с пассажирского сиденья. В отличие от Генри, у него, по крайней мере, хватило совести заметить общее любопытство. Он поморщился.

– Джейн, прости, но это не может ждать. Ронан только что позвонил.

– Ронан позвонил?

– Да. Мы нужны ему. Ты свободна?

Слова «БЛУ САРДЖЕНТ ЛИЦЕМЕРКА» были, несомненно, начертаны ее рукой. Блу подумала, что ей придется посвятить некоторое время самоанализу.

Стояла относительная тишина.

Процесс самоанализа уже пошел.

– Чертовы Воронята, – сказала Блу и села в машину.

33

Никто не мог поверить, что Ронан воспользовался мобильником.

У Ронана Линча было много привычек, которые раздражали его друзей и близких – сквернословие, пьянство, пристрастие к уличным гонкам, – но полная неспособность отвечать на телефонные звонки и присылать эсэмэски буквально сводила их с ума. Когда Адам познакомился с Ронаном и обнаружил, что тот питает крайнее отвращение к телефонам, он предположил, что за этим кроется какая-то история. Какая-то причина, по которой первой реакцией Ронана, даже в случае острой необходимости, было передать мобильник другому. Потом, когда Адам узнал его получше, он понял: дело, скорее, заключалось в том, что телефон не позволяет передавать позу. В девяноста процентах случаев Ронан выражал свои чувства с помощью языка тела, а мобильник этого не понимал.

И вот теперь, однако, Ронан к нему прибег. Ожидая, пока Диклан закончит свой визит, Адам отправился к Бойду: надо было заменить масло в нескольких машинах. Он провел в мастерской пару часов, когда Ронан позвонил ему. Потом он послал сообщение Ганси и позвонил на Фокс-Вэй.

Ронан сказал им всем одно и то же: «Приезжайте в Амбары, надо поговорить».

Поскольку Ронан вообще-то никогда и ни о чем не просил их по телефону, они бросили всё и поехали.

Когда Адам добрался до Амбаров, остальные уже собрались – по крайней мере, он увидел «Камаро» и предположил, что Ганси наверняка привез Блу (особенно теперь, когда их секрет наконец раскрылся). «БМВ» Ронана стоял в стороне, с колесами, повернутыми под таким углом, что было ясно: машина некоторое время скользила по инерции, прежде чем остановиться. К большому удивлению Адама, там же стоял «Вольво» Диклана, носом к дороге, как будто уже готовый уехать.

Адам вылез из машины.

Амбары производили на него странный эффект. Во время нескольких первых визитов он не мог понять, что это за чувство, потому что, в общем, Адам не до конца верил в две вещи, из которых состояли Амбары – в магию и любовь. Теперь, когда он, по крайней мере, поверхностно познакомился с тем и другим, они действовали на него иначе. Раньше Адам гадал, каким бы стал, если бы вырос в таком месте. Сейчас он думал, что, если захочет, однажды сможет жить в таком месте.

Он не вполне понимал, что изменилось.

Внутри он нашел остальных – в той или иной степени праздничного состояния. Адам не сразу догадался, что у Ронана день рождения. На заднем дворе дымился гриль, на кухонном столе стояли купленные в магазине кексы, в углах перекачивались воздушные шары. Блу сидела на полу, привязывая к шарикам веревочки; поврежденный глаз у нее был плотно закрыт. Ганси и Диклан стояли у стола, опустив головы, и переговаривались негромко и серьезно, отчего оба казались старше своих лет. Ронан и Мэтью, толкаясь, ввалились в кухню со двора, шумные, полные братской любви, оба дурачились и были необыкновенно материальны.

Это и значит иметь брата?

Ронан поднял голову и перехватил взгляд Адама.

– Разуйся, прежде чем ходить по дому, дубина, – велел он.

Спохватившись, Адам потянулся к шнуркам.

– Не ты.. я имел в виду Мэтью, – Ронан удержал взгляд Адама еще секунду, а затем проследил, чтобы Мэтью сбросил ботинки. Он последовал в гостиную за братом, покотившимся в носках по полу, и Адам понял: этот праздник – ради Мэтью.

Блу поднялась и подошла к Адаму. Она негромко объяснила:

– Мэтью будет жить с Дикланом. Он покидает Агленби.

Картина стала яснее. Это была прощальная вечеринка.

В течение следующего часа история медленно, судорожными порывами, выходила на поверхность – ее по кусочкам излагали все присутствующие. Завязка заключалась вот в чем: Амбары сменили хозяина путем бескровной революции, корона перешла от отца к среднему сыну, поскольку старший от нее отрекся. И, если верить Диклану, враждебные государства пускали слюни уже буквально на границе.

Это была одновременно прощальная вечеринка и военный совет.

Адам не верил своим глазам, он не помнил такого, чтобы Ронан и Диклан, находясь в одном помещении, не сцепились. Но – да, это были братья, какими он никогда не видел их раньше. Диклан, измученный и наконец освободившийся; Ронан, напряженный, полный могучей целеустремленности и радости; Мэтью, неизменный, полный жизни, похожий на счастливый сон – каким он и был.

Что-то в происходящем выбивало Адама из колеи. Он не вполне понимал, что происходит. Сквозь открытое кухонное окно до него доносился легкий запах самшита, и Адам вспоминал, как гадал, сидя в машине Ронана. Он мельком замечал Девочку-Сироту, которая пряталась вместе с Бензопилой под столом, где стояла коробка жестяных игрушек, и вспоминал свое потрясение в ту минуту, когда узнал, что Ронан приснил Кабесуотер. Он забрел в сны Ронана Линча; Ронан переделал всё в этом мире, придав ему форму своего воображения.

– Почему оно не на месте? – донесся из кухни раздраженный голос Ронана.

Мэтью чем-то загремел в ответ.

Через несколько секунд Ронан ухватился пальцами за косяк столовой и выглянул.

– Пэрриш. Пэрриш. Посмотри, вдруг ты найдешь где-нибудь гребаный рулон фольги. Может быть, в комнате Мэтью.

Адам плохо помнил, где комната Мэтью, но он был рад, что у него появился повод побродить по дому. На кухне продолжался разговор, а он блуждал по коридорам, поднимался по не приметным лестницам в другие коридоры и находил там новые лестницы. Внизу Ронан сказал что-то, и Мэтью захохотал – так оглушительно, что стоять рядом, наверное, было ужасно. Адам с удивлением услышал, что Ронан тоже смеется – по-настоящему, уверенно, добродушно.

Он оказался в комнате, которая, видимо, принадлежала Ниаллу и Авроре. Свет, лившийся в окно, падал на белое покрывало на кровати, мягкое и нагоняющее дремоту. «О дитя, иди скорей», – гласила цитата в рамке над кроватью. Над комодом висела фотография. Аврора, раскрывшая рот в простодушном удивленном смехе, походила на Мэтью. Ниалл, энергичный и красивый, улыбаясь, держал ее в объятиях. Темные волосы, длиной до подбородка, были заправлены за уши.

Ронан пошел в отца.

Адам долго стоял, глядя на фотографию и не понимая, почему она его притягивает. Он подумал: возможно, это от неожиданности, ведь он полагал, что Аврора – неяркое, спокойное, тихое существо (так она вела себя в Кабесутере). Он мог бы догадаться, что она бывала веселой и динамичной, иначе Ронан не верил бы так долго, что она настоящая, а не сон.

Что такое вообще настоящее?

Впрочем, вполне возможно, что Адама на фотографии притягивал Ниалл Линч – взрослая версия Ронана. Сходство, конечно, было не стопроцентным, но достаточно сильным: во внешности Ниалла отчетливо проступали черты среднего сына. Яростный, безудержный отец; безудержная, веселая мать. Адаму стало больно.

Он ничего не понимал.

Адам нашел комнату Ронана. Он понял, что это комната Ронана, поскольку она была тесной и причудливой – чуть более светлая двоюродная сестра его спальни на Монмутской фабрике. В углах и под кроватью валялись странные маленькие предметы – сны маленького Ронана, а может быть, отцовские подарки. Попадались там и обычные вещи: скейтборд, потрепанный чемодан на колесиках, затейливого вида инструмент, очевидно волынка, лежавшая в пыли в открытом чехле. Адам взял с полки блестящую игрушечную машину, и она заиграла прелестную странноватую мелодию.

Адаму пришлось сесть.

Он сидел на краю пухового белого одеяла, и квадрат чистого белого света лежал у него на коленях. Он чувствовал себя как пьяный. Всё в этом доме создавало собственную идентичность и не сомневалось в своем месте. Столь очевидно оно было желанным. Адам по-прежнему держал на коленях игрушечную машинку, хоть она и замолчала. Это была не какая-то конкретная модель – просто крутая машина, которой сон придал несуществующую форму, – но она напомнила Адаму первую вещь, которую он купил себе. Воспоминание было ужасное, из тех, к чьим границам он случайно приближался во сне – его мысли подкатывались к ним вплотную, обжигались и шарахались. Адам не помнил в точности, сколько ему было лет; бабушка прислала открытку с десятью долларами – это произошло в те времена, когда бабушка еще присылала открытки. Он купил на них игрушечную машинку, примерно такого же размера. «Понтиак». Адам не помнил, где он ее купил, и почему именно такую, и даже по какому поводу он получил открытку. Он помнил только, как лежал на полу в спальне, катал машинку по ковру и слышал голос отца в соседней комнате...

Мысли Адама подкатились вплотную к этому воспоминанию и шарахнулись.

Но он коснулся капота волшебной машинки и всё равно вспомнил тот случай. Ужасное предвкушение этой сцены было страшнее, чем сама сцена, поскольку оно длилось всё то время, пока Адам с ним боролся. Иногда было лучше просто сразу сдаться.

«Я сожалею о той минуте, когда выплюнул его в тебя», – сказал отец Адама. Он не кричал. Не злился. Просто констатировал факт.

Адам хорошо помнил ту секунду, когда до него дошло, что отец имеет в виду его, Адама. Он не расслышал, что ответила мать – только интонацию ее ответа, что-то вроде «Я тоже не так себе это представляла» или «Я хотела другого». Единственное, что он помнил в точности – машинку и слово «выплюнул».

Адам вздохнул. С ума сойти, некоторые воспоминания не исчезают с концами. В прежние времена – возможно, всего несколько месяцев назад – Адам вызывал бы это воспоминание вновь и вновь, и оно печально и навязчиво кружилось бы в голове. Поддавшись ему, он не знал бы, как остановиться. Но теперь, по крайней мере, он мог просто ощутить однократный укол, а потом задвинуть воспоминание подальше до следующего раза. Он так медленно покидал трейлер..

Скрипнула половица, в открытую дверь стукнули чьи-то костяшки. Адам поднял голову и увидел в дверном проеме Ниалла Линча. Нет, это был Ронан – на его лицо с одной стороны падал свет, а с другой тень. Он стоял с властным и спокойным видом, сунув большие пальцы в карманы джинсов, босиком, с кожаными браслетами на запястье.

Он без единого слова пересек комнату и сел на кровать рядом с Адамом. Когда Ронан протянул руку, Адам положил на ладонь машинку.

– Это старая, – сказал Ронан.

Он повернул переднее колесо, и снова заиграла музыка. Они сидели так несколько минут. Ронан рассматривал машинку и поворачивал по очереди каждое колесо, вызывая разные мотивчики. Адам наблюдал, как внимательно Ронан изучал все швы, полуприкрыв светлые глаза ресницами. Наконец он вздохнул, положил машинку на кровать рядом с собой и поцеловал Адама.

Давным-давно, когда Адам еще жил в трейлере, однажды он толкал газонокосилку по неопрятному дворику и вдруг понял, что где-то недалеко идет дождь. Он чувствовал земляной запах капель в пыли, а еще электрический, волнующий аромат озона. И видел смутную серую пелену воды, заслонившую горы. Он мог проследить путь дождя, направлявшегося к нему через обширное сухое поле. Эта завеса была тяжелой и мрачной, и Адам знал, что вымокнет, если останется на улице. Дождь шел издалека – Адаму хватило бы времени, чтобы убрать газонокосилку и спрятаться под крышу. Вместо этого, впрочем, он просто стоял и следил за приближением дождя. Даже в самую последнюю минуту, когда он уже слышал, как дождь прибывает траву к земле, Адам не двигался с места. Он закрыл глаза и позволил дождю намочить его до нитки.

Вот так и этот поцелуй.

Они поцеловались еще раз. И Адам ощутил нечто большее, чем просто губы Ронана.

Ронан отстранился, закрыв глаза, и стлотнул. Адам видел, как у него поднимается и опускается грудь, как хмурятся брови. Он чувствовал себя ярким, нереальным, фантастичным, как льющийся через стекло свет.

Он ничего не понимал.

Прошло немало времени, прежде чем Ронан открыл глаза – а когда открыл, выражение лица у него стало сложное. Он встал. Он по-прежнему смотрел на Адама, а Адам на Ронана, но оба молчали. Возможно, Ронан чего-то ждал, но Адам понятия не имел, что сказать. Он был магом – так говорила Персефона, и его магия соединяла между собой самые странные вещи. Но теперь он был слишком полон неясного белого света, чтобы провести хоть какую-то логичную параллель. Адам знал, что из всех возможных вариантов на свете Ронан Линч – самый трудный. Он знал, что Ронан – не то, с чем можно экспериментировать. Знал, что его губам по-прежнему было тепло. Знал, что поступил в Агленби в полной уверенности, что ему хочется лишь одного – обратиться как можно дальше от этих мест и от всего, что здесь находилось.

Адам был уверен, что Ронан еще никогда и никого не целовал.

– Пойду вниз, – сказал Ронан.

34

Это была история, которую однажды рассказал Ниалл Линч – Ронан помнил ее смутно, но она ему всегда нравилась. Речь там шла про мальчика, который чертовски походил на Ронана (как все дети в рассказах Ниалла), и про одного старика, который чертовски походил на Ниалла (как все взрослые в рассказах Ниалла). Старик, кажется, был волшебником, а мальчик – его учеником, хотя Ронан, возможно, путал это с сюжетом фильма, который когда-то видел. Еще в рассказе Ниалла был волшебный лосось: он делал счастливым человека, который его съел. А может быть, мудрым, а не счастливым. В любом случае старик был слишком ленив, или занят, ну, или уехал по делам и не мог тратить время на рыбалку, поэтому он велел ученику отправиться к реке. Поймав лосося, мальчику следовало приготовить его и принести старику. Мальчик сделал, как ему велели, поскольку был не глупее старого волшебника, но, жаря лосося, он обжегся. Не успев спохватиться, он сунул обожженный палец в рот и получил волшебный подарок.

Ронан чувствовал, что, сам того не желая, ухватил счастье за хвост.

Он мог сделать что угодно.

– Ронан, старина, ты что там застрял? – крикнул Диклан. – Ужин готов!

Ронан стоял на крыше маленького сарая. Ему не удалось бы забраться выше за столь короткое время и без крыльев. Но он не опускал руки. Светлячки, елочные шары и сонный цветок, сияя, летали вокруг, то и дело проносясь мимо его лица, а он смотрел в испещренное розовыми полосами небо.

Через несколько секунд крыша застонала, застонал и Диклан, а потом старший брат подтянулся и встал рядом. Он стоял, глядя не на небо, а на то, что летало вокруг Ронана.

Диклан вздохнул.

- Ты, конечно, проделал тут большую работу.

Он протянул руку и схватил светлячка.

- Господи боже мой, Ронан, это ведь даже не насекомое.

Ронан опустил руки и взглянул на огонек, который поймал Диклан. Потом он пожал плечами.

Диклан выпустил огонек. Он завис прямо перед ним, освещая характерные резкие черты, тревожную складку между бровями, разочарование в углах губ.

- Он хочет поехать с тобой, - сказал Ронан.

- Я не могу взять с собой светящийся шарик.

- Подожди. Вот.

Он переступил с ноги на ногу, достал что-то из кармана и протянул на раскрытой ладони Диклану. Эта штука походила на долго бывшую в употреблении металлическую шайбу, сантиметров четырех в поперечнике, стимпанковое пресс-папье, часть какого-то странного механизма.

- Ты прав, эта штука гораздо меньше будет привлекать внимание, - иронически согласился Диклан.

Ронан резко стукнул по гайке, и из нее с шипением и искрами вырвалось облачко огненных шаров.

- Господи, Ронан! - Диклан торопливо отвернулся.

- Я тебя умоляю. Неужели ты думал, что я попорчу тебе лицо?

Ронан еще раз продемонстрировал «шайбу» - тук-тук, и фонтан сверкающих шаров. Он положил вещь на ладонь брата и, прежде чем Диклан успел сказать хоть слово, привел ее в действие.

Шарики брызнули в воздух. На мгновение они полностью окружили Диклана - они бешено носились вокруг его лица, и каждое миниатюрное солнышко пылало золотым и белым, - а потом Ронан увидел огромную и страстную тоску в глазах брата и понял, как томился Диклан, не будучи ни сновидцем, ни сном. Амбары никогда не были для него домом. Линчи и не пытались сделать их домом для Диклана.

- Диклан, - позвал Ронан.

Лицо брата прояснилось.

- Это самая полезная штука из всех, что ты приснил. Надо дать ей название.
- Уже. ТВОРЕЦ ОГНЯ. Заглавными буквами.
- Теоретически творец огня – это ты. А это просто огоньки.
- Каждый, кто держит ее, становится ТВОРЦОМ ОГНЯ. Настала твоя очередь. На, держи, положи в карман. ТВОРЕЦ ОГНЯ, округ Колумбия.

Диклан протянул руку и потрепал Ронана по бритой макушке.

- Ты мелкий засранец.

В последний раз они стояли на этой крыше, когда родители были еще живы, скот в полях медленно жевал траву, а мир казался гораздо меньше. Те времена прошли, но в кои-то веки теперь казалось, что всё в порядке.

Братья окинули взглядом место, которое их создало, а потом вместе спустились с крыши.

35

Взаимности от того, с чего начать, речь в этой истории шла о Нив Маллен.

У Нив была карьера, о которой мечтают большинство ясновидящих. Отчасти потому, что ее дар без труда обращался в деньги: она видела конкретные цифры, конкретные буквы, угадывала номера телефонов на карточках в бумажнике, дни рождения, хранившиеся в голове, с точностью предсказывала время будущих событий. А отчасти, потому что она обладала непомерным честолюбием. Ей всегда было мало. Карьера Нив напоминала стакан, который никогда не мог наполниться. Она начала с телефонной линии, затем издала несколько книг, стала вести собственное телевизионное шоу, которое шло ранним утром. В своей среде Нив пользовалась уважением.

Но.

За пределами своей среды она оставалась просто гадалкой. В наши дни, в нашу эпоху даже на самую лучшую гадалку смотрят, сморщив нос, и нимало не благоговеют.

Нив могла прочесть будущее, прошлое, заглянуть в другой мир, и всем было наплевать. Поэтому она произносила заклинания, смотрела сны и просила своих духов-наставников указать ей путь. «Объясните мне, как обрести власть – такую, чтобы люди уж точно не смогли ее проигнорировать».

«Генриетта», – шепнул один из духов. На экране телевизора застывали синоптические карты штата Вирджиния. Нив снилась силовая линия. Потом позвонила сводная сестра. «Приезжай и помоги мне!» Зеркала показали Нив будущее, в котором все глаза были устремлены на нее. Мироздание указывало ей путь.

И вот она оказалась в почерневшем лесу, с Пайпер Гринмантл и демоном.

Нив следовало догадаться, что одержимость властью рано или поздно даст ей возможность заключить сделку с демоном, но она не догадалась. Этика никогда ее особенно не стесняла, но Нив не была и душой – она знала, что у подобных сделок не бывает счастливого финала. Таким образом, она зашла в тупик.

И пала духом.

Пайпер, напротив, была полна энтузиазма. Она сменила свои грязные лохмотья на великолепное небесно-голубое платье и шпильки в тон; в этом удивительно бесцветном лесу она казалась ярким пятном. Пайпер пояснила:

– Никто не станет покупать предмет роскоши у бомжа.

– А что ты намерена продать? – поинтересовалась Нив.

– Демона.

От недостатка воображения или от временно отказавшей интуиции, но этого она тоже не предусмотрела. После ответа Пайпер на нее нахлынули дурные предчувствия. Нив попыталась облечь их в слова.

– На мой взгляд, демон привязан к этому месту и существует ради определенной цели, в данном случае – ради уничтожения всех энергетических артефактов, связанных с этим местом. Поэтому мне кажется маловероятным, что ты сумеешь вынести его отсюда, не причинив существенного вре...

– Здесь как-то странно идет время, – перебила Пайпер. – Не могу понять – мы пробывали здесь пару минут или больше?

Нив была почти уверена, что они пробывали здесь больше, но лес явно манипулировал их ощущением времени, чтобы затормозить Пайпер. Впрочем, Нив не хотелось говорить это вслух: она боялась, что Пайпер тогда выкинет что-нибудь ужасное. Она задумалась – не убить ли Пайпер. Что? Нет. Нельзя.

Это был демон – он, как всегда, шептал у нее в голове.

Нив задумалась, что именно он нашептывал Пайпер.

Она посмотрела на демона. А он на нее. Он начинал всё больше осваиваться здесь, в лесу, и деревьям, очевидно, это не сулило ничего хорошего. Понизив голос, Нив сказала:

– Я не понимаю, каким образом ты рассчитываешь продать демона. Ты не в состоянии его контролировать. Умерь свое высокомерие.

Понижать голос было бессмысленно, поскольку демон находился рядом, но Нив все-таки не удержалась.

- Он одаривает меня, - ответила Пайпер. - Он сам так сказал.

- Да, но, в конце концов, у демона свои планы. Ты просто орудие.

Мысли демона шепотом звучали среди деревьев, и те дрожали. Вскрикнула птица, но это был звук наоборот. В нескольких шагах от Нив в земле распахнулся рот. Он медленно открывался и закрывался - жадно и тоскливо. Это было невозможно, но демона не интересовало возможное. Лес теперь жил по законам кошмара.

Пайпер, казалось, ничто не смущало.

- Ты зануда. Демон, построй дом. В пещере. Что угодно, только побыстрее. Я на твоей стороне - только дай мне принять ванну. Да будет так, ну, или типа того.

И стало так, ну, или типа того - по слову Пайпер.

Магия демона не походила ни на что, чем когда-либо пользовалась Нив. Она была негативной - волшебная дебетовая карточка, сверхъестественное доказательство того, что энергию нельзя ни создать, ни разрушить. Чтобы построить дом, демону пришлось уничтожить часть леса. И за этим было нелегко наблюдать. Если бы он просто стер лес с лица земли, Нив, возможно, не так переживала бы. Но перед ней творилось искажение. Лозы росли, росли, росли, непрерывно покрываясь бутонами и цветами, пока не душили друг друга и не начинали гнить. Изящные боярышники покрывались лезвиями и шипами, которые изгибались и скрючивались, пока не отсекали выросшую их ветку. Птиц тошнило собственными внутренностями, которые превращались в змей, которые, в свою очередь, съедали птиц, а затем пожирали друг друга, корчась в агонии.

Хуже всего приходилось большим деревьям. Они были священны - Нив знала, что они священны, - и они сопротивлялись изменениям дольше, чем прочие живые существа в этом лесу. Сначала они кровоточили черным соком. Затем, постепенно, на них стала вянуть листва. Ветви падали и превращались в черную гниль. Кора сходила целыми кусками, как больная кожа. Деревья начали стонать. Это был не человеческий стон. Это вообще был не голос. Такой звук издает ветка, скрипя на ветру. Это была песнь дерева, которое валится во время грозы.

Всё существо Нив протестовало.

Впрочем, она заставляла себя смотреть. Долг перед этим старым священным лесом вынуждал ее наблюдать, как он умирает. Она задумалась: может, судьба привела ее в этот лес, чтобы она спасла его?

Всё превратилось в кошмар.

Новый дом Пайпер занял глубокую расселину в скале. Он держался и был надежно укреплен с помощью магии. Вся конструкция представляла собой

странное сочетание желаний Пайпер и чувств демона и напоминала оштукатуренное осиное гнездо. Точно по центру главной комнаты находился глубокий бассейн в форме слезы.

Как при всяком нормальном компромиссе, обе стороны были слегка недовольны, но ничего не сказали. Пайпер мило усмехнулась, но вслух произнесла:

- Отлично. Теперь надо связаться с моим отцом.

- Вместо того чтобы кем-то овладеть, ты могла бы пообщаться с ним при помощи ванны, - быстро предложила Нив.

Она умолчала о том, что, по ее мнению, гадание требовало гораздо меньше энергии, чем вселение. Возможно, это не спасло бы очередное дерево, но помогло бы ему продержаться чуть дольше.

Демон дернул усиком в сторону Нив. Он понимал ее замысел. Пайпер тоже оценивающе взглянула на Нив; голос демона, очевидно, зазвучал прямо у нее в голове. Нив ждала возражений, но Пайпер задумчиво провела пальцами по краю бассейна и сказала:

- Во всяком случае, они будут больше расположены к любви, если увидят мое лицо. Демон, свяжись с моим отцом через эту штуку. Да будет так, ну, или типа того.

И стало так, ну, или типа того.

Ломоньер находился в общественном туалете. Он стоял перед зеркалом и перед дверью, чтобы в уборную больше никто не вошел.

Пайпер прищурилась.

- Ты в «Морской еде»? Поверить не могу. Как я всё ненавижу.

- Да, мы захотели устриц, - ответил Ломоньер - его голос исходил не из воды, а из демона.

Он прищурился, пытаясь разглядеть местонахождение дочери.

- Ты что, в осином гнезде?

- Это святилище, - сказала Пайпер.

- Чье?

- Мое. Я рада, что ты об этом спросил. Ты просто предугадал мою звездную реплику. Слушай, я ненадолго, потому что страшно хочу принять ванну. Как у тебя успехи?

- Мы назначили просмотр, - сказал Ломоньер, выходя из кабинки. - Он состоится на следующий день после этой акции для сбора средств в тамошней частной школе, чтобы приезжие гости могли смешаться с толпой. Но что мы продаем?

Пайпер описала демона. Тот взлетел и сделал круг над бассейном; судя по выражению лица Ломоньера, Нив поняла, что демон тоже описал ему демона. Ломоньер был явно впечатлен изгибом собственных мыслей.

- Отличная находка, - произнес он. - Не будем терять связи.

Они исчезли из виду.

- Пора мыться, - торжествующе сказала Пайпер.

Она не попросила Нив удалиться, но тем не менее та удалилась. Ей нужно было выйти. Побывать одной. Она хотела обрести спокойствие, чтобы вновь видеть вещи как они есть.

Впрочем, Нив сомневалась, что когда-либо сможет успокоиться.

Стоя на верху осиной лестницы, Нив вцепилась себе в волосы. Ведь, если подумать, она использовала силу вселенной только ради личной цели. Вот почему она оказалась здесь. Не стоило злиться на полученный урок. Она еще попытается спасти положение. Ну да. Она никогда не вернет себе душевный покой, если будет помнить, что стояла в сторонке, пока гибло священное место.

Нив побежала.

В норме она не бегала, но, начав, сама удивилась, что не сделала этого сразу. Нужно было пуститься бежать в ту самую секунду, когда она увидела демона, и не останавливаться, пока его шепот не утих бы у нее в голове. Страх и отвращение внезапно охватили Нив; она продиралась через лес, и ее душили рыдания. «Демон, демон, демон». Ей было так страшно. Сухие листья под ногами превращались в карты Таро, лежащие вверх рисунком. Нив скользила на них, и, вылетая у женщины из-под ног, они вновь становились листьями.

«Вода, - подумала она, обращаясь к лесу. - Мне нужно зеркало, если хочешь, чтобы я тебе помогла».

Листья равнодушно шелестели над ней. Капля дождя упала на щеку Нив и смешалась со слезами.

«Не дождь. Вода - для зеркала», - подумала Нив.

На бегу она оглянулась через плечо. И споткнулась. Она чувствовала, что за ней наблюдают, но, разумеется, именно так она и должна была себя чувствовать. Всё это место наблюдало за ней. Она съехала по склону, хватаясь за сухие листья, которые несли ее дальше, и обнаружила прямо перед собой пень с углублением наверху.

«Вода, вода». И на глазах у Нив вода забулькала, наполняя углубление. Нив погрузила в нее руку и взмолилась нескольким избранным богиням, а затем простерла ладони над чашей. Ее сознание наполнилось образами Фокс-Вэй. Чердак, где она жила, ритуалы, которые она там совершала. Зеркала,

которые она установила, чтобы исследовать возможности, которые в конце концов привели ее сюда.

Ей страшно хотелось оглянуться.

Но отвлекаться было нельзя.

Нив почувствовала, что ей удалось зацепиться. Она не узнавала лицо, но это было неважно. Если она действительно связалась с одной из обитательниц дома номер 300 на Фокс-Вэй, информация попала бы к людям, способным помочь. Нив шепнула:

- Ты слышишь меня? Здесь демон. Он уничтожает лес и всё, что с ним связано. Я сейчас попытаюсь...

- Знаешь, - сказала Пайпер, - если у тебя проблемы со мной, жаль, что ты сначала не обратилась ко мне.

Связь прервалась. Вода в углублении пня зарыбила и стала просто водой, а потом из-под поверхности поднялся твердый черный панцирь демона. Слегка шевеля усиками, он взобрался на руку Нив. Тяжелый. Злобный. Шепотом описывающий ужасные вероятности, которые становились ужасными перспективами. По другую сторону пня в поле зрения Нив появилась Пайпер - она шла, шелестя опавшей листвой. Ее волосы были еще влажными после мытья.

Нив не стала тратить силы на мольбы.

- Господи. Вы, эзотерики, просто невыносимы. - И Пайпер махнула рукой в сторону демона. - Уничтожь ее.

36

Ночь казалась живой.

Диклан и Мэтью уехали. Ганси, Блу, Ронан и Адам остались в Амбарах - они сидели кружком в гостиной, где пахло орешником. Свет исходил только от предметов, которые приснил Ронан. Эти штуки витали над головой и танцевали в камине. Как будто между всеми присутствующими висела магия, даже в тех местах, куда не достигал свет. Ганси понимал, что они счастливее, чем когда-либо за долгое время, и это казалось странным, учитывая пугающие события вчерашнего вечера и зловещие новости, которые они только что получили от Диклана.

- Это ночь истины, - сказал Ганси, и в любое другое время они, возможно, посмеялись бы над ним. Но только не сегодня. Сегодня все понимали, что они часть медленно работающего механизма, размер которого потрясал их.

- Давайте сложим фрагменты воедино.

Они неторопливо рассказали, что произошло с ними накануне, делая паузы, чтобы Ганси успевал записывать. Отмечая в тетради факты (силовая линия, замершая в 6:21, нападение Ноя, истекающее черным дерево, глаз Адама,двигающийся сам по себе), Ганси начал понимать суть ролей, которые они играли. Если внимательно присмотреться, он уже почти мог разглядеть финал.

Они обсудили, чувствуют ли себя обязанными защищать Кабесуотер и силовую линию - да, они все так считали. Думают ли, что Артемус знает больше, чем говорит - да, они все так думали. Надеются ли, что он хоть когда-нибудь сможет говорить об этом свободно - тут все засомневались.

В середине разговора Ронан встал и принялся мерить шагами комнату. Адам отправился на кухню и налил себе кофе. Блу свила гнездо из диванных подушек рядом с Ганси и положила голову ему на колени.

«Нельзя».

Нет, можно. Правда выбиралась на свет.

Еще они поговорили про Генриетту. Как было бы разумнее поступить - прятаться от чужаков, приезжающих в город в поисках сверхъестественных артефактов, или бороться с ними. Пока все сыпали идеями волшебной защиты и опасных союзников, чудовищ, превращенных в оружие, и рвов, полных кислоты, Ганси осторожно коснулся волос над ухом у Блу, стараясь не дотрагиваться до кожи вокруг глаза, потому что там пролегал шов, и не встречаться взглядом с Ронаном и Адамом, потому что ему было неловко.

«Можно». Ему позволялось этого желать.

Они поговорили про Генри. Ганси помнил, что делился тщательно охраняемыми секретами Ченя, но к концу учебного дня он решил, что рассказать что-либо ему значит рассказать также Адаму, Ронану и Блу. Они выступали как единое целое; нельзя было одержать победу над Ганси, не победив также и их. Адам и Ронан сыпали дурацкими шутками в адрес Генри («Он наполовину китаец» - «На какую половину?») и интимно хихикали; Блу порицала парней за это («А вам завидно?»); Ганси велел им отбросить предубеждения и подумать о нем.

Никто еще не произнес слова «демон».

Оно висело в воздухе, невысказанное, определяемое формой происходящего разговора. То, за чем гнались Адам и Ронан, то, что вселилось в Ноя, то, что, вероятно, угрожало Кабесуотеру. Возможно, они провели бы целый вечер, не называя его прямо, если бы из дома номер 300 на Фокс-Вэй не позвонила Мора. Она сказала: Гвенллиан видела что-то в зеркалах на чердаке. Понадобилось немало времени, чтобы разобраться, что именно она видела, но, похоже, это была Нив, которая их предупреждала.

Демон.

Разрушитель.

«Он уничтожает лес и всё, что с ним связано».

Это откровение заставило Ронана остановиться, а Адама замолчать. Ни Ганси, ни Блу не прерывали полную вопросов тишину. В конце концов Адам произнес:

– Ронан, я думаю, им надо тоже сказать.

Судя по выражению лица, Ронан полагал, что его предали. Это было утомительно; Ганси с точностью мог описать грядущую ссору. Адам скажет что-нибудь бесстрастное и правдивое, Ронан выстрелит из пушки, заряженной сквернословием, Адам плеснет бензина на пути снаряда, и несколько часов всё будет полыхать огнем.

Но Адам просто сказал очень серьезным тоном:

– Ничего не изменится, Ронан. Мы сидим здесь, среди волшебных огоньков, и я вижу, как девочка, которую ты приснил, ест в коридоре пенопласт. Мы разъезжаем на машине, которую ты достал из сна. Ты удивишься, но это никак не повлияет на отношение к тебе.

Ронан отрезал:

– Ага. По тебе видно.

Услышав его обиженный голос, Ганси подумал, что внезапно понял кое-что про Ронана.

– У меня эта проблема была не единственной, – парировал Адам. – Поэтому я слегка завис.

Ганси определенно показалось, что он что-то понял про Ронана.

Они с Блу переглянулись. Она подняла бровь, так что та совсем скрылась под челкой; один глаз у нее был по-прежнему закрыт. От этого у девушки сделался еще более любопытный вид, чем обычно.

Ронан подергал себя за браслеты на запястье.

– Ладно. Я приснил Кабесуотер.

И в комнате вновь настала абсолютная тишина.

Ганси на определенном уровне понимал, почему Ронан колебался и не говорил им. Способность извлечь из своей головы волшебный лес добавляет человеку мистического блеска. Но, с другой стороны, Ганси ощутил легкое замешательство. Как будто ему рассказали секрет, который он и так уже знал. Он не мог понять почему – потому, что сам Кабесуотер уже, возможно, нашептал Ганси правду во время одной из прогулок, или потому, что количество улик было таким большим, что его подсознание сочло себя владельцем тайны, прежде чем официально получило извещение о доставке.

– Подумать только, ты бы мог приснить лекарство от рака, – сказала Блу.

- Слушай, Сарджент, - отгрызнулся Ронан, - вчера вечером я собирался приснить тебе глазную мазь, потому что, очевидно, от современных лекарств нет ни хрена толку, но в четвертом кругу ада смертельно опасная змея чуть не откусила мне жопу, поэтому не стоит благодарности.

Блу была явно тронута.

- Спасибо, чувак.

- Да не за что, детка.

Ганси постучал ручкой по тетради.

- Раз уж мы так откровенны - ты, случайно, не приснил какие-нибудь еще географические объекты, о которых нам стоит знать? Горы? Водоемы?

- Нет, - ответил Ронан. - Но я приснил Мэтью.

- Господи.

Ганси жил в непрерывном состоянии невозможности, время от времени поднимаясь до состояния еще большей невозможности. Во всё это было трудно поверить, но вещи, в которые было трудно поверить, продолжались уже месяцами. Ганси и без того пришел к выводу, что Ронан не похож ни на кого; теперь он просто получил еще одно доказательство.

- То есть ты знаешь, что означали видения в том дереве?

Он имел в виду дерево с дуплом, которое показывало видения всем, кто влезал в него; они обнаружили это дерево во время первого визита в Кабесуотер. Ганси увидел в нем две сцены - первую, когда он, казалось, подошел совсем близко к тому, чтобы поцеловать Блу Сарджент, и вторую, когда он, казалось, подошел совсем близко к тому, чтобы найти Глендауэра. То и другое крайне интересовало Ганси. То и другое казалось абсолютно реальным.

- Кошмары, - небрежно отозвался Ронан.

Блу и Адам моргнули. Блу переспросила:

- Кошмары? И только? Это не предсказания будущего?

Ронан ответил:

- Когда я приснил это дерево, оно показывало кошмары. Худшие варианты развития событий. Разную фигню, которая, по его мнению, с наибольшей вероятностью могла испортить человеку жизнь на следующий день.

Ганси вряд ли классифицировал бы оба видения как «худшие варианты развития событий», но, несомненно, то и другое породило изрядное количество «фигни». Смущенное лицо Блу намекало, что она с ним согласна. Адам, с другой стороны, так шумно вздохнул, как будто удерживался месяцами. И неудивительно. Жизнь Адама и без того представляла собой

кошмар, еще до того, как он вошел в дупло. Кошмары, превосходящие реальность, наверняка были просто ужасны.

– Можешь ли ты.. – начал Ганси, а потом остановился и задумался. – Можешь ли ты приснить какую-нибудь защиту для Кабесуотера?

Ронан пожал плечами.

– Та черная гадость в Кабесуотере означает черную гадость в моих снах. Я же сказал тебе, что не смог приснить даже глазную мазь для Сарджент вчера вечером, а это сущие пустяки. Ребенок справился бы. А у меня ничего не получилось.

– Я попробую помочь, – заявил Адам. – Я могу погадать, пока ты будешь грезить. Возможно, я сумею расчистить энергию – настолько, чтобы у тебя получилось что-нибудь полезное.

– Это всё как-то несущественно, – заметил Ганси.

На самом деле он имел в виду: «Чудовище такое огромное».

Блу выпрямилась и застонала, щупая глаз.

– «Несущественное» меня вполне устраивает. Сомневаюсь, что мы должны предпринимать нечто существенное, не поговорив сначала с моей мамой. Я хочу выяснить, что именно видела Гвенллиан. Ух. Ганси, тебе придется отвезти меня домой. Глаз дико болит – из-за этого такое ощущение, что я мешки ворочала. Простите, ребята.

В отсутствие информации никакие новые идеи просто не приходили в голову, и остальные воспользовались этим как предлогом, чтобы встать и потянуться. Блу направилась в сторону кухни. Ронан проскакал вперед, нарочно пихнув ее бедром.

– Придурок, – сказала Блу, и он радостно заржал.

Ганси был искренне растроган звуком этого смеха – именно здесь, здесь, в Амбарах, всего в пятидесяти шагах от того места, где Ронан обнаружил труп своего отца и где его жизнь разлетелась на кусочки. Сейчас этот смех казался таким непринужденным и беспечным – он давал понять, что его можно тратить не задумываясь, потому что там, откуда он исходил, были еще запасы. Рана, вопреки всем прогнозам, исцелялась; жертва в конце концов могла выжить.

Ганси и Адам задержались в гостиной – они стояли и думали. Окно выходило на темную парковку, где ожидали «БМВ», «ведро с гайками» и блистательный «Камаро». «Кабан» в свете фонаря на крыльце напоминал космический корабль. Сердце Ганси по-прежнему было полно ожиданий и магии, одновременно темной и светлой.

– Ты ведь знаешь про проклятие Блу? – негромко спросил Адам.

«Если ты поцелуешь своего любимого, он умрет».

Да, Ганси знал. А еще он понимал, почему Адам об этом спрашивал, и чувствовал искушение как-нибудь отшутиться, поскольку ему было до странности неловко говорить о себе и Блу. Ганси вновь превратился в маленького мальчика. Но сегодня была ночь правды, и голос Адама звучал серьезно, поэтому Ганси ответил:

- Знаю.

- Думаешь, это относится к тебе? - спросил Адам.

Ганси осторожно ответил:

- Полагаю, что так.

Адам обернулся, чтобы убедиться, что Ронан и Блу по-прежнему на кухне, вне пределов слышимости.

- А как же ты?

- А что я?

- Проклятие говорит о ее возлюбленном. А ты что думаешь? Ты любишь Блу?

Адам произнес слово «возлюбленный» очень отчетливо, как будто это был какой-то незнакомый элемент периодической таблицы. Ганси хотел уклониться от ответа, но одного взгляда на Адама обоим хватило, чтобы понять: его друг вложил в этот ответ, и вопрос, возможно, касался чего-то совсем другого.

- Да, - прямо ответил Ганси.

Адам внимательно посмотрел на него.

- А что это значит? Откуда ты знаешь, что это не дружба?

Теперь и в самом деле стало очевидно, что Адам думал о чем-то совершенно другом, поэтому Ганси не знал, как ответить. На мгновение он вдруг вспомнил, как они с Генри лазали в подвал. Генри тогда ничего не было нужно - только чтобы Ганси его выслушал. Но сейчас ситуация отличалась. Адаму было что-то нужно.

Ганси попытался как-то сформулировать.

- Наверное... Блу меня успокаивает. Как Генриетта.

Он уже рассказывал Адаму, как в ту минуту, когда он обнаружил Генриетту, в его душе что-то успокоилось. Что-то, что вечно волновалось внутри, а он даже не ощущал этого раньше. Адам не понял Ганси, но, опять-таки, для него Генриетта исходно значила что-то иное.

- И всё? Так просто?

- Адам, я не знаю! Ты просишь дать определение абстрактному понятию, которое не мог объяснить никто с начала времен! Ты на меня буквально

набросился, – сказал Ганси. – Почему мы дышим воздухом? Потому что любим воздух? Потому что не хотим задохнуться. Почему мы едим? Потому что не хотим умереть от голода. Откуда я знаю, что люблю Блу? Потому что после разговора с ней я могу нормально спать. И вообще, зачем тебе это?

– Низачем, – сказал Адам, столь откровенно солгав, что оба вновь молча взглянули за окно.

Адам постучал пальцами одной руки по ладони другой.

В норме Ганси дал бы ему время походить и подумать – было одинаково непродуктивно принуждать к разговору как Адама, так и Ронана. Но в данном случае время поджимало: Ганси не мог ждать несколько месяцев, когда Адам вернется к теме разговора. Он сказал:

– Я думал, сегодня ночь правды.

– Ронан поцеловал меня, – немедленно ответил Адам.

Эти слова явственно выстроились в очередь. Адам внимательно рассматривал двор. Ганси ничего не сказал сразу; тогда Адам добавил:

– И я его тоже поцеловал.

– О господи.

– Ты удивлен?

В основном Ганси удивился, что Адам сказал ему об этом. Сам Ганси таился несколько месяцев, встречаясь с Блу, прежде чем наконец заставил себя признаться остальным, да и то лишь в экстремальных обстоятельствах.

– Нет. Да. Не знаю. Сегодня я уже удивлялся тысячу раз, поэтому не могу понять. А ты удивился?

– Нет. Да. Не знаю.

Теперь, когда Ганси получил хотя бы несколько секунд на размышления, он представил себе все варианты этого события. Он вообразил Адама – вечного ученого. И Ронана, яростного, верного и хрупкого.

– Не сломай его, Адам.

Тот продолжал смотреть в окно. О бешеной работе ума говорили лишь медленно двигавшиеся пальцы.

– Я не идиот, Ганси.

– Я серьезно.

Теперь воображение Ганси пошло дальше – он представил будущее, в котором Ронану, возможно, придется существовать без него, без Диклана, без Мэтью, со свежеразбитым сердцем.

- Он не такой крепкий, каким кажется.

- Я не идиот, Ганси.

Ганси и не считал Адама идиотом. Но Адам снова и снова ранил его собственные чувства, даже если не желал того. Некоторые самые серьезные раны были нанесены, именно когда Адам не понял, что нанес их.

- Мне кажется, ты нечто прямо противоположное идиоту, - сказал Ганси. - Я ни на что не намекаю. Я просто имел в виду...

Всё, что Ронан когда-либо говорил об Адаме, приобрело новые очертания в голове Ганси. Какое странное созвездие представляли собой они все...

- Я не собираюсь выносить ему мозги. Почему, как ты думаешь, я говорю с тобой? Я даже не знаю, как... - Адам умолк.

Сегодня была ночь правды, но у обоих закончилось то, что они знали наверняка.

Они вновь посмотрели в окно. Ганси достал из кармана листок мяты и сунул в рот. Ощущение магии, которое он чувствовал в начале вечера, еще усилилось. Возможно было всё: и хорошее, и плохое.

- Я думаю, - медленно произнес Ганси, - что надо быть честным с самим собой. Это главное, что ты можешь сделать.

Адам расцепил руки.

- Наверное, мне было нужно услышать именно это.

- Я стараюсь.

- Знаю.

В наступившей тишине они услышали, как Блу и Ронан разговаривали на кухне с Девочкой-Сиротой. Было что-то приятное в ласковом и знакомом бормотании их голосов, и Ганси вновь ощутил сверхъестественный зов времени. Ему показалось, что он уже прожил однажды эту минуту, ну, или должен был прожить ее в будущем. Он одновременно желал и имел. Ганси начал понимать, что страстно мечтает закончить поиски Глендауэра. Вернуть остаток жизни себе. До сих пор, казалось, он сам не верил, что его жизнь - нечто большее.

Ганси сказал:

- Кажется, пора разыскать Глендауэра.

И Адам ответил:

- По-моему, ты прав.

В зависимости от того, с чего начать, речь в этой истории шла о Генри Чене.

У Генри всегда были проблемы со словами. Например: в первый месяц своего пребывания в Агленби он попытался объяснить это Джоне Майло, преподавателю английского языка, и услышал в ответ, что он слишком требователен к себе. «У вас прекрасный словарный запас», – сказал Майло. Генри знал, что у него прекрасный словарный запас. Это совсем не то же самое, что иметь правильные слова для передачи своих мыслей. «Для человека вашего возраста у вас очень хорошо поставлена речь, – добавил Майло. – Ха! Даже для человека моего возраста». Но даже если человек вроде бы выражает собственные чувства, еще не факт, что он действительно это делает. «Многие, для кого английский не родной язык, испытывают неуверенность, – закончил Майло. – Моя мать жаловалась, что, говоря по-английски, она сама не своя».

Но проблема состояла не в том, что Генри переставал быть собой, когда говорил по-английски. Он в принципе был менее собой вслух. Его родным языком были мысли.

Поэтому не существовало никакого нормального способа объяснить, что он чувствовал, пытаясь подружиться с Ричардом Ганси и членами его королевской семьи. У Генри не доставало слов, чтобы сформулировать причины, по которым он выдал в подвале Борден-Хауса свой самый бережно хранимый секрет. Не существовало никакого описания для того, как трудно ему было ждать, примет ли Ганси оливковую ветвь.

Иными словами, до тех пор нужно было просто убить время.

Генри не давал себе расслабиться.

Он приводил в восторг преподавателя, взявшись за подробный анализ истории распространения персональной электроники в странах «первого мира»; он раздражал администрацию, тщательно изучая несоответствие между школьным бюджетом на рекламу и бюджетом на стипендии. Он доорался до хрипа, стоя на боковой линии, когда команда Коха играла в футбол (и проиграла). Он написал краской из баллончика «ТИХО, СУКИ!» на помойке за кафе-мороженым.

Оставалось еще много свободного времени. Ожидал ли он, что Ганси позвонит? У Генри не было слов для описания того, чего он ожидал. Метеорологическое явление. Нет. Климатическое изменение. Отныне злаки на северо-западе будут расти по-другому.

Солнце село. Ванкуверская тусовка вернулась в Личфилд – на ночлег и за ценными указаниями от Генри. Он чувствовал себя на двадцать процентов виноватым, оттого что ему страстно хотелось подружиться с Ганси, Сарджент, Линчем и Пэрришем. Ванкуверская компания была очень классной.

Просто ее было недостаточно, но у Генри не хватало слов, чтобы объяснить, почему. Потому что они всегда смотрели на него снизу вверх? Потому что не знали его секретов? Потому что теперь ему были нужны не последователи, а друзья? Нет. Дело было в чем-то большем.

- Вынеси мусор, - велела Генри миссис Ву.

- Я очень занят, тетя, - ответил Генри, хотя вообще-то он, сидя в трусах, смотрел прохождение компьютерной игры.

- Вот этим займись, - сказала она и бросила рядом с ним два мешка мусора.

Поэтому он вышел через заднюю дверь Личфид-Хауса на засыпанную гравием парковку, в одной лишь футболке с Мадонной и любимых черных трусах. Над головой висело фиолетово-серое небо. Где-то рядом сонно ворковала горлица. Ощущения в душе Генри, для которых не было слов, всё равно рвались наружу.

Только его мать знала, что имел в виду Генри, когда жаловался, что у него проблемы со словами. Она всегда пыталась объяснять разные вещи его отцу, особенно когда из миссис Чень решила стать Сондок. «Вот и всё, - говорила она, - но есть и нечто большее». Эта фраза поселилась в голове Генри. «Нечто большее» идеально объясняло, почему он никогда не мог выразить то, что имел в виду. «Нечто большее», по определению, всегда отличается от того, что ты держишь в руке.

Он дал волю чувствам, выдохнув сквозь зубы, а затем зашагал через парковку к мусорным бакам.

Обернувшись, Генри увидел, что в двери, из которой он только что вышел, стоял какой-то человек.

Генри остановился. Он не знал имени этого человека - белого, жилистого, спокойного, - но чувствовал, что ему знаком сам типаж. Недавно он рассказал Ричарду Ганси про профессию своей матери - и вот, несколько часов спустя, смотрел на того, кто, несомненно, явился сюда в связи с этой самой профессией.

Незнакомец спросил:

- Как, по-твоему, мы можем побеседовать?

- Нет, - ответил Генри. - Сомневаюсь.

Он потянулся к заднему карману за телефоном, но в процессе вспомнил, что на нем нет брюк. Генри посмотрел на окна. Он не ждал помощи - обитатели Личфилд-Хауса слишком мало знали о матери Генри и не догадались бы, какого рода опасность ему грозила, даже если бы столкнулись к ней лицом к лицу. Генри искал приоткрытое окно, которое позволило бы Робо-Пи прилететь к нему.

Мужчина эффектным жестом протянул к Генри ладони, чтобы показать, что у него нет оружия. Как будто это что-то меняло.

- Уверяю, у нас с тобой одинаковые цели.

- Моя цель - досмотреть прохождение «Стража-Два». Просто не верится, что я наконец нашел человека, который разделяет мои вкусы.

Мужчина окинул его взглядом. Казалось, он перебирал варианты.

- До меня дошел слух, что здесь, в Генриетте, что-то движется. Мне не нравится, когда тут что-то сдвигают с места. Полагаю, ты тоже предпочел бы, чтобы в твоей жизни не толклось слишком много посторонних людей.

- Тем не менее, - сказал Генри.

- Может, предпочтешь простой способ? Избавь меня от хлопот.

Генри покачал головой.

Мужчина вздохнул. Прежде чем Генри успел как-то отреагировать, он сократил расстояние между ними, обнял его - далеко не дружески - и с ходу произвел какой-то прием, который заставил Генри издать тихий писк и отступить, хватаясь за плечо. Некоторые заорали бы, но Генри, как и незнакомец, предпочитал хранить секреты.

- Не трать мое время, - сказал мужчина, - раз уж я начал весьма цивилизованным образом.

«Робо-Пи, - подумал Генри. - Лети ко мне».

Где-то в доме наверняка было приоткрытое окно. Миссис Ву вечно включала отопление слишком сильно...

- Если вы хотите узнать какой-то секрет, - ответил Генри, осторожно щупая плечо, - то сами тратите свое время зря.

- Бога ради, - произнес мужчина.

Он нагнулся и достал из кобуры на лодыжке пистолет.

- В любое другое время я счел бы твое поведение очень достойным. Но сейчас просто лезь в машину, пока я тебя не застрелил.

Пистолет победил, как обычно. Генри бросил последний взгляд на дом, а затем зашагал к стоявшей через дорогу белой машине. Он узнал ее, хотя и не понял, что это значило. Генри открыл заднюю дверцу.

- Садись вперед, - велел мужчина. - Я же сказал, нам надо поговорить.

Генри выполнил приказ, в третий раз оглянувшись на дом. Незнакомец сел за руль и отъехал от обочины. Он выключил радио («Да, я любовник, а не боец», - пело оно) и сказал:

- Я просто хочу знать, кого ожидать и сколько от них будет проблем. Я совсем не заинтересован в том, чтобы когда-либо вновь встретиться с тобой.

Сидя впереди, Генри посмотрел в окно, а потом застегнул ремень безопасности. Он подтянул ноги к груди и обвил руками голые колени. Он начал слегка дрожать. Мужчина включил обогреватель.

– Куда вы меня везете? – спросил Генри.

– Мы объедем квартал, как делают разумные люди, которые пытаются поговорить.

Генри подумал про дыру в земле.

– Я никогда не вел разумных разговоров с человеком, у которого пистолет.

Он вытянул шею, чтобы посмотреть назад. Было темно, не считая света фонарей. Он, наверное, уже слишком далеко отъехал от дома, и Робо-Пи его не услышала бы, но тем не менее Генри взмолился в последний раз: «Обратись к кому-нибудь, кто сможет вмешаться».

Эта просьба не имела особого смысла в словах, но в мыслях Генри она имела смысл, и для пчелы это было самое главное.

– Послушай, – сказал незнакомец. – Мне жаль, что я тебя ударил. Просто рефлекс.

В ветровое стекло что-то ударилось с металлическим стуком. Когда мужчина вытянул шею, чтобы понять, что такое попало в машину, Генри выжидающе выпрямился. Подавшись вперед, он увидел с краю стекла три тонкие черные линии.

Зазвонил телефон.

Мужчина издал невнятный звук, прежде чем достать телефон из бардачка. Звонивший явно имел право на его внимание: незнакомец взял мобильник и зажал между щекой и ухом, одновременно не выпуская рычаг переключения передач. Он сказал собеседнику:

– Это очень странный вопрос.

Генри воспользовался возможностью, чтобы приоткрыть окно на пару сантиметров. Робо-Пи немедленно слетела с ветрового стекла и просочилась в щель.

– Эй... – начал мужчина.

Пчела влетела в ладонь Генри. Он сжал кулак и радостно прижал его к груди. Ему теперь казалось, что он в безопасности.

Мужчина нахмурился, а затем сказал в телефон:

– Я много лет никого не похищал, но прямо сейчас в моей машине действительно сидит парнишка.

Пауза.

- Оба эти замечания верны. Я пытался прояснить кое-какие слухи. Ты хочешь с ним поговорить?

Брови у Генри взлетели вверх.

Мужчина протянул ему мобильник.

- Алло, - сказал Генри.

- Так, - сказал в трубке Ганси, - кажется, ты познакомился с мистером Греем.

38

Ктому моменту, когда Блу и Ганси встретились с ним и с Серым Человеком в «Свежем орле», Генри уже надел брюки. Бакалейный магазин был почти пуст, в нем царило сияющее безвременье - так выглядят все подобные места в определенное время суток. Над головой играла песня о том, как покинуть чьи-то сны и попасть в чью-то машину. Кассирша была только одна, и она даже не взглянула на Блу и Ганси, когда они миновали автоматические двери. Они обнаружили Генри в отделе с кукурузными хлопьями - он смотрел на экран телефона, а мистер Грей стоял в дальнем конце отдела, вполне убедительно читая текст на жестянке с овсяной крупой. Ни тот, ни другой не привлекали особого внимания. Мистер Грей сливался с интерьером, поскольку этому его научила профессия. Генри не сливался - буквально всё в нем, от пижонского пиджака и футболки с Мадонной до черных кед, вопило о деньгах, - но тем не менее он тоже не выглядел примечательно: Генриетта вполне привыкла к богатым юнцам из Агленби.

Генри держал в руках коробку с хлопьями, из тех, что есть невозможно, зато полезно. Он тут же поставил ее на место, когда увидел Ганси и Блу. Он, казалось, нервничал гораздо сильнее, чем на вечеринке. Блу подумала: возможно, так всегда чувствуют себя люди, которых недавно держали под прицелом.

- Вопрос, который я задаю себе, - произнес Ганси, - это «что я делаю в продуктовом магазине в одиннадцать часов вечера».

- Вопрос, который я задавал себе, - ответил Генри, - это «почему я сижу в машине какого-то громила бог весть в котором часу». Сарджент, скажи, что ты неходишь в эту отвратительную бандитскую шайку.

Блу, сунув руки в карманы куртки, с извиняющимся видом пожала плечами и указала подбородком на Серого Человека.

- Он, типа, встречается с моей мамой.

- Ну и клубок, - сказал Ганси неровным, наэлектризованным голосом.

После вечера в Амбарах он был на взводе, и присутствие Генри лишь усиливало его волнение.

- Я не собирался предпринимать именно такой шаг для развития нашей дружбы. Мистер Грей?

Ему пришлось окликнуть мистера Грея еще раз, поскольку оказалось, что Серый Человек не притворялся читающим надпись на банке с овсянкой - он действительно ее читал.

Серый Человек подошел к ним. Они с Блу коротко обнялись, потом он взял ее за плечи и повернул туда-сюда, изучая швы над бровью.

- Очень аккуратно.

- Да?

- Возможно, шрама не останется.

- Блин, - сказала Блу.

Ганси спросил:

- Приехать сюда - это была ваша идея или Генри?

Мистер Грей ответил:

- Я подумал, мальчик тут немного расслабится. Магазин хорошо освещен, есть камера, но звук она не записывает. Безопасно и спокойно.

Блу никогда раньше не думала о «Свежем орле» в таком ключе.

Мистер Грей добродушно добавил:

- Прости, что напугал.

Генри внимательно наблюдал за происходящим.

- Вы выполняли свой долг. Я выполнял свой.

Это была правда. В то время как Блу росла, изучая принципы внутренней энергии и слушая сказки на ночь, Генри Чень рос, размышляя, как далеко ему придется зайти, чтобы под угрозой расправы защитить секреты своей матери. Мысль о том, что они принимают в этом участие, смутила Блу, и она сказала:

- А теперь давайте перестанем выполнять долг и начнем принимать решения. Мы можем обсудить, кто и зачем едет сюда? Разве не это наша цель? Кто-то куда-то зачем-то едет, и все перепугались.

Генри сказал:

- А ты не любишь лишних слов. Я понимаю, почему Р. Ганси ввел тебя в свой кабинет. Следуйте за мной, президент.

И они пошли за ним. Они миновали отдел с хлопьями, отдел с выпечкой, отдел консервов. По пути Генри рассказал о том, что ему было известно о предстоящей сделке - рассказал с энтузиазмом примерного ученика, делающего доклад о стихийном бедствии. Встречу граждан, продающих магические артефакты, назначили на следующий день после акции для сбора средств - таким образом можно было без труда замаскировать появление в Генриетте странных машин и людей. Неизвестное число сторон приедет, чтобы осмотреть выставляемый на продажу объект - магическое существо, - чтобы потенциальные покупатели могли лично убедиться в его сверхъестественности. Затем последует аукцион. Оплата и передача артефакта, как всегда, произойдут в уединенном месте, без любопытных глаз; никто не хочет, чтобы, образно выражаясь, коллега-покупатель перехватил добычу. Возможно, на продажу будут выставлены новые предметы, спрашивайте у продавца, и так далее.

- Магическое существо? - одновременно переспросили Блу и Ганси, а Серый Человек уточнил:

- Новые предметы?

- Магическое существо. В описании больше ничего не сказано. Предполагается, что это большой секрет. Он стоит поездки. Так говорят. - Генри обвел пальцем улыбающееся лицо на коробке с полуфабрикатными макаронами. Логотипом был крошечный медведь с огромным количеством зубов - то ли он улыбался, то ли корчил рожу. - Мне велели прилежно учиться и не брать конфетки у незнакомых людей.

- Магическое существо. Может, это Ронан? - с тревогой спросил Ганси.

- Мы только что видели Ронана. Вряд ли кто-то попытался бы его продать, не имея у себя, ведь так? Может быть, имеется в виду демон? - предположила Блу.

Ганси нахмурился.

- Кто попытается продать демона?

- Ломоньер, например, - заметил мистер Грей без особого тепла в голосе. - Мне не нравятся эти «новые предметы». Особенно если это Ломоньер.

- А почему не нравятся? - спросил Ганси.

- Потому что это грабеж, - ответил вместо мистера Грея Генри. - А в каком смысле Ронан магическое существо? Он и есть демон? Если так, то всё понятно...

Ни Блу, ни Ганси не спешили с ответом; правда о Ронане представляла собой такую огромную и опасную тайну, что никто не желал с ней шутить, даже в присутствии человека, который им обоим нравился.

- Не совсем, - наконец сказал Ганси. - Мистер Грей, что вы думаете обо всех этих людях, которые приедут сюда? Диклан, кажется, встревожен.

- Эти люди - не самая невинная публика, - ответил Серый Человек. - Они занимаются самыми разными делами, и единственное, что их объединяет - это определенный оппортунизм и гибкость моральных устоев. Они и поодиночке достаточно непредсказуемы, но если собрать их вместе и показать вещь, которую они реально хотят... трудно предвидеть, что случится. Вот почему им велено не привозить с собой денег. А если Гринмантл вновь поднимет голову, чтобы сцепиться с Ломоньером? Между всеми ними и Линчами - пролитая кровь.

- Колин Гринмантл мертв, - уверенно сказал Генри. - Ни в какое обозримое время он головы не поднимет, а если поднимет - это будет проблема посерьезнее, чем всё остальное...

- Мертв? - резко спросил Серый Человек. - Откуда ты... Подожди.

Он вдруг посмотрел вверх. Блу не сразу поняла, что мистер Грей смотрит в выпуклое зеркало, установленное для того, чтобы избежать магазинных краж. Он увидел там нечто, немедленно сделавшее его немногословным и властным.

- Блу, - сказал он негромко, - у тебя с собой нож?

Ее пульс начал постепенно набирать скорость, она ощутила его биение в швах над глазом.

- Да.

- Уходи вместе с ребятами в соседний отдел. Не в эту сторону. Вон туда. Тихо. Не помню, там ли вход в подсобку, но если да, выйдите через нее. Не открывайте никаких дверей, которые могут запустить сигнализацию.

Что бы он ни увидел в зеркале, оно уже исчезло, но медлить они не стали. Блу первой быстро зашагала по отделу консервов, добралась до конца, посмотрела в обе стороны и повернула. Бытовая химия. Сотни коробок агрессивной расцветки. С другой стороны возвышался огромный холодильник с маслом и яйцами. Никакого запасного выхода. Входная дверь магазина казалась такой далекой.

Из-за полок до них донесся голос Серого Человека, негромкий, ровный и опасный. Он звучал холоднее, чем минуту назад. Ему ответил другой голос, и Генри вдруг замер. Коснувшись пальцами края одной из полок - «на 3,99 доллара дешевле!» - он повернул голову и прислушался.

- Это... - шепнул он. - Это Ломоньер.

Ломоньер. Имя, которое содержало не столько факты, сколько эмоции. Блу слышала, как его произносили шепотом, говоря о Гринмантле. Ломоньер. Опасность.

Они услышали, как Ломоньер с акцентом произнес:

- Как странно встретить тебя здесь, в Генриетте. Где твой хозяин, верный пес?

- Полагаю, мы оба знаем ответ на этот вопрос, - сказал мистер Грей совершенно спокойно: невозможно было догадаться, что он сам буквально только что узнал про смерть Колина Гринмантла. - Во всяком случае, с лета я ни на кого не работаю. Я думал, это хорошо известно. Для меня гораздо более странно встретить в Генриетте вас.

- Что ж, город теперь не принадлежит никому, - ответил Ломоньер, - так что это, как говорится, свободная территория.

- Не такая уж свободная, - сказал Серый Человек. - Я знаю, что вы хотите здесь что-то продать. Я бы предпочел, чтобы сразу после этого вы уехали. Генриетта теперь - мой дом, и я небольшой любитель гостей, которые задерживаются надолго.

В голосе Ломоньера послышалось веселье.

- Кажется, здесь я должен сказать «или что»? Похоже на то...

На некоторое время оба понизили голос - очевидно, разговор переставал быть любезным, - и Ганси начал лихорадочно набирать сообщение. Он показал экран мобильного Блу и Ганси.

«Он тянет время чтобы мы успели выбраться. Генри роботы может найти дверь?»

Генри взял телефон и написал:

«Нельзя чтобы ее увидели потому что они всегда ее хотели отчасти из-за нее меня и похитили».

Блу выхватила у него телефон и тоже принялась писать - медленно, от недостатка практики:

«Кого мистер Грей пытается защитить от них? Всех нас или только Генри».

Генри слегка прикоснулся к груди.

Блу написала: «Уходите как только сможете я догоню».

Она вернула Ганси телефон, быстро сняла с полок несколько ценников, так что получилась небольшая пачка, и вышла из-за полок. Девушка с испугом обнаружила, что мистер Грей беседовал не с одним человеком, а с двумя. Лишь через несколько секунд Блу поняла, что странное ощущение, которое возникло у нее, пока она смотрела на незнакомцев, объяснялось тем, что они сверхъестественно походили друг на друга. Братья. Очевидно, близнецы. И у обоих было выражение лица, которое Блу, работая в «Нино», научилась презирать. Клиенты, которые не желают слышать «нет». С ними тяжело иметь дело, и они всегда добиваются пересмотра счета. Вдобавок такие люди отличались медлительной угрожающей манерой поведения, которая почему-то наводила на мысль о повторяющейся травме тупым предметом.

Они выглядели слегка пугающе.

Мистер Грей неопределенно моргнул при виде Блу. На его лице не отразилось никакого узнавания.

Другие двое сначала окинули взглядом ее куртку, не похожую на рабочий костюм, потом пригоршню ценников. Блу со скучающим и небрежным видом провела по бумажкам большим пальцем и сказала:

– Сэр? И вы тоже. Извините за неудобства, но не могли бы вы, пожалуйста, переставить машины?

– Простите, а почему? – поинтересовался первый.

Теперь, когда его было лучше слышно, акцент звучал явственнее. Француз? Возможно.

– Мы же приехали за покупками, – с легким удивлением сказал второй.

Блу включила местный акцент; она давно поняла, что для чужаков он превращает ее в безобидную невидимку.

– Я знаю. Извините. Но скоро должен прийти уборщик, чтобы подмести парковку. И он хочет, чтобы она была свободна. Он очень разозлится, если придет и увидит, что там еще стоят машины.

Мистер Грей принялся демонстративно доставать ключи таким образом, что штанина слегка задралась и стал виден пистолет на лодыжке. Ломоньер что-то буркнул и переглянулся.

– Еще раз извините, – сказала Блу. – Просто переставьтесь на парковку к прачечной, если вы пока не закончили.

– Уборщик, – произнес Ломоньер, как будто только что услышал ее слова.

– Дирекция нас гоняет, чтобы не потерять льготы, – ответила Блу. – Такие правила.

– Давайте решим это цивилизованным путем, – предложил мистер Грей, с тонкой улыбкой глядя на собеседников.

На Блу он не смотрел. А та по-прежнему стояла со скучающим и раздосадованным видом, проводя пальцем по стопке ценников всякий раз, когда чувствовала, как у нее замирает сердце.

– Я свяжусь с вами потом, – сказал мистер Грей.

Все трое направились к дверям в виде неловкой, расширяющейся фигуры, как отталкивающиеся друг от друга магниты. Когда они ушли, Блу торопливо побежала по проходу между полками, миновала подсобку, замызганные служебные душевые, склад, заставленный коробками и банками, и выскочила на улицу за магазином, где возле мусорных баков, набитых картоном, стояли Ганси и Генри.

Сначала их настигла ее тень, отбрасываемая фонарями на задней стене магазина, и оба вздрогнули, а потом расслабились, когда поняли, кому она принадлежит.

– Ты просто чудо, – сказал Ганси и обнял Блу за голову, так что у той почти все волосы выбились из-под заколок.

Оба дрожали от холода. Всё под этим черным небом казалось фальшивым и застывшим, и в памяти у Блу по-прежнему маячили два лица Ломоньера. Она услышала, как хлопнули дверцы машины – возможно, на парковке. Ночью все звуки казались одновременно далекими и близкими.

– Это было гениально, – сказал Генри и поднял руку над головой, ладонью к небу.

С нее взлетело какое-то насекомое; на секунду его озарил свет фонарей, и тут же оно пропало во тьме. Генри посмотрел ему вслед и выудил из кармана телефон.

Блу спросила:

– Чего они хотели? И почему мистер Грей решил, что они заинтересуются тобой?

Генри изучал сообщения на экране.

– Робо-Пи... Ганси объяснил тебе, что это такое? Хорошо. Робо-Пи – одна из первых вещей, из-за которых поссорились Ломоньер и Гринмантл. Линч собирался продать ее кому-то из них, а в итоге продал моей матери, потому что она хотела Робо-Пи для меня. Она никогда об этом не забывала. Вот почему они ненавидят ее, а она ненавидит их.

– Но Ломоньер ведь здесь не ради тебя, так? – уточнил Ганси.

Он тоже читал сообщения на экране. Судя по всему, Генри получал известия о местонахождении Ломоньера.

– Нет-нет, – сказал Генри. – Скорее всего, они узнали машину вашего приятеля, мистера Грея, и решили выяснить, нельзя ли разжиться чем-нибудь от Кавински, пока они здесь. Я не стану утверждать, будто понимаю французов. Не знаю, помнят ли они меня с тех пор, когда я сидел у них в яме; теперь-то я старше. Но тем не менее. Ваш ассасин, видимо, полагает, что могут и помнить. Он оказал мне услугу, и я этого не забуду.

Он повернул телефон, и Блу смогла понаблюдать за непрерывным отчетом о действиях Ломоньера. Текст поступал обрывками, отдельными словами, в странно разговорной манере, описывая медленно продвижение Ломоньера по городу, в точно таком же стиле, в каком сам Генри описал грядущую продажу артефакта. На экране были мысли Генри. Какая необычная, причудливая магия.

Пока они вместе смотрели на экран, Ганси расстегнул пальто и накрыл полрой Блу. Это тоже была необычная, причудливая магия – непринужденность его движения, тепло объятий, стук сердца, отдававшийся в спине у Блу. Ганси

накрыл ладонью ее поврежденный глаз, словно желая от чего-то его защитить, но на самом деле это был просто предлог, чтобы коснуться пальцами лица девушки.

Генри оставили бесстрастным эти публичные проявления близости. Он прижал пальцы к экрану мобильного, тот несколько раз мигнул и что-то сообщил ему на корейском.

- Ты хочешь... - начала Блу и помедлила. - Может, переночуешь сегодня у кого-нибудь из нас?

Удивление озарило лицо Генри, но он покачал головой.

- Нет, спасибо. Поеду обратно в Личфилд-Хаус, капитану не годится бросать корабль. Я не прощу себе, если эта публика явится туда за мной и найдет вместо меня Ченя-Второго и остальных. Я велю Робо-Пи следить, пока мы не...
- Он описал пальцем круг в воздухе, словно намекая на новую встречу.

- Завтра? - спросил Ганси. - Я должен встретиться с сестрой за обедом. Вы оба, пожалуйста, тоже приходите.

Ни Генри, ни Блу могли и не отвечать; Ганси, разумеется, знал, что достаточно было попросить, чтобы гарантировать себе присутствие их обоих.

- Я так понимаю, теперь мы друзья, - сказал Генри.

- Видимо, так, - ответил Ганси. - Джейн говорит, это нормально.

- Это нормально, - подтвердила Блу.

И в улыбке Генри появилось что-то еще. Искреннее, счастливое, но также и нечто большее, для которого не существовало слов. Он убрал телефон в карман.

- Хорошо, хорошо. На горизонте чисто, и мне пора. До завтра.

39

В ту ночь Ронан не грезил.

После того как Ганси и Блу уехали из Амбаров, он прислонился к столбу на крыльце и стал смотреть на светлячков, мигающих в морозной тьме. Он был так незащищен и наэлектризован, что ему даже не верилось, что он бодрствовал. В норме требовался сон, чтобы превратить Ронана в сплошную обнаженную энергию. Но это был не сон. Это были его жизнь, его дом, его ночь.

Через несколько секунд он услышал, как за спиной открылась дверь. К нему присоединился Адам. Они молча смотрели на танцующие огоньки в поле. Было нетрудно понять, что Адам напряженно работал над собственными мыслями. Слова то и дело поднимались из недр души Ронана и лопались, не успев сорваться с губ. Ему казалось, что он уже задал вопрос; он не мог дать и ответ.

На опушке рощи появились три оленя – на самой границе света, которую отбрасывал фонарь на крыльце. Один из них был очаровательный светлый самец, чьи рога напоминали то ли ветви, то ли корни. Он наблюдал за людьми, они наблюдали за ним, а потом Ронан не выдержал:

– Адам?

Поцелуй Адама – это были все мимики, на которые Ронан когда-либо превышал ограничение скорости. Все опущенные в машине окна, все ночные поездки, от которых кожа покрывалась мурашками, а зубы стучали от холода. Это были ребра Адама под рукой Ронана, и губы Адама на его губах, снова, снова и снова, и прикосновение щетины, а потом Ронану пришлось остановиться, чтобы отдышаться и перезапустить сердце. Оба чувствовали себя изголодавшимися животными, но Адам голодал дольше.

В доме они притворились, что спят, но они не спали. Они растянулись на кушетке в гостиной, и Адам изучал татуировку, покрывавшую спину Ронана – сплошь острые углы, которые чудесным и пугающим образом загибались, вонзаясь друг в друга.

– Unguibus et rostro, – произнес Адам.

Ронан вложил его пальцы себе в рот.

Он больше не спал.

40

В ту ночь демон бодрствовал.

Пока Пайпер Гринмантл беспокойно спала, видя во сне предстоящий аукцион и свою растущую славу среди специалистов по магическим артефактам, демон занимался уничтожением.

Он уничтожал физические точки Кабесуотера – деревья, животных, папоротники, реки, камни, – но также истреблял и саму идею леса. Воспоминания, застрявшие в рощах, песни, которые можно сложить только ночью, ползучую эйфорию, которая наплывала и отступала вблизи одного из водопадов. Всё, что приснились здесь, демон развоплощал.

Последним он собирался развоплотить сновидца.

Сновидец будет сопротивляться.

Они всегда сопротивляются.

Пока демон разъединял и уничтожал, он регулярно сталкивался с нитями собственной истории, которые пробивались сквозь подлесок. Истории своего происхождения. Это плодородное место, богато насыщенное энергией силовой линии, годилось не только для выращивания деревьев и королей. Еще оно помогало расти демонам, если пролить достаточно дурной крови.

Здесь пролилось более чем достаточно дурной крови для того, чтобы создать демона.

Мало что ему мешало. Он был естественным врагом этого леса, и то единственное, что могло остановить демона, еще никому не приходило в голову. Только самые старые из деревьев пытались бороться, поскольку они одни помнили, как это делать. Медленно и методично демон раздирал их изнутри. Черный сок катился по гниющим ветвям. Они падали к подножию стволов и рассыпались в прах.

Одно дерево сопротивлялось дольше других. Оно, точнее, она была старше всех, и видела этого демона раньше, и знала, что иногда речь не о том, чтобы спасти себя, а о том, чтобы продержаться как можно дольше, пока кто-нибудь не придет на помощь. Поэтому она держалась, и тянулась к звездам, даже когда ее корни вырвали из земли, и держалась, и пела другим деревьям, даже когда стал гнить ее ствол, и держалась, и грезила о небе, даже когда ее развоплотили.

Другие деревья застонали. Если она погибла, кто в силах устоять?

Демон не спал.

41

Взаимности от того, с чего начать, речь в этой истории шла о Гвенллиан.

На рассвете она проснулась с воплем.

– Вставай! – крикнула она себе, выскакивая из постели.

Ее волосы ударились о низкий потолок чердака, потом она стукнулась головой и прижала ладонь к макушке. Снаружи было тускло и серо – раннее утро, – но Гвенллиан щелкала выключателями, дергала за шнуры и крутила регуляторы, пока не зажгла все лампы в доме. Тени качались туда-сюда.

- Вставай! - повторила она. - Матушка, матушка!

Сны продолжали липнуть к ней - деревья таяли, превращаясь в черную массу, демоны шипели, занимаясь разрушением; Гвенллиан замахала руками вокруг себя, чтобы сбросить паутину с волос и ушей. Она натянула платье, потом вторую юбку, сапоги, свитер, она нуждалась в броне. Затем Гвенллиан прошла между картами, которые оставила разбросанными на полу, и травами, которые сожгла перед медитацией, и направилась прямо к двум зеркалам, оставленным здесь, на чердаке, ее предшественница. Нив, Нив, прелестная Нив. Гвенллиан узнала бы ее имя, даже если бы остальные ей не сказали, потому что зеркала постоянно нашептывали его, пели, шипели. Они признавались в любви и ненависти. Они осуждали Нив и восхищались ею. Возносили и сбрасывали с высоты. Нив, Нив, ненавистная Нив, которая желала, чтобы весь мир уважал ее, и была готова ради этого на всё. Нив, Нив, прелестная Нив, которая в конце концов перестала уважать сама себя.

Два трюмо стояли лицом друг к другу, бесконечно отражая отражение. Нив проводила какой-то замысловатый ритуал, чтобы убедиться, что они заключают в себе все возможности, которые она могла вообразить, и еще некоторые дополнительные, и в конце концов одна из этих возможностей ее и сожрала. Настоящее колдовство - так сказали бы женщины в замке Сихарт. Их всех бы отправили в лес.

Гвенллиан встала между зеркалами. Магия тянула ее и завывала. Стекло не предназначалось для того, чтобы отражать столько времен сразу, и большинство людей не годились для того, чтобы вместить столько возможностей сразу. Впрочем, Гвенллиан была просто еще одним зеркалом, поэтому магия безвредно отскакивала от нее, пока она стояла, прижав ладони к обоим зеркалам. Она потянулась ко всем возможностям и оглянулась, перескакивая от одной ложной истины к другой.

- Матушка, матушка, - вслух произнесла Гвенллиан.

Ее беспорядочные мысли искажались, если она не произносила их сразу вслух.

И там возникла ее мать - в реальном настоящем, в текущей возможности, в той жизни, где сама Нив была мертва. Лес, который уничтожали, и мать Гвенллиан, которая гибла вместе с ним.

Развоплощалась.

Развоплощалась.

Разво...

Гвенллиан с воплем опрокинула зеркала наземь. Снизу послышался крик: дом просыпался. Снова завопив, Гвенллиан заметалась по чердаку в поисках какого-нибудь инструмента, оружия. Мало что в этой комнате могло нанести хоть царапину... а, вот. Она схватила лампу, вырвав из стены провод, и с грохотом устремилась вниз по лестнице. Бум-бум-бум-бум - она прыгала через ступеньку.

- АРТЕЕЕЕМУСССС! - проворковала Гвенллиан, и на середине у нее оборвался голос.

Она скользнула в темную кухню, освещенную только маленькой лампочкой над плитой да неясной серостью, которая виднелась в окне над раковиной. Один лишь туман, никакого солнца.

- Артемуссссс...

Он не спал; возможно, он видел тот же сон, что и она. В конце концов, в их жилах текла одна и та же звездная жидкость. Через дверь донесся его голос:

- Уходи.

- Открой дверь, Артемусссс, - сказала Гвенллиан.

Она запыхалась. И дрожала. Развоплощенный лес, ее развоплощенная мать. Этот трусливый маг, прятанный в кладовке, убил их всех своим бездействием. Она дернула дверь, но Артемус чем-то подпер ее изнутри.

- Не сегодня! - сказал он. - Нет, спасибо! Слишком много событий за последние десять лет. Возможно, позже! Я не могу справиться с потрясением! Спасибо, что потратила на меня время.

Этот человек был советником королей.

Гвенллиан ударила лампой по двери. Лампочка расколосась с серебристым звоном, ножка воткнулась в филенку. Гвенллиан пропела:

- Крольчонок в норке, крольчонок в норке, лисенок в норке, лисенок в норке, щеночек в норке, щеночек в норке! Выходи, крольчонок, я хочу кое о чем тебя спросить. Про демонов.

- Я расту медленно! - проскулил Артемус. - Я не могу так быстро привыкнуть!

- Если это грабители, приходите вечером! - донесся сверху голос Каллы.

- Ты знаешь, что случилось с моей матерью, подлое отродье? - Гвенллиан выдернула подставку лампы из филенки и еще разхватила ее об дверь. Трещина расширилась. - Я скажу тебе, что я увидела в своих зеркальных зеркалах!

- Уходи, Гвенллиан, - попросил Артемус. - Я не могу помочь никому из вас! Оставьте меня в покое!

- Ты можешь сказать мне, где мой отец, мелкий поганец! В какую дыру ты его сбросил?

Шмяк.

Дверь раскололась пополам; Артемус отпрянул в темноту. Он распростерся на пластмассовых контейнерах, магазинных пакетах и мешках с мукой. Когда Гвенллиан замахнулась лампой, он заслонил свое длинное лицо.

- Гвенллиан! - воскликнула Блу. - Что ты делаешь? Двери стоят денег!

Юная дочь Артемуса - он совершенно не заслуживал такой дочери - пришла к нему на помощь. Она перехватила руку Гвенллиан и помешала ей разозлить лампой череп этого труса.

- А ты не хочешь пораспрашивать его, синяя лилия? - провизжала Гвенллиан.
- Я не единственная, кто нуждается в ответах. Ты слышал вопль моей матери, Артемуссссс?

Блу сказала:

- Гвенллиан, перестань, еще рано, все спят. Точнее, спали.

Гвенллиан бросила лампу, вырвалась и ухватила Артемуса за волосы и за руку. Она выволокла его из кладовки. Он скулил, как собака.

- МАМА! - закричала Блу, прикрывая ладонью глаз.

Артемус растянулся на полу, поглядывая на них.

- Скажи мне, насколько силен этот демон, Артемус, - прошипела Гвенллиан.
- Скажи мне, кто следующий. Скажи, где мой отец. Скажи, скажи!

Он внезапно вскочил на ноги и бросился бежать. Гвенллиан, спотыкаясь и скользя на осколках разбитой лампочки, попыталась его схватить. Она с размаху упала боком и кое-как поднялась. Артемус миновал раздвижную стеклянную дверь, ведущую на задний двор, прежде чем Гвенллиан успела обрести опору под ногами; когда она вылетела на затянутый туманом двор, он уже добрался до первой ветки бука.

- Он тебя не примет, трус! - прокричала Гвенллиан, хотя опасалась, что примет.

Она бросилась следом и тоже полезла наверх. Она хорошо умела карабкаться по деревьям и была проворнее Артемуса. Гвенллиан прорычала:

- Ах ты интриган, ах ты сновидец, ах ты...

Она зацепилась платьем за ветку, и Артемус выиграл долю секунды. Он вскинул обе руки вверх, нашупал следующую ветку и поднялся еще немного. Гвенллиан полезла дальше - листья тревожно шуршали, небольшие сучки ломались.

- Помогите, - сказал он.

Нет, не так.

Он сказал:

- Auxiril!

Быстро, панически, отчаянно и безнадежно.

- Моя мать, - произнесла Гвенллиан. Мысли немедленно превращались в слова. - Моя мать, моя мать, моя мать.

Сухие листья дрожали над ними и дождем осыпали обоих.

Гвенллиан прыгнула на Артемуса.

- Auxiril! - взмолился он опять.

- Это тебя не спасет!

- Auxiril! - прошептал он и приник к дереву.

Оставшиеся сухие листья с шелестом полетели вниз. Ветви задвигались. Земля вздулась, когда корни принялись настойчиво пробиваться сквозь нее. Гвенллиан попыталась за что-то ухватиться, сначала ей это удалось, потом она разжала пальцы. Ветка под ней дрогнула и вздыбилась от яростного порыва ветра. Почва внизу зашептала, корни вспучились - они находились слишком далеко от дороги мертвых, но Артемус очень хотел добиться своего, как всегда, всегда, всегда, а потом ветка Гвенллиан дернулась, и она полетела вниз.

Она с размаху ударилась плечом и чуть не задохнулась. Подняв голову, она увидела, что на нее смотрят Блу и ее мертвый друг. Остальные стояли в дверях, но Гвенллиан была слишком ошеломлена падением, чтобы рассмотреть их.

- Что? - воскликнула Блу. - Что это было? Он...

- В дереве? - уточнил Ной.

- Моя мать была в дереве, и теперь она мертва, - огрызнулась Гвенллиан. - Твой отец в дереве, и он трус. Сочувствую. Я убью тебя, когда ты покажешься, ядовитый плющ!

Она выкрикнула это, повернувшись к дереву. Гвенллиан знала, что Артемус слышал ее - его душа свернулась внутри, как он сам, проклятый волшебный фонарик, проклятый маг. Гвенллиан кипела от ярости, сознавая, что он может скрываться там столько, сколько проживет бук. У демона не было причин интересоваться деревом, находящимся так далеко от Кабесуотера, поэтому Артемус мог опять выйти сухим из воды, после того как все остальные умрут...

О ярость.

Блу посмотрела на бук, слегка приоткрыв рот.

- Он... он внутри?

- Конечно! - ответила Гвенллиан.

Оттолкнувшись от земли, она встала и обеими руками подобрала юбки, чтобы не споткнуться опять.

- Вот кто он такой! Это твоя кровь. Ты не чувствуешь в своих жилах корни? Проклятье! Проклятье.

Она зашагала в дом, протолкнувшись мимо Мора и Каллы.

- Гвенллиан, - сказала Мора, - что происходит?

Гвенллиан остановилась в коридоре.

- Демон приближается! Всё умирает. Кроме ее ни на что не годного отца. Он будет жить вечно.

42

В субботу Адам проснулся в абсолютной тишине. Он и забыл, что это такое. Туман слегка шевелился за окном спальни Диклана, заглушая голоса птиц. Дом стоял далеко от шоссе, и до него не доносился шум машин. Не было ни приходского секретаря, который возился внизу, ни собачников на улице, ни детей, вопящих на остановке школьного автобуса. Была только тишина, такая глубокая, что она как будто давила на уши.

А потом Кабесуотер ахнул и очнулся внутри него, и Адам сел. Если Кабесуотер вернулся, это значило, что он уходил.

«Ты здесь?»

Он ощутил собственные мысли, и снова собственные мысли, а потом - тихонько, чуть заметно - присутствие Кабесуотера. Что-то было не так.

Но Адам помедлил еще немного, прежде чем сбросить одеяло и встать. Вот где он находился - в доме Линчей, во вчерашней одежде, которая еще пахла дымом от гриля, проспавший утреннюю тренировку на несколько часов. Его губы помнили Ронана Линча.

Что он делал? Ронан - не тот, с кем можно играть. Но Адам и не думал, что он играет.

«Ты уедешь из этого штата», - сказал он себе.

Но у Адама уже давно не возникало чувства, что земля горит у него под ногами. Больше не было подразумеваемой второй части этого утверждения: «... и никогда не вернешься».

Адам пошел вниз, заглядывая во все комнаты по пути. Казалось, в доме больше никого не было. На одно короткое и странное мгновение ему показалось, что он спит и бродит по этому обесцвеченному дому во сне. Потом в животе у Адама заурчало, и он отыскал кухню. Он съел две оставшиеся булочки для гамбургеров – пустые, потому что не сумел найти масло, затем выпил остатки молока прямо из пакета. Он снял с вешалки чью-то куртку и вышел.

Поля были покрыты туманом и росой. Осенние листья липли к сапогам, пока он шагал по тропке между пастбищами. Адам прислушивался, нет ли звуков жизни в каком-нибудь сарае, но, по сути, тишина его вполне устраивала. Тишина, абсолютная тишина, ничего, кроме низкого серого неба и мыслей Адама.

Его душе было так спокойно.

Тишина нарушилась, когда к нему бросилось какое-то существо. На своих копытцах она скакала так быстро и так странно, что, лишь когда ее рука скользнула в его ладонь, Адам понял, что это Девочка-Сирота. Она держала мокрую черную палочку, и, взглянув на нее, Адам заметил на зубах у Девочки-Сироты кусочки коры.

– Тебе можно это есть? – спросил он. – Где Ронан?

Она нежно потерлась щекой о тыльную сторону его руки.

– Savende e'lintes i firen...

– Или по-английски, или на латыни, – напомнил Адам.

– Сюда!

Но, вместо того чтобы повести его в какую-то конкретную сторону, она выпустила руку Адама и заскакала вокруг, хлопая руками, как крыльями. Он продолжал идти, а она продолжала носиться; над головой какая-то птица на мгновение замерла в полете. Бензопила заметила движение Девочки-Сироты; она каркнула, развернулась и полетела обратно, к верхнему пастбищу. Именно там Адам и нашел Ронана – черное пятно в окутанном туманом поле. Он смотрел на что-то другое, но Бензопила встревожила его, и он обернулся. Сунув руки в карманы темной куртки, Ронан наблюдал за приближением Адама.

– Пэрриш, – произнес он и внимательно взглянул на него. Он явно ничего не принимал как данность.

Адам сказал:

– Линч.

Девочка-Сирота зарысила к Ронану и потыкала его палочкой.

– Ты мелкая зараза, – сказал ей Ронан.

– Ей можно это есть?

- Не знаю. Я даже не знаю, есть ли у нее внутренние органы.

Адам рассмеялся от нелепости всего происходящего.

- Ты ел? - спросил Ронан.

- Что-нибудь помимо палочки? Да. Я проспал тренировку.

- Ужас, ужас. Хочешь поносить тюки с сеном? Полезно для здоровья. Эй, если ты еще раз меня ткнешь... - это относилось к Девочке-Сироте.

Пока они возились в траве, Адам закрыл глаза и откинул голову назад. Здесь он буквально мог заглянуть в иные реальности. Тишина и холодный ветерок, обдувавший горло, уносили его прочь, а отсыревшие пальцы и запах живых существ удерживали на месте. Внутри и снаружи. Адам не понимал, позволяет ли он себе обожествлять это место или самого Ронана - и он сомневался, что есть разница.

Открыв глаза, он увидел, что Ронан смотрит на него - так, как будто это продолжалось целую вечность. Адам посмотрел на него в ответ - так, как будто это продолжалось целую вечность.

- Мне надо поспать, - сказал Ронан.

Адам взял Девочку-Сироту за руку. И поправил:

- НАМ надо поспать.

43

Вдвадцати пяти минутах езды от Амбаров Ганси не спал - и у него были проблемы.

Он еще не знал, какого рода проблемы, и, учитывая обычаи семьи Ганси, мог никогда и не узнать. Впрочем, он их чувствовал, точно так же, как чувствовал нависшую над собой сеть истории Глендауэра. Раздражение в семействе Ганси напоминало экстракт ванили. Он использовался умеренно, редко без дополнительных добавок, и его присутствие зачастую можно было заметить лишь по прошествии времени. При достаточной практике человек мог научиться различать этот вкус, но зачем? «В этой булочке есть немного гнева, не так ли? Да, кажется, самую малость...»

Хелен злилась на Ганси. Таков был итог.

Семья Ганси собралась в школьном здании, одном из объектов своей инвестиционной недвижимости. Это был уютный, хотя и потрепанный старый

каменный корпус, находившийся в безлюдных зеленых холмах между Вашингтоном и Генриеттой, где он отрабатывал издержки, выступая в качестве съемного жилья. Остальные члены семейства провели там ночь – они пытались убедить Ганси приехать и переночевать с ними, и эту просьбу он мог бы выполнить, если бы не Ронан, если бы не Генри. Возможно, именно поэтому Хелен злилась.

Во всяком случае, он уж точно искупил свою вину, привезя интересных друзей, с которыми можно было поиграть. Ганси обожали радовать других. Гости – это дополнительная возможность щегольнуть изысканными кулинарными навыками.

Но тем не менее у Ганси были проблемы. Не с родителями. Они обрадовались, увидев его – «Как ты загорел, Дик!» – и, что предсказуемо, обрадовались еще сильнее, увидев Генри и Блу. Генри немедленно прошел нечто вроде теста на «друга и равного», с которым насилу справлялись Адам и Ронан, ну а Блу... что ж, что бы ни значило это ее обостренно любопытное выражение, которое когда-то привлекло младшего Ганси, оно столь же явственно покорило и старших. Нарезая баклажаны, они немедленно принялись расспрашивать Блу, чем занимается ее семья.

Блу описала типичный день в доме номер 300 на Фокс-Вэй с гораздо меньшим удивлением и замешательством, чем недавно в машине, когда она рассказывала Ганси о своем нетипичном опыте – зрелище Артемуса, спрятавшегося в дерево. Блу описала горячую линию, очищение ауры в домах, круги медитации, раскладывание карт. Ее небрежное повествование очаровало родителей Ганси; если бы она попыталась нарочно им понравиться, это ни за что не удалось бы. Но Блу просто рассказывала, как они живут, и ни о чем не просила – и старшие Ганси пришли от нее в восторг.

В присутствии Блу младший Ганси с особой болью сознавал, как всё это выглядит ее глазами: старинные «Мерседесы» на подъездной дорожке, аккуратно подшитые брюки, гладкая кожа, ровные зубы, дорогие солнечные очки, шарфики от «Эрмес». Теперь он даже старую школу видел с точки зрения Блу. В прошлом он не считал бы ее особенно роскошной – здание не щеголяло отделкой, и Ганси назвал бы его аскетичным. Но, проведя некоторое время с Блу, он понял, что именно скудость украшений и заставляет старую школу выглядеть богато. Ганси не нуждались в том, чтобы держать в доме множество вещей, поскольку все предметы, которыми они владели, в точности соответствовали своему назначению. У них не было дешевой книжной полки, которую повесили на кухне, чтобы ставить на нее лишние тарелки. Не было стола, на который сваливали счета, швейные принадлежности и игрушки. Не было кастрюль и сковородок, которые громоздились на шкафах, не было крышек для туалетных бачков, приделанных к дешевым пластмассовым ведрам. Даже в этом обшарпанном школьном здании всё выглядело эстетично. Вот что делают деньги. Они помещают крышки на латунные бачки, лишние тарелки – за стеклянные дверцы, игрушки – в резные сундуки, кастрюли – на специальные железные стойки.

И Ганси от этого буквально корчило.

Он пытался перехватить взгляд Блу и Генри, чтобы понять, всё ли у них в порядке, но проблема с деликатностью в комнате, полной членов семьи Ганси, заключалась в том, что деликатность была их общим языком. Ганси не

мог украдкой спросить, не нуждается ли кто-то из его друзей в спасении; кто-нибудь из родственников немедленно перехватил бы сообщение. Поэтому легкий разговор продолжался, пока обедающие не перешли на заднюю веранду. Генри и Блу сидели слишком далеко, чтобы сбросить им гуманитарную помощь.

Хелен специально села рядом с братом. Он буквально ел экстракт ванили ведерком.

- Директор Чайлд сказал, что ты немного запаздываешь с заявлением в колледж, - сказал мистер Ганси, подавшись вперед, чтобы разложить киноа по тарелкам.

Ганси принялся деловито извлекать мушку из своего стакана с холодным чаем.

Миссис Ганси отмахнулась от невидимой мушки - чисто из солидарности.

- А я думала, для насекомых уже слишком холодно. Видимо, где-то поблизости болото.

Ганси осторожно стер мертвую мушку о край стола.

- Я всё еще общаюсь с Дромандом, - продолжал мистер Ганси. - У него уйма связей на историческом факультете Гарварда, если ты продолжаешь об этом думать.

- О боже, нет, - вмешалась миссис Ганси. - Только Йель, разумеется.

- Что, как Эрлих? - Мистер Ганси негромко рассмеялся какой-то личной шутке. - Пусть это будет уроком всем нам.

- Эрлих - исключение из правил, - ответила миссис Ганси.

Они чокнулись бокалами в загадочном единении.

- Какие варианты у тебя уже есть? - спросила Хелен.

В голосе сестры слышалась опасность. Неуловимая для посторонних - но отец тут же расслышал ее и нахмурился.

Ганси моргнул.

- Пока никаких.

- Не помню, к какому моменту надо решить, - сказал мистер Ганси. - Но, кажется, довольно скоро?

- Время убежало от меня.

Он не мог напрямую сказать «теоретически я умру до того, как это всё будет иметь значение, поэтому я использую свободное время с другой целью».

- Я читал исследование, посвященное людям, которые после школы делают перерыв на год, - заявил Генри.

Он улыбнулся, глядя на тарелку, которую поставила перед ним миссис Ганси, и эта улыбка давала понять, что он бегло говорит на языке тонкостей.

- Якобы для таких, как мы, это полезно.

- А такие, как мы - это какие? - спросила миссис Ганси тоном, который намекал, что она наслаждается идеей сходства.

- Ну, чрезмерно образованные молодые люди, которые доводят себя до нервного срыва в погоне за совершенством, - ответил Генри.

Родители Ганси рассмеялись. Блу затеребила салфетку. Ганси был спасен, Блу оказалась в бедственном положении.

Впрочем, мистер Ганси заметил это и перехватил мяч, прежде чем тот коснулся земли.

- Я бы очень хотел, чтобы однажды ты, Блу, рассказала всем, что значит вырасти в семье ясновидящих. Ты можешь стать ученым, а можешь написать мемуары, и в любом случае это будет очень интересно. У тебя такой отчетливый голос, даже в устной форме.

- Да, да, я тоже заметила, очаровательные переливы, - радушно произнесла миссис Ганси.

Они превосходно умели действовать сообща. Отличный сейв, очко в пользу семейства Ганси, команда Добрых Чувств выигрывает.

Хелен сказала:

- Я чуть не забыла про брускетту - она сторит. Дик, поможешь?

Команда Добрых Чувств внезапно распалась. Ганси вот-вот должен был понять, почему у него неприятности.

- Да, конечно, - ответил он. - Кому-нибудь что-нибудь нужно, раз уж я иду в дом?

- Если принесешь мой ежедневник, я буду очень признательна, - сказала мать Ганси. - Мне надо позвонить Мартине и убедиться, что она приедет вовремя.

Брат и сестра Ганси направились в дом. Хелен сначала вынула брускетту из духовки, а потом повернулась к Ганси. Она спросила:

- Помнишь, я сказала: «Предупреди меня, какого рода компромат существует на твоих дружков-приятелей, чтобы я могла всё уладить, прежде чем приедет мама»?

- Кажется, это риторический вопрос, - ответил Ганси.

Он принялся приправлять брускетту.

Хелен продолжала:

- Ты так ничего мне и не сообщил.

- Я посылал тебе вырезки о наших приколах из школьного бюллетеня.

- Но тем не менее забыл упомянуть, что ты подкупил директора.

Ганси перестал возиться с брускеттой.

- Ты это и правда сделал, - сказала Хелен, безошибочно читая его. Брат и сестра Ганси существовали на одной частоте. - И ради кого? Ради которого из своих друзей? Ради мальчишки из трейлера.

- Не надо его оскорблять, - решительно произнес Ганси. - Кто тебе сказал?

- Бумаги. Ты, между прочим, еще несовершеннолетний. Каким чудом ты убедил Брулио написать тебе этот документ? Я думала, что он типа папин поверенный.

- Папа тут ни при чем. Его деньги я не тратил.

- Тебе семнадцать. Никаких других денег у тебя нет.

Ганси посмотрел на сестру.

- Видимо, ты прочла только первую страницу документа.

- Больше на телефоне не открылось, - сказала Хелен. - Да и какая разница? Что нового я узнала бы на второй странице? Господи. Ты отдал Чайлду этот твой склад?

Устами Хелен это прозвучало совершенно отчетливо. Ну да, так оно и было. Один диплом Агленби в обмен на Монмутскую фабрику.

«Скорее всего, к тому моменту тебя всё равно не будет рядом», - сказал он себе.

- Во-первых, что такого он совершил, чтобы заслужить такую жертву? - поинтересовалась Хелен. - Ты что, спишь с ним?

Негодование охладило голос Ганси.

- По-твоему, дружба недостаточно ценна?

- Дик, я вижу, что ты отчаянно пытаешься говорить с высоты морального превосходства, но поверь, у тебя не получается. Тебе не хватает не только лестницы, чтобы туда вскарабкаться, но и табуреточки, чтобы поставить лестницу. Ты понимаешь, в каком невероятно скверном положении окажется мама, если твоя глупость выйдет на свет?

- Мама тут ни при чем. Это я.

Хелен склонила голову набок. В норме Ганси не замечал разницу в возрасте между ними, но в ту секунду Хелен недвусмысленно казалась лощеной взрослой женщиной, а он... тем, кем был.

- Думаешь, прессе не всё равно? Тебе семнадцать. Господи боже, это был семейный поверенный. Яркий пример семейной коррупции, и так далее, и тому подобное. С ума сойти, ты бы хоть выборов дождался...

Но он не знал, сколько ему осталось. Он не знал, будет ли у него время после выборов. В груди у Ганси всё сжалось, стало отчаянно не хватать воздуха, поэтому он как можно быстрее оттолкнул эту мысль от себя.

- Я не подумал про последствия для маминой кампании, - признался он.

- Именно! Я даже не представляю, о чем ты думал. Я всю дорогу пыталась сложить два и два и не смогла.

Ганси гонял по кухонной доске кусочек помидора. Ему по-прежнему казалось, что сердце у него покрыто перьями. Заметно понизив голос, он ответил:

- Я не хотел, чтобы после смерти отца он отказался от всего этого. Теперь он ничего не хочет, но я подумал, что оно пригодится ему потом, когда он поймет...

Хелен ничего не сказала, и Ганси понял, что сестра изучает его, вновь читает. А он просто продолжал гонять по доске помидор, размышляя... о многом. На самом деле он даже не был уверен, что Ронану, в конце концов, нужен аттестат. И он жалел о сделке с Чайлдом, пусть даже совсем не мог спать, пока не договорился с директором. Он во многом ошибался, а теперь, поскольку время истекало, было поздно что-либо поправить. Он с тоской и стыдом хранил этот секрет.

К удивлению Ганси, Хелен обняла его.

- Братец, - шепотом сказала она, - что с тобой?

Ганси не любил обниматься, и Хелен в норме не рискнула бы помять блузку; ее изящные золотые браслеты вдавились ему в руки, и от всего этого, вместо взятого, Ганси ощутил опасную близость слез.

- А что, если я его не найду, - сказал он наконец. - Глендауэра.

Хелен вздохнула и выпустила брата.

- Ты и твой король. Когда это закончится?

- Когда я его найду.

- А потом? Когда ты его все-таки найдешь?

- Больше ничего не могу сказать.

Ответ был не лучший, и Хелен он не понравился, но она просто сузила глаза и разгладила складки на блузке.

- Прости, что испортил мамину предвыборную кампанию, - произнес Ганси.

- Ничего ты не испортил. Просто мне теперь придется... ну, не знаю. Найти какой-нибудь скелет в шкафу Чайлда, чтобы он точно был поговорчивее.

Хелен не то чтобы ввела в уныние эта идея. Ей нравилось упорядочивать факты.

- Господи. Я-то морально готовилась разбираться с издевательствами над новичками и курением. А что это за девушка, кстати? Вы уже целовались?

- Нет, - искренне ответил Ганси.

- Зря.

- Она тебе нравится?

- Она стремная. Ты тоже.

Брат и сестра Ганси улыгнулись друг другу.

- Давай отнесем брускетту на стол, - сказала Хелен. - Тогда, возможно, мы переживем эти выходные.

44

Он ошибся.

Адам понял это в ту секунду, когда свалился в темную пасть гадальной миски, но ведь он не мог оставить Ронана во сне одного.

Его физическое тело сидело, скрестив ноги, в Амбарах, а гадальной миской служила керамическая собачья поилка. Тело Ронана свернулось на кушетке. Девочка-Сирота сидела рядом с Адамом и заглядывала в миску вместе с ним.

Это происходило на самом деле.

И еще кое-что - тоже. Болезненная симфония, в которую превратился Кабесуотер. Лес вокруг тошнило черным. Деревья расплывались в черную массу, только наоборот - длинные черные нити чего-то липкого тянулись вверх, к небу. Воздух дрожал и метался. Сознание Адама не понимало, как осмыслить то, что видело. Это был ужас истекающего черной кровью дерева, которое они видели раньше, но теперь он распространился на весь Кабесуотер, включая атмосферу. Если бы от настоящего Кабесуотера ничего

не осталось, было бы не так ужасно – и проще отмахнуться, как от кошмара, – но Адам по-прежнему видел лес, который познал, и этот лес боролся за жизнь.

«Кабесуотер?»

Ответа не было.

Адам не знал, что станет с ним, если Кабесуотер умрет.

– Ронан! – крикнул Адам. – Ты здесь?

Возможно, Ронан просто спал, но не грезил. Возможно, он видел во сне какое-то другое место. Возможно, он попал сюда вместе с Адамом, но его уже убили.

– РОНАН!

– Керау! – простонала Девочка-Сирота.

Адам принялся ее искать, но не нашел. Она пришла сюда вместе с ним, заглянув в гадальную миску? Мог ли Ронан присниться еще одну такую же? Адам знал ответ: да. Он уже видел, как ненастоящий Ронан умер в присутствии настоящего. В этом лесу могли обитать бесконечные Девочки-Сироты. «Черт». Адам не знал, как позвать ее. Он крикнул наугад:

– Девочка-Сирота!

И тут же пожалел об этом. Здесь вещи становились такими, какими ты их называл. И в любом случае ответа он не услышал.

Адам зашагал через лес. Он старался не отрываться от собственного тела, находившегося в Амбарах. От собственных рук, державших холодную гадальную миску. От бедер, касавшихся деревянного пола. От запаха камина у себя за спиной. «Помни, где ты, Адам».

Он не хотел снова звать Ронана, не хотел, чтобы этот кошмар породил двойника. Всё, что видел Адам, приводило его в ужас. Змея, которая растворялась, но была еще жива. Олень, который медленно перебирал ногами, а сквозь его еще живую плоть росли лозы. Существо, которое не было Адамом, но тем не менее было одето как Адам. Он содрогнулся, но странный юноша не обращал на него внимания. Он медленно пожирал собственные руки.

Адам задрожал.

– Кабесуотер, где он?

Его голос надломился, и Кабесуотер прихлынул, пытаясь успокоить своего мага. Перед Адамом появился камень. Точнее, он всегда был, в том смысле, как бывает с волшебными предметами – примерно так появлялся и исчезал Ной. Адам видел этот валун и раньше – его покрытую прожилками поверхность испещряли фиолетово-черные буквы. Почерк Ронана.

Адам миновал валун, когда у него за спиной что-то завопило.

Это был Ронан. Наконец-то. Наконец.

Ронан обходил по кругу нечто лежавшее в выгоревшей траве между погибшими деревьями; приблизившись, Адам увидел, что это труп. Трудно было сказать, как он выглядел изначально. У него, видимо, была белая как мел кожа, но теперь ее покрывали глубокие раны, края которых завернулись и порозовели. Клубок внутренностей лежал под грязно-серым крылом, подцепленный окровавленным когтем. Сквозь разные части всего этого росли грибы, в которых ощущалось что-то до жути неправильное; на них было трудно смотреть.

- Нет, - сказал Ронан. - Нет, нет. Ах ты черт.

- Что это? - спросил Адам.

Рука Ронана зависла над двумя приоткрытыми клювами, расположенными бок о бок - оба были окаймлены чем-то черным и фиолетово-красным, о чем Адам не хотел излишне задумываться.

- Мой ночной ужас. Боже. Блин.

- Что он тут делает?

- Не знаю. Его волнует то, что волнует меня, - сказал Ронан.

Он посмотрел на Адама.

- Это кошмар или реальность?

Адам удержал его взгляд. Вот к чему они пришли: кошмары стали реальностью. Не было никакой разницы между волшебным и реальным, когда они вместе стояли в Кабесуотере.

- Кто это творит? - спросил Ронан. - Я не слышу деревья. Всё молчит.

Адам удержал его взгляд. Он не хотел вслух произносить слово «демон».

Ронан сказал:

- Надо проснуться. Давай? Не хочу притащить что-нибудь из этого с собой. А я не могу удержать мысли... не могу...

- Да, - перебил Адам. Он тоже не мог. - Нам надо поговорить с остальными. Давай...

- Керау!

Тонкий крик Девочки-Сироты немедленно привлек внимание Ронана; тот вытянул шею, чтобы разглядеть ее среди темных ветвей и водоемов.

- Оставь ее, - велел Адам. - Она с нами в реале.

Но Ронан медлил.

- Керау! - вновь прокричала она, и на сей раз Адам услышал в ее голосе боль.

Он звучал тихо, по-детски, жалобно, и буквально всё в нем было запрограммировано, чтобы вызвать отклик.

- Керау, succurro!

Ронан понятия не имел, была ли это Девочка-Сирота, которая сидела с ними в Амбарах, или двойник, или чудовищная дьявольская птица с ее голосом. Но ему было плевать. Он сорвался с места. Адам бросился за ним. Всё, мимо чего он пробежал, выглядело жутко: заросли ив, провалившихся друг в друга, птица, поющая песню задом наперед, облачко черных насекомых, копошившееся над маленьким трупиком кролика.

Этот голос не принадлежал чудовищной дьявольской птице. Это действительно была Девочка-Сирота, ну, или нечто похожее на нее. Она стояла на коленях среди сухой травы. Девочка не плакала, но разрыдалась, как только увидела Ронана. Когда он, запыхавшись, потянулся к ней, она умоляюще простерла к нему руки. Адам решил, что она не двойник - он увидел на малышке свои часы со следами зубов на ремешке; и, во всяком случае, ослабевшему Кабесуотеру не достало бы сил, чтобы породить неискаженную версию Девочки-Сироты.

- Succurro, succurro! - всхлипывала она. - Помогите, помогите...

Руки, которые она протягивала к Ронану, были до локтей забрызганы кровью.

Ронан с разбега упал на колени, обнял ее, и Адаму почему-то стало больно, когда он увидел, с какой яростной страстью тот прижимает к себе это маленькое странное создание из мира грез и как Девочка-Сирота утыкается лицом ему в плечо. Ронан встал, держа ее на руках - очень крепко, - и Адам услышал, как он сказал:

- Ты поступила правильно, всё будет хорошо, мы просыпаемся.

А потом Адам увидел ЭТО. Он увидел это раньше Ронана, потому что Ронан еще не успел посмотреть за спину Девочке-Сироте. «Нет, нет». Девочка-Сирота остановилась здесь не потому, что не смогла бежать дальше. Она упала здесь, потому что только досюда сумела дотащить труп. «Труп» - это еще мягко сказано. К самому большому куску прилипли длинные пряди волос, остальное тянулось в длину, как нитка кошмарных бусин. Вот почему руки Девочки-Сироты были покрыты кровью. Она тщетно пыталась кого-то спасти.

- Ронан, - предупредил Адам, ощутив прилив ужаса.

Услышав его голос, Ронан обернулся.

Несколько секунд он смотрел на Адама, и Адам жалел, что не может остановить мгновение. «Просто проснись», - подумал он, хотя знал, что Ронан этого не сделает.

Ронан опустил взгляд.

– Мама?

45

В зависимости от того, с чего начать, речь в этой истории шла о Сером Человеке.

Серый Человек любил королей.

Ему нравились официальные короли, которые имели титул, корону и всё такое, но также и неофициальные, которые правили, вели за собой и распоряжались, не имея ни благородной крови, ни нормального трона. Ему нравились короли, которые жили в прошлом и которые жили в будущем. Короли, которые стали легендой только после смерти. Короли, которые стали легендой при жизни. Короли, которые стали легендой, хотя вообще не жили. Особенно он любил королей, которые использовали свою власть ради знаний и мира, а не ради статуса и богатства; которые прибегали к насилию только для того, чтобы создать государство, которому не придется жить насилием. Альфред – правитель, которого Серый Человек буквально боготворил, – воплощал всё это. Он победил вечно ссорившихся корошков англосаксонской Британии и объединил страну. Как искренне Серый Человек обожал таких, как Альфред, несмотря на то что сам стал наемным убийцей, а не королем.

Странно, но он не мог в точности припомнить момент этого решения.

Он помнил свою научную жизнь в качестве бостонского историка: лекции, статьи, мероприятия, архивы. Короли и воители, честь и вергельд. Но остальное было трудно сложить воедино. Трудно разобраться, что было подлинным воспоминанием, а что просто сном. В те времена один серый день просто переходил в другой, и он не исключал, что потерял в этом разъедающем тумане целые недели, месяцы или годы. Где-то там кто-то произнес слово «наемник», и где-то там кто-то отказался от собственной личности и стал Серым Человеком.

– Что мы рассчитываем здесь найти? – спросила Мора.

Они вместе сидели в машине и ехали в сторону Сингерс-Фоллз. Присутствие лишь двух третей Ломоньера в магазине не давало Серому Человеку покоя с тех пор, как он с ними расстался, и почти всю ночь он провел в усердных поисках третьего, наименее приятного брата. И теперь, хотя они потеряли из виду его взятую напрокат машину, они продолжали двигаться в направлении Амбаров.

– Мы надеемся не найти ничего, – ответил Серый Человек. – Но при этом предполагаем обнаружить Ломоньера, который роется в шкафах Ниалла Линча.

Та часть Серого Человека, которая раньше была наемным убийцей, не пришла в восторг, когда Мора настояла на том, чтобы поехать с ним; та часть Серого Человека, которая была в нее влюблена, испытала глубокое удовлетворение.

– И Ронан по-прежнему не отвечает, – сказала Мора, глядя на экран мобильного.

Блу сказала им утром, что Ронан Линч и Адам Пэрриш чем-то занимались в Амбарах.

– Возможно, он просто не отвечает на звонки с моего номера, – заметил Серый Человек.

Или, возможно, Ронан погиб. Ломоньер, загнанный в угол, резко переставал быть любезным.

– Возможно, – нахмурившись, эхом отозвалась Мора.

Амбары выглядели так же идилично, как всегда, и на парковке стояли только две машины – «БМВ» Линча и трехцветный драндулет Пэрриша. Машины Ломоньера нигде не было видно, однако это не значило, что он не оставил ее где-то поблизости и не пробрался в дом.

– Не проси меня остаться в машине, – предупредила Мора.

– Мне бы и в голову не пришло, – сказал Серый Человек и осторожно открыл дверцу, чтобы не стукнуть ее о сливу, на которой по-прежнему росли плоды, почти не скрытые листвой. – Припаркованная машина – очень небезопасное место.

Он достал пистолет, Мора сунула телефон в задний карман, и они подошли к задней двери. Та оказалась не заперта. Понадобилось совсем немного времени, чтобы обнаружить Адама и Ронана в гостиной.

Они не умерли.

Но не были и вполне живы. Ронан Линч, ни на что не реагируя, лежал на потертой кожаной кушетке, Адам Пэрриш распростерся у камина. Маленькая девочка сидела очень прямо над собачьей миской и не моргала. У нее были копытца. Никто из находившихся в комнате не откликнулся на голос Мора.

Серый Человек почувствовал странное умиление при виде этих троих в таком состоянии. В этом заключалось некоторое противоречие, учитывая, что он убил отца Ронана. Но именно потому что он убил Ниалла, Серый Человек чувствовал в глубинах своего сердца ответственность и вину. Он теперь жил сам по себе, но, будучи чужим орудием, оставил Ронана и Амбары без защитника.

– Это магия или яд? – спросил он у Мора. – Ломоньер любит яды.

Мора нагнулась над гадальной миской и живо отдернулась.

- Полагаю, магия. Впрочем, я слабо разбираюсь в той магии, с которой они балуются.

- Может, встряхнуть их? - предложил Серый Человек.

- Адам. Адам, возвращайся, - Мора коснулась лица юноши. - Я не хочу будить Ронана на тот случай, если он удерживает душу Адама поблизости. Наверное... я войду туда и приведу Адама. Держи меня за руку. И не позволяй мне провести там дольше, чем... я не знаю... чем полторы минуты.

- Это опасно?

- Именно так погибла Персефона. Тело не может жить, если душа слишком далеко. Я не собираюсь там бродить. Если его нет поблизости, я вернусь.

Серый Человек верил, что Мора знала свои возможности, и полагал, что она доверяла ему. Он положил пистолет на пол у ног - вне досягаемости девочки, если это была девочка - и взял Мору за руку.

Она заглянула в гадальную миску, и, как только глаза у нее потускнели, он принялся считать. Один, два, три...

Адам ахнул и дернулся. Он взмахнул одной рукой, ища опору, которой не было; ногти заскребли по штукатурке, оставляя чуть заметные следы. Его взгляд с заметным усилием переполз на Серого Человека.

- Разбудите Ронана, - с трудом проговорил он. - Не позволяйте ему оставаться там одному!

Девочка с копытцами вскочила с места - очень ловко. (Возможно, подумал Серый Человек - она вообще не гадала и сидела неподвижно, только чтобы ввести в заблуждение Мору и Серого Человека, когда те вошли; вариант неприятный, но вполне убедительный.) Девочка обвила руками лежащего Ронана и начала хлопотать над ним, растирая ему щеки, стуча по груди и непрерывно болтая на каком-то языке, который отдаленно напоминал латынь.

Потом случилось нечто странное. В принципе Серый Человек понимал, что происходит, но видеть это своими собственными глазами - совсем другое дело.

Ронан Линч кое-что принес с собой из своего сна.

В данном случае - кровь.

Только что он спал, а в следующую секунду проснулся, и его руки были покрыты запекшейся кровью. Мозг Серого Человека неуверенно перешел от одной картинке к другой; он понял, что магия аккуратно изъяла самый трудный момент - тот, что находился посередине.

Адам с трудом поднялся на ноги.

- Верните Мору обратно! Вы понятия не имеете...

Да, девяносто секунд, он как раз досчитал до девяноста. Серый Человек оттянул Мору за руку от гадальной миски; она немедленно вернулась к нему, поскольку зашла совсем неглубоко.

- О нет, - сказала она. - Это ужасно. Ужасно. Демон... нет, нет.

Она сразу же посмотрела на лежавшего на кушетке Ронана. Он не двигался, хотя брови над закрытыми глазами у него становились всё целеустремленнее. Снаружи на нем было не так уж много крови (по сравнению с тем, сколько обычно бывает у человека внутри), но тем не менее выглядел он смертельно раненным. Такой эффект производило сочетание крови и грязи, фрагментов костей и внутренностей, прилипших к его ладоням.

- Вот дерьмо, - с чувством произнес Адам.

Он начал дрожать, хотя лицо у него не изменилось.

- Ронан ранен? - спросила Мора.

- Он не двигается сразу после пробуждения, если что-нибудь приносит с собой, - ответил Адам. - Дайте ему минуту. Блин. Его мать умерла.

- Осторожно! - крикнула девочка.

Это - и только это - спасло Серого Человека от смерти, когда из угла показался Ломоньер с пистолетом.

Ломоньер не медлил ни секунды, когда увидел Серого Человека. Увидеть мистера Грея в этом контексте значило застрелить его.

Грохот выстрела занял всю комнату.

Девочка издала вопль, не имевший ничего общего со звуком, который мог бы издать человеческий ребенок, зато очень походивший на крик, который могла бы издать ворона.

Серый Человек мгновенно бросился на пол, увлекая с собой Мору. За одну-единственную секунду, лежа на истертых половицах, он понял, что перед ним стоит выбор.

Он мог попытаться обезоружить данную часть Ломоньера, обезопасить дом и напомнить ему, что теперь, когда Гринмантл умер, Ломоньеру не стоило бы ссориться с Серым Человеком. Это было не так уж сложно: пистолет Серого Человека находился в пределах досягаемости, а Адам Пэрриш уже проявил себя как необыкновенно выдержанный и сообразительный юноша. Но тогда, разумеется, Амбары продолжали бы подогревать интерес Ломоньера - особенно теперь, когда Ломоньер заметил девочку с копытами вместо ног. Эта часть мира - а заодно с ней дом номер 300 на Фокс-Вэй, и Мора, и Блу - отныне и навсегда будут подвержены угрозе, если только они не сбегут, как сбежали Диклан и Мэтью. Если он выберет этот вариант, ему придется постоянно быть настороже, чтобы защитить их от любопытных гостей. Придется вечно обороняться.

Ну, или Серый Человек мог просто застрелить Ломоньера.

Тогда он открыто объявил бы войну. Другие две части Ломоньера не оставили бы его поступок без внимания. Но, возможно, именно в войне это запутанное дело и нуждалось. Оно превратилось в опасную анархию переулков, подвалов, похищений, заказных убийств задолго до появления Серого Человека и всё больше выходило из-под контроля. Возможно, эта история нуждалась в ком-то, способном задать свои правила, сверху донизу, и призвать к порядку мелких суматошных королей. Но это было нелегко и могло занять годы, и ни при каких условиях Серый Человек, выбрав этот вариант, не смог бы остаться с Морой и ее семьей.

Ему пришлось бы увести опасность в другое место. Пришлось бы снова броситься в омут.

Серый Человек так сильно хотел остаться здесь, в Генриетте, где он начал отказываться от насилия. В Генриетте, где он снова научился чувствовать. В Генриетте, где он полюбил.

Прошла всего одна секунда.

Мора вздохнула.

И Серый Человек выстрелил в Ломоньера.

Он был королем.

46

Блу без особого труда поверила, что демон убил мать Ронана и постепенно убивал Кабесуотер. Когда они с Ганси вернулись со званого обеда – получив десятки звонков с мобильного Ронана и из дома номер 300 на Фокс-Вэй, – Блу показалось, что настал конец света. Кучи облаков ворчали над городом и в доме, где Серый Человек собирал те немногочисленные пожитки, которые он там оставил.

– Вы убьете демона, – сказал он им всем. – А я постараюсь уладить остальное. Может, однажды я вернусь.

Мора молча коснулась рукой его щеки.

Он поцеловал ее, обнял Блу и ушел.

Джими и Орла, как ни странно, тоже уехали. Мора сказала, что им не следует находиться на линии огня. Поэтому они отправились погостить к каким-то старым друзьям в Западной Вирджинии, пока не будет ясно, какая судьба ждет Генриетту и живущих в ней ясновидящих.

Все сеансы отменили, клиентов не было, горячая линия направляла звонки на голосовую почту.

Остались только Мора, Калла и Гвенллиан.

Казалось, настал конец всему.

Блу спросила у Адама:

- Где Ронан?

Адам вывел Блу и Ганси из дома на холод, двигаясь осторожно, чтобы не потревожить Бензопилу, которая сидела у него на плече, низко опустив голову. Машина Ронана стояла у обочины, чуть дальше по улице.

Ронан сидел неподвижно за рулем «БМВ», не сводя взгляда с какой-то точки на дороге. Свет играл на пассажирском сиденье, создавая иллюзию.. нет, это была не иллюзия. Там сидел Ной, еле заметный и тоже неподвижный. Он и без того сутулился, но, бросив взгляд на швы над глазом у Блу, согнулся еще сильнее.

Блу и Ганси подошли к машине со стороны водительского места и подождали. Ронан не опустил окно, не посмотрел на них, поэтому Ганси взялся за ручку, обнаружил, что дверца не заперта, и открыл ее.

- Ронан, - сказал он.

И это прозвучало так ласково, что Блу чуть не заплакала.

Ронан не повернул головы. Его ноги покоились на педалях, руки лежали на руле. Лицо было довольно спокойное.

Страшно было думать, что он последний оставшийся здесь Линч.

Адам, стоявший рядом с Блу, судорожно задрожал. Блу обвила его рукой. У нее в голове не укладывалось, что, в то время как они с Ганси сидели за обедом, Ронан и Адам вместе бродили по миру кошмаров. Храбрые маги Ганси, оба пораженные ужасом.

Адам снова затрясся.

- Ронан, - повторил Ганси.

Ронан очень тихо ответил:

- Я жду, когда ты скажешь мне, что делать, Ганси. Куда ехать.

- Мы не можем ничего изменить, - сказал Ганси. - Я не могу ничего изменить.

Выражение лица Ронана осталось прежним. Ужасно было не видеть в его глазах ни огня, ни яда.

- Зайди в дом, - попросила Блу.

Ронан никак не отреагировал.

– Я знаю, что ничего не могу изменить. Я не дурак. Я хочу убить эту тварь.

Мимо проскрипела чья-то машина, объехав их, стоявших возле открытой дверцы, по широкой дуге. Другие люди были близко, они присутствовали, наблюдали. Ной, сидя в машине, подался вперед, чтобы взглянуть на Блу и Ганси. Лицо у него было несчастное; он прикоснулся к собственной брови в том месте, где у Блу чесался шов.

«Ты не виноват, – подумала девушка, обращаясь к нему. – Я на тебя не сержусь. Пожалуйста, перестань от меня прятаться».

– Я не позволю ему добраться до Мэтью, – сказал Ронан.

Он втянул воздух ртом и выпустил его через ноздри. Медленно и целеустремленно. Всё в нем было медленным и целеустремленным, раскатанным до состояния тончайшего контроля.

– Я почувствовал его во сне. Почувствовал, чего ему надо. Он уничтожает всё, что я приснил. И я этого не допущу. Я больше никого не хочу терять. Ты знаешь, как убить его.

Ганси ответил:

– Я не знаю, как найти Глендауэра.

– Знаешь, Ганси, – сказал Ронан, и впервые его голос дрогнул. – Я уверен, что знаешь. Когда соберешься за ним, я буду здесь. И я поеду, куда ты скажешь.

«Ох, Ронан».

Ронан по-прежнему не сводил глаз с дороги впереди. По его носу скатилась слеза и повисла на подбородке, но он даже не моргнул. Ганси ничего больше не сказал. Ронан взялся за дверную ручку, не глядя на нее, бездумным привычным движением, и потянул, заставив Ганси разжать пальцы. Дверца захлопнулась гораздо тише, чем Блу ждала от Ронана.

Они стояли там, возле машины друга, и никто не двигался и не говорил. Ветер гнал сухие листья по улице в ту сторону, куда смотрел Ронан. Где-то там находилось чудовище, пожирающее его сердце. Блу не хотела чересчур задумываться о деревьях Кабесуотера, подвергшихся нападению, иначе от тревоги ей было трудно даже держаться на ногах.

Она сказала:

– Там на заднем сиденье, кажется, коробка-переводчик? Мне она понадобится. Я хочу поговорить с Артемусом.

– Разве он не ушел в дерево? – спросил Адам.

- Да, - ответила Блу. - Но мы не раз говорили с деревьями.

Через пять минут она подошла к стволу бука, перешагивая через торчавшие из земли корни. Ганси и Адам отправились вместе с ней, но Блу дала им строжайший наказ оставаться во дворике, неподалеку от задней двери, и не приближаться. Дело касалось только Блу, ее отца и ее дерева.

Она на это надеялась.

Блу сбилась со счета, сколько раз она сидела под этим буком. В то время как у нормальных людей бывает любимый свитер или любимая песня, любимый стул или любимое блюдо, у Блу всегда было дерево на заднем дворе. Конечно, не только оно - она любила все деревья, - но этот бук с самого ее рождения оставался чем-то неизменным. Блу знала углубления в его коре, знала, насколько он вырастает каждый год, знала даже особенный запах листьев, когда они начинали распускаться весной. Она знала свой бук так же хорошо, как остальных обитателей дома номер 300 на Фокс-Вэй.

И теперь она села, скрестив ноги, среди вывернутых корней, и положила себе на лодыжки коробку-головоломку, а сверху - тетрадь. Развороченная сырая земля холодила ей ляжки; возможно, будь Блу на самом деле практичным человеком, она бы прихватила что-нибудь, чтобы подстелить.

Или как раз лучше было ощущать ту же землю, что и дерево.

- Артемус, - сказала она, - ты слышишь меня? Это Блу. Твоя дочь.

Блу тут же подумала, что, возможно, сделала ошибку. Возможно, не стоило напоминать ему об этом. Тогда она оговорилась:

- Дочь Моры. Заранее извиняюсь за свое произношение, но у нас тут нет подходящих учебников.

Впервые у нее возникла идея воспользоваться коробкой-головоломкой Ронана, когда она беседовала с Генри. Он объяснил, что пчела переводит его мысли гораздо лучше, чем это сделали бы слова. Робо-Пи, по сути, была в большей мере Генри, чем всё, что сходило с его уст. Тогда Блу подумала, что деревья Кабесуотера всегда пытались общаться с людьми, сначала на латыни, затем на английском, но у них был и другой язык, на котором они разговаривали друг с другом - язык грез, который нашел отражение в коробке-переводчике. Артемус, казалось, даже в отдаленной степени был не способен выразить свои мысли. Возможно, эта штука помогла бы ему. По крайней мере, Блу пыталась хоть что-то сделать.

И теперь она повернула колесико, чтобы перевести то, что она хотела сказать, на язык грез, и записала в тетрадке слова, которые появились на поверхности коробки. Девушка прочла записанное вслух, медленно и неуверенно. Она помнила о присутствии Адама и Ганси, но это было даже приятно. Блу выполняла в их присутствии гораздо более глупые ритуалы. Будучи произнесены вслух, эти фразы немного походили на латынь. В представлении Блу они значили: «Мама всегда говорила, что тебя интересует

мир, природа, то, как люди взаимодействуют с ней. И мне это тоже интересно. Я подумала: может, поговорим об этом на твоём языке?»

Ей хотелось сразу же спросить про демона, но она видела, какой эффект это произвело на Гвенллиан. Поэтому Блу просто ждала. Задний двор был точно таким же, как всегда. Руки у Блу вспотели. Она сама толком не знала, чего ожидала.

Девушка медленно повернула диск на коробке-головоломке, чтобы перевести с английского ещё одну фразу. Прикоснувшись к гладкой, похожей на кожу коре бука, она спросила вслух:

- Ты бы мог, по крайней мере, сказать, слушаешь ли ты меня? Пожалуйста.

Оставшиеся сухие листья зашелестели - и больше ничего.

Когда Блу была младше, она проводила целые часы, выдумывая замысловатые варианты ритуалов, которые видела в исполнении членов своей семьи. Она читала бесчисленные книги о Таро, смотрела видео о хиромантии, изучала чайные листья, проводила спиритические сеансы в ванной посреди ночи. В то время как её двоюродные сестры без малейших усилий говорили с мертвыми, а мать видела будущее, Блу тщетно старалась уловить хоть намек на присутствие сверхъестественного. Она тратила массу времени, напрягая уши в попытках услышать голос из иного мира. Пытаясь предсказать, какую карту она сейчас перевернет. Надеясь почувствовать, как дух усопшего коснется её руки.

Это было именно оно.

Разница заключалась лишь в одном: Блу приступила к делу с определенной долей оптимизма. Она уже очень давно избавилась от глупой иллюзии, что у неё есть хоть какие-то связи с потусторонним миром. Если Блу сейчас и не грустила по этому поводу, то только потому, что не думала, будто это имеет какое-то отношение к потустороннему.

- Я люблю это дерево, - наконец сказала она по-английски. - У тебя нет никаких прав на него. Если кто-нибудь и может жить в нём, то именно я. Я люблю его гораздо дольше, чем ты.

Со вздохом она встала, отряхнув грязь с бедер. Блу жалобно взглянула на Ганси и Адама.

- Подожди.

Блу застыла. Ганси и Адам напряглись.

- Повтори, что ты сейчас сказала.

Голос Артемуса исходил из дерева. Не как голос Бога - скорее, как голос человека, стоявшего за стволом.

- Что? - спросила Блу.

- Повтори, что ты сейчас сказала.

- Что я люблю это дерево?

Артемус вышел из дерева. Точно так же Аврора вышла из камня в Кабесуотере. Сначала было дерево, потом человек-и-дерево, потом только человек. Артемус протянул руку к коробке-головоломке, и Блу отдала ее. Он сел наземь, положив коробку на колени, обвил ее своими длинными руками и принялся медленно поворачивать диски и рассматривать все стороны коробки поочередно. Разглядывая его длинное лицо, усталый рот, согнутые плечи, Блу удивлялась тому, как по-разному Артемус и Гвенллиан переживали свой возраст. Шесть сотен лет пребывания на одном месте сделали Гвенллиан молодой и бешеной. Артемус казался побежденным. Блу задумалась, были ли тому виной шестьсот лет целиком или только последние семнадцать.

Она так и сказала:

- У тебя усталый вид.

Он устремил на девушку маленькие яркие глаза, окруженные глубокими морщинами.

- Я устал.

Блу села напротив. Она ничего не говорила, пока он продолжал изучать коробку. Было странно узнавать свои руки в его руках, хотя пальцы у Артемуса были длиннее и узловатее.

- Я - один из *tir e e'lintes*, - наконец сказал Артемус. - Это мой родной язык.

Он повернул диск на той стороне коробки, где был неизвестный язык, и написал: *tir e e'lintes*. На стороне с английским языком появился перевод. Артемус показал его Блу.

- «Свет дерева», - прочла она. - Это потому что ты умеешь прятаться в деревьях?

- Они - наши... - Он замялся, снова повернул диск и показал ей перевод.

«Кожа-дом».

- Вы живете в деревьях?

- В деревьях? Нет. С деревьями... - Артемус задумался. - Я был деревом, когда Мора и другие две женщины вызвали меня из него много лет назад.

- Не понимаю, - сказала Блу, впрочем, дружелюбно.

Ей было неудобно не из-за того, что Артемус говорил откровенно. Ей было неудобно, потому что его правда требовала ее ответной правды.

- Ты был деревом или ты был в дереве?

Он посмотрел на девушку, – печальный, усталый, странный, а потом вытянул руку. Пальцами другой руки Артемус провел по линиям у себя на ладони.

– Они напоминают мне о моих корнях.

Он взял руку Блу и приложил ее к коре бука. Его длинные узловатые пальцы полностью скрывали маленькую ладонь девушки.

– Мои корни – они и твои тоже. Ты скучаешь по дому?

Блу закрыла глаза. Она чувствовала ладонью знакомую прохладную кору, и вновь ей стало приятно от того, что она сидела под ветвями своего бука, на его корнях, прижавшись к стволу.

– Ты любила это дерево, – сказал Артемус. – Ты это уже сказала.

Блу открыла глаза. И кивнула.

– Иногда мы, *tir e e'lintes*, бываем такие, – продолжал он, выпуская ее руку и указывая на себя. Затем он снова коснулся дерева. – А иногда вот такие.

– Хотелось бы мне... – начала Блу и замолчала.

Она могла и не договаривать.

Артемус коротко кивнул. Он сказал:

– Вот как всё началось.

Он рассказывал историю точно так же, как растет дерево – с малого семечка. Потом он выпустил тонкие корни, чтобы дать опору стволу, который начал тянуться вверх.

– Когда Уэльс был юн, – сказал Артемус, – там росли деревья. Теперь их стало меньше – во всяком случае, так было, когда я покинул его. Поначалу всё шло хорошо. Деревьев было больше, чем *tir e e'lintes*. Некоторые деревья неспособны вместить *tir e e'lintes*. Ты сама знаешь, какие – даже самые глупые люди это знают. Они... – Он посмотрел вокруг. Его взгляд упал на худосочную, быстро растущую акацию по ту сторону забора, на декоративную сливу в соседском дворе. – У них нет своей души, и они не могут принять чужую.

Блу провела пальцами по обнаженному корню бука рядом со своей ногой. Да, она это знала.

История Артемуса пустила корни чуть дальше.

– В Уэльсе было достаточно деревьев, чтобы вместить нас. Но шли годы, и из страны лесов Уэльс превратился в страну костров, плугов, кораблей и домов... он стал местом всех тех вещей, которыми бывают деревья – только не живые.

Корни углубились в почву, стал подниматься ствол.

- Amae vias гибли. Tir e e'lintes могут жить только в деревьях, растущих поблизости. Но мы тоже питаем amaе vias. Мы oсе iteres. Как небо, как вода. Зеркала.

Несмотря на жару, Блу обхватила себя руками - ей стало так же холодно, как бывало в присутствии Ноя.

Артемус с тоской взглянул на бук или на что-то за ним, что-то более древнее.

- Лес tir e e'lintes - это как зеркала, направленные на зеркала, направленные на зеркала. Amae vias бурлит внизу, сны лежат между нами.

Блу спросила:

- А один из них? Что такое один из них?

Артемус горестно уставился на собственные руки.

- Уставший.

Он посмотрел на руки Блу.

- Другой.

- А демон?

Но она слишком торопилась. Он покачал головой и вернулся назад.

- Оуэн не походил на обычных людей, - сказал Артемус. - Он умел разговаривать с птицами. Он умел разговаривать с нами. Он хотел, чтобы его страна была живым местом магии, местом снов и песен, пересечением могучих amaе vias. Поэтому мы сражались на его стороне. Мы потеряли всё. Он потерял всё.

- Вся его семья погибла, - сказала Блу. - Я знаю.

Артемус кивнул.

- Опасно проливать кровь на ama via. Даже из небольшого количества может вырасти темное существо.

Глаза Блу расширились.

- Демон.

Его брови потянулись еще дальше, к печальной стороне вещей. Лицо Артемуса стало воплощением Тревоги.

- Уэльс был уничтожен. Мы были уничтожены. Уцелевшие tir e e'lintes хотели спрятать Оуэна Глендауэра до тех пор, пока он не сможет вновь восстать. Нужно было скрыть его на некоторое время. Замедлить его жизнь, как замедляется наша, когда мы в деревьях. Но на валлийских amaе vias

осталось слишком мало мест силы после того, как там потрудился демон. Поэтому мы бежали сюда и умерли здесь. Это было трудное путешествие.

– Как ты встретил мою мать?

– Она пришла на дорогу духов, желая побеседовать с деревьями, и это ей удалось.

Блу начала что-то говорить, потом замолчала, потом начала вновь:

– Я человек?

– Мора – человек.

Он не сказал «и я тоже». Артемус не был волшебником, человеком, который умеет жить в деревьях. Он был чем-то другим.

– Скажи мне, – прошептал Артемус, – когда ты спишь, тебе снятся звезды?

Это было уж слишком. Демон, горе Ронана, деревья. К удивлению Блу, из ее глаза выкатилась слеза. За ней последовала вторая.

Артемус смотрел, как слеза скатилась с подбородка девушки. Затем он сказал:

– Все *tir e e'lintes* полны потенциала, они вечно двигаются, вечно беспокойны, вечно ищут возможностей потянуться дальше и оказаться в другом месте, стать чем-то иным. Это дерево, то дерево, этот лес, тот лес. Но больше всего мы любим звезды.

Он устремил глаза вверх, как будто надеялся увидеть звездное небо днем.

– Если бы только мы могли достичь их, возможно, мы бы стали звездами. Любая из них могла бы стать нашим домом-кожей...

Блу вздохнула.

Артемус вновь посмотрел на собственные руки; они, казалось, постоянно внушали ему беспокойство.

– Нам нелегко носить это обличье. Я скучаю... я просто хочу вернуться в лес на дороге духов. Но демон уничтожает его.

– Как нам избавиться от демона?

Артемус очень неохотно произнес:

– Кто-то должен добровольно умереть на дороге мертвых.

Тьма так быстро окутала мысли Блу, что ей пришлось протянуть руку и ухватиться за ствол бука. Перед ее мысленным взглядом встал дух Ганси, идущий по силовой линии. Она тут же вспомнила, что Адам и Ганси находятся в пределах слышимости; Блу совсем забыла, что во дворе не только они с Артемусом.

- А есть другой способ? - спросила она.

Голос Артемуса зазвучал тише.

- Добровольная смерть в уплату за вынужденную смерть. Вот способ.

Настала тишина, потом еще тишина... и наконец Ганси, стоявший рядом с домом, подал голос:

- А как насчет того, чтобы разбудить Глендауэра и использовать дар?

Но Артемус не ответил. Блу пропустила тот момент, когда это случилось: он ушел в дерево, а коробка-головоломка, накренившись, лежала на корнях. Блу осталась с сознанием ужасной правды и больше ни с чем. Даже капли героизма в ней не было.

- Пожалуйста, вернись! - позвала она.

Но слышалось только шуршание сухих листьев над головой.

- Что ж, - сказал Адам, таким же усталым тоном, как Артемус. - Вот и всё.

47

Настала ночь; на это, по крайней мере, по-прежнему можно было положиться.

Адам открыл дверь «БМВ» со стороны водителя. Ронан не изменил позу с тех пор, как они виделись в последний раз: он по-прежнему смотрел на дорогу, держа ноги на педалях, а руки на руле. Он ждал сигнала ехать. Ждал Ганси. Это было не горе, а нечто более безопасное и пустое за его пределами. Адам сказал:

- Ты не можешь здесь спать.

- Да, - согласился Ронан.

Адам стоял на темной улице, дрожа от холода, переступая с ноги на ногу и ища хоть каких-нибудь признаков того, что Ронан намерен сдвинуться с места. Час назад Адам позвонил Бойду и сказал, что не сможет заняться «Шевроле» с пробитой выхлопной трубой, на которую обещал взглянуть. Даже если бы он заставил себя бодрствовать - Адаму почти всегда это удавалось, - он не сумел бы работать в гараже, зная, что Кабесуотер под угрозой, Ломоньер что-то затевает, а Ронан скорбит.

- Ты не хочешь зайти в дом и, по крайней мере, что-нибудь съесть?

- Нет, - ответил Ронан.

Он был невозможен и ужасен.

Адам закрыл дверцу и трижды слегка постучал кулаком по крыше. Затем обошел машину с другой стороны, открыл дверцу, убедился, что внутри нет Ноя, и сел.

Под взглядом Ронана он стал возиться с кнопками, пока не нашел ту, что заставляла кресло максимально откинуться. Затем потянулся за школьной курткой Ронана. И куртка, и Девочка-Сирота безнадежно свернулись клубком среди прочих вещей на заднем сиденье - Девочка-Сирота захныкала и толкнула куртку к нему. Адам подсунул ее себе под шею, как подушку, и накрыл рукавом глаза, чтобы не мешал свет фонаря.

- Разбуди, если будет надо, - сказал он и опустил веки.

В доме номер 300 на Фокс-Вэй Блу наблюдала, как Ганси позволяет убедить себя, что ему нужно остаться на ночь здесь, а не ехать на Монмутскую фабрику. Пусть даже в доме теперь было полно пустых кроватей, он занял кушетку, согласившись взять лишь одеяло и подушку с розовой наволочкой. Глаза у него оставались открытыми, когда Блу отправилась наверх и улеглась у себя в комнате. После того как родственницы уехали, внутри всё казалось слишком тихим, а снаружи слишком громким, везде таилась угроза.

Блу не спала. Она думала об отце, который превратился в одно целое с деревом, и о Ганси, который сидел в «Камаро», склонив голову, и о шепоте темного спящего, который она слышала в пещере. Казалось, всё стремилось к концу.

«Спи», - велела себе Блу.

Ганси спал в комнате в нескольких метрах под ней. Это не должно было играть никакой роли и не играло. Но Блу постоянно думала о его близости и недостижимости. О том, что он скоро должен был умереть.

Она грезилась. Ее окружал мрак. Глаза Блу не привыкли к темноте, зато привыкло сердце. Света не было. Стояла такая непроглядная тьма, что глаза ничего не значили. Блу подумала об этом и тут же засомневалась, что они у нее вообще есть. Какая странная идея! А что же у нее было?

Холодная сырость в ногах. Нет. В корнях. Сверху давили звезды - так близко, что до них наверняка можно было дотронуться, если бы она выросла еще на несколько сантиметров. Теплая, живая кожа коры.

Такую форму имела ее душа. Вот о чем Блу тосковала. Вот как чувствовала себя в своем нынешнем облике - это были ощущения дерева в теле человека. Теперь она медленно и радостно потягивалась...

«Джейн?»

Там был Ганси. Очевидно, он находился там всё это время, потому что теперь, подумав о нем, Блу поняла, что ощущала его присутствие постоянно. Она была чем-то бóльшим, а он оставался человеком. Королем, которого украл и спрятал в этом дереве tir e e'lint, то есть Блу. Она окружала его со всех сторон. Радость от предыдущего откровения медленно переливалась в новую. Ганси был еще жив, он был с ней, она была так близко к нему...

«Где мы?»

«Мы – дерево. Я – дерево. Ты.. ха-ха, не могу сказать, это будет пошло».

«Ты смеешься?»

«Да, потому что я счастлива».

Ее радость, впрочем, медленно угасала – она чувствовала быстрое биение его пульса. Ему было страшно.

«Чего ты боишься?»

«Я не хочу умирать».

Ганси говорил правду, но трудно было складывать мысли хоть с какой-то скоростью. Облик дерева столь же плохо подходил к сущности Блу, как и ее человеческое тело. Она оставалась наполовину одним, наполовину другим.

«Ты видишь, не вышел ли Ронан из машины?»

«Я пытаюсь. Но у меня, в общем, нет глаз».

Она напрягла все чувства, доступные ей. Они оказались гораздо острее человеческих, но их интересовали совсем другие вещи. Было невероятно трудно сосредоточиться на делах людей вокруг ствола. Блу до сих пор не сознала в полной мере, сколько усилий требуется деревьям, чтобы прислушиваться к их нуждам.

«Я не знаю».

Она держала Ганси крепко, любила его, охраняла.

«Мы можем просто оставаться здесь».

«Я люблю тебя, Блу, но я знаю, что́ должен сделать. Я не хочу. Но я знаю, что должен сделать».

Все звуки и запахи дома на Фокс-Вэй усиливались с наступлением темноты, когда его человеческие обитатели затихали. Все ароматизированные чаи, свечи, специи становились отчетливее, все они заявляли о своем происхождении, тогда как днем смешивались, превращаясь в нечто, что Ганси совсем недавно научился определять как «Фокс-Вэй». Теперь этот запах казался ему чем-то одновременно могучим и уютным, тайным и понимающим. В доме обитала магия, так же как в Кабесуотере, просто надо было внимательнее к нему прислушиваться. Ганси лежал на кушетке, накрывшись одеялом, закрыв глаза в темноте, и прислушивался к шуму воздуха или чьему-то дыханию в вентиляции, к царапанию сухих листьев или ногтей по окну, к потрескиванию половиц или чьим-то шагам в соседней комнате.

Он открыл глаза и увидел Ноя.

Это был Ной без дневного света, способного скрыть, во что он на самом деле превратился. Он был очень близко, поскольку забыл, что живые люди не могут сосредоточиться на том, что находится ближе десяти сантиметров. И он был очень холодный, потому что ему теперь требовалось много энергии, чтобы оставаться видимым. Ной боялся, а поскольку Ганси тоже боялся, их мысли путались.

Ганси сбросил одеяло. Он надел ботинки и пиджак. Быстро, стараясь осторожно ступать по старым половицам, он вышел вслед за Ноем из гостиной. Ганси не стал включать свет, поскольку его сознание по-прежнему смешивалось с сознанием Ноя, и он пользовался глазами мертвеца, которого теперь не смущала темнота. Впрочем, Ной, к удивлению Ганси, повел его не наружу, а по лестнице на второй этаж. Примерно до полпути Ганси думал, что движется по обычному призрачному маршруту Ноя, по всему дому, затем на мгновение решил, что его ведут к Блу. Однако Ной миновал дверь Блу и ждал у подножия лестницы, ведущей на чердак.

Чердак был необычным местом – сначала там обитала Нив, теперь Гвенллиан, два по-разному непростых человека. Ганси ни одну из них не рассматривал как возможный вариант продвижения, однако Ной привел его сюда, поэтому Ганси помедлил, держась за дверную ручку. Он не хотел стучать – от этого проснулся бы весь дом.

Ной толкнул дверь.

Она легко приоткрылась, потому что была не заперта, и Ной пошел наверх. С чердака долетал тусклый свет в сопровождении ледящего холода с нотками дуба. Видимо, там было открыто окно.

Ганси пошел за Ноем.

Окно действительно было открыто.

Гвенллиан превратила комнату в тесное ведьмино логово, и чердак был теперь полон всевозможных странных предметов – не хватало лишь самой хозяйки. Кровать Гвенллиан была пуста. Холодный ночной воздух врвался в круглое окно, похожее на иллюминатор.

Когда Ганси пролез в него, Ной исчез.

- Привет, маленький король, - приветствовала его Гвенллиан.

Она сидела на одном из разнородных углов крыши, упершись сапогами в черепицу - темный странный силуэт в рассеянном мерцающем свете призрачных фонарей внизу. Тем не менее в ней было что-то благородное, особенно в храбром и надменном подъеме головы. Гвенллиан похлопала по крыше рядом с собой.

- Это безопасно?

Она склонила голову набок.

- А ты умрешь именно так?

Ганси осторожно подошел к Гвенллиан - грязь и древесный мусор крошились у него под ногами - и сел рядом. С крыши были видны в основном одни деревья и снова деревья. Дубы, которые с земли казались просто однообразными стволами, на уровне крыши становились сложными мирами вздымавшихся ветвей; их плетение делалось еще затейливее из-за теней, которые отбрасывало на них оранжевое сияние фонарей.

- Хэй-хо, хэй-хо, - негромко и презрительно пропела Гвенллиан. - Ты пришел искать мудрости у меня?

Ганси покачал головой.

- Смелости.

Она оценивающе взглянула на него.

- Ты пыталась остановить войну, которую вел твой отец, - сказал Ганси. - Ты пыталась пнуть ножом его любимого поэта прямо за столом. Наверняка ты была почти уверена, что для тебя это не закончится ничем хорошим. Как ты решилась?

Она совершила свой храбрый поступок несколько сотен лет назад. Глендауэр уже много веков не сражался на валлийской земле, и человек, которого Гвенллиан пыталась убить, давным-давно был мертв. Она хотела спасти семью, которой больше не существовало, она потеряла всё и теперь сидела на крыше дома номер 300 на Фокс-Вэй, в совершенно ином мире.

- А ты еще не понял? Король действует, чтобы могли действовать и другие. Из ничего ничто и не получится. Но из чего-то получается что-то.

Она поводила в воздухе своими длинными пальцами, хотя Ганси сомневался, что этот рисунок предназначался для чьих-то еще глаз, кроме ее собственных.

- Я Гвенллиан Глендауэр, я дочь короля и дочь света древа, и я сделала нечто, чтобы другие тоже могли что-то сделать. Это по-королевски.

- Но как? - спросил Ганси. - Как ты с этим справилась?

Она сделала вид, что пырнет его в бок. Когда Ганси скорбно взглянул на нее, Гвенллиан рассмеялась – безумно и свободно. Провеселившись целую минуту, она ответила:

– Я перестала спрашивать как. Я просто сделала это. Голова чересчур мудра. Огонь – в сердце.

Больше она ничего не сказала, а он ни о чем не спрашивал. Они сидели бок о бок на крыше, и пальцы Гвенллиан танцевали в воздухе. Ганси смотрел, как огни Генриетты точно так же танцуют в такт скрытой, плюющейся энергией силовой линии.

Наконец он сказал:

– Возьми меня за руку.

Ее пальцы перестали двигаться, и она хитро посмотрела на Ганси, удерживая его взгляд целую минуту и как будто подначивая отвести глаза и передумать. Он устоял.

Гвенллиан придвинулась ближе – от нее пахло гвоздичными сигаретами и кофе – и, к огромному удивлению Ганси, поцеловала его в щеку.

– Храни тебя Бог, король, – сказала она и взяла его за руку.

Ничего сложного, в конце концов. Ганси уже видел это проблесками в прошлом. Он чувствовал абсолютную уверенность. Но правда заключалась в том, что он продолжал двигаться прочь. Гораздо сильнее Ганси пугала мысль о том, в какой мере он на самом деле был властен над нынешним течением собственной жизни. Проще поверить, что ты отважный корабль, швыряемый судьбой, чем управлять им самому.

Теперь он собирался встать у руля. И если возле берега торчали скалы, значит, так суждено.

– Скажи мне, где Оуэн Глендауэр, – произнес Ганси в темноту. Решительно и уверенно, с той силой, которую вложил в свои слова, чтобы справиться с Ноем, чтобы отдать приказ скелетам в пещере. – Покажи, где Король Воронов.

49

Ночь начала вопить.

Этот звук шел отовсюду – дикий вопль. Первобытный. Боевой клич.

Он становился громче и громче, и Ганси поднялся на ноги, прикрывая ладонями уши. Гвенллиан что-то прокричала, восторженно и яростно, но этот звук заглушил ее голос. Он заглушил шелест оставшихся сухих листьев на дубах и шорох ботинок Ганси, шаркавших по крыше, пока он осторожно подбирался к краю, чтобы лучше видеть. Звук заглушил фонари, и улица погрузилась во тьму. Этот вопль заглушил всё, а когда он затих и свет зажегся вновь, посреди улицы, внизу, стоял белорогий зверь, широко расставив копыта и подозрительно глядя вокруг.

Где-то там был обычный мир, мир, где существовали светофоры, торговые центры, неоновые рекламы на заправках, синий ковер в загородном доме. Но здесь и сейчас... был только миг до этого вопля и миг после.

У Ганси звенело в ушах.

Животное подняло голову и посмотрело на него яркими глазами. Это было существо, чье название, как кажется людям, они помнят, но только до той секунды, пока не увидят его, и тогда название исчезнет, оставив после себя одно лишь зрительное ощущение.

Это существо было старше всего на свете, прекраснее всего на свете, ужаснее всего на свете.

Торжество и испуг пели в груди Ганси – те же чувства нахлынули на него, когда он в первый раз оказался в Кабесуотере. Он понял, что уже видел нечто подобное – стадо белых зверей, которое пронеслось по волшебному лесу. Впрочем, теперь, глядя на это существо, Ганси понял, что они были его копиями, потомками, воспоминаниями, снами о нем.

Зверь дернул ухом. А потом бросился в ночь.

Гвенллиан спросила:

– Ну, ты готов последовать за ним?

Да.

Она указала на дуб, и Ганси не стал задавать вопросов. Он быстро подошел к нависшей над крышей ветке, взобрался на нее и полез вниз, цепляясь за выступавшие сучки. Он перебирался с ветки на ветку, а потом, оказавшись в трех метрах от земли, прыгнул, ощутив удар от приземления всем телом, от пяток до зубов.

Зверь исчез.

Но Ганси не успел даже почувствовать разочарование, потому что вокруг были птицы.

Повсюду. Воздух сиял и переливался от перьев и пуха. Птицы кружились, ныряли, носились по улицам, свет фонарей выхватывал крылья, клювы, лапы. В основном это были вороны, но попадались и другие. Маленькие синички, гибкие горлицы, крепко сложенные сойки. Птицы поменьше вели себя хаотичнее воронов, как будто были захвачены духом этой ночи, но не

понимали цель. Некоторые пищали и кричали, но главным образом слышался шум крыльев. Гул, гудение неистового полета.

Ганси ступил во двор, и плотная стая немедленно окружила его. Птицы носились вокруг, задевая Ганси крыльями, перья касались его щек. Он не видел ничего, кроме птиц, всех цветов и размеров. Его сердце тоже обрело крылья.

Ганси едва дышал.

Ему было так страшно.

«Если не можешь не бояться, – сказал Генри, – бойся и будь счастлив».

Стая метнулась прочь. Нужно было последовать за ней – и сейчас же. Огромным столбом птицы закружились над «Камаро».

– Дорогу! – кричали они. – Дорогу Королю Воронов!

И это прозвучало так громко, что в домах начали зажигаться огни.

Ганси залез в машину и повернул ключ – «заводись, «кабан», заводись». Мотор зарычал. Ганси ощущал всё сразу: восторг, испуг, слабость, глубочайшее удовлетворение.

Завизжали покрышки, и он пустился в погоню за своим королем.

50

Ронан работал на аварийном аккумуляторе. Двигался на автопилоте. Он напоминал каплю воды, упавшую на ветровое стекло. Малейшего сотрясения достаточно, чтобы она скатилась.

Поскольку он балансировал на тонкой грани между бодрствованием и сном, Ронан понял, что что-то случилось, лишь когда распахнулась дверца с его стороны. Шум был невероятный, особенно потому что Бензопила устремилась в машину, как только дверь открылась. Девочка-Сирота на заднем сиденье взвизгнула, Адам вздрогнул и проснулся.

– Я не знаю, – сказала Блу.

Ронан не понял, что это значит, но тут же до него дошло, что она обращается не к нему, а к кому-то у себя за спиной. Мора, Калла и Гвенллиан стояли на улице в разной степени ночного неглиже.

– Я говорила, говорила, – каркала Гвенллиан.

Ее волосы представляли собой путаницу перьев и дубовых листьев.

- Ты спал? - спросила Блу у Ронана.

Он не спал. Впрочем, и не бодрствовал. Не вполне. Он уставился на девушку. Ронан забыл про ее рану, пока она вновь не оказалась перед ним; это была жестокая роспись, оставленная на коже Блу. Она так не походила на всё, что в норме делал Ной. Какой кавардак. Демон, демон...

- Ронан. Ты видел, куда поехал Ганси?

А вот теперь он окончательно проснулся.

- Он отправился на охоту! - восторженно завопила Гвенллиан.

- Заткнись, - велела Блу с неожиданной грубостью. - Ганси поехал искать Глендауэра. «Кабан» пропал. Гвенллиан говорит, Ганси последовал за птицами. Ты видел, куда он поехал? Он не отвечает на звонки!

Она драматически повела рукой, подтверждая свою правоту. Пустая улица перед домом номер 300, земля, засыпанная разноцветными перьями, соседи, которые из любопытства открывали двери...

- Он не может ехать один, - заявил Адам. - Он сделает какую-нибудь глупость.

- Я в этом абсолютно уверена, - ответила Блу. - Я звонила ему. И звонила Генри, чтобы узнать, не поможет ли нам Робо-Пи. Никто не отвечает. Я даже не знаю, слышит ли он звонки.

- Вы можете узнать, где Ганси? - спросил Адам у Моры и Каллы.

- Он включен в силовую линию, - сказала Мора. - Как-то. Где-то. Поэтому я не могу его увидеть. Это всё, что я знаю.

Сознание Ронана колебалось, по мере того как к нему начинала пробиваться реальность. Совокупный ужас всех кошмаров, становящихся правдой, заставил его пальцы заплести на руле.

- Я мог бы погадать, - сказал Адам. - Впрочем, не знаю, как я тогда пойму, где он. Если он там, где я никогда не был, я не узнаю этого места, и нам придется искать подсказки.

Блу сердито закружилась.

- На это уйдет сто лет.

Перья, разбросанные по улице, поразили Ронана. Каждое из них казалось острым, настоящим, необыкновенно важным на фоне туманных событий минувшего дня. Ганси уехал за Глендауэром. Ганси уехал без них. Ганси уехал без него.

- Я присню что-нибудь, - сказал Ронан.

Сначала его никто не услышал, поэтому он повторил.

- Что?.. - спросила Блу.

В ту же секунду Мора уточнила: «Что именно?», а Адам сказал: «А как же демон?»

Сознание Ронана по-прежнему представляло собой свежий ужас - зрелище мертвой матери. Недавнее воспоминание с легкостью скрестилось с более ранним - когда он обнаружил труп отца, - и из них вырос огромный ядовитый цветок. Ронан не хотел сейчас возвращаться в собственные мысли. Но выбора не было.

- Что-нибудь, чтобы найти Ганси. Типа Робо-Пи. Только с одной задачей. Что-то маленькое. Я могу сделать это быстро.

- Ты хочешь сказать, что тебя могут быстро убить, - заметил Адам.

Ронан не ответил. Он уже пытался придумать, в какую форму можно было облечь такого рода задачу. Что он с гарантией сумел бы создать, даже учитывая демона, который отвлекал его, как бушующий вокруг ураган? Что демон точно не исказил бы при появлении на свет?

- Кабесуотер не поможет, разве что помешает, - настаивал Адам. - Тебе придется создать нечто не ужасное посреди того, что там творится, и, для начала, это практически невозможно. А потом тебе придется принести свой артефакт сюда - только его, и больше ничего, - что, пожалуй, еще менее вероятно.

Ронан произнес, обращаясь к рулю:

- Я в курсе, как работают сны, Пэрриш.

Он не сказал: «Я не выдержу мысли о том, что могу найти еще и тело Ганси». Он не сказал: «Если я не сумел спасти свою старую семью, то спасу хотя бы новую». Не сказал: «Я не позволю демону забрать всё».

Он не сказал, что единственный настоящий кошмар заключался в невозможности сделать ничего, а это, по крайней мере, было хоть что-то.

Ронан сказал только:

- Я попытаюсь.

Он надеялся, что Адам сам понял всё остальное.

Адам понял. И остальные тоже.

Мора сказала:

- Мы изо всех сил будем поддерживать тебя и отгонять самое худшее, хотя бы отчасти.

Адам поднял спинку кресла и нажал на кнопку, чтобы ее зафиксировать. Он произнес:

- Я погадаю.

- Блу, - позвал Ронан. - Лучше возьми его за руку.

51

«Камаро» сломался.

Он всегда ломался и опять оживал, но сегодня... сегодня Ганси так в нем нуждался.

Но он всё равно сломался. Ганси доехал только до окраины Генриетты, когда мотор закашлял, а потом свет в салоне погас. Прежде чем Ганси успел как-то отреагировать, машина замерла. Тормоза и руль отказали, и Ганси пришлось дотолкать «кабана» до обочины. Он сунул ключ в замок зажигания и посмотрел в зеркало, пытаясь понять, подождут ли его птицы. Они не ждали.

«Дорогу Королю Воронов! - кричали они и летели дальше. - Дорогу!»

«Черт возьми эту машину!»

Недавно «Камаро» вырубился точно так же, непроглядно-черной ночью. Ганси застрял на обочине, и его чуть не убили. Адреналин нахлынул на него, как в тот вечер, немедленно, захлестнув целиком. Слово время не сдвинулось с места.

Он нажал на газ, оставил ногу на педали, нажал на газ, оставил ногу.

Птицы улетали. А он не мог последовать за ними.

- Пожалуйста, - взмолился Ганси. - Ну давай.

«Камаро» стоял на месте. Вороны яростно кричали, они, казалось, не хотели его бросать, но их влекла какая-то неодолимая сила. Вполголоса выругавшись, Ганси вылез из машины и захлопнул дверь. Он не знал, что делать. Он мог бежать за ними пешком, пока не отстанет. Он мог..

- Ганси.

Генри Чень. Он возник перед Ганси, а его машина стояла под углом на дороге, и дверца была приоткрыта.

- Что случилось?

Присутствие Генри поразило Ганси сильнее, чем все остальные события этой ночи, пусть даже оно было наименее чудесным. Неподалеку находился Личфилд-Хаус, и Генри, очевидно, оказался здесь не по волшебству, а на машине. Но тем не менее время слишком явно сыграло на руку Ганси, а Генри, в отличие от воронов, не мог появиться просто потому, что Ганси ему приказал.

- Как ты сюда попал? - спросил Ганси.

Генри указал на небо. Не на птиц, а на крохотное мерцающее тельце Робо-Пи.

- Я велел Робо-Пи известить меня, если я буду тебе нужен. Поэтому я повторяю свой вопрос: что случилось?

Вороны по-прежнему кричали, предлагая Ганси следовать за ними. Они улетели еще дальше; вскоре они должны были совсем скрыться из виду. Сердце в груди Ганси бешено колотилось. С огромным усилием он заставил себя сосредоточиться на словах Генри.

- «Камаро» не заводится. Эти птицы.. они ведут меня к Глендауэру. Мне надо ехать, следовать за ними, иначе они..

- Стоп. Замолчи. Садись в мою машину. Знаешь что? Лезь за руль. Меня эта штука до смерти пугает.

Генри бросил ему ключи.

Ганси сел в машину.

Происходящее казалось до жути правильным, как будто Ганси всегда знал, что путь к Глендауэру будет выглядеть именно так. Когда они оставили «Камаро» позади, время стало скользить, и он вместе с ним. Вороны впереди него неслись и кувыркались в темноте. Иногда они отчетливо выделялись на фоне домов, иногда становились невидимы среди деревьев. Их крылья сверкали и переливались в лучах последних городских фонарей, словно лопасти вентиляторов. Ганси и Генри миновали последние следы цивилизации и выехали за город. Генриетта, в представлении Ганси, была так велика, что он отчасти удивился тому, как быстро огни маленького города - если не обращать на них внимания - скрылись в зеркальце заднего вида.

За пределами Генриетты вороны, колыхаясь вверх-вниз, устремились на север. Они летели быстрее, чем, по мнению Ганси, могли лететь птицы, вынужденные огибать деревья и нырять в долины. Преследовать их было не просто - вороны неслись по прямой, в то время как машине приходилось придерживаться дороги. Сердце Ганси вопило: «Не теряй их! Не теряй его! Только не сейчас».

Он не мог избавиться от мысли, что это его единственный шанс.

Голова не думала. Думало сердце.

- Вперед, вперед, вперед, - говорил Генри. - Я буду следить, нет ли копов. Вперед, вперед, вперед.

Он набрал что-то на телефоне, а затем высунул голову в окно, чтобы посмотреть вслед Робо-Пи, которая унеслась, получив задание.

Ганси гнал, гнал, гнал.

На северо-восток, по запутанным дорогам, где Ганси, возможно, бывал раньше, но не помнил этого. Разве он не изъездил целый штат? Вороны вели его через горы по извилистым дорогам, которые превращались в проселки, а затем вновь становились асфальтовыми шоссе. В какой-то момент машина прилипла к склону горы – с другой стороны был крутой обрыв и никакого ограждения. А потом Ганси вновь выехал на автостраду, и деревья скрыли небо.

Вороны тут же стали невидимы за черными ветвями – они летели в каком-то направлении, не дожидаясь их.

Ганси ударил по тормозам и опустил окно. Генри, не задавая вопросов, сделал то же самое. Оба высунули головы и прислушались. Зимние деревья скрипели на ветру, где-то сзади по шоссе катили грузовики, вороны настойчиво перекликались друг с другом.

– Так, – сразу сказал Генри. – Направо.

Машина поехала дальше. Ганси подумал, что они движутся вдоль силовой линии. Куда направляются вороны? В Вашингтон? В Бостон? Через всю Атлантику? Приходилось верить, что они не полетят туда, куда он не сможет за ними последовать. Путь завершится сегодня, потому что Ганси сказал, что он завершится сегодня, и был намерен поставить точку.

Птицы продолжали лететь, не отклоняясь от курса. В темноте показался указатель шоссе на границе штата.

– Там написано 66? – спросил Ганси. – Это съезд на 66?

– Не знаю, чувак, цифры меня сбивают с толку.

Это было шоссе I-66. Ганси выбрался на федеральную трассу. Ехать там было быстрее, но и рискованнее. Если бы вороны вдруг изменили маршрут, он бы не смог свернуть.

Но птицы летели вперед. Ганси нажал на газ. И еще раз нажал.

Птицы летели вдоль силовой линии, увлекая Ганси в сторону Вашингтона, по направлению к дому, в котором он провел детство. У него возникла внезапная и ужасная мысль, что именно туда они и направляются. К родительскому дому в Джорджтауне, где он узнал, что конец – это на самом деле начало, и наконец смирился с тем, что ему придется вырасти и стать просто очередным Ганси, со всеми неизбежными последствиями.

– Что ты сказал? I-66? – спросил Генри, снова что-то набирая в телефоне, когда мимо промелькнул очередной указатель с надписью.

– Как ты вообще водишь?

- Никак. Ведешь ты. Сколько там?

- Одиннадцатый километр.

Генри посмотрел на экран. В свете мобильного его лицо было синим.

- Эй, эй. Притормози. Через милю - коп.

Ганси заставил машину приблизиться к дозволению лимиту скорости. Разумеется, темный силуэт ничем не выдающейся полицейской машины блестел на разделительной полосе меньше чем в миле от того места, где они были, когда Генри ее заметил. Генри отсалютовал полицейскому, когда они проехали мимо.

- Спасибо, Робо-Пи.

Ганси беззвучно рассмеялся.

- Так, теперь ты.. Подожди. Робо-Пи может найти выезд?

Вороны с каждой милей слегка удалялись от шоссе. Стало ясно, что они поворачивают медленно, но неуклонно.

Генри постучал по экрану.

- Через две мили.

Две мили по всё расширяющемуся треугольнику. Между машиной и воронами будет слишком большое расстояние.

- Робо-Пи может не отставать от птиц?

- Сейчас выясню.

И они понеслись вперед, в то время как стая делалась всё менее различимой в темноте и наконец совсем исчезла. У Ганси ускорился пульс. Приходилось доверять Генри, а Генри приходилось доверять Робо-Пи. Увидев съезд, Ганси заставил машину слететь с шоссе. Воронов нигде не было видно - их поглотила самая обыкновенная вирджинская ночь. Ганси почувствовал нечто странное, когда понял, где они находятся - вблизи Делаплейна, довольно далеко от Генриетты. Здесь был мир старой финансовой аристократии, конских заводов, политиков, миллиардеров, разбогатевших на торговле покрывками. Неподходящее место для безумной древней магии. Днем это место было полно изящной прелести - его так давно любили и возделывали, что теперь Ганси совершенно не представлял его способным сойти с ума.

- Теперь куда? - спросил Ганси.

Они ехали в никуда, в обыденность, в ту жизнь, которую Ганси уже прожил.

Генри ответил не сразу - он сидел, склонив голову над телефоном. Ганси хотелось нажать на газ, но в этом не было никакого смысла, если они ехали не в ту сторону.

- Генри.

- Извини, извини. Давай! Жми и сверни вправо, когда сможешь.

Ганси сделал, как было велено, с такой энергией, что Генри ухватился за потолок, чтобы удержать равновесие.

- Ух, - сказал он.

А потом вдруг снова появились вороны - стая кружилась и собиралась над деревьями, абсолютно черная на фоне темно-фиолетового неба. Генри в безмолвном восторге стукнул по потолку. Машина выехала на широкое четырехполосное шоссе, которое в обе стороны было пустым. Ганси только начал опять набирать скорость, как вороны закружились, превращаясь в птичье торнадо, несомое вверх незримым воздушным потоком, и внезапно сменили курс. Фары осветили табличку - знак чьей-то частной собственности - в конце подъездной дорожки.

- Туда. Туда! - крикнул Генри. - Стой!

Он был прав. Птицы повернули. Ганси пролетел мимо. Он посмотрел вперед - никакого разворота вблизи видно не было.

Он не потеряет птиц из виду. Не потеряет. Опустив окно, Ганси выглянул, чтобы убедиться, что ночная дорога у него за спиной по-прежнему черна, затем втянул голову обратно и развернулся. Передача радостно взвывала.

- Отлично, - сказал Генри.

Машина покатила вверх по крутому склону. Ганси даже не сбавил хода, когда подумал, что кто-то может оказаться дома. Стояла ночь, он в этой дорогой машине наверняка бросался в глаза, а перед ним был частный уголок старомодного мира. Но неважно. Он придумает, что сказать хозяевам, если до этого дойдет. Он не потеряет воронов. Только не сегодня.

Фары озарили запущенную роскошь: декоративные камни, похожие на гигантские зубы, по обе стороны подъездной аллеи, растущая между ними трава, забор с одной покосившейся доской, потрескавшийся асфальт, который тошнило сухими сорняками.

Ощущение поехавшего времени стало теперь еще сильнее. Ганси был здесь когда-то. Он уже приезжал сюда, жил этой жизнью раньше.

- Ну и место, чувак, - сказал Генри, вытягивая шею и пытаясь что-то рассмотреть. - Похоже на музей.

Подъездная аллея шла вверх, пока не поднялась выше деревьев. На холме она заканчивалась огромным кругом, за которым виднелась мрачная громада дома. Нет, не дома. Ганси, который вырос в особняке, хорошо знал, как они выглядят. Этот особняк был намного больше нынешнего дома Ганси-старших - его украшали колонны, веранды на крыше, портики, оранжереи. Огромный массив кирпича и кремowego камня. Впрочем, в отличие от родительского обиталища, высаженный вдоль стен самшит здесь заглушили разросшиеся

тонкие акации, а плющ сполз с кирпичных стен на лестницу, ведущую к парадной двери. Розовые кусты стали неровными и безобразными.

– Не очень-то привлекательно снаружи, – заметил Генри. – Тут нужен хороший ремонт. Однако здесь можно было бы устроить клевую зомби-вечеринку.

Машина медленно ехала по кругу, а вороны наблюдали за ней с крыши и с перил. Ощущение дежавю охватило Ганси, совсем как тогда, когда он смотрел на Ноя и видел одновременно живого человека и мертвеца.

Ганси задумчиво коснулся нижней губы.

– Я уже был здесь.

Генри уставился на воронов. Те, не двигаясь с места, уставились на него. Они ждали.

– Когда?

– Когда я умер.

52

Ронан еще до того, как заснуть, знал, что Кабесуотер будет нестерпим, но не сознавал, до какой степени.

Страшнее всего были не виды, а эмоции. Демон по-прежнему разрушал деревья, землю и небо, но также он истреблял и ощущение леса, то, что делало сон сном, даже без конкретных пейзажей. И теперь это были виноватые вдохи, которые всасываешь после легкой лжи. Ощущение, как что-то обрывается в животе, когда находишь труп. Грызущее подозрение, что ты никому не нужен, что от тебя слишком много проблем, что тебе гораздо лучше умереть. Стыд, когда желаешь чего-то недолжного; неприятный трепет оттого, что ты чуть не погиб. Это было всё сразу, одновременно.

Кошмары Ронана обычно включали в себя только одну-две неприятности. В них редко бывало всё перечисленное сразу. Так случалось, только когда они хотели его убить.

Разница заключалась в том, что раньше Ронан был в них один. Теперь в мире бодрствующих его поддерживали Мора и Калла – Калла сидела на капоте, а Мора на заднем сиденье. Ронан чувствовал их энергию – как будто чьи-то руки прикасались к его голове, блокируя жуткие звуки. А сознание Адама было во сне вместе с ним. В реальном мире Адам глядел в гадальную миску, сидя на пассажирском сиденье, а в мире снов он стоял в погибшем лесу, согнувшись, с неуверенностью на лице.

Нет. Ронан признал, что, хотя им теперь было легче, реальную разницу между прежними кошмарами и нынешними составляло не их присутствие. По-настоящему разница заключалась в том, что раньше кошмары хотели, чтобы он умер, и Ронан тоже этого хотел.

Он огляделся, ища какое-нибудь безопасное место, хоть что-нибудь, чтобы его творение могло возникнуть в безопасности. Но такого места не было. Единственными неискаженными существами в этом сне оставались Ронан и Адам.

Значит, он создаст защиту сам. Ронан сложил ладони вместе и представил, как между ними растет крошечный шарик света. Демон не обратил на это внимания. Над ухом Ронан услышал чей-то вздох. Это совершенно точно был его отец. Он страдал от боли. Умирал в одиночестве.

«Это ты виноват».

Ронан отогнал видение. Он продолжал представлять крошечный яркий шарик, который создавал, чтобы найти Ганси. Он вообразил его вес, размер, очертания миниатюрных крыльев.

– Ты правда думал, что я останусь здесь ради тебя? – спросил в другое ухо Адам холодным и пренебрежительным тоном.

Настоящий Адам стоял, повернув голову набок, в то время как неменяемая копия его отца орала ему в лицо – интонации с пугающей точностью напоминали голос настоящего Роберта Пэрриша. Губы Адама были решительно сжаты не столько от страха, сколько из упрямства. Он постепенно, неделю за неделей, отпутьвался от своего настоящего отца; двойнику было не так трудно противостоять.

«Ты никому не нужен».

«Я не прошу его остаться, – подумал Ронан. – Только вернуться». Ему отчаянно хотелось проверить, получился ли предмет именно таким, как он задумал, но Ронан чувствовал, что демон жаждал его исказить, вывернуть наизнанку, сделать уродливой противоположностью. Пока что лучше было не показывать свое создание и доверять лишь собственной вере в то, что он творил нечто позитивное. Ронану приходилось цепляться за идею того, что этот предмет был должен делать, выйдя в реальный мир, а не за идею демона – что этот предмет должен был делать, по его мнению.

Что-то царапало Ронану шею. Легко, безвредно, постоянно, неумолимо, пока не пробилось сквозь верхний слой кожи и не добралось до крови.

Ронан не обращал ни на что внимания – он почувствовал, как предмет в его руке зашевелился и ожил...

Сон распластал перед ним чье-то тело. Черное, разорванное, истерзанное, искаженное. Ганси. Глаза еще были живыми, губы двигались. Загубленный и беспомощный. Коготь одного из ночных кошмаров Ронана цеплялся за угол его рта, проткнув щеку.

«Бессильный».

Нет. Ронан так не думал. Он почувствовал, как сон затрепетал у него в ладонях.

Адам встретил взгляд Ронана, пусть даже двойник Роберта Пэрриша продолжал ораторствовать. Лицо Адама отчетливо отражало усилия, с которыми он поддерживал баланс энергии.

– Ты готов?

Ронан надеялся, что да. По правде говоря, они не знали, кто выиграл этот раунд, и не узнали бы, пока он не открыл глаза.

Он сказал:

– Разбуди меня.

53

Ганси уже был здесь когда-то – семь лет с небольшим назад. Просто невероятно, тогда тоже устроили мероприятие перед очередными выборами в Конгресс. Ганси помнил, что ему очень хотелось поехать. В Вашингтоне летом было тесно и нечем дышать, его обитатели напоминали заложников с мешками на голове. Хотя семейство Ганси уже побывало за границей и повидало мятные поля в Пенджабе (это была политическая поездка, цели которой он не понимал до сих пор), оно лишь вселило в маленького Ганси еще большее беспокойство. Единственный задний двор их дома в Джорджтауне переполняли цветы, которые росли там до рождения Ганси, и ему запрещалось заходить туда летом, потому что сад кишел пчелами. Хотя родители водили его в антикварные магазины и музеи, на скачки и художественные фестивали, у мальчика буквально пятки горели. Он всё это уже видел. Ему хотелось новых интересных вещей и чудес, того, что он никогда раньше не видел и не мог понять.

Поэтому, хотя политика Ганси не очень интересовала, он очень хотел уехать из Вашингтона.

– Ты не соскучишься, – заверил отец. – Там будут другие дети.

– Дети Мартина, – добавила мать, и оба негромко хихикнули над чьим-то давним промахом.

Ганси не сразу понял, что ему это предлагают как дополнительный стимул, а не просто констатируют факт – ну, как сказали бы о погоде. Ганси никогда не считал детей особенно интересными, в том числе самого себя. Он всегда

смотрел в будущее, ожидая того момента, когда сможет по собственному желанию поменять адрес.

И вот несколько лет спустя Ганси стоял на увитой плющом лестнице и смотрел на табличку у двери. «Зеленый дом, – гласила она. – Построен в 1824». Вблизи было трудно с точностью сказать, почему особняк выглядел гротескно, а не просто потрепано. Сидевшие на всех горизонтальных поверхностях вороны вовсе не мешали. Ганси подергал входную дверь: заперто. Он включил на телефоне фонарик и прижался носом к боковому окну, пытаясь заглянуть внутрь. Он сам не знал, что ищет. Может, где-то осталась открытой задняя дверь, или хозяева забыли запереть окно. Хотя не было никакой конкретной причины, по которой полузаброшенный дом мог содержать какие-то тайны, имеющие отношение к Ганси, часть его души, которая хорошо умела находить разные вещи, тихонько билась о стекло, желая попасть внутрь.

– Посмотри сюда, – позвал Генри, стоявший в нескольких метрах от него. В его голосе звучало преувеличенное удивление. – Я обнаружил, что эту боковую дверь взломал какой-то корейский подросток-вандал!

Ганси перебрался через клумбу с засохшими лилиями. Генри стоял у гораздо менее изысканного бокового входа и извлекал из дверной панели последние куски разбитого стекла. Он сунул внутрь руку и открыл замок.

– Ну и молодежь в наши дни. Чень – это ведь не корейская фамилия, кажется?

– Мой отец не кореец, – сказал Генри. – А я – да. Корейская кровь, ну и склонность к вандализму достались мне от матери. Давай войдем, Дик, раз уж я уже вломился.

Впрочем, Ганси, стоя перед дверью, колебался.

– Ты послал Робо-Пи следить за мной.

– Это был дружеский поступок. Так ведут себя друзья.

Он, казалось, очень боялся, что Ганси не поверит в бескорыстность его мотивов, поэтому Ганси сказал:

– Знаю. Просто... я встречал мало людей, которые заводят друзей так же, как я. Очень... быстро.

Генри показал ему «рожки».

– Джонг.

– Что это такое?

– Трудно объяснить, – ответил Генри. – Это я. Ты, Ричард, чувак. Джонг. Ты не знаешь этого слова, но всё равно живешь именно так. Буду откровенен, я от тебя не ожидал. Как будто мы уже когда-то раньше встречались. Нет, не то. Мы сразу стали друзьями, мы инстинктивно

поступаем так, как поступают друзья. Не просто приятели. Друзья. Родные братья. Это сразу чувствуешь. «Мы», а не ты и я. Вот что такое джонг.

В определенном смысле Ганси понимал, что это объяснение слишком напыщенно, преувеличенно, нелогично. Но на более глубоком уровне оно казалось чем-то очень правдивым, знакомым и как будто объясняло многое в жизни Ганси. Так он относился к Ронану, Адаму, Ною и Блу. С каждым из них он немедленно испытывал самое правильное чувство – облегчение. Наконец-то, подумал Ганси, он нашел их. «Мы», а не «ты» и «я».

– Так, – сказал он.

Генри ослепительно улыбнулся, а затем открыл дверь, которую только что взломал.

– Ну, что мы ищем?

– Не знаю, – ответил Ганси.

Его охватил знакомый запах – так пахнут все старые просторные дома в колониальном стиле. Плесень, самшит, старый лак для полов. Ганси посетило не конкретное воспоминание – скорее, память о более беззаботных временах.

– Наверное, что-нибудь необычное. Я думаю, мы сразу пойдем.

– Разделимся, или это будет как в ужастике?

– Кричи, если что-то начнет тебя жрать, – сказал Ганси, чувствуя облегчение оттого, что Генри предложил разойтись.

Он хотел остаться наедине со своими мыслями. Ганси выключил фонарик, а Генри включил. Казалось, он хотел спросить почему – и Ганси пришлось бы сказать: «В темноте моя интуиция звучит громче», – но Генри просто пожал плечами, и они разошлись.

В тишине Ганси брел по темным коридорам Зеленого Дома, и по пятам за ним тащились призраки. Здесь стоял буфет, здесь пианино; там болтала компания студентов, которые казались такими умудренными. Ганси находился в самом центре того, что некогда было бальным залом. Когда Ганси зашел в комнату, свет зажегся сам, напугав его. В зале был просторный камин с уродливым старинным очагом, похожим на зловещую черную пасть. На подоконниках валялись мертвые мухи. Ганси почувствовал себя последним оставшимся в живых человеком.

Раньше этот зал казался огромным. Прищурившись, Ганси как наяву увидел тот вечер. В какой-то момент это всегда происходило. Будь он сейчас в Кабесутере, он бы, возможно, мог прокрутить его в голове, вернувшись назад во времени, чтобы вновь понаблюдать за происходящим. Эта мысль казалась одновременно желанной и неприятной: Ганси тогда был младше и непосредственнее, его не сковывали такие вещи, как ответственность и мудрость. Но он многое сделал в промежутке между тем днем и сегодняшним. Мучительно, утомительно было даже думать о том, чтобы заново прожить это время, усвоить все нелегкие уроки, опять бороться, чтобы гарантировать себе встречу с Ронаном и Адамом, Ноем и Блу.

Выйдя из зала, Ганси побрел по коридорам, ныряя под руки, которых там больше не было, и извиняясь, когда ему приходилось протискиваться мимо беседующих, которые давно уже закончили разговор. Там было шампанское; была музыка; вездесущий запах одеколona. «Как дела, Дик?» Хорошо, прекрасно, превосходно, единственный возможный ответ на этот вопрос. Солнце всегда сияло над ним.

Ганси вышел на застекленную веранду и посмотрел в ноябрьскую черноту. Ключковатая трава казалась серой в зажигавшемся от движений свете, обнаженные деревья были черными, небо – тускло-фиолетовым от грозно маячившего вдали Вашингтона. Всё умерло.

Продолжал ли он общаться с детьми, с которыми играл тогда на вечеринке в прятки? Он спрятался так хорошо, что умер; и даже когда Ганси воскрес, это осталось незамеченным. Он случайно набрел на другую дорогу.

Ганси толкнул дверь веранды и ступил на мокрую мертвую траву на заднем дворе. Вечеринка шла и здесь – дети постарше с досадой играли в крокет, и официанты цеплялись ботинками за воротца.

Серый свет, который зажегся при появлении Ганси, осветил задний двор. Ганси пересек лужайку, направляясь к деревьям. Свет фонаря на крыльце проникал глубже, чем он ожидал. Заросли были не такими дикими, как помнил Ганси, хотя, возможно, ему казалось так потому, что теперь он стал старше и излазил немалое количество лесов, ну, или просто потому, что в это время года листьев было гораздо меньше, чем летом. Теперь эти заросли мало подходили для прятков.

Когда Ганси уехал в Уэльс искать Глендауэра, он много раз стоял на краю таких полей – мест, где некогда гремели битвы. Он пытался вообразить, каково было находиться там в ту минуту – в руке меч, под седлом лошадь, вокруг люди, покрытые потом и кровью. Каково быть Оуэном Глендауэром, знать, что они дерутся, повинуюсь твоему призыву?

Пока Мэлори бродил по тропе или ждал возле машины, Ганси доходил до середины поля, как можно дальше от всех примет современности. Он закрывал глаза и отсекал гул далеких самолетов, пытаясь расслышать звуки шестисотлетней давности. В более ранней юности Ганси питал крохотную надежду на то, что его посетят призраки; что это поле может быть населено призраками; что, возможно, он откроет глаза и увидит нечто большее, чем раньше.

Но у него не было ни малейших сверхъестественных наклонностей, и Ганси, который стоял в одиночестве на поле боя, в конце концов оставался тем же Ганси, стоявшим в одиночестве на поле боя.

И теперь он, быть может, целую минуту стоял на краю вирджинского леса, пока это само по себе не начало казаться ему странным, – как будто у него дрожали ноги (хотя они не дрожали). Тогда Ганси шагнул в заросли.

Голые ветки над головой скрипели на ветру, но листья под ногами были сырыми и беззвучными.

Семь лет назад он наступил здесь на осиное гнездо. Семь лет назад он умер. Семь лет назад родился вновь.

Ему было так страшно.

Почему его воскресили?

Ветки цеплялись за рукава свитера. Ганси еще не дошел до того места, где всё это произошло. Он сказал себе, что гнезда там уже нет; что упавшее дерево, рядом с которым он свалился, давно сгнило; что призрачного света с крыльца недостаточно. Он не узнает то самое место.

Но Ганси его узнал.

Дерево не сгнило. Оно не изменилось и было таким же крепким, как раньше, хотя и почернело от сырости и ночного мрака.

Именно здесь Ганси почувствовал первый укус. Он вытянул руку и потрясенно посмотрел на тыльную сторону ладони. Он неуверенно сделал еще один шаг. Здесь он почувствовал ос у себя на шее – они ползли вдоль линии волос. Ганси не стал отмахиваться – это никогда не помогало их отогнать. Впрочем, его кисть инстинктивно дернулась вверх.

Запинаясь, он сделал еще шаг. Теперь он стоял в полуметре от старого, совершенно не изменившегося черного дерева. Тот, давний Ганси рухнул на колени. Здесь осы ползли по его лицу, по сомкнутым векам, по дрожащим губам.

Он не пытался бежать. Спаситься от них бегством было невозможно, и в любом случае отравленное оружие уже сыграло свою роль. Помнится, Ганси успел подумать, что испортит праздник, если ворвется, весь покрытый осами.

Он припал на руки – только на мгновение, потом перекатился на локоть. Яд вспарывал его вены. Он лежал на боку. Свернувшись. Мокрые листья прижимались к щеке, все клетки тела как будто задыхались. Ганси дрожал, изнемогал, и ему было страшно, так страшно.

«Почему? – думал он. – Почему я? В чем была цель?»

Он открыл глаза.

Он стоял, сжав кулаки, и смотрел на то место, где это случилось. Очевидно, его спасли, чтобы он мог найти Глендауэра. Его спасли, чтобы он убил демона.

– Дик! Ганси! Дик! Ганси! – донесся до двора голос Генри. – Ты точно захочешь это увидеть...

Под домом был вход в пещеру. Небольшой, выдающийся над землей вход вроде того, что они нашли в Кабесуотере. И непотайной, похожий на нору в земле лаз, которым они воспользовались, чтобы добраться до пещеры, где лежала Гвенллиан.

Это была сырая широкая утроба, сплошь в осыпавшихся комьях земли поверх бетонных ребер и обломков мебели – земля здесь треснула, и в образовавшуюся яму провалилась часть подвала. Яма была свежая, и Ганси заподозрил, что она появилась в результате его приказа Бензопиле – тогда, на Фокс-Вэй.

Он хотел увидеть Короля Воронов. И ему показали дорогу к нему, вне зависимости от того, какие массивы земли пришлось передвинуть, чтобы это исполнить.

– Тут косметическим ремонтом не обойдешься, – сказал Генри, потому что кто-то должен был это сказать. – Пожалуй, им придется обновить весь подвал, если они хотят получить за дом хорошие деньги. Перестелить пол, поменять дверные ручки... поставить на место стенку.

Ганси встал рядом с ним на краю ямы и посмотрел вниз. Оба посветили в дыру мобильниками. В отличие от свежей раны в земле, находившаяся внизу пещера казалась древней, сухой и пыльной, как будто всегда существовала там, под домом. Недавно, в ответ на просьбу Ганси, появился только вход.

Он выглянул в окно и посмотрел на машину, стоящую у крыльца, мысленно соединив себя с шоссе, с Генриеттой, с силовой линией. Разумеется, Ганси уже знал, что этот дом стоит на силовой линии. Разве не было сказано с самого начала, что он выжил на силовой линии только потому, что в то же время кто-то другой на ней умер?

Он задумался, нет ли более простого способа попасть в пещеру. Возможно, где-то на силовой линии было другое естественное отверстие, а может, пещера всё это время ждала, чтобы он приказал ей открыться?

– Так, – наконец сказал Ганси. – Я спускаюсь.

Генри рассмеялся, а потом понял, что Ганси говорит серьезно.

– Разве для таких экспедиций тебе не положены шлем и слуга?

– Да, наверное. Но мне некогда возвращаться в Генриетту за снаряжением. Я полезу медленно и осторожно.

Он не попросил Генри отправиться с ним – Ганси не хотел, чтобы тот испытывал стыд, отказывая. И чтобы думал, будто Ганси ожидал от него именно такого поступка – полезть вместе с ним в яму в земле, в то время как единственным, чего всерьез боялся Генри, были именно ямы в земле.

Ганси снял наручные часы и положил их в карман, чтобы они ни за что не зацепились, если придется карабкаться. Потом он подвернул брюки и вновь

окинул взглядом вход в пещеру. Спуск не был отвесным, но Ганси хотел убедиться, что сумеет выбраться, если вернется и не застанет никого, способного ему помочь. Нахмурившись, он потянулся за стулом, который не развалился, рухнув в дыру. Ганси опустил его в темноту и установил понадежнее; встав на этот стул, он мог подтянуться и вылезти.

Генри наблюдал за ним, а потом сказал:

- Подожди. Ты испачкаешь свое красивое пальто, белый человек. На, возьми.

Он стянул школьный свитер и протянул Ганси.

- То есть ты буквально отдаешь мне последнюю рубашку, - заметил Ганси, вручая ему пальто. Он с благодарностью взглянул на Генри. - Увидимся на той стороне. Эксельсиор.

55

Идя по туннелю, Ганси чувствовал, как в нем поднимаются безумная радость и грусть - выше и выше. Вокруг не было ничего, кроме безликих каменных стен, но тем не менее он не мог стряхнуть ощущение правильности всего происходящего. Он столько раз рисовал себе эту минуту - и вот она настала, и он переживал ее. Никакого диссонанса между ожиданиями и реальностью - как много раз случалось раньше - теперь не было. Ганси собирался найти Глендауэра и шел к нему.

Радость и грусть, слишком большие, чтобы его тело могло их вместить.

Он вновь почувствовал, как ускользает время. Здесь, внизу, оно было осязаемым, как вода, омывавшая мысли. Ганси показалось, что зыбко не только время, но и расстояние. Вполне возможно, что туннель поворачивал и вел его в какое-то совершенно иное место на силовой линии. По пути Ганси посматривал на заряд телефона; с включенным фонариком батарея быстро разряжалась. Каждый раз, когда Ганси глядел на экран, время на нем менялось немислимым образом - иногда бежало вперед, ускорившись вдвое, иногда отскакивало назад, иногда на протяжении четырехсот шагов задерживалось на одной и той же минуте. Иногда экран мигал и полностью выключался, заодно с фонариком, и Ганси на одну секунду, две, четыре оставался в темноте.

Он не знал, что сделает, когда окажется без света. Во время предыдущих экспедиций он уже понял, что ничего не стоит провалиться в дыру даже при наличии фонарика. Пусть эта пещера напоминала, скорее, коридор, чем яму, невозможно было сказать, чем она закончится.

Ему не на что было положиться - только на воронов и общее ощущение. Несомненно, все предыдущие шаги вели к этой минуте.

Ганси оставалось надеяться, что свет не погаснет, прежде чем он доберется до места. Была та самая ночь, тот самый час – с самого начала он знал, что будет один.

Поэтому он шел и шел, а уровень заряда то поднимался, то падал. В основном падал.

Когда осталась только предупреждающе красная полоска, Ганси остановился. Он мог повернуть назад, и ему хватило бы света еще на несколько минут. Остаток пути пришлось бы проделать в темноте, но, по крайней мере, он знал, что никаких ям не будет. Ну, или он мог идти дальше, надеясь что-нибудь обнаружить, пока не погаснет последняя искорка света. Надеюсь, что свет не понадобится ему, когда он доберется туда, куда шел.

– Господи, – вслух произнес Ганси.

Он был книгой, и до развязки оставались лишь несколько страниц. Ганси хотел дочитать до конца, чтобы узнать, что случилось, и в то же время не хотел, чтобы книга заканчивалась.

Он пошел дальше.

Через некоторое время фонарик погас. Телефон отключился. Ганси остался в полной темноте.

Теперь, когда он стоял неподвижно, Ганси понял, что под землей холодно. На макушку ему упала прохладная капля воды, еще одна скатилась по воротнику рубашки. Он чувствовал, как намокают плечи чужого свитера. Темнота окружала его, словно живая.

Он не мог решить, что делать. Продвигаться вперед во мгле, шаг за шагом? Оказавшись в абсолютном мраке, Ганси отчетливо вспомнил, что почувствовал, когда в пещере воронов земля ушла у него из-под ног. А здесь не было страховки, которая бы его удержала. Не было Адама, который помешал ему съехать ниже. Не было Ронана, который приказал бы гудящим насекомым превратиться из ос в воронов. Не было Блу, которая шептала бы одобряющие слова, пока он не набрался бы смелости, чтобы спасти свою жизнь.

Тьма была не только в туннеле; она была внутри него.

– Ты не хочешь, чтобы я нашел тебя? – шепотом спросил Ганси. – Ты здесь?

В туннеле стояла тишина, не считая тихого стука капель, падавших с потолка на каменный пол.

В душе Ганси начал громоздиться страх. Страх в его случае имел очень конкретную форму. И в таком месте, как это, в отличие от подвала под Борден-Хаусом, он обладал реальной силой.

Ганси понял, что туннель перестал быть тихим. В отдалении слышался какой-то звук – всё нарастающая знакомая нота.

Рой.

По коридору летело не одно насекомое. Не Робо-Пи. Это был вибрирующий вой сотен существ, который отскакивал от стен, по мере того как они приближались.

И, пусть даже в туннеле царил мрак, Ганси буквально почувствовал черноту, которой истекали деревья в Кабесуотере.

В голове Ганси заново разворачивалась вся эта история: как его миновала смерть от яда чуть больше семи лет назад, когда умер Ной. А теперь, поскольку дух Ноя разложился, Ганси опять должен был умереть от укуса. Возможно, никогда и не было другой цели, кроме как вернуть статус-кво.

Гул приблизился. Теперь паузы в нем заполняли чуть слышные щелчки – насекомые рикошетом отлетали от стен, устремляясь к нему сквозь мрак.

Ганси помнил, что сказал Генри, когда вложил пчелу ему в ладонь. Он велел не думать о ней как о чем-то способном его убить – скорее, как о чем-то прекрасном.

Он мог это сделать. Ганси полагал, что мог это сделать...

«Нечто прекрасное, – сказал он себе. – И благородное».

Гудение и стук, отдаваясь от стен, приблизились. Они звучали до ужаса громко.

Они были прямо тут.

– Это не причинит мне вреда, – сказал Ганси вслух.

Перед глазами у него всё покраснело, потом почернело.

Покраснело, потом почернело.

Потом осталась только чернота.

– Листья, – произнес напряженный голос Ронана Линча.

– Пыль, – сказал Адам Пэрриш.

– Ветер, – сказала Блу Сарджент.

– Блин, – добавил Генри Чень.

Свет скользнул по лицу Ганси и умчался. Красное, потом снова черное. Луч фонарика.

Поначалу Ганси показалось, что стены кишат осами, но в следующее мгновение он увидел, что это просто листья и пыль – и ветер, который гнал их по коридору. В пятне света Ганси увидел своих друзей, дрожавших от холода в туннеле, из которого вылетели листья.

- Ты тупой урод, - сказал Ронан.

Рубашка у него была очень грязная, на щеке запеклась кровь - кто знает, своя или чужая.

Ганси не сразу вернул себе дар речи и наконец произнес:

- Я думал, вы остались наверху.

- Да, я тоже так думал, - сказал Генри. - А потом подумал, что не могу позволить Ганси Третьему бродить по таинственной пещере в одиночку. У нас осталось так мало старых сокровищ - было бы страшной халатностью с нашей стороны позволить им пропасть. Ну и потом, кто-то должен был привести твою свиту.

- Почему ты пошел один? - спросила Блу.

Она обвила его руками, и Ганси почувствовал, что девушка дрожит.

- Я пытался быть героем, - сказал Ганси, крепко прижимая ее к себе.

Она была настоящая. Они все были настоящими. Они пришли сюда за ним, посреди ночи. Судя по масштабу потрясения, Ганси даже не надеялся, что ради него они сделают нечто подобное...

- Я не хотел, чтобы вы опять пострадали.

- Ты тупой урод, - сказал Адам.

Они беспокойно и тревожно засмеялись: им была нужна разрядка. Ганси прижался щекой к макушке Блу.

- Как вы меня нашли?

- Ронан чуть не погиб, создавая штуку, которая тебя выследила, - ответил Адам.

Ронан разжал кулак и показал сидевшего на ладони светлячка. Как только пальцы Ронана раздвинулись, светлячок полетел к Ганси и прицепился к его свитеру.

Ганси осторожно отцепил его и посадил на собственную ладонь. Он не сказал «простите», хотя чувствовал себя виноватым, и Ронан это знал.

Ганси сказал:

- Что теперь?

- Прикажи - и я попрошу Робо-Пи найти твоего короля, - немедленно ответил Генри.

Но Ганси до сих пор приказывал только магическим существам и никогда не повелевал людьми. Приказывать кому-то что-то сделать было не в обычаях

семейства Ганси. Они просили и молча надеялись. Поступали с другими так, как хотели, чтобы поступали с ними.

Друзья пришли сюда за ним. Они пришли сюда за ним.

Они пришли сюда за ним.

– Пожалуйста, – сказал Ганси. – Пожалуйста, помоги мне.

Генри подбросил пчелу в воздух.

– Я думал, ты никогда не попросишь.

56

Ганси сам не знал, сколько времени прошло, прежде чем он наконец обнаружил то, что искал.

Вот как оно выглядело в итоге – каменная дверь, украшенная резными воронами, и волшебная пчела, ползущая по плющу. Туннель за их спиной тянулся из дома, связанного с неволшебным детством Ганси, а не из леса, связанного с его фантастическим настоящим. В мечтах он представлял это совершенно иначе.

Но ощущение было абсолютно правильное.

Он стоял перед резной дверью, чувствуя, как скользит время, а он остается неподвижным в его потоке.

– Вы чувствуете? – спросил Ганси у остальных.

«Или только я?»

Блу сказала:

– Подойди ближе с фонариком.

Генри стоял чуть поодаль – в этих поисках он был новичок, а потому вежливо ждал. Вместо того чтобы влиться в компанию, он протянул Блу фонарик. Девушка поднесла его к камню, освещая мелкие детали. В отличие от предыдущей гробницы, которую они нашли и на которой было вырезано подобие рыцаря, эту усыпальницу украшали сплошь вороны и вороны. Предыдущую гробницу Ронан отворил пинком, но к этой двери он прикасался очень осторожно. Адам отстраненно смотрел на нее, сцепив руки, словно от холода. Ганси полез за телефоном, чтобы, как всегда, сделать фото и зафиксировать ход поисков, потом вспомнил, что мобильник разрядился,

потом подумал, что, возможно, в этом вообще нет смысла, если они действительно нашли могилу Глендауэра.

Нет. Этот момент предназначался для него, а не для широкой публики.

Он положил руку на дверь, расставив пальцы – ради пробы. Дверь слегка качнулась, и стало ясно, что она легко откроется.

– Надеюсь, он нас не убьет? – поинтересовался Генри. – Я еще слишком молод, чтобы умирать. Реально слишком молод.

За семь лет Ганси успел обдумать все возможные варианты, касавшиеся короля, который покоился за этой дверью. Он прочитал достаточно книг о жизни Глендауэра и знал, что этот человек может представлять как героя, так и злодеем, в зависимости от точки зрения. Ганси извлек дочь Глендауэра из гробницы и обнаружил, что она сошла с ума. Одни легенды сулили дары, другие смерть. В некоторых историях Глендауэр был в одиночестве; в некоторых его окружали десятки спящих рыцарей, которые должны были проснуться вместе с ним.

Некоторые истории – например, их история – повествовали о демоне.

– Можешь подождать снаружи, если тебе страшно, Чень, – сказал Ронан, но его напускная смелость была тонкой, как паутинка, и Генри с легкостью ее отшел.

Ганси произнес:

– Я не возьмусь гарантировать, что находится за дверью. Мы все согласны, что дар – это возможность убить демона, так?

Они были согласны.

Ганси прижал ладони к холодному, как смерть, камню. Дверь легко сдвинулась под его весом – некий умный механизм позволил тяжелой плите повернуться. А может, подумал Ганси, никакого механизма вообще не было. Возможно, это действовало волшебство, какая-то хитрая выдумка, которая не обязана была повиноваться законам физики.

Фонарик осветил внутренность гробницы.

Ганси шагнул внутрь.

Стены склепа, где лежала Гвенллиан, были богато расписаны: птицы гнались за птицами, которые гнались за птицами. Их красное и синее оперение ничуть не выцвело. На стенах висели доспехи и мечи, ожидая пробуждения спящего. Гроб стоял на возвышении, прикрытый крышкой с затейливой резьбой, которая изображала подобие Глендауэра. Та гробница подходила для человека королевской крови.

А эта напоминала обычную комнату.

Потолок был низким, высеченным в скале. Ганси пришлось немного пригнуться, Ронану пришлось изрядно пригнуться. Их окружали голые

каменные стены. Фонарик осветил широкую темную миску, стоящую на полу, на дне виднелся темный кружок. Ганси знал уже достаточно, чтобы распознать в ней гадальную миску. Блу провела фонариком дальше. В середине комнаты находилась квадратная глыба, на которой покоился рыцарь в доспехах, ничем не покрытый, не погребенный. Слева от него лежал меч, справа чаша.

Глендауэр.

Ганси предвидел этот момент.

Время еще сильнее заскользило вокруг. Он чувствовал, как оно плещется вокруг лодыжек, тяжестью виснет на ногах. Стояла тишина. Не было ничего, способного издавать звуки, кроме пяти настроенных подростков.

Ганси казалось, что всё это нереально.

- Ганси, - прошептал Адам.

Комната поглощала звук.

Луч фонарика Блу, осветив фигуру в доспехах, упал на пол позади камня. Там лежало еще одно тело. Они мрачно переглянулись, а потом медленно двинулись к нему. Ганси с особой остротой слышал сухое шарканье своих ног... и вдруг все как один остановились и обернулись, глядя на дверь гробницы. В обычном мире было бы очень просто убедить себя, что бояться не надо и что дверь не захлопнется. Но они уже давно не жили в обычном мире.

Блу продолжала освещать тело фонариком. Сапоги, кости, какая-то давно распавшаяся одежда неопределенного цвета. Тело частично опиралось на стену - череп слегка задрался, словно покойник рассматривал собственные ноги.

«Что я делаю?» - подумал Ганси.

- Они умерли, пытаюсь сделать то, что делаем мы? - поинтересовался Адам.

- Только если будить спящих королей было историческим хобби, - сказал Генри. - Гляньте, какая пушка у этого средневекового чувака.

Ганси и Ронан опустились на колени рядом со скелетом. Действительно, у этого средневекового чувака был меч. Ну, «был» - не совсем правильное слово. Меч торчал в грудной клетке, проткнутой насквозь, кончик лезвия выразительно утыкался в лопатку.

- Соответствует эпохе Глендауэра, - заметил Ганси, в основном чтобы почувствовать себя собой.

Настала тяжелая тишина. Все смотрели на Ганси. А ему казалось, что он собирается произнести речь перед толпой.

- Так, - наконец сказал он. - Я это сделаю.

- Только быстро, - предупредила Блу. - Мне стремно до чертиков.

Значит, нужный момент настал. Ганси подобрался ближе к облаченному в доспехи телу Глендауэра.

Его руки нависли над шлемом. Сердце колотилось так сильно, что он едва дышал.

Ганси закрыл глаза.

«Я готов».

Он осторожно развязал кожаный ремень под подбородком, затем аккуратно стащил шлем.

Адам резко вдохнул.

А Ганси нет. Он вообще перестал дышать. Он просто стоял как вкопанный, держа в руках шлем своего короля. Потом он велел себе сделать вдох - и сделал. Потом велел выдохнуть - и выдохнул. Впрочем, Ганси не двигался и не говорил ни слова.

Глендауэр был мертв.

57

Кости.

Пыль.

- Он... он и должен так выглядеть? - спросил Генри.

Ганси не ответил.

Нет, Глендауэр не должен был так выглядеть, но тем не менее это не казалось Ганси какой-то ошибкой. Всё случившееся в тот день, по ощущениям, было пережито им раньше, придумано, переделано. Сколько раз Ганси боялся найти Глендауэра и обнаружить, что тот мертв? Единственная разница заключалась в том, что его всегда пугала возможность опоздать совсем чуть-чуть. Прийти через несколько минут, дней, месяцев после смерти короля. Но этот человек был мертв уже несколько веков. Шлем и череп представляли собой просто железо и кости. Гамбезон под доспехами превратился в нитки и пыль.

- Мы... - начал Адам и неуверенно замолчал.

Он коснулся стены гробницы.

Ганси накрыл рот рукой, он боялся, что его дыхание развеет останки Глендауэра. Остальные стояли неподвижно. От шока ни у кого не находилось слов. Ганси искал своего короля дольше, но они надеялись не меньше, чем он.

– Мы должны разбудить его кости? – спросила Блу. – Как тогда, в пещере скелетов?

Адам сказал:

– Я именно это и подумал, но...

Он снова умолк, и Ганси знал почему. Та пещера была полна костей, но в ней сохранялось ощущение чего-то живого. Магия так и трещала в воздухе. Разбудить скелеты животных казалось невероятным, но не невозможным.

– Усилителя снов у меня с собой нет, – заметил Ронан.

– Разбудить. Его. Кости, – эхом повторил Генри. – Не хочу показаться скептиком, раз вы все такие специалисты в этих делах. Но.

Но.

Ронан сказал:

– Ну так давай. Давай закончим побыстрее. Ненавижу это место. Такое ощущение, что оно жрет мою жизнь.

Его горячность помогла Ганси собрать воедино затуманенные мысли.

– Да, – сказал он, хотя не чувствовал ни малейшей уверенности. – Давайте это сделаем. Возможно, пещера костей была просто тренировкой, и Кабесуотер привел нас сюда именно поэтому.

Кости в той пещере ожили ненадолго, но Ганси решил, что это неважно. Им было нужно только, чтобы Глендауэр успел одарить их.

Сердце Ганси на мгновение замерло, когда он подумал, что сейчас попытается одновременно получить королевский дар и обрести смысл существования, прежде чем Глендауэр обратится в пыль.

Всё лучше, чем ничего.

Поэтому они все рассредоточились, как тогда, в пещере со скелетами. Генри встал в сторонке, полный любопытства или тревоги. Адам принялся ощупывать стены гробницы, ища хоть какое-нибудь подобие энергии, которую он мог бы перенаправить. Он двигался кругами и явно был недоволен тем, что ему удавалось найти. Наконец он остановился там же, где и начал, и прижал ладонь к стене.

– Здесь не хуже, чем в других местах, – сказал он, хотя и без особой надежды.

Блу взяла его за руку. Ронан скрестил руки на груди. Ганси осторожно положил ладонь на грудь Глендауэра.

Это казалось каким-то нарочитым. Нелепым. Ганси попытался сконцентрироваться, но он чувствовал себя опустошенным. Ноги у него дрожали, не от страха, не от гнева, но от какого-то более обширного чувства, которое он отказывался признавать горем.

Горе означало бы, что он уже сдался.

- Проснись, - сказал он. И повторил чуть настойчивее: - Проснись.

Но это были просто слова.

- Проснись, - повторил Ганси. - Ну?

Голос - и больше ничего. Vox et praeterea nihil.

Первый момент осознания сменился вторым, потом третьим, и каждая новая минута открывала очередную грань, которую Ганси пока не позволял себе осмыслить. Глендауэр не проснется, значит, не будет дара. Не удастся выпросить у него жизнь Ноя, не удастся прогнать демона. Возможно, с Глендауэром никогда не было связано никакой магии, а его тело привезли в Новый Свет только для того, чтобы уберечь от англичан; возможно, Ганси следовало уведомить историческое сообщество о своей находке, раз ему удалось найти Глендауэра обычными средствами.

Если Глендауэр был мертв всегда, значит, это не он сохранил Ганси жизнь.

Если Ганси спас не Глендауэр, он не знал, кого благодарить, кем быть, как жить.

Все молчали.

Ганси коснулся лба, высокой скулы, лица своего обетованного и погибшего короля. Всё было сухим и серым.

Путь закончился.

Этот человек не мог стать для Ганси ничем.

- Ганси, - позвала Блу.

Каждая минута сменялась следующей, потом еще одной, и так далее, и постепенно до него доходило, проникая в самую глубину души: всё кончено.

Ганси уже сбился со счета, сколько раз ему говорили, что он рожден для великих дел.

Значит... вот и всё?

Они вышли на свет. Хитрая силовая линия украла у них несколько часов, а они и не почувствовали, и теперь они сидели в пыльном Зеленом Доме, всего в паре сотен метров от того места, где умер Ганси. Ганси сидел в бальной зале, прислонившись к стене, в квадрате солнечного света, пробивавшегося сквозь грязные многостворчатые окна. Он тер лоб рукой, хотя вовсе не устал – настолько не устал, что подозревал и в этом фокусы силовой линии.

Всё было кончено.

Глендауэр умер.

Ганси был рожден для величия, говорили ясновидящие. Одна в Штутгарте. Другая в Чикаго. Третья в Гвадалахаре. Еще две в Лондоне. Ну и где оно, это величие? Возможно, Ганси его исчерпал. Или же величие заключалось лишь в способности находить старинные безделушки. Или в том, чем он мог быть для остальных.

– Поехали отсюда, – сказал Ганси.

Они пустились в обратный путь, в Генриетту – две машины держались рядом.

Понадобилось несколько минут, чтобы телефон Ганси зарядился, после того как его воткнули в прикуриватель, и всего несколько секунд, чтобы градом посыпались сообщения. Все эсэмэски, которые пришли, пока Ганси был под землей. О каждой возвещало гудение, телефон не умолкал.

Они пропустили вечеринку в честь предвыборной кампании.

Силовая линия похитила у них не несколько часов, а целый день.

Ганси попросил Блу читать сообщения вслух – до тех пор, пока он не понял, что больше не выдержит. Первые эсэмэски вежливо интересовались, где он. Может быть, он запаздывает на несколько минут? Потом начались тревожные размышления о том, отчего он не отвечает на звонки. Затем раздражение, непонимание. Почему он считает, что уместно опаздывать на школьное мероприятие? А затем, миновав гнев, вспыхнула обида.

«Я знаю, что у тебя своя жизнь, – говорила в автоответчик миссис Ганси. – Но я надеялась хоть несколько часов побыть ее частью».

Ганси почувствовал, как меч пронзил его грудь и прошел насквозь.

В прежние времена он бы вновь и вновь прокручивал в памяти свою неудачную попытку разбудить Глендауэра. А теперь он не мог выкинуть из головы образ родных, которые ждали его в Агленби. Мать думала, что он просто опаздывает. Отец думал, что у него какие-то проблемы. Хелен... Хелен знала,

что Ганси занимается своими делами. Единственная эсэмэска от нее пришла в конце вечера: «Я так понимаю, король всегда побеждает, да?»

Он должен был им позвонить. Но что он мог сказать?

В груди Ганси, в горле, в черепе нарастало чувство вины.

- Знаешь что? - сказал Генри наконец. - Останови. Здесь.

Ганси молча остановил машину возле полянки для пикника, на которую указал Генри, за ними затормозил «БМВ». Они встали на крохотной парковке возле изящного кирпичного домика, в котором находился туалет, больше никого там не было. Солнце сменилось облаками - видимо, собирался дождь.

- Вылезай, - велел Генри.

Ганси посмотрел на него.

- Извини, что?

- Вылезай из-за руля, - сказал Генри. - Я знаю, тебе этого хочется. С той минуты, как мы уехали. Вылезай.

Ганси хотел возразить, но понял, что с трудом складывает слова. Точно так же у него тряслись колени в гробнице, эта дрожь не покидала его.

Поэтому он ничего не сказал и вышел. Очень тихо. Сначала Ганси думал зайти в туалет, но в последний момент свернул на полянку для пикников. Чтобы его не было видно с парковки. Очень спокойно. Он дошел до одной из скамеек, но не стал садиться. Вместо этого Ганси опустился на землю и обхватил голову руками. Он согнулся, сделался таким маленьким, что коснулся лбом травы.

Ганси не помнил, когда в последний раз плакал.

Он оплакивал не только Глендауэра, но и все версии самого себя, какими перебивал за последние семь лет. Ганси, который искал короля с мальчишеским оптимизмом и целеустремленностью. Ганси, который искал его с возрастающей тревогой. Ганси, который должен был умереть. Потому что в этом имелся некий роковой смысл. Нужна была чья-то смерть, чтобы спасти Ронана и Адама. Поцелуй Влу сулил гибель ее любимому. В этом году, согласно предсказанию, жизнь Ганси заканчивалась.

Глендауэр умер. Он всегда был мертвым.

А Ганси, в общем, хотел жить.

Наконец он услышал чьи-то приближающиеся шаги по листьям. Это тоже было ужасно. Он не хотел вставать, демонстрировать остальным свое заплаканное лицо и принимать их жалость; мысль о чужой благонамеренной доброте казалась почти столь же нестерпимой, как и мысль о приближающейся смерти. Впервые Ганси понимал Адама Пэрриша.

Он выпрямился и встал, стараясь сохранять достоинство. Но это была просто Блу, и почему-то Ганси не ощутил ничего унижительного в том, что она видела его побежденным. Она просто смотрела на Ганси, пока он отряхивал с брюк сосновые иголки, а потом, когда он сел на столик для пикника, девушка устроилась рядом и сидела, пока остальные не вышли из машин, чтобы посмотреть, чем они там заняты.

Они выстроились полукругом вокруг его импровизированного трона.

- Кстати о жертве, - сказал Ганси.

Все молчали. Ганси сам не знал, произнес он это вслух или нет.

- Я что-нибудь сказал? - уточнил он.

- Да, - ответила Блу. - Но мы не хотели об этом говорить.

- Извините, если задаю дурацкий вопрос, - вмешался Генри, - но я опоздал на урок. Я так понимаю, твой древесный отец не открыл тебе других способов убить демонов?

- Нет. Только жертва, - сказала Блу и осторожно добавила: - Я думаю.. он, возможно, знал про Глендауэра. Хотя, наверное, не с самого начала. Он, может быть, выяснил это, когда бродил там, внизу, после того как расстался с моей мамой.. ну, или я все-таки ошибаюсь. Но я думаю, что он был одним из магов Глендауэра. Вероятно, и тот, другой.. тоже.

Она имела в виду второй скелет в гробнице. Трудно было не развивать сюжет, который она вообразила себе: как Артемус пытался погрузить Глендауэра в сон, и что-то пошло не так.

- Значит, остается жертвоприношение, - настаивал Ганси. - Если только у Адама нет идеи получше.

Адам, нахмурившись, смотрел на редкие сосны, окружавшие поляну для пикников. Он сказал:

- Я пытаюсь понять, что еще может удовлетворить силовую линию, но «настоящая жизнь в обмен на вынужденную» не оставляет пространства для толкований.

Ганси ощутил в животе укол страха.

- Ну что ж.

- Нет, - сказал Ронан.

Он сказал это без ноты возражения, без гнева, без тревоги. Просто «нет». Констатировал факт.

- Ронан.

- Нет.

Констатация факта.

– Я не для того вытащил тебя из этой дыры, чтобы ты преднамеренно умер.

Ганси ответил тем же тоном:

– Блу видела мой дух на силовой линии. Я уже знаю, что умру в пределах года. Бритва Оккама подсказывает нам простейший выход: мы соглашаемся, что жертвой буду я.

– Блу – что? – спросил Ронан. – И когда же ты собиралась мне об этом сказать?

– Никогда, – ответила Блу.

Она сказала это без ноты возражения, без гнева, без грусти. Просто «никогда». Констатировала факт.

– И не надо на меня так смотреть, – потребовал Ганси. – Я не желаю умирать. Вообще-то мне дико страшно. Но я не вижу других вариантов. И дело в том, что я хочу чего-то добиться, прежде чем умру. Я думал, это будет связано с Глендауэром. Но, очевидно, нет. Значит, с тем же успехом я могу сделать что-нибудь осмысленное. И... достойное короля.

Это прозвучало слегка театрально, но ведь и вся ситуация была как в театре.

– По-моему, ты пугаешь короля с мучеником, – заметил Генри.

– Я готов рассмотреть другие варианты, – сказал Ганси. – На самом деле я бы их и предпочел.

Блу коротко спросила:

– Мы твои маги, так?

Да, его маги, его придворные – сподвижники бесполезного короля, который ничего не мог им предложить, кроме биения сердца. Каким же правильным казалось, что он всех их повстречал. И как он был уверен, что их ждет нечто большее, чем даже эта минута.

– Да, – ответил Ганси.

– Просто... мне кажется, мы все должны в этом участвовать, как в той пещере с костями, – продолжала Блу. – В гробнице ничего не вышло, потому что, для начала, там не было жизни. Ну, или еще чего-то существенного. Не было энергии. Но если бы мы правильно сложили все фрагменты?

Ганси сказал:

– Я недостаточно хорошо понимаю магию.

Ронан произнес:

- Пэрриш понимает.

- Нет, - возразил Адам. - Сомневаюсь.

- Лучше, чем мы, - сказал Ронан. - Дай нам какую-нибудь идею.

Адам пожал плечами. Он стоял, сцепив руки с такой силой, что костяшки побелели.

- Как вариант... - начал он и замолчал. - Как вариант, ты мог бы умереть, а потом ожить. Если мы при помощи Кабесуотера убьем тебя каким-нибудь способом, который не нанесет вреда телу, тогда он остановит время... типа 6:21. Одна и та же минута будет повторяться снова и снова, так что ты не успеешь... я не знаю... отойти слишком далеко от тела. Умереть окончательно. А потом... - Ганси понимал, что Адам выдумывал это прямо на ходу, сочиняя правдоподобную сказку для Ронана. - Но это должно произойти в Кабесуотере. Я войду в пространство снов, Блу усилит его, и во время очередного скачка времени мы велим твоей душе вернуться в тело, прежде чем ты успеешь по-настоящему умереть. Таким образом, ты исполнишь условие - принесешь себя в жертву и умрешь. Никто не говорит, что ты обязан оставаться мертвым.

Повисло долгое молчание.

- Да, - сказал Ганси, констатируя факт. - Похоже, ты прав. По-твоему, это достойно короля, Ронан? Не похоже на мученичество, Генри?

Оба не то чтобы радовались, но, кажется, были готовы рискнуть - а больше ничего и не требовалось. Иногда достаточно не верить, но хотя бы хотеть верить.

- Поехали в Кабесуотер, - сказал Ганси.

Они едва успели двинуться к машинам, когда Адам вдруг напал на Ронана.

59

Он далеко не сразу понял, что Адам его убивает.

Руки Адама обхватили Ронана за шею, добела вдавив большие пальцы в артерии, так что у того закатились глаза. Перед ними замелькали пятна света: тело пробыло без воздуха всего минуту и уже скучало по нему. Ронан чувствовал биение пульса у себя в глазных яблоках...

- Адам? - спросила Блу.

Отчасти Ронану всё еще казалось, что это ошибка.

Его дыхание оборвалось, когда они оба, спотыкаясь, отступили сквозь сосны, окружавшие поляну для пикников. Остальные двигались вокруг, но Ронан не мог сосредоточиться на том, что они делали.

– Отбивайся, – прорычал Адам, тихо, отчаянно, как животное, которое тащат за шкуру.

Но в то же самое время, как его голос протестовал, тело вlepило Ронана спиной в ствол сосны.

– Ударь меня. Оглуши!

Демон. Демон завладел его руками.

Сердце Ронана напоминало поезд, сходящий с рельсов: каждое биение приближало катастрофу. Он схватил Адама за запястья. Они казались хрупкими, ломкими, холодными. Выбор был – умереть или причинить боль Адаму. То есть, по сути, выбора не было.

Адам внезапно выпустил его и рухнул на колени, потом поспешно поднялся. Генри отпрянул, когда Адам прыгнул на него, целясь в лицо – пугающе непривычным движением. Никакой человек не мог драться так, но существо, которое завладело глазами и руками Адама, не было человеком.

– Остановите меня! – взмолился Адам.

Ганси поймал его за кисть, но Адам с легкостью высвободился. Он запустил пальцы в ухо Ронана, а второй рукой ухватил за челюсть и рванул в другую сторону. Его неподвижный взгляд был устремлен влево – Адам ждал, когда ему наконец помешают.

«Остановите меня...»

Боль напоминала рваную бумагу. Ронан подумал, как это мучительно, потом позволил себе еще одну порцию боли, и вырвался из хватки Адама. В ту же секунду, воспользовавшись возможностью, Блу метнулась вперед и ухватила Адама за волосы. Адам немедленно развернулся к ней и точным движением, словно полоснув бритвой, вскрыл шов у нее на лице.

Блу испуганно выдохнула, когда кровь черной струйкой вновь потекла по веку. Ганси оттащил девушку, прежде чем Адам успел нанести очередной удар.

– Просто ударьте меня! – с мукой крикнул тот. – Не позволяйте мне это делать!

Казалось бы, что тут сложного? Их было четверо, Адам один. Но никто не хотел причинять боль Адаму Пэрришу, вне зависимости от того, насколько жестоко он себя вел. А демон, управлявший руками Адама, обладал суперспособностью: его не интересовали физические ограничения человека, которому эти руки принадлежали. Его не волновала боль. И сохранность тела – тоже. Поэтому кулак Адама просвистел мимо Ронана и без малейших

колебаний врезался в ствол сосны, хотя Адам и охнул. Дыхание повисало в воздухе белыми клубами, напоминая облака пыли.

- Он ему руки переломает! - воскликнул Ронан.

Блу схватила Адама за запястье. Послышался жуткий шелчок, когда Адам развернулся в противоположную сторону и выхватил нож у нее из отвисшего кармана свитера. Лезвие выскочило.

Теперь все взгляды были устремлены только на него.

Вращающиеся глаза Адама, которыми управлял демон, сосредоточились на Ронане.

Но Адам - настоящий Адам - еще не потерял контроля. Он швырнул свое тело прочь от остальных и ударился о скамейку, потом еще раз, пытаясь выбить у самого себя нож. Однако когда ему удалось прижать собственным телом кулак с ножом, взметнулась вторая рука. Быстрая, как кошачья лапа, она принялась царапать лицо Адама. Немедленно бусинами выступила кровь. Рука принялась рвать сильнее. Она наказывала Адама.

- Нет, - сказал Ганси.

Он не мог этого вынести и подбежал к Адаму. Как только он начал ловить разбушевавшуюся руку, за ним последовал Генри. Поэтому он оказался рядом, когда Адам занес нож над Ганси, и успел поймать Адама обеими руками за запястье. Налегая всем весом, Генри пытался справиться с его правой рукой. Глаза Адама бешено заметались, прикидывая следующее движение. Следующий ход демона.

Адам думал только о своей независимости.

После того как он дернул рукой, за которую цеплялся Генри - «Легче, идиот, ты ее сломаешь!» - и врезал кулаком Ганси по зубам - «Всё нормально, Адам, мы знаем, что это не ты!», - Ронан обхватил Адама сзади, прижав ему локти к бокам.

И удержал.

- Forsan et haec loim miminisse invabit, - сказал он в здоровое ухо Адама, и тот обмяк, тяжело дыша. Руки у него по-прежнему подергивались и напрягались, пытаясь нанести удар. Адам выдохнул:

- Ты придурок! - Но Ронан понял, что он на грани слез.

- Давайте его свяжем, пока мы не разобрались, в чем дело, - предложила Блу. - Кто-нибудь... о, какая ты умница, спасибо.

Девочка-Сирота уже поняла, чем всё это закончится, и принесла длинную красную ленту неизвестного происхождения. Блу взяла ее и втиснулась между Генри и Ганси.

- Подвиньтесь... и сведите ему руки вместе.

- Нет, президент, - тяжело дыша, выговорил Генри. - Крест-накрест. Ты что, детективы не смотрела?

Блу переплела пальцы Адама, что потребовало некоторых усилий, поскольку они по-прежнему жили собственной жизнью, затем связала продолжавшие сопротивляться запястья. Она по всей длине обмотала их лентой и затянула узел. Плечи у Адама всё еще подергивались, но он не мог расцепить пальцы, потому что они были сплетены вместе и связаны.

Наконец настала тишина.

С глубоким вздохом Блу отступила. Ганси осторожно коснулся ее окровавленного лба, потом посмотрел на костяшки Генри, которые тот где-то умудрился ободрать.

Руки Адама перестали дергаться - демон убедился, что они надежно обездвижены. Его голова горестно покоилась на плече Ронана; Адам дрожал всем телом и удерживался на ногах только потому, что Ронан не позволял ему упасть. В нем заново расцветал ужас. Он осознавал постоянство всего этого - искажений Адама Пэрриша, смерти Глендауэра...

Девочка-Сирота подобралась ближе. Она осторожно сняла грязные часы и кое-как нацепила их на запястье Адама, выше ленты, которой он был связан. Потом она поцеловала ему руку.

- Спасибо, - безжизненно произнес он. И добавил негромко, обращаясь к Ганси: - Слушайте, я вполне могу быть жертвой. Я конченный человек.

- Нет, - хором ответили Блу, Ганси и Ронан.

- Давай не будем сходить с ума только потому, что ты попытался кого-то убить, - произнес Генри и облизнул окровавленные костяшки.

Адам наконец поднял голову.

- Тогда лучше завяжите мне глаза.

Ганси удивленно спросил:

- Зачем?

- Затем, что иначе они вас предадут, - с горечью ответил Адам.

Она вовсе не собиралась становиться международным торговцем произведениями искусства и отчасти главой криминальной организации. Всё началось как простое желание «чего-то большего», а затем пришло медленное осознание того, что «чего-то большего» невозможно достигнуть имеющимися способами. Она вышла замуж за умного человека, с которым познакомилась в Гонконге, у нее было несколько смысленных детей, которые, в общем, пошли в отца, кроме одного. Она знала, как будет развиваться ее жизнь.

Тогда она сошла с ума.

Это не было долгое безумие. Примерно год припадков и видений – когда ее находили, она блуждала по улицам. Вынырнув на другой стороне, она поняла, что у нее глаза ясновидящей и руки шамана; тогда она решила сделать на этом карьеру и взяла имя Сондок. Так родилась легенда.

Каждый день она торговала чудесами.

Увидев пчелу-робота, она поняла, что встала на предначертанный ей путь. Генри, ее средний сын, сиял ярко, но, казалось, не был способен вывести этот свет за пределы себя. Поэтому, когда Ниалл Линч предложил ей найти какой-нибудь пустячок, амулет, волшебную игрушку, чтобы помочь ему, она прислушалась. Прекрасная пчела поразила Сондок, как только она ее увидела. Разумеется, Линч также показал пчелу Ломоньеру, Гринмантлу, Валкесу, Маккею и Си, но ничего другого и не следовало ожидать, потому что он был негодяем и ничего не мог с собой поделывать. Но, познакомившись с Генри, он позволил Сондок забрать пчелу практически задаром – и она этого не забывала.

Разумеется, подарок содержал в себе проблему, потому что потом ради этой пчелы Ломоньер похитил Генри.

Она должна была отомстить.

Но Сондок не жалела о случившемся. Она никогда не могла заставить себя пожалеть об этом, даже если ее дети оказывались под угрозой. Она шла путем, назначенным судьбой, и чувствовала, что всё правильно, пускай идти было нелегко.

Оказавшись рядом с Серым Человеком, давним наемником Гринмантла, на парковке возле Академии Агленби, и, выяснив, что кровь на его ботинках принадлежит Ломоньеру, Сондок сразу заинтересовалась, что же он ей скажет.

– Прекрасный новый способ делать дела, – негромко произнес Серый Человек, когда парковка начала быстро заполняться небольшим, но убедительным числом людей непривлекательного вида.

Они не то чтобы угрожающе выглядели. Совсем нет. Просто странно. Их облик намекал, что они смотрят на мир совсем не так, как ты. Это была совсем иная компания, нежели та, которая собралась в Агленби накануне вечером. Но теоретически оба мероприятия были связаны с политикой.

- Очень этично. Возле мебельных магазинов не ставят вооруженных охранников, чтобы кто-нибудь не вынес кушетку, оглушив продавца. Мне нравится этот способ.

- Задача будет непростая, - ответила Сондок, тоже понизив голос.

Она не сводила глаз с подъезжавших машин и со своего телефона. Она знала, что Генри велели держаться подальше, и не сомневалась, что он никуда не будет соваться, но Сондок ничуть не доверяла Ломоньеру. Не стоило искушать их, показывая, что Генри, а следовательно, и его пчела находятся в пределах досягаемости.

- Эти люди привыкли выносить кушетки, и никто не хочет первым останавливаться, в то время как остальные еще не согласились прекратить.

- Возможно, поначалу потребуется убеждение, - признал Серый Человек.

- Уйдут годы.

- Но я заинтересован, - заверил он. - Только бы найти достаточное количество людей, которым понравится эта концепция. И которые нравятся мне.

Наконец-то появился Ломоньер. Один из них прижимал к уху телефон. Судя по выражению лица, он пытался связаться с третьим, но третий был не в состоянии ответить. Серый Человек собирался обсудить это с оставшимися двумя после заключения сделки. Весьма убедительно, с применением кое-какого невероятного оружия, которое он нашел на ферме Линчей.

Сондок сказала:

- Я не из тех, кто вам нравится.

- Вы из тех, кого я уважаю, а это почти то же самое.

Судя по улыбке, она прекрасно понимала, что он к ней подлизывается, но тем не менее Сондок не стала возражать.

- Возможно, мистер Грей. Это отвечает моим интересам.

И тут появилась Пайпер Гринмантл.

Ну, не совсем так. Первым возник страх, а затем Пайпер. Это ощущение охватило их как приступ дурноты, поднявшийся от ног к голове. Он заставил руки взлететь к горлу, а колени потянуться к асфальту. Несмотря на довольно ранний час, небо внезапно потемнело. Это был первый признак, что сделка предстоит примечательная.

Итак, сначала страх, затем Пайпер. Она явилась, прилетев по воздуху - и это был второй признак.

Когда она приземлилась, стало очевидным, что ее принес ковер крошечных черных ос, который растворился, едва коснувшись асфальта.

Выглядела она очень хорошо.

Это было удивительно по нескольким причинам: во-первых, поскольку прошел слух, что она умерла еще до того, как ее мерзкого муженька зажалили осы в собственной квартире. Но Пайпер была очевидно жива. Во-вторых, потому, что она держала в руках черную осу длиной в полруки – а большинство людей не способны выглядеть спокойно и хладнокровно, держа в руках кусачее насекомое любого размера.

Пайпер подошла к Ломоньеру, явно надеясь чмокнуть их в щеку, но оба попятнулись от осы. И это был третий признак того, что произойдет нечто неожиданное, поскольку Ломоньер обычно старался ни при каких условиях не выказывать тревоги.

– Хорошего мало, – тихо произнес Серый Человек.

Теперь было очевидно, что страх исходил то ли от Пайпер, то ли от осы. Это ощущение продолжалось болезненными волнами наплывать на Сондок, мучительно напоминая ей о годе безумия. Она не сразу поняла, что оно буквально напоминало ей об этом годе – Сондок слышала слова, которые звучали у нее в голове. На корейском.

– Спасибо, что вы все приехали, – торжественно сказала Пайпер.

Она склонила голову набок, прищурил глаза, и Сондок поняла, что ей тоже что-то нашептывают.

– Теперь, став свободной, я хочу независимо вступить в торговлю элитными магическими артефактами. Я буду подбирать только самые необычные, самые сверхъестественные штуковины. Надеюсь, вы все начнете доверять мне как надежному источнику. И наш стартовый лот, ради которого вы проделали такой путь, – вот он.

Она подняла руку, и оса сделала маленький шаг вперед. Толпа дружно вздрогнула, во всем этом было что-то не то. Страх, плюс размер... вес странного насекомого, под которым собиралась в складки ткань рукава Пайпер.

– Это демон.

Да. Сондок ей поверила.

– Он одарил меня, как вы, вероятно, видите по моим прекрасным волосам и коже, но я готова передать его следующему владельцу и отправиться на поиски нового прекрасного артефакта! Суть ведь в том, чтобы постоянно двигаться дальше, не так ли? Именно так!

– Это... – начал один из мужчин.

Кажется, его звали Родни. И он, очевидно, не знал, как закончить вопрос.

– Как эта штука работает? – спросила Сондок.

- В основном я просто прошу его сделать что-нибудь, - ответила Пайпер, - и он делает. Я сама не особо верующая, но, мне кажется, человек из религиозной среды мог бы заставить его проделывать какие-нибудь очень клевые фокусы. Он создал для меня дом и эти туфли. Что он сделает для вас? Что хотите. Начнем торги, папа?

Ломоньер еще не вполне пришел в себя. Проблема заключалась в том, что в присутствии демона человек чувствовал себя всё хуже. Он не привыкал к нему, а наоборот. Вот что это было за ощущение. Рана, которая уже не ныла, а горела. Шепот демона казался невыносимым, потому что это был не вполне шепот. Скорее, мысли, которые беспомощно сплетались с мыслями самого человека, и расставить их по порядку не удавалось. Впрочем, Сондок пережила год безумия, и она справилась. Не так уж сложно было понять, какие именно мысли принадлежали демону - самые уродливые, повернутые задом наперед, неизбежно уничтожавшие того, в чьей голове они поселились.

Несколько человек в задних рядах отделились от остальных - они молча направились к своим машинам, понимая, что ситуация вот-вот выйдет из-под контроля. Еще больше. Совсем.

- Эй! - крикнула Пайпер. - Не смейте вот так уходить! Демон!

Оса шевельнула усиками, и люди дернулись в такт. Они повернулись, широко распахнув глаза.

- Вот видите, - сквозь зубы произнесла Пайпер. - Это очень удобно.

- Я думаю, - осторожно сказал Ломоньер, посмотрев на застывших покупателей, потом на остальных и, наконец, на дочь, - я думаю, что, возможно, это не лучший способ продемонстрировать данный товар.

Он имел в виду, что демон всех перепугал; людям трудно было избавиться от мысли, что они могут умереть в любой момент, а это вредило делу, как в настоящем, так и в будущем.

- Не надо пассивной агрессии в мой адрес, - предупредила Пайпер. - Я прочитала статью про то, как ты буквально всю жизнь расшатывал мою личность, и это - яркий пример.

- Нет, это - яркий пример того, что ты ни в чем не разбираешься, - сказал Ломоньер. - Твои амбиции постоянно опережают знание! Ты понятия не имеешь, как передать демона другому владельцу!

- Я пожелаю это узнать, разве ты не понимаешь? - спросила Пайпер. - Он обязан мне служить! Он должен делать то, что я велю.

Но Сондок сомневалась, что это одно и то же.

- Ты так думаешь? - спросил Ломоньер. - Ты контролируешь его или он контролирует тебя?

- Ой, ради бога, - сказала Пайпер. - Демон, разморозь их! Демон, пусть светит солнце! Демон, пусть моя одежда станет белой! Демон, делай, что я говорю, делай, что я говорю!

Люди задвигались, небо на мгновение сделалось ослепительно белым, одежда Пайпер посветлела. Демон, жужжа, взвился в воздух. Шепот в голове Сондок стал настойчивее.

Ломоньер выстрелил в дочь.

Глушитель превратил выстрел в негромкое «умпф». Ломоньер, казалось, был потрясен. Оба ничего не сказали – только посмотрели на тело Пайпер, а потом на демона, который нашептал им это.

И тут все пустились бежать. Если уж Ломоньер застрелил родную дочь, могло случиться вообще что угодно.

Демон приземлился на рану на шее Пайпер, погрузив лапки в кровь, и склонил голову к отверстию от пули.

Он менялся. Она менялась. Всё вокруг было: уничтожение, жестокость и искажение.

– Позвоните мне, – сказала Сондок Серому Человеку. – Выбирайтесь отсюда.

Крик Пайпер прозвучал задом наперед. Сондок не знала, что она была еще жива.

Кровь у нее на шее стала черной.

Честолюбие жадность ненависть жестокость презрение честолюбие гнев
ненависть жестокость презрение

Пайпер умерла.

Демон начал подниматься в воздух.

«Разрушитель, разрушитель, я пробуждаюсь, я пробуждаюсь, я пробуждаюсь».

61

Адам никак не мог понять, то ли это правда было худшим событием в его жизни, то ли просто так казалось, потому что совсем недавно он буквально плясал от радости, и теперь его шарахнуло контрастом.

Он сидел на заднем сиденье «БМВ», по-прежнему связанный, с закрытыми глазами, глухой на одно ухо. Происходящее казалось нереальным. Он устал, но не хотел спать: Адама утомили попытки бороться с собственными органами чувств. Демон время от времени дергал ленту – кожа Адама горела от боли – и вращал его глазами. Блу сидела рядом, а Девочка-Сирота – с другой

стороны (ее попросил Адам). Он не знал, сумеет ли избавиться от ленты, но понимал, что демон причинит вред Блу только в попытке добраться до Ронана или Девочки-Сироты. Так что, по крайней мере, они получают предупреждение, если это опять произойдет.

«Боже, боже». Он чуть не убил Ронана. Он убил бы его. Совсем недавно он обнимался с Ронаном и тем не менее задушил бы его у себя на глазах.

Как он пойдет в школу? Как будет жить дальше...

Дыхание выдало Адама – Блу прислонилась к его плечу.

– Не надо... – предупредил он.

Она подняла голову, но тут же Адам ощутил ее пальцы у себя в волосах – она ласково погладила их, потом коснулась щеки, которую он сам себе разбил. Блу ничего не сказала.

Он закрыл глаза под повязкой, прислушиваясь к медленному стуку дождя по ветровому стеклу, к шуршанию щеток. Он понятия не имел, далеко ли до Кабесуотера.

Почему он не сумел придумать, как избежать жертвоприношения? Ганси торопился только из-за него, поскольку сделка Адама с Кабесуотером превратила ситуацию в экстренную. Так или иначе, Адам в любом случае убивал Ганси, совсем как в том видении. Пускай не напрямую, косвенным образом, но, в конце концов, причиной послужил Адам. Невозможно было отрицать, что именно из-за него происходящее стало кошмаром.

Внутри зашипело какое-то неприятное ощущение – не понять, то ли муки совести, то ли предостережение от Кабесуотера.

– Что это? – донесся спереди голос Ганси. – Там, на дороге.

Блу отодвинулась от Адама, просунула голову между передними сиденьями и с сомнением спросила:

– Это... кровь?

– Откуда? – спросил Ронан.

– Вероятно, ниоткуда, – ответил Ганси. – Она настоящая?

Ронан сказал:

– Дождь на нее падает.

– Нам... можно ехать по ней? – уточнил Ганси. – Блу, как там выглядит лицо Генри? Тебе видно?

Адам почувствовал, как Блу коснулась его, когда повернулась, чтобы посмотреть на ехавшую следом машину. Его ненасытные руки напряглись и дернулись. Демон был... близко.

Блу сказала:

- Дай мне мобильник. Я позвоню маме.

- Что происходит? - спросил Адам.

- Дорогу затопило, - ответила Блу. - Но похоже на кровь. И в ней что-то плавает. Что это, Ганси? Это... лепестки? Синие лепестки?

В машине настало тяжелое молчание.

- Тебе не кажется иногда, что всё движется по кругу? - негромко спросил Ронан. - Ты..

Он недоговорил. В машине вновь стало тихо. Никто не двигался. Очевидно, Ронан не знал, ехать или не ехать через затопленную дорогу. Стучал дождь. Щетки на ветровом стекле снова начали щелкать и вздыхать.

- Наверное... Господи. - Ганси помолчал. - Господи. Ронан?

В его словах слышался ужас.

- Ронан? - повторил Ганси.

Послышался металлический стук. Скрип сиденья. Шарканье. Машина качнулась под ними - так энергично задвинулся Ганси. Ронан по-прежнему не отвечал. Послышался глухой рык. Мотор. Ронан жал на газ, а машина не слушалась.

Болезненное предчувствие внутри Адама переросло в тревогу.

Рев вдруг прекратился - мотор заглох.

- О нет, - сказала Блу. - Нет, нет... и девочка тоже!

Она быстро отодвинулась от Адама, он услышал, как девушка распахнула дверцу с другой стороны. В машину просочился холодный влажный воздух. Открылась вторая дверь, потом третья. Все, кроме той, что была рядом с Адамом. Снаружи послышался голос Генри, низкий, серьезный, без доли шутки.

- Что происходит? - спросил Адам.

- А мы можем... - Голос Блу, на грани слез, тоже исходил снаружи, со стороны водительского сиденья. - Мы можем отцепить от него эту штуку?

- Не надо, - выдохнул Ронан. - Не трогайте... не...

Водительское кресло качнулось назад так сильно, что стукнуло Адама по коленям. Он услышал звук, который несомненно был судорожным вдохом Ронана.

- О господи, - снова сказал Ганси. - Скажи мне, что я могу сделать.

Кресло снова дернулось. Адам вцепился в сиденье под собой – почти помимо воли. Что бы там ни происходило, его руки хотели, чтобы это произошло быстрее. И тут зазвонил мобильник Ронана. Он звонил и звонил, издавая низкий глухой звук, который означал Диклана.

Самым скверным было, что Адам понял: что-то случилось с Мэтью. Нет, самым скверным было, что Адам ничего не мог с этим поделать.

– Ронан, Ронан, не закрывай глаза, – сказала Блу.

Она плакала.

– Я звоню.. звоню маме.

– Эй, осторожно! – крикнул Ганси.

Вся машина закачалась.

Генри спросил:

– Что это?

– Штука из сна, – ответил Ганси. – Он принес ее, когда вырубился. Нас она не тронет.

– Что происходит? – спросил Адам.

Ганси ответил – негромко и тоскливо. Голос у него обрывался:

– Ронана развоплощает.

62

Аон-то думал, что самой скверной в его жизни была предыдущая минута.

Нет, гораздо хуже было сидеть ослепленным и связанным на заднем сиденье машины и сознавать, что эти негромкие задыхающиеся звуки издает Ронан Линч, который судорожно пытается глотнуть воздуха всякий раз, когда возвращается в сознание.

Большую часть Ронана составляла напускная храбрость, а теперь ее не осталось.

А Адам представлял собой оружие, предназначенное для того, чтобы убить его побыстрее.

Ему казалось, что он заключил сделку с Кабесуотером давным-давно. «Я буду твоими глазами. Я буду твоими руками». Как испугался Ганси – возможно, он был прав. Потому что здесь и сейчас Адам лишился всех вариантов. Его за просто сделали беспомощным.

Теперь мысли Адама представляли собой поле боя, и он сбежал в черноту повязки на глазах. Это была рискованная игра – гадать, когда Кабесуотер находился в опасности, когда все остальные просто не успели бы заметить, если бы он вдруг тоже начал умирать, сидя в машине. Но не было другого способа пережить мучительные вздохи Ронана, слышавшиеся так близко.

Адам покатился далеко и стремительно, направляя подсознание прочь от конкретных мыслей – как можно дальше от реальности, как можно быстрее. От Кабесуотера осталось совсем немного. В основном тьма. Возможно, он не найдет обратную дорогу к своему искаженному телу. Возможно, он заблудится, как...

Персефона.

ПЕРСЕФОНА

Как только Адаму на ум пришло ее имя, он понял, что она рядом. Он не мог сказать, откуда знал это, поскольку не видел Персефону. Да и вообще ничего не видел. Адам понял, что прекрасно ощущает ткань повязки на глазах и тупую боль в пальцах, переплетенных друг с другом и сдавленных. Прекрасно ощущает физическую реальность. Находится в своем бесполезном теле.

– Ты пихнула меня обратно, – с упреком произнес он.

«Типа того, – отозвалась Персефона. – Но ты сам позволил это сделать».

Он не знал, что сказать. Адам до боли обрадовался, вновь ощутив ее присутствие. Персефона, загадочная Персефона отнюдь не была существом, созданным для того, чтобы дарить утешение. Но ее фирменный здравый смысл, и мудрость, и правила утешали его, когда он становился хаосом; и пусть даже Персефона еще практически ничего не сказала ему, простое воспоминание о прошлом наполнило Адама невероятным восторгом.

– Я гибну.

«М-м».

– Это я виноват.

«М-м».

– Ганси был прав.

«М-м».

– Перестань мычать!

«А ты тогда перестань говорить вещи, которые тебе надоело повторять еще месяц назад».

– Но мои руки. Мои глаза.

Он сказал это и почувствовал их. Цепляющиеся пальцы. Закатывающиеся глаза. Гибель Ронана приводила их в восторг. Они этого и добивались. Как же им хотелось ускорить ужасный процесс...

«С кем ты заключил договор?»

– С Кабесуотером.

«Кто пользуется твоими руками?»

– Демон.

«Это не одно и то же».

Адам не ответил. Вновь Персефона давала совет, который звучал отлично, но в реальном мире оказывался неприменим. Это была теоретическая мудрость, а не руководство к действию.

«Ты заключил сделку с Кабесуотером, а не с демоном. Пусть даже они выглядят одинаково и одинаково ощущаются, они не одно и то же».

– Они ощущаются одинаково.

«Они не одно и то же. Демон не имеет на тебя прав. Ты его не выбирал. Ты выбрал Кабесуотер».

– Я не знаю, что делать.

«Знаешь. Продолжай выбирать Кабесуотер».

Но Кабесуотер умирал. Вскоре не останется никакого Кабесуотера и нечего будет выбирать. Вскоре останутся только сознание Адама, тело Адама и демон. Он не стал говорить это вслух. А зачем? Здесь и сейчас его слова и мысли представляли собой одно и то же.

«От этого ты не станешь демоном. Ты будешь одним из тех богов, у которых нет волшебной силы. Как они там называются?»

– Сомневаюсь, что есть такое слово...

«Король. Кажется. Ну, мне пора».

– Персефона... пожалуйста! Я...

... скучаю по тебе.

Он был один; она пропала. Адам, как всегда, остался, в равной мере чувствуя спокойствие и неуверенность. Казалось, он знал, как двигаться дальше, но сомневался, что у него хватит сил. Однако на сей раз Персефона

проделала чертовски долгий путь, чтобы дать ему урок. Адам понятия не имел, сможет ли она увидеться с ним еще когда-нибудь, и не желал ее подводить.

Вот в чем заключалась правда: если подумать обо всем, что он любил в Кабесуотере, было совсем не трудно заметить разницу между ним и демоном. Они росли из одной почвы, но ничуть не походили друг на друга.

«Эти глаза и руки – мои», – подумал Адам.

Никаких доказательств не потребовалось. Как только Адам поверил собственным словам, это стало фактом.

Он повернул голову и сдвинул повязку с глаз.

И увидел конец света.

63

Демон медленно трудился над существом сновидца.

Сновидцев было трудно уничтожить. Большая их часть существовала вне физического тела. Столько замысловатых элементов запутывалось среди звезд и переплеталось с корнями деревьев. Столько текло по рекам и витало в воздухе, среди дождевых капель.

Сновидец боролся.

Сутью демона были уничтожение и пустота, а сутью сновидцев – полнота жизни и творчество. У этого сновидца – нового короля в своем придуманном королевстве – всё перечисленное было доведено до предела.

Он сражался.

Демон продолжал удерживать его без сознания – и во время этих коротких вспышек тьмы сновидец цеплялся за свет, а когда ненадолго приходил в себя, то превращал сны в реальность. Он придавал им вид крылатых созданий, летящих к земле звезд, пылающих корон, золотых нот, которые пели сами собой, листьев мяты, рассеянных по окровавленному асфальту, обрывков бумаги, на которых неровным почерком было написано: *Unguibus et rostro.*

Но он умирал.

Хотеть жить, но принять смерть, чтобы спасти других – вот что такое смелость. Вот в чем заключалось величие Ганси.

– Это должно произойти сейчас, – сказал он. – Я должен принести жертву.

И в этом была несомненная красота. Ганси не хотел умирать, но, по крайней мере, он принимал смерть ради своей названной семьи. По крайней мере, он принимал смерть ради тех, кто, как он знал, будет по-настоящему жить. По крайней мере, он не умирал бессмысленно, от осинового яда. По крайней мере, на сей раз это было зачем-то нужно.

Вот где ему предстояло умереть – на склоне, усыпанном дубовыми листьями. Выше на холме паслись черные коровы, помахивая хвостами. Порывами налетал дождь. Трава была удивительно зеленой для октября, и этот взрыв цвета посреди осенней листвы делал холм похожим на картинку с календаря. На несколько миль вокруг не было ни души. Единственное, что казалось здесь неуместным – это засыпанная цветами река крови поперек извилистого шоссе. И молодой человек, умирающий в машине.

– Но до Кабесуотера далеко! – сказала Блу.

У Ронана вновь зазвонил мобильник. Диклан, Диклан, Диклан. Всё и везде распадалось на части.

Ронан ненадолго вернулся в сознание – глаза у него почернели, из руки высыпалась горсть мерцающих камешков, которые покатались по окровавленному асфальту. Ужасно, но Девочка-Сирота, сидя сзади, тупо смотрела в пространство, и из уха у нее медленно текло что-то черное. Заметив взгляд Ганси, она одними губами, без единого звука произнесла: «Керау...»

– Мы на силовой линии?

Важным было лишь одно: находиться на силовой линии, чтобы жертвоприношение имело силу.

– Да, но мы далеко от Кабесуотера! Ты умрешь просто так!

Одним из главных достоинств Блу Сарджент было то, что она никогда не переставала надеяться. Ганси сказал бы это ей, но знал, что она расстроится еще сильнее. Он произнес:

– Я не могу смотреть, как Ронан умирает, Блу. И Адам... и Мэтью... и всё вот это. Ничего другого нам не осталось. Ты уже видела мой дух. Ты уже знаешь, какой выбор мы сделали!

Блу закрыла глаза, и из них выкатились две слезы. Она не плакала громко, ничем не намекала, что хочет услышать от него что-то другое. Она была полна надежды, но в то же время и благоразумия.

- Развяжите меня, - потребовал Адам с заднего сиденья. - Если вы намерены это сделать, то, ради бога, развяжите меня.

Повязка сползла с его лица, и он смотрел на Ганси - своими глазами, не глазами демона. Грудь Адама быстро поднималась и опускалась. Ганси знал: если бы существовал какой-то другой способ, Адам сказал бы ему.

- Это безопасно? - спросил Ганси.

- Как сама жизнь, - ответил Адам. - Развяжи меня.

Генри ждал, когда понадобится что-нибудь сделать - он явственно не понимал, как осмыслить происходящее, не имея конкретного задания, - поэтому он тут же принялся развязывать Адама. Сбросив с покрасневших запястий ленту, Адам сначала коснулся макушки Девочки-Сироты и шепнул:

- Всё будет хорошо.

А потом вылез из машины и встал перед Ганси. Что они могли сказать друг другу?

Ганси и Адам стукнулись костяшками и кивнули. Это было глупо и неуместно.

Ронан ненадолго выкарабкался из забытья; из машины залпом вылетели цветы - синие, такого оттенка, какого Ганси никогда не видел. Ронан сидел неподвижно, как всегда после сна, и из одной ноздри у него медленно текло что-то черное.

Ганси никогда не признавал в полной мере, что это значило для Ронана - жить со своими кошмарами.

Теперь он понял.

Времени не было.

- Спасибо за всё, Генри, - сказал Ганси. - Ты настоящий принц.

Лицо Генри оставалось отрешенным.

Блу сказала:

- Как же я этого не хочу...

Но это должно было случиться. Ганси почувствовал, как скользит время - в последний раз. Ему показалось, что он уже проделывал это раньше. Он осторожно коснулся тыльными сторонами ладоней лица Блу. И шепнул:

- Всё будет хорошо. Я готов. Блу, поцелуй меня.

Дождь стучал вокруг, поднимая с асфальта черно-красные всплески и заставляя лепестки шевелиться. Воплощенные грезы недавно исцеленного воображения Ронана громоздились у них под ногами. Под дождем всё пахло осенними горами – дубовыми листьями и сеном, озоном и развороченной землей. Здесь было прекрасно, и Ганси так тут нравилось. Прошло много времени, но он в конце концов оказался именно там, где хотел.

Блу поцеловала его.

Он достаточно об этом грезил, и вот оно произошло, обрело жизнь. В другом мире всё было бы просто: девушка легонько прижимается губами к губам юноши, и только. Но в этом мире Ганси сразу же ощутил эффект. Блу, зеркало, усилитель, странная душа, получеловек-полудерево, существо, сквозь которое текла магия. И Ганси, некогда воскрешенный силовой линией, получивший новое сердце. Тоже зеркало. Они оказались направлены друг на друга, и слабейший должен был пасть.

Ганси подарили сердце. Оно не выросло в нем.

Он отстранился.

Громко, уверенно, голосом, который не оставлял места сомнениям, он произнес:

– Да будет так – чтобы убить демона.

Как только он сказал это, Блу крепко обвила его руками. Как только он сказал это, она прижалась к нему щекой. Как только он сказал это, она прижала Ганси к себе, как одно воплощенное слово. Любовь, любовь, любовь.

Он тихо выпал из ее объятий.

Он был королем.

65

Взаимности от того, с чего начать, речь в этой истории шла о Ное Черни.

Если ты мертвый, проблема заключается в том, что твоя история перестает быть линией и превращается в круг. Она начинается и заканчивается в один и тот же момент – в момент смерти. Трудно помнить, что рассказывать можно и по-другому и что живых интересует конкретный порядок событий. Хронология. Вот как это называется. А Ноя больше интересовала мистическая значимость каждой минуты.

Убийство. Вот в чем заключалась его история. Он не мог не замечать эту сцену. Каждый раз, когда Ной ее видел, то останавливался и наблюдал, в

точности припоминая все физические ощущения, которые испытал во время убийства.

Убийство.

Иногда он заикливался и постоянно вспоминал, что его убили; тогда ярость заставляла Ноя ломать вещи в комнате Ронана, сбрасывать горшочек с мятой со стола Ганси, вышибать окно на лестнице, ведущей к квартире.

Но иногда Ноя заклинивало на другом моменте. Моменте смерти Ганси. Он снова, снова и снова наблюдал, как Ганси умирает. Ной гадал, хватило бы ему смелости там, в лесу, если бы Пуп не убил его, а попросил умереть. Он сильно в этом сомневался. И потом, они с Пупом не настолько близко дружили. Иногда, вернувшись и видя по-прежнему живого Ганси, Ной забывал, знает ли тот о своей скорой смерти. Нетрудно знать всё, когда время идет по кругу. Но трудно помнить, как этим пользоваться.

- Ганси, - сказал он. - Вот всё, что есть.

Момент был неподходящий. Ноя втянуло в душу Ганси, и это оказалась совсем другая история. Он отодвинулся подальше. Это было не пространственное действие, а временное. Всё равно что прыгать через веревочку втроем. Ной уже не помнил, с кем он прыгал - он знал только, что, очевидно, в какой-то момент это делал, потому и запомнил. Так вот, нужно ждать подходящей секунды, иначе заденешь веревочку.

Порой у него вылетало из головы почему, но Ной всегда помнил, что делал. Он искал самый первый раз, когда Ганси умер.

Ной забыл, когда впервые принял это решение. Ему теперь было трудно понять, что припоминалось, а что повторялось на самом деле. Ной даже не был твердо уверен, что именно делал сейчас.

Он просто знал, что должен продолжать - до нужного момента. Надо было лишь удержаться на месте - достаточно долго, чтобы убедиться, что у него получилось.

Вот оно: Ганси, такой юный, корчился и умирал в лесу - в ту самую минуту, когда Ной, за много миль от него, корчился и умирал в другом лесу.

Все времена были одним и тем же временем. Как только Ной умер, его дух, полный энергии и подхваченный Кабесуотером, почувствовал, что вбирает в себя все моменты, которые уже пережил и которые только собирался пережить. Нетрудно казаться мудрым, когда время - это круг.

Ной склонился над телом Ганси. Он сказал в последний раз:

- Ты будешь жить благодаря Глендауэру. Кто-то на силовой линии сейчас умирает, хотя не должен. Поэтому ты будешь жить, хотя не должен.

Ганси умер.

- До свидания, - сказал Ной. - Не отказывайся.

И тихо покинул время.

66

Блу Сарджент сбилась со счета, сколько раз ей говорили, что она убьет своего любимого.

Ее родные торговали предсказаниями. Они читали карты Таро, проводили спиритические сеансы, разглядывали чайную гущу на блюдечке. Блу никогда не принимала в этом участия, разве что в одном важном смысле: ее предсказание было самым долгоиграющим.

«Если ты поцелуешь своего любимого, он умрет».

Большую часть жизни она гадала, как это будет. Все ясновидящие ее предостерегали. Не обладая ровным счетом никакими сверхъестественными способностями, Блу жила, впутанная в мир, где в равной мере присутствовали настоящее и будущее, и всегда, в определенном смысле, знала, к чему направляется.

Но только не теперь.

Теперь она смотрела на мертвое тело Ганси, в забрызганном дождем свитере, и думала: «Я понятия не имею, что происходит».

Кровь стекала с шоссе, и в нескольких метрах от машин приземлились вороны, чтобы поклевать ее. Все явные признаки демонической активности сразу исчезли.

– Заберем его... – начал Ронан, и ему пришлось напрячь все силы, чтобы договорить, точнее, прорычать: – Заберем его с дороги. Он не животное.

Они перетащили тело Ганси на зеленую траву у обочины проселка. Он по-прежнему казался абсолютно живым – после смерти прошло не больше двух минут. Нет особой разницы между сном и смертью, пока не начинаются проблемы.

Ронан склонился над ним – под носом и вокруг ушей у него по-прежнему было размазано что-то черное. Волшебный светлячок приземлился на грудь Ганси, против сердца.

– Просыпайся, гад, – сказал Ронан. – Ну же, сукин ты сын. Я не верю, что ты...

А потом он начал плакать.

Рядом с Блу стоял Адам, с сухими щеками и мертвыми глазами, но Девочка-Сирота держала его за руку, словно успокаивая плачущего, а он смотрел в никуда. На часах раз за разом выпрыгивала одна и та же минута.

Блу перестала плакать. Всё слезы она уже потратила.

До них донеслись звуки Генриетты – где-то завывала «Скорая помощь» или пожарная машина. Ревели моторы. Работал громкоговоритель. На соседнем дереве пели птички. Коровы начали двигаться вниз по склону – им было интересно, сколько люди там простояли.

– Не знаю, что делать, правда, – признался Генри. – Я не думал, что всё закончится так. Я думал, мы все поедem в Венесуэлу.

Его голос звучал насмешливо и прагматично, и Блу понимала, что для Генри это был единственный способ смириться с мертвым телом Ричарда Ганси, лежавшим в траве.

– Я не могу об этом думать, – честно сказала Блу.

Вообще-то она не могла думать ни о чем. Всё сразу остановилось. Будущее, целиком и полностью, впервые с рождения было ей неизвестно.

Нужно позвонить 911? Практические заботы о мертвых возлюбленных выстраивались перед Блу, и девушка поняла, что не в силах сосредоточиться ни на одной задаче.

– Я не могу... думать вообще. Как будто у меня на голове абажур. Я всё жду... не знаю чего.

Адам внезапно сел. Он ничего не сказал, просто закрыл лицо руками.

Генри рвано вдохнул.

– Нужно убрать машины с дороги, – сказал он. – Теперь, когда крови нет, другие поедут...

Он замолчал.

– Это неправильно.

Блу покачала головой.

– Ничего не понимаю, – продолжал Генри. – Я был абсолютно уверен, что это... всё изменит. Я не думал, что будет так.

– А я всегда знала, что всё закончится именно так, – сказала Блу, – но от этого мне не становится легче. И вряд ли когда-нибудь станет.

Генри переступил с ноги на ногу, посмотрел вдаль, но не сделал ни шагу по направлению к машине, несмотря на свои недавние опасения. Он взглянул на часы – как и у Адама, они беспокойно проигрывали одни и те же несколько минут, хотя не так суматошно, как прежде, – и повторил:

- Не понимаю. Для чего нужна магия, если не для этого?

- Для чего?

Генри вытянул руку над телом Ганси.

- Для того, чтобы он не умер. Вы сказали, что вы его маги. Ну так сделайте что-нибудь.

- Я - не маг.

- Ты только что убила его губами, - напомнил Генри и повернулся к Ронану.
- Вон тот чувак приснил целую гору всякой фигни рядом с машиной! А этот спасся, когда с крыши на него упал шифер!

Адам сразу сосредоточился. Горе превратило его голос в лезвие ножа.

- Тут есть разница.

- Какая? Ты тоже нарушил правила!

- Одно дело - нарушать с помощью магии законы физики, - огрызнулся Адам.
- И совсем другое - воскресить человека из мертвых.

Но Генри был неумолим.

- Почему? Он однажды уже ожил!

С этим невозможно было спорить. Блу сказала:

- Потребовалась жертва. Смерть Ноя.

- Так найдите еще одну.

Адам прорычал:

- Ты предлагаешь себя?

Блу, впрочем, понимала его гнев. В этой ситуации надежда была невыносима.

Настало молчание. Генри вновь посмотрел на дорогу. Наконец он произнес:

- Будьте магами!

- Заткнись, - неожиданно сказал Ронан. - ЗАТКНИСЬ! Я не выдержу. Лучше отстань.

Генри отошел на шаг, так горяч был гнев Ронана. Все замолчали. Блу не отрываясь смотрела на время, подергивавшееся на часах Генри. Чем дальше в прошлое уходил поцелуй, тем менее лихорадочными становились эти скачки, и Блу подумала со страхом: что будет, когда оно полностью вернется к норме? Казалось, тогда Ганси умрет окончательно...

Минутная стрелка затрепетала. И опять.

Блу уже устала жить без Ганси.

Адам, лежавший в траве, поднял голову. Он произнес тихим голосом:

– А Кабесуотер?

– Что Кабесуотер? – спросил Ронан. – Ему теперь не хватит сил, чтобы помочь.

– Знаю, – ответил Адам. – Но если ты попросишь... он может умереть за него.

67

В зависимости от того, с чего начать, речь в этой истории шла о Кабесуотере.

Кабесуотер не был лесом. Он был сущностью, которая – так уж случилось – прямо сейчас выглядела как лес. Эта особенная магия позволяла ему быть очень старым и очень юным одновременно. Он существовал всегда – и постоянно постигал себя. Он был вечно живым – и ждал возможности ожить опять.

Раньше он никогда не умирал намеренно.

Но его никогда и не просили.

«Пожалуйста, – сказал Грейуорен. – Amabo te».

Это было невозможно. Не так, как полагал Грейуорен. Жизнь в обмен на жизнь – хорошая жертва, отличное основание для фантастической, особенной магии, но Кабесуотер не был вполне смертным, а мальчик, которого хотели спасти эти люди, был. Они думали, всё просто: типа Кабесуотер умрет, а он воскреснет. Если что-то и могло произойти, Кабесуотеру пришлось бы придать некоей существенной части себя человеческий облик, и даже Кабесуотер сомневался, что это реально.

Сознание юноши-мага двигалось сквозь разорванные мысли Кабесуотера, пытаясь понять, что же возможно, создавая собственные образы, чтобы помочь Кабесуотеру понять цель воскрешения. Грейуорен не понимал, что эта идея для него была гораздо сложнее, чем для Кабесуотера; Кабесуотер вечно умирал и воскресал вновь. Если все времена для тебя – одно и то же время, воскресенье – это просто перемещение сознания из одного момента в другой. Трудность для Кабесуотера заключалась не в том, чтобы вообразить вечную жизнь, гораздо труднее было представить оживление человеческого тела с ограниченным сроком годности.

Кабесуотер изо всех сил старался объяснить магу, в чем дело, хотя с нюансами были проблемы – силовая линия слишком изнасилась. Тонкая линия связи, которой они сумели добиться, держалась лишь благодаря присутствию дочери ясновидящей; она и раньше всегда была там в той или иной форме, усиливая одновременно Кабесуотер и мага.

Кабесуотер пытался заставить их понять вот что: его сутью было творение. Созидание. Строительство. Он не мог уничтожить себя ради жертвоприношения, потому что это противоречило его натуре. Он не мог умереть, чтобы вернуть человека в неизменном виде. Гораздо проще было бы создать копию того, кто только что умер, но они не хотели копию. Они хотели того, кого только что потеряли. Но было невозможно вернуть его прежним, тело необратимо умерло.

Однако Кабесуотер мог преобразить его в нечто новое.

Нужно было только вспомнить, на что похожи люди.

От Кабесуотера к магу понеслись образы; тот что-то прошептал дочери ясновидящей. Она направила свою зеркальную магию на деревья, остававшиеся в Кабесуотере. Делая это, девушка шептала: «Пожалуйста» – и *tir e e' linted* признали ее.

Тогда Кабесуотер принял за работу.

Люди были такими затейливыми и сложными существами.

Когда Кабесуотер начал ткать жизнь и существование из сна, оставшиеся деревья запели и забормотали все вместе. Некогда их мелодии звучали по-разному, но на сей раз они пели песни, которые вложил в них Грейуорен. Это был воющий, идущий вверх мотив, одновременно полный горя и радости. И, по мере того как Кабесуотер выделял из себя магию, деревья падали одно за другим.

По лесу пронеслась грусть дочери ясновидящей, и Кабесуотер впитал ее тоже и вложил в жизнь, которую творил.

Упало еще одно дерево, затем другое; Кабесуотер снова и снова возвращался к людям, которые пришли к нему с просьбой. Он с некоторым усилием вспоминал, каковы они в ощущениях. Вспоминал, чтобы достаточно уменьшиться.

Лес редел, и тогда отчаяние и удивление Грейуорена нахлынули на Кабесуотер. Деревья успокаивающе запели, обращаясь к нему – это была песнь возможностей, силы и грез, – а потом Кабесуотер собрал его удивление и вложил в жизнь, которую творил.

И, наконец, вокруг оставшихся деревьев обвили тоска и сожаление мага. Чем он был без Кабесуотера? Просто человеком, человеком, человеком. Кабесуотер в последний раз коснулся листьями его щеки, а потом они вобрали в себя самую идею человека и вложили в жизнь, которую он творил.

Результат почти обрел форму. Она вполне годилась. Совершенства не бывает.

«Дорогу Королю Воронов».

Последнее дерево упало, и лес исчез, и настала абсолютная тишина.

Блу коснулась лица Ганси. И шепнула:

– Проснись.

Эпилог

Июньские вечера в Сингерс-Фоллз были прекрасны. Роскошные, темные. Мир, окрашенный в сложные зеленые тона. Деревья – везде деревья. Адам ехал в Генриетту по извилистой дороге, сидя в изящном маленьком «БМВ», в котором пахло Ронаном. В машине играло ужасное техно Ронана, но Адам не выключал звук.

Мир казался огромным.

Он возвращался в трейлерный парк.

Настало время.

От Амбаров до парка трейлеров было полчаса езды, Адаму вполне хватило бы времени, чтобы передумать и вернуться в квартиру возле церкви Святой Агнессы или на Монмутскую фабрику.

Но он миновал Генриетту и проехал по длинной ухабистой дороге, направляясь к парку трейлеров. Колеса вздымали быстро развеивающееся облако пыли. Собаки погнались за машиной и исчезли к тому моменту, когда он вкатил во двор своего старого дома.

Адаму не приходилось спрашивать себя, действительно ли он это делает.

Он был здесь, не так ли?

Адам взобрался по шаткой лесенке. Некогда покрашенная, она теперь облупилась и потрескалась, ее источили аккуратными круглыми дырочками муравьи. Она не так уж отличалась от лестницы, ведущей в квартиру над святой Агнессой. Просто здесь ступенек было меньше.

Добравшись до верхней ступеньки, Адам некоторое время рассматривал дверь и размышлял, постучать или нет. Прошло не так уж много времени с тех пор, как, живя здесь, он приходил и уходил без предупреждения, но казалось, что минули годы. Адам чувствовал себя выше ростом, чем тогда, когда в последний раз был дома, хотя, разумеется, с минувшего лета он не мог вырасти настолько.

Это место больше не было его домом. Поэтому он постучал.

Адам ждал, сунув руки в карманы отглаженных брюк, и смотрел то на чистые мыски собственных ботинок, то на пыльную дверь.

Она открылась. За ней стоял его отец – глаза в глаза. И Адам чуть снисходительнее отнесся к прошлому – к тому Адаму, который боялся стать таким, как его отец. Потому что, хотя Роберт Пэрриш и Адам Пэрриш с первого взгляда казались непохожими, во взгляде Роберта Пэрриша было нечто направленное внутрь, вглубь, что напомнило Адаму его самого. Что-то похожее читалось и в нахмуренных бровях, и складка между ними постоянно напоминала о разнице между тем, какой должна быть жизнь, и тем, какой она была на самом деле.

Адам не был Робертом, но мог им стать – и он простил самого себя за то, что боялся этого.

Роберт Пэрриш смотрел на сына. За спиной у отца, в полутемной комнате, Адам увидел мать, которая смотрела мимо него, на машину.

– Впусти меня, – сказал Адам.

Отец помедлил, раздвигая одну ноздрю, затем отступил на шаг. Он шевельнул рукой в насмешливо-приглашающем жесте, изображая верность мнимому королю.

Адам вошел. Он и забыл, как скученно они жили. Забыл, что кухня служила гостиной и родительской спальней, а с другой стороны находилась крошечная комнатка Адама. Он не винил их за то, что они с возмущением выделили ему этот закуток; в трейлере невозможно было находиться, не глядя друг на друга. Он и забыл, что его изгнал отсюда не только страх, но и клаустрофобия.

– Приятно, что ты о нас вспомнил, – сказала мать.

Адам почти забыл, что она тоже его выгоняла. Ее слова казались безобидными, они выскальзывали из памяти быстрее, чем отцовские удары, выпадали меж ребер у юного Адама, когда он переставал о них думать. Вот почему он научился прятаться один, а не с ней.

– Тебя сегодня не хватало на выпускном, – спокойно ответил Адам.

– Мне показалось, что я буду лишней, – ответила мать.

– Я тебя приглашал.

– Неприятным тоном.

– Не я виноват, что тебе было неприятно.

Ее взгляд ушел в сторону, она почти полностью исчезла при первых признаках подлинной ссоры.

– Чего ты хочешь, Адам? – спросил отец.

Он по-прежнему рассматривал одежду сына, как будто полагал, что в первую очередь изменилась именно она.

- Я так понимаю, ты приехал не для того, чтобы умолять нас пустить тебя обратно. Особенно теперь, когда ты закончил школу, и весь такой крутой, и гоняешь на тачке своего бойфренда.

- Я приехал, чтобы понять, есть ли у меня шанс наладить нормальные отношения с родителями, прежде чем я уеду в колледж, - ответил Адам.

У отца задвигались губы. Трудно было понять, что поразило его сильнее - слова Адама или сам факт, что тот вообще заговорил. Голос Адама нечасто раздавался здесь. И теперь он недоумевал, отчего так долго считал это нормальным. Он вспомнил, как соседи отворачивались от его избитого лица; Адам по глупости думал, что они молчат, поскольку считают, что он сам каким-то образом это заслужил. Теперь, впрочем, он задумался, сколько из них лежало, свернувшись клубочком на полу, перед своими кроватями, или пряталось в комнатах, или плакало, сжавшись под крыльцом, в дождь. Адам ощутил внезапный порыв спасти всех остальных Адамов, спрятавшихся у него на глазах, хотя он и не знал, станут ли они слушать. Такое желание было достойно Ганси или Блу - и, удержав в мыслях эту крошечную героическую искру, Адам понял: ему захотелось спасти кого-нибудь еще, лишь потому, что он наконец поверил, что спас самого себя.

- Ты сам начал ссору, - произнес отец. - Твоя мать правильно сказала: именно ты всё испортил.

Теперь он казался Адаму обиженным, а не страшным. Буквально всё в нем - согнутые плечи, опущенный подбородок - давало понять, что он не ударит Адама. Когда Роберт Пэрриш в последний раз поднял руку на сына, ему пришлось выдернуть из нее окровавленный шип, и Адам видел, что отец по-прежнему помнит этот невероятный момент. Адам стал другим. Даже лишившись силы Кабесуотера, он чувствовал, как она прохладно поблескивает в его глазах, и ничуть не старался ее скрыть. Маг.

- Плохо было еще до тех пор, папа, - ответил Адам. - Ты знаешь, что я оглох на одно ухо? Когда я говорил об этом в суде, ты перекрикивал меня.

Отец издал презрительный звук, но Адам перебил его:

- Ганси отвез меня в больницу. Это должен был сделать ты, папа. То есть этого вообще не должно было произойти, но если я правда упал и ударился случайно, именно ты должен был сидеть в больнице со мной.

Пусть даже он говорил именно те слова, которые хотел сказать, Адаму самому не верилось в происходящее. Он хоть когда-нибудь возражал отцу, твердо зная, что прав? Хоть когда-нибудь смотрел ему в глаза во время всего разговора? Адам никак не мог поверить, что не боится, и, если не бояться, его отец совсем не выглядел пугающе.

Роберт Пэрриш покраснел и сунул руки в карманы.

- Я оглох на одно ухо, папа, и это из-за тебя.

Отец смотрел в пол – и Адам понял, что верит ему. Вполне возможно, что на самом деле от этой встречи он ждал лишь одного – отведенного взгляда отца. Подтверждения того, что Пэрриш-старший понял свою вину.

Отец спросил:

– Чего ты хочешь от нас?

По дороге Адам раздумывал над этим. На самом деле он хотел, чтобы его оставили в покое. Чтобы от него отвязался не только отец, который, в общем, уже и не мог вмешаться в жизнь Адама, но сама идея отца – гораздо более влиятельная, во всех смыслах, вещь. Адам ответил:

– Каждый раз, когда я не могу понять, откуда меня зовут, каждый раз, когда ударяюсь головой о стенку душевой кабины, каждый раз, когда случайно вставляю наушники в оба уха, я думаю о тебе. Как по-твоему, может однажды так случиться, что я буду думать о тебе не только в этих случаях?

По лицам родителей он понял, что положительного ответа в ближайшее время ждать не стоит. Но Адам не огорчился. Он приехал сюда без всяких ожиданий, а потому и не разочаровался.

– Не знаю, – наконец сказал отец. – Мне не особо нравится, каким ты вырос, и я говорю это прямо.

– Честный ответ.

Отец его, в общем, тоже не очень-то интересовал. Ганси сказал бы: «Я ценю вашу откровенность», и Адам воспользовался этим воспоминанием о силе вежливости.

– Я ценю твою откровенность.

Лицо отца дало понять, что Адам в точности подтвердил его точку зрения.

Мать сказала:

– Звони хоть иногда. Мне будет приятно знать, как у тебя дела.

Она подняла голову, и свет, пробивавшийся в окно, отразился ровными квадратиками у нее на очках. И мысли Адама покинули настоящее – его логика следовала тем же путем, что и сверхъестественное зрение. Он видел, как стучит в дверь, а мать стоит за ней и не отпирает. Видел, как стучит, а она прячется за углом трейлера и ждет, затаив дыхание, пока он не уйдет. Он даже видел, как звонит, а она держит в руке телефон. Но также он видел, как его мать открывает университетский ежегодник. Как вырезает имя сына из газеты. Как приклеивает на холодильник фотографию Адама, в красивом пиджаке, изящных брюках, с бодрой улыбкой на лице.

В какой-то момент она отпустила его и не желала, чтобы он возвращался. Она просто хотела посмотреть, что будет дальше.

Но Адам и тут не возражал. Он вполне мог это сделать. На самом деле это, наверное, было единственное, что он мог сделать.

Он задумчиво стукнул пальцами по шкафу, потом достал ключи от машины.

- Ладно, - сказал он матери.

И подождал несколько секунд, давая родителям возможность заполнить пустоту, превзойти ожидания.

Они этого не сделали. Адам установил планку ровно на той высоте, которую они могли одолеть, и не выше.

- Не провожайте, - сказал он.

И ушел.

На другом конце Генриетты Ганси, Блу и Генри вышли из машины. Генри вылез последним, потому что сидел на заднем сиденье; он протиснулся мимо переднего кресла, как новорожденный теленок, закрыл дверь и, нахмурившись, взглянул на нее.

- Захлопни, - посоветовал Ганси.

Генри снова закрыл дверь.

- Захлопни, - повторил Ганси.

Генри хлопнул дверцей.

- Сколько жестокости, - заметил он.

Они приехали в это отдаленное место из-за Ронана. Вечером он оставил друзьям смутные инструкции - очевидно, им предстояла охота за подарком для Блу в честь окончания школы. Она сдала экзамены уже несколько недель назад, и Ронан намекал, что подарок ждет, но отказывался выдать указания, пока Ганси и Генри тоже не получили аттестаты. «Вы будете пользоваться этой штукой все вместе», - зловеще сказал он. Они приглашали Ронана и на выпускной, и на охоту за сокровищем, но тот коротко ответил, что оба эти места полны для него дурных воспоминаний, и пообещал встретиться с друзьями на другой стороне.

Поэтому теперь они шагали по проселку, направляясь к плотной линии деревьев, которые скрывали от глаз всё, что находилось за ними. Было тепло и приятно. Насекомые уютно устраивались на футболках и гудели вокруг лодыжек. У Ганси было чувство, что он уже проделывал это раньше, хотя он не мог точно сказать, не мерещится ли ему. Он теперь знал, что ощущение ускользающего времени, с которым он жил так долго, было побочным эффектом не первой его смерти, а, скорее, второй. Следствием тех разнообразных фрагментов, которые Кабесуотер собрал воедино, чтобы вновь подарить ему жизнь. Люди не созданы для того, чтобы ощущать все времена сразу, ну а Ганси ощущал.

Блу взяла его за руку, и они шли, болтая в воздухе сцепленными пальцами. Они были свободны, свободны, свободны. Школа закончилась, впереди простиралось лето. Ганси выторговал себе год перед поступлением в колледж, а Генри уже давно решил сделать перерыв. И это было здорово – не зря же Блу потратила несколько месяцев, размышляя, как бы подешевле совершить после выпуска большое путешествие через всю страну. Пункт назначения – жизнь. Странствовать в компании было веселее. Втроем. Персефона всегда говорила, что три – самое сильное число.

Они вошли под деревья и оказались на большом заросшем поле, из тех, что нередко попадались в этой части штата. Над травой поднимались мохнатые листья чистеца, а чертополох был еще мал и ничтожен.

– Ох, Ронан, – сказал Ганси, хотя Ронана тут не было и он этого не слышал. Просто Ганси понял, куда их привели указания.

На поле стояли машины. Почти сплошь одинаковые, в основном – белые «Мицубиси». И почти все они были в чем-то странные. Вокруг них росла трава, ветровые стекла облепляла пыльца – в целом зрелище было апокалипсическое.

– Я не хочу отправляться в наше большое путешествие на одной из этих штук, – с отвращением заметил Генри. – Плевать, что это бесплатно. Плевать, что они волшебные.

– Согласен, – сказал Ганси.

А Блу, казалось, ничто не тревожило.

– Он сказал: тут есть одна, про которую мы пойдем, что она для нас.

– Ты знала, что это будет машина? – удивился Ганси.

Он не сумел выудить у Ронана хотя бы малейший намек.

– Я не собиралась следовать его указаниям, не получив вообще никакой информации, – отрезала Блу.

Они зашагали по траве. Перед ними вспархивала саранча. Блу и Генри внимательно смотрели по сторонам и сравнивали машины. Ганси бездельничал, чувствуя, как летний воздух наполняет легкие. В результате расширяющаяся спираль, по которой он брел, привела его к обещанному подарку.

– Ребята, я ее нашел.

Она очевидно выбивалась из ряда вон – неистово-оранжевый старый «Камаро», стоявший посреди новеньких «Мицубиси». Он был столь явно идентичен «кабану», что, несомненно, Ронан его приснил.

– Ронан думает, что он очень остроумный, – сказал Ганси, когда Блу и Генри подошли к нему.

Генри снял с руки клеща и бросил в поле – пусть присасывается к кому-нибудь другому.

– Он хочет, чтобы вы ездили на одинаковых машинах? Очень сентиментально – для человека без души.

– Он сказал, что под капотом я найду штуку, которая мне очень понравится, – произнесла Блу.

Она обошла машину, откинула капот и начала смеяться.

Они все заглянули внутрь, и Ганси тоже рассмеялся. Потому что в моторном отсеке «Камаро» не было ничего. Ни двигателя, ни прочих механизмов. Только пустое пространство до самой земли.

– Стопроцентно экологичная машина, – заметил Ганси, а Генри спросил:

– Она вообще может ездить?

Блу захлопала в ладоши и запрыгала. Генри сфотографировал ее в процессе, но девушка была слишком рада, чтобы сердиться на него. Обезав машину, она села за руль. Блу едва виднелась за приборной панелью. Она улыбалась до ушей. Ганси подумал: Ронан пожалеет, что не видел этого. Хотя его вполне можно было понять.

В следующий момент мотор взревел и ожил. Точнее, ожила машина. Бог весть что в ней издавало этот звук. Блу издала нелепый радостный вопль.

Год тянулся перед ними, волшебный, огромный, совершенно непредсказуемый.

Это было чудесно.

– Как вы думаете, она может сломаться? – спросил Ганси, перебивая несуществующий мотор.

Генри рассмеялся.

– Нас ждет прекрасное путешествие, – сказал он.

В зависимости от того, с чего вы начали, это была история про некий отрезок горной цепи, стоявший на особенно мощном участке силовой линии. Несколько месяцев назад тут находился Кабесуотер, населенный снами, цветущий магией. Теперь это был просто лес: зеленый терновник, мягкие платаны, дубы, тонкие сосны, которые с усилием пробивались сквозь камни.

Ронан думал, что тут достаточно красиво... но это был не Кабесуотер.

На берегу ручья худенькая девочка с копытцами на ногах весело ломилась сквозь подлесок, напевая и издавая отвратительное чавканье. Всё в этом лесу интересовало ее, а интересоваться значило пробовать. Адам говорил, что она очень похожа на Ронана. Тому пришлось принять это как комплимент.

– Опал! – крикнул он, и она выплюнула грибы, которыми набила рот. – Перестань страдать фигней!

Девочка побежала за ним вдогонку, но не остановилась, поравнявшись с Ронаном. Она предпочла развить бешеную активность по периметру. Всё остальное могло быть сочтено знаком добровольного послушания, а она пошла бы на многое, чтобы этого избежать.

Бензопила крикнула сверху:

– Керрау!

Она продолжала орать, пока Ронан не поравнялся с ней. Разумеется, она нашла нечто странное. Он разбросал ногой листья. Это был металлический предмет, как будто многовековой давности. Колесо от «Камаро» 1973 года выпуска, под пару тому древнему и невероятному, которое они нашли на силовой линии давным-давно. В тот раз Ронан решил, что, значит, однажды в будущем они разобьют «Камаро» в погоне за Глендауэром и изгиб времени, сопутствующий силовой линии, пошлет их обратно, а потом снова вперед. Все времена на силовой линии были одним и тем же... ну, типа того.

Но, судя по всему, они еще не добрались до этой точки. На силовой линии их ждали новые приключения.

Это была приятная и пугающая перспектива.

– Молодец, паршивка, – сказал Ронан Бензопиле. – Ну, пошли домой.

Вернувшись в Амбары, Ронан подумал про всё, что ему нравилось и не нравилось в Кабесуотере. Про то, что он сделал бы иначе, если бы решил создать его теперь. Что защитило бы Кабесуотер от угроз в будущем, что дало бы ему возможность связаться с другими такими же местами, расположенными на силовой линии. Что превратило бы его в более полное отражение самого Ронана.

Держа всё это в голове, он взобрался на крышу и посмотрел в небо.

А затем закрыл глаза и начал грезить.

Опал

Были определенные правила. Одни гости могли ее видеть, если Ронан говорил, что это можно, другие не могли, если Ронан велел ей убраться с глаз долой, а ее копыта не позволялось видеть никому.

Опал не разрешалось есть то, что находилось в доме, если только она не получала внятного позволения, даже если это было нечто очень приятное на вкус, например, картонные коробки или пластмассовая одноразовая посуда; особенно ей запрещалось есть любые вещи из комнаты Адама или Авроры, а если она это делала, ее наказывали. Ей не разрешалось называть Ронана «Керау», потому что у него было имя, а она прекрасно умела произносить любые слова, в отличие от Бензопилы, которой мешал клюв. Ей разрешалось залезать почти куда угодно, кроме машин, потому что копыта могли поцарапать металл, и к тому же руки у Опал всегда были очень грязные. Она не обязана была принимать ванну или мыться иным способом, если только не желала зайти в дом; и она не имела права врать, что вымылась, если хотела, чтобы ей позволили полежать на кушетке, потому что «от твоих ног воняет мокрой псиной». Опал не разрешалось красть. Прятать чужие вещи считалось кражей, но если эти вещи ей подарили, их можно было прятать, а потом смеяться. Мертвых животных не разрешалось есть на крыльце, и Опал считала это правило весьма суровым, потому что живых тоже нельзя было есть на крыльце. Ей не разрешалось выбегать на дорогу или возвращаться на силовую линию без сопровождения, и это было глупое правило, потому что силовая линия казалась сном, и ни при каких обстоятельствах она бы добровольно туда не вернулась. Она должна была говорить только правду, потому что Ронан всего говорил правду, но Опал считала, что это самое несправедливое правило, ведь Ронан мог присниться себе новую правду, если ему хотелось, а ей приходилось придерживаться той, которой она располагала в данный момент.

Опал следовало помнить, что она секрет.

В основном, впрочем, всё это было терпимо, и Опал могла делать в Амбарах что хотела. За последнее время ее наказали лишь один раз, из-за электрика. Ей разрешили выбежать и поздороваться с ним – главное, чтобы она не забывала притворяться «моей маленькой кухней из Сиракуз», а еще не снимала неуклюжие, высокие ботинки, которые сделал для нее Ронан. У электрика были блестящие зубы, а волосы росли прямо на лице, почти закрывая рот – они были длиннее, чем на голове у Ронана, и почти такие же длинные, как на ногах у Опал. Она спросила, как можно отрастить у себя на лице такие волосы, и он ответил: «Главное – не падать духом», и этот совет она сочла очень любезным и воодушевляющим. Электрик по-прежнему очень нравился ей, но Опал больше не позволяли с ним здороваться, потому что она залезла в кабину его фургончика и стащила коробку собачьего печенья, лежавшую под пассажирским сиденьем, и фотографию жены, приклеенную к коробке скоростей. Первое она съела, а у второй выгрызла глаза.

– Блин, ну надо же, – сказал Ронан, обнаружив фотографию после отъезда электрика. – Теперь мы вряд ли сможем ее отдать. Девчонка совсем одичала.

– Она никогда и не была ручной, – заметил Адам. – Просто боялась.

Адам, к великому разочарованию Опал, не жил в Амбарах. Он был всегда добр с ней и иногда показывал, как работают разные вещи. А еще Опал нравилось сидеть в темной комнате и наблюдать, как он спит.

Но вместо этого он приезжал и уезжал по расписанию, которое она могла вычислить. Засыпал в Амбарах он чаще всего днем, когда Опал точно

застукали бы за слезкой. Приходилось довольствоваться случайными взглядами сквозь приоткрытую дверь, узенькими полосками вида на одеяла и подушки, громоздившиеся как тучи – Адам и иногда Ронан горой наваливали их вокруг себя.

С тех пор как потеплело, машина Адама стояла на подъездной дорожке. В отличие от машины Ронана, она стояла не на колесах, а на кирпичках, и он проводил кучу времени под ней или нагнувшись над капотом. Опал поняла, что машина Адама по сути походила на машину Ронана, но с ней что-то было не так, и эта проблема называлась «ведро с гайками». Ронан упорно предлагал приснить какое-нибудь средство от ведра с гайками, а Адам настаивал, что всё починит «как положено». Процесс, очевидно, был долгий, поэтому машина Ронана часто исчезала – Адам пользовался ею для своих загадочных отъездов и приездов. Иногда Ронан уезжал вместе с Адамом, и они не говорили Опал, когда вернутся, потому что сами не знали – «когда вернемся, тогда вернемся, мы просто едем покататься, ничего не трогай в длинном сарае и, ради бога, постарайся больше не выкапывать ям во дворе».

Этот сарай был не самым большим из всех, что стояли в потайных полях, тянувшихся вокруг старой фермы, но по сравнению с собственной шириной он действительно был самым длинным. Его окружала низкорослая трава, жесткая, как волосы на ногах у Опал, а еще коровы, которые вечно лежали, хотя они не умерли, а спали. (Иногда Опал забиралась на их широкие теплые спины и притворялась, будто едет в бой, но играть с коровами было не веселее, чем с камнями, которые валялись на полях, ближе к лесу.) В длинном сарае Ронан держал «текущую работу» – так он называл сны. Никому не позволялось подходить близко. Ронан всегда приказывал Опал не трогать содержимое длинного сарая, но не стоило опасаться, что она ослушается. Она слышала, что длинный сарай был полон вещей из грез, и боялась их.

Эти вещи всегда звучали, как сны, которые, в свою очередь, звучали как силовая линия, которая, в свою очередь, слегка напоминала бормотание, которое слышно под крупными линиями электропередачи. Примерно так бывает, когдаходишь в комнату, где работает телевизор с выключенным звуком. Еще это немного напоминало гудение у Опал внутри, которое она то ли слышала, то ли чувствовала, когда тихонько лежала в траве и не спала. Вещи из снов могли быть предметами вроде тех, что остались в разных сараях после Ниалла Линча, но могли быть и живыми существами, как олень, которого приснил Ронан, как сама Опал.

Ронан тоже напоминал нечто принесенное из снов, но не на все сто. В нем ощущалось нечто животное, как в Адаме, и электрике, и тех женщинах, которые приезжали, и ели хлеб в столовой, и раскладывали по кругу карты Таро, и как в том человеке, который однажды проехал до половины подъездной дорожки, когда Адама и Ронана не было дома, а потом задом выкатил обратно и уехал. Ронан был единственным из тех, кого знала Опал, кто одновременно обладал животностью и издавал невнятное гудение, как существо из снов. Поначалу Опал думала, что просто видела мало людей, но впоследствии поняла, что отчасти в этом заключалась причина, почему Ронан тоже до некоторой степени был секретом. Опал думала, что сонное гудение предупреждает людей, но, казалось, его не слышал никто, кроме Опал и Адама. Адам обладал только животностью, ничем сонным, но тем не менее, очевидно, был настроен на нужную волну.

– Я по-прежнему ощущаю силовую линию, – объяснил он женщинам с хлебом, которые приехали однажды вечером.

Опал играла в игру под названием «спрячь копыта» и выиграла, забравшись в пустой кувшин для муки, стоявший у порога кухни.

– Я думал, так больше не будет. Ведь я уже не связан с силовой линией.

– Я никогда не была с ней связана, – ответила одна из женщин, – однако всегда ее чувствую.

– Но вы ясновидящая.

– Именно.

Адам произносил слова так же аккуратно, как они выкладывали карты на стол.

– И я тоже?

– Конечно, – сказала другая женщина. – Ты думал, что потерял всё, когда Кабесуотер умер?

– Да, – прошептал Адам, и Опал ощутила порыв любви к нему.

Она больше всего любила Адама, когда он грустил, или был очень серьезен, или очень счастлив. Что-то в его прерывающемся голосе наполняло ее эмоциями, что-то в отсутствующем выражении лица, когда он усиленно думал, производило на Опал такое впечатление, как будто она смотрела сон, в котором не было ничего дурного, а когда Ронан смешил его, и Адам хохотал так, что не мог остановиться, Опал любила его так сильно, что ей становилось грустно оттого, что когда-нибудь он постареет и умрет, ведь так бывает со всеми животными.

Иногда Адам отправлялся с ней, когда она шла рыться в сараях и амбарах, и вместе они перебирали садовые грабли, ржавые моторы, древние мешки с кормом для коров. Опал искала сокровища – то, что можно съесть и чем можно полюбоваться, – а Адам искал разные предметы из снов. Опал очаровывали и пугали эти поиски. Она не могла оторваться от разгребания куч хлама, хотя и знала, что может случайно наткнуться на сонный предмет. Когда это происходило, она пятилась, ощущая в сердце восхитительный трепет страха. Не то чтобы эти вещи были опасны (хотя иногда действительно были: однажды под старым трактором в одном из сараев она нашла маленький незатухающий огонь и обнаружила опытным путем, что он достаточно горяч и жгуч, если крепко стиснуть его в кулаке). Проблема состояла в том, что сонное гудение было знакомым. Слишком похожим на нее саму, слишком правдивым, слишком большим. Оно напоминало Опал одновременно сны, из которых она пришла, и кошмары, которые чуть не убили Ронана. Оно напоминало ей, как она чуть не развоплотилась, как из ушей у нее капала чернота уничтожения.

Но оно звало Опал. Особенно громко звучали вещи в длинном сарае, где Ронан творил новые чудеса. Эти предметы зывали к ней настойчивее, чем любая из вещей, которые приснил его отец. Опал не смущала обоюдоострая

смесь желания и страха. По большей части ей не хотелось иметь никакого дела со снами, и она жалела, что ее другая, меньшая часть, которая помнила, откуда она взялась, хотела иметь с ними дело.

Ронан объяснил Опал, что в длинном сарае он работает. Он создавал новое место снов вроде Кабесуотера, того леса, откуда она взялась – «ты его помнишь»? Да, Опал помнила деревья, жуткие деревья, и ночные ужасы, и черную, истекающую кровью землю.

– Не так, как в конце, – сердито сказал Ронан, как будто там хоть когда-то было хорошо.

В своих снах Ронан всегда умирал, или от него отрезали кусочки, или он стоял под прицелом безликого человека с пистолетом. Атомные бомбы взрывались у Ронана в руках, рыбы врывались сквозь окна, кроша диваны, мириады трупов оказывались на мириадах подъездных дорожек. Не все сны Ронана были ужасны, но в целом от этого было хуже, а не лучше. Опал никак не могла угадать, когда что-то пойдет не так. Ей приходилось бояться всё время.

Ронан сказал:

– Да не делай ты такое лицо, мелкая. Я не заставлю тебя там жить. И вообще, может, тебе понравится.

Опал знала, что не понравится. Она не собиралась туда уходить. За обсуждениями этого нового Кабесуотера Ронан и Адам проводили гораздо больше времени, чем хотелось бы Опал. Без него, очевидно, стало труднее быть сновидцем, поскольку старый Кабесуотер фокусировал сны Ронана и очищал энергию силовой линии, помогая ему видеть желаемое, вместо того «чтобы бессмысленно тупить всю ночь». Адама больше всего интересовала силовая линия, она заставляла его использовать остро звучащие слова, например: проводник, эффективность, аналог. А Ронан желал знать, как вызвать дождь. Ему очень хотелось завести в этом новом Кабесуотере такое место, где всегда бы шел дождь, заставляющий человека одновременно радоваться и грустить, а еще он хотел, чтобы Кабесуотер не был отстойным. Похоже, Ронан считал это своей основной задачей – приснить нечто не отстойное. Пусть даже Опал считала, что Ронан – хороший сновидец (в конце концов, он приснил ее, а она была совершенством), он часто сетовал на собственные недостатки.

– Я не могу держать в голове всё это одновременно – каким я хочу его видеть, – сказал он как-то раз. – Не могу создать новое место без старого. Оно помогало мне сосредоточиться. Как там это называется?..

– Саморазрушение, – ответил Адам.

– Иди ты. Я имел в виду «Уловку-22».

– Ты приснил первый Кабесуотер без всякого Кабесуотера.

– Мне просто нужно, чтоб он не был отстойным.

- Но должны же быть и более внятные параметры. Например, количество энергии, которое он может аккумулировать для тебя, в соотношении с количеством требуемого внимания.

- Хорошая мысль, Пэрриш. Надо все-таки приснить тебе новую машину.

Подслушивавшая Опал не вполне уловила суть разговора - она по-прежнему лучше владела языком сна, которого не знал бодрствовавший Ронан, - но она поняла, что Адаму нравится, когда Ронан так говорит. Иногда они переставали беседовать и начинали целоваться, а Опал продолжала подслушивать.

Ее любовь к подглядыванию была безгранична и неисправима. Они постоянно обнимались в самые удивительные моменты, за несколько вдохов переходя от расслабленного состояния к необычайно энергичному. Опал видела, как они бешено целовались в машине на подъездной дорожке, как обвивались друг вокруг друга в ванной; она видела, как Адам расстегнул ремень Ронана и провел рукой по его телу. Полная интеллектуального любопытства, она рассматривала ребра, бедра, руки, ноги, спины. Опал не знала похоти, поскольку Ронан не вложил этого в нее, но также она не знала и стыда, поскольку его Ронан тоже не вложил в свое творение.

Единственный раз она отвела глаза, когда Адам повстречался с Ронаном в коридоре на втором этаже. Ронан стоял перед дверью родительской комнаты, в одной руке держа магнитофонную кассету, а другую сжав в кулак; он провел так несколько минут, прежде чем Адам поднялся по лестнице. Адам забрал у Ронана кассету, разжав ему пальцы и вложив между ними свои. Притаившаяся Опал решила, что они будут целоваться. Но вместо этого Ронан прижался лицом к шее Адама, а тот положил подбородок ему на макушку, и они долго стояли неподвижно. Что-то в этой сцене заставило Опал так горячо покраснеть, что она не выдержала. Девочка убежала с таким топотом, что они наверняка ее услышали.

Еще она хотела изучать лес. Она проделывала это чаще и чаще, с тех пор как вышла из снов. Опал считала дни блужданий животными днями. Животными днями в животном мире. В отличие от сна, животный мир был суров. Ей это нравилось. Животный мир подчинялся строгим правилам; стоило их выучить, и он становился гораздо более предсказуемым, чем сон, способный измениться в любую секунду. В животном мире человек не мог неожиданно взлететь. Лица не переезжали на затылок без предупреждения. Поля вокруг Амбаров не превращались в незнакомую прерию или в торговый центр, прежде чем ты успеваешь добраться до подъездной дорожки. Машины не превращались в велосипеды. Дождь не шел из коробок от хлопьев, лава не текла из водопроводных кранов. Мертвое не становилось живым.

Время шло по скучной и приятной прямой. Таковы были правила, которые делали животный мир маленьким и управляемым.

Казалось, от этого он должен был стать еще скучнее, но отчего-то Опал чувствовала себя в нем смелее. С каждой неделей она всё дальше и дальше отходила от фермы. Она не всегда возвращалась, когда солнце садилось. Вместо этого она выкапывала себе яму в поле и укладывалась в ней или устраивала гнездо из подушек, украденных с садовых шезлонгов. Таким образом она постоянно расширяла свою территорию, не теряясь, и иногда

даже добиралась до дальнего края леса, где находилось место, пахнущее бензином. Ей очень оно нравилось. Опал любила наблюдать за тем, что делали люди, когда не знали, что за ними следят. Иногда они нажимали на кнопку с надписью 93 и наблюдали за цифрами на экране. Иногда протирали ветровые стекла ароматной жидкостью, которую Опал хотелось пить. Иногда сидели в машинах и тихо плакали. Это нравилось Опал больше всего, потому что случалось редко, а она обнаружила, что больше всего любит редкости.

Иногда, поздно ночью, когда она осмеливалась подобраться поближе и попить из канистры с жидкостью для мытья стекол, на порог домика выходил кто-нибудь и кричал: «Эй, это что такое?» – и тогда ей приходилось бежать, пригибаясь и ныряя среди мусорных баков.

В такие ночи Опал неслась всю дорогу до Амбаров, чувствуя, как сжимается сердце: ведь она должна была оставаться секретом – и вот ее секретность немного уменьшилась.

Когда Опал замечали, она вспоминала, что своим существованием нарушала правила животного мира.

За пределами снов не существовало девочек с косматыми ногами и копытцами (хотя Опал полагала, что это зря, поскольку то и другое было очень удобно в лесу). Поэтому Опал представляла собой секрет и должна была оставаться им всегда.

Ее это злило. Однажды она разодрала стопку старых автомобильных журналов в гостиной и уселась посреди обрывков; а когда Ронан вернулся домой и поинтересовался: «Блин, что с тобой такое? Я серьезно», Опал сказала, что ей надоело быть секретом.

Он ответил:

– Да мы здесь все такие!

А потом заставил ее убрать сырую, изжеванную бумагу и вытереть пол, потому что из-за слюны буквы кое-где отпечатались на деревянных половицах. Он велел ей выбросить обрывки, а заодно и вынести мусор с кухни, даже не позволив сначала в нем порыться. Когда она наконец закончила и уже не тосковала, а злилась, Ронан сказал:

– Я знаю, что ты скучаешь. Когда я присню новый Кабесуотер, он будет гораздо больше и круче, и ты сможешь в нем играть. Тебе не придется торчать здесь.

Сердце Опал подскочило к горлу и вылетело в коридор. Она покачала головой, потом еще раз, а поскольку Ронан промолчал, покачала опять.

– Может, ты передумаешь, – произнес он.

Она снова покачала головой.

– Слушай, у тебя сейчас голова отвалится, и виновата будешь ты сама.

Сердце Опал убежало еще дальше, прежде чем она вспомнила, что здесь, в животном мире, головы ни у кого не отваливаются.

– Скоро здесь будет еще скучнее. Мы не всегда будем рядом, особенно в конце года, – добавил Ронан. – И не надо глазеть на меня. Знаешь что? Иди на улицу, вырой ямку или что-нибудь такое. Только держись подальше от длинного сарая.

Она не собиралась в длинный сарай. И передумывать тоже не собиралась. И в Амбарах было не всегда скучно.

Один день, например, был каким угодно, но только не скучным.

Ронан и Адам оба уехали в машине Ронана, а на ферме появилась женщина, которой Опал раньше не видела. У нее были темные волосы, светлая кожа и яростные голубые глаза, которые поначалу показались Опал совершенно белыми, кроме зрачков. Ронан не мог сказать Опал, можно или нельзя этой гостье видеть ее, поэтому Опал спряталась и наблюдала, как женщина прошла сквозь туман к задней двери. Она подергала дверную ручку, та отрицательно покачала головой, но затем женщина открыла сумочку и сделала с ручкой что-то еще, и дверь сказала «да» и распахнулась перед ней.

Женщина вошла, и Опал заспешила за ней. Она не могла идти быстро, потому что копытца громко стучали по деревянному полу, так что Опал пришлось встать на четвереньки и ползти. К ее удивлению, подбравшись ближе, она почувствовала в этой женщине нечто сонное.

Она не вся была сонным существом – точнее, сна в ней было совсем немного. В основном она состояла из животности. Но Опал еще не встречала других существ, помимо Ронана, в которых сочетались бы оба качества.

Женщина не спеша шла по коридорам, разглядывая фотографии на стенах и открывая ящики. Она помедлила у компьютера, за которым Ронан работал в те дни, когда не гонял машину большими кругами по грязи на дальнем поле. Женщина несколько раз щелкнула мышкой, затем полистала исписанный почерком Ронана блокнот, который он использовал как коврик для мышки. Опал не знала, о чем там говорится, потому что не умела читать (и ее это не интересовало, зато, казалось, очень интересовало женщину). Гостья некоторое время читала записи, прежде чем перейти в другую комнату.

Опал переполняла тревога, которая происходила от ощущения, что нужно помешать незнакомке бродить по дому, и в то же время она помнила, что ее саму не должны видеть. Она желала, чтобы Ронан и Адам вернулись, но они не возвращались. Женщина пошла в комнату Авроры, где Опал ничего не разрешалось есть, открыла все ящики и заглянула во все коробки. К большому облегчению Опал, женщина ничего не съела, зато села на край кровати и долго смотрела на фотографию родителей Ронана. На ее лице не было никакого выражения, но в конце концов она сказала, обращаясь к снимку: «Вот блин». Это слово Опал тоже не полагалось произносить (но иногда она его говорила, снова и снова, спящим коровам, шепотом, чтобы проверить, не проснутся ли они от ужаса). Потом женщина вышла из дома и начала исследовать гараж и другие хозяйственные постройки.

Когда она приблизилась к длинному сараю, тревога Опал стала нарастать. Ронана не было дома, он не мог помешать этой женщине потрогать, взять или съесть то, что находилось в длинном сарае; и даже если бы Опал хватило сил, чтобы остановить ее, она должна была оставаться секретом. Женщина зашагала по мокрой траве к длинному сараю, гудя собственной сонной магией, и Опал беспокойно выдернула из земли целые пригоршни травы, борясь сама с собой. Она шепотом просила Ронана или Адама вернуться, но они не возвращались.

Впервые Опал злилась, что она в животном мире, а не в волшебном. В снах Ронан вечно попадал в беду, и, хотя он часто умирал, столь же часто Опал спасала его, потому что была превосходным волшебным существом и психопомпом (это было правильное название превосходного волшебного существа). И в качестве психопомпа ей иногда удавалось превратить сон во что-то другое или убедить Кабесуотер помочь Ронану. Даже если дурной сон был слишком силен для того, чтобы изменить его, Опал, тем не менее, зачастую спасала Ронана от опасности, заставляя разные вещи делать то, что они и не подумали бы сделать сами. Она могла превратить камень в змею и метнуть ее в чудовище, или создать меч из грязи, или превратить печаль Ронана в плот, когда он тонул в зыбучих песках. В снах не существовало правил, и никто не запрещал ей испробовать любые средства.

Но животный мир был полон правил, и все они делали вещи меньше и предсказуемее. Здесь у Опал не было власти.

Женщина попыталась убедить дверную ручку длинного сарая сказать ей «да», но та воспротивилась энергичнее, чем ручка на задней двери дома. Ронан приснил какую-то вещь, чтобы дверь говорила «нет» как можно большему числу людей, вне зависимости от того, что у них лежало в сумке. Но эта женщина обладала одновременно магией и животностью, как и Ронан, и Опал боялась, что в конце концов у нее получится войти.

Если бы это был сон, она могла бы ухватить поле за край и встряхнуть его, как одеяло. Могла закричать так, что незнакомка ослепла бы. Могла хлопать в ладоши, пока не появилась бы дыра в земле, в которую бы та упала.

Однако – правила.

Но подождите.

Ощувив внезапное вдохновение, Опал поняла, что у нее все-таки есть способ воздействовать на сны Ронана в этом животном мире. Она побежала в лес и позвала всех его оленей и олених, барсуков и лис – они гудели и пели, как силовая линия, – а затем погнала их через поле. Они бежали, скакали, стремились к длинному амбару. Этим стадом было нелегко управлять. Когда оно сбивалось с пути, Опал приходилось кусать самых крупных животных за ноги и награждать пинками лис и кроликов. Они все издавали ужасный шум. Женщина подняла голову как раз вовремя, чтобы заметить, что ее вот-вот затопчут – Опал не хотела никого убивать, конечно, хотя по пути сообразила, что это не исключено; и на всякий случай она даже придумала, где похоронить ее, так, чтобы могилу закрыли дикие цветы. Сделав неловкий, непривычный прыжок, женщина отскочила на подъездную дорожку и захлопнула за собой дверцу машины в ту самую секунду, когда волна животных ударила о капот и рассыпалась.

Опал запыхалась. Тревога улетучивалась, медленно сменяясь победой. Она справилась. Честное слово, справилась.

А потом, к ужасу Опал, женщина посмотрела на нее из-за ветрового стекла.

Это был не день снов, а животный день. А значит, никто не мог проснуться, одержав победу. Сон не исчез, пейзаж не изменился, занавес не упал. Женщина по-прежнему была тут, и звери были тут, и Опал была тут, поэтому, когда женщина подняла голову, она успела встретиться взглядом с Опал, которая стояла посреди беснующегося стада. Начался легкий дождь, из тех, что заставляют одновременно радоваться и грустить – быстрые дымчатые капли и серебристый движущийся свет. Опал потеряла один ботинок, когда бежала, и, пусть даже ее мохнатые ноги были по большей части скрыты травой и оставшимся ботинком, тем не менее Опал поразило ощущение, что женщина смотрит на нее и видит в ней магию. Это настолько противоречило правилу – правилу секретности, – что Опал не могла двинуться с места, она только злобно оскалилась, глядя на женщину.

Та уехала.

Опал никогда не говорила об этом Ронану или Адаму. Она была слишком унижена, чтобы признать, что ее видели. И ее уже очень давно не наказывали.

Опал начала суеверно бродить по лесам в те дни, когда Ронан и Адам уезжали. Если ее не будет дома, если она ничего не увидит – думала Опал, – то никакая странная женщина не вернется. Тогда ей не придется вмешиваться. Как только захлопывались дверцы машины и стихал вдали шум мотора, она отправлялась в экспедицию. Иногда Опал шла бродить, даже когда Ронан был дома, но запирался в длинном сарае, где она не могла его видеть.

Поначалу она доходила до того места, где пахло бензином, но через некоторое время, как только Опал усвоила его правила, оно утратило привлекательность. Предсказуемость внушала ей скуку, поэтому Опал двинулась дальше, вдоль края леса. Там она нашла себе новый любимый объект наблюдений – скамейку у ручья. Это был хороший ручей, с обрывистыми берегами, черной водой, очень деловитый; к нему почти вплотную подступали трава и мох, иногда в нем живописно плавала рыба или полиэтиленовый пакет, а на повороте, где стояла скамейка, вода порой становилась белой и пенистой. В разное время на скамейке сидели разные люди, и Опал не возражала. Но больше всего ей нравился человек, который приходил раз за разом, в один и тот же час, если только не шел дождь. Это была пухлая, похожая на облако женщина с пышными, тоже цвета облака, волосами. Она всегда приносила с собой книгу и еду. Книги были разные, иногда толстые, как кирпич, и на обложке красовались мужчины без рубашек, а порой вообще безо всего, или женщины, или мужчины и женщины сразу, которых они крепко прижимали к себе. И еда тоже всегда была разная. Иногда что-то, издававшее короткий быстрый хруст, иногда что-то, издававшее шелканье, иногда что-то, вообще не издававшее звуков, не считая удовлетворенного «мм» женщины, похожей на облако, после того как она всё доедала. Опал нравилось смотреть на еду, на книги и то, как женщина-облако наслаждалась тем и другим. Это немного походило на сон –

она так радовалась, что ощущение долетало на другой берег ручья, туда, где пряталась Опал. Это было приятно. Кроме того, скамейка находилась достаточно близко: Опал могла возвращаться в Амбары каждую ночь и не устраивать себе гнездо, что было удобно, поскольку теперь почти каждый вечер шел дождь.

Однажды, возвращаясь после наблюдений за женщиной-облаком, Опал встретила Адама.

Удивительно – восхитительно, – но он, очевидно, пришел пешком. В норме люди не приходили в Амбары пешком. Они приезжали на машинах, которые могли раскатать Опал в блин и не заметить, так что, по словам Ронана, от них следовало держаться подальше. Но Адам просто шел, медленно выростая из тумана, который клубился в темном туннеле деревьев, растущих вдоль дороги. Опал с восторгом обнаружила, что он двигался в ту же сторону. Она догнала его посередине длинной подъездной аллеи и принялась скакать вокруг, в то время как Адам ставил одну ногу перед другой, а остатки вечернего света пятнами падали на них обоих. Адам ничего не сказал, когда Опал схватила его за руку и заплясала, пытаясь схватить за другую.

Ронан обрадовался куда меньше, узнав, что Адам прибыл столь неожиданным образом.

– Какого черта, Пэрриш? Я уже собирался ехать за тобой. Кто тебя подвез?

– Я пришел пешком.

– Ха-ха.

Настоящий смех Ронана не звучал как «ха-ха». Но это и не был его настоящий смех.

Адам не сказал, что пошутил. Тогда Ронан повторил:

– Пришел пешком. Откуда?

– С работы.

Адам отцепил Опал, снял ботинки, потом носки и сел за круглый стол на кухне.

– С работы? Какого. Хрена. Я же сказал, что приеду и заберу тебя.

– Мне было надо пройтись, – ответил Адам и опустил голову на стол.

Ронан налил воду из-под крана в стакан и поставил на стол с такой силой, как будто хотел пробить доски. Опал тем временем залезла под стол и потыкала босую ногу Адама.

Ноги, которые заканчивались ступнями, казались ей странными и интересными. Ступни Адама были длинными и безволосыми, на вид очень уязвимыми. Щиколотки торчали, как косточки на запястьях, словно ноги у него были просто очень странными руками. Маленькие темные ворсинки от

носков прилипли к коже и скатались в валик, когда Опал потеряла ему ступни.

- Это не единственный колледж, куда ты послал анкету, - сказал Ронан, продолжая какой-то ранний разговор.

- Но туда я хотел больше всего. Опал, прекрати!

Ронан сунул голову под стол и перехватил ее взгляд.

- Ради бога. Возьми банку, иди во двор и поймай двадцать светлячков. И не возвращайся, пока не поймает двадцать светлячков.

Опал вышла на улицу. Светлячков в меркнушем свете было много, но ей никак не удавалось удержать пойманных в банке, пока она ловила новых, поэтому Опал потратила довольно много времени. Она не вернулась в дом, когда закончила, так как Ронан и Адам к тому моменту вышли - Адам шагнул первым, быстро, опустив голову, сунув руки в карманы, по-прежнему босиком и не оборачиваясь. Ронан остановился на секунду, чтобы набросить куртку, а затем последовал за Адамом. Он дважды окликнул его, но Адам не ответил и не повернулся, даже когда Ронан поравнялся с ним.

Они шли молча к одному из сараев на склоне, едва видимому во мраке. Деревья, окружавшие долину, уже сделались чернее тьмы.

- Может, я вообще никуда не поступлю, - сказал Адам. - Значит, всё это было зря.

- Ну и что? Составишь новый список.

- Ты не понимаешь. Я бы пропустил семестр, если бы не подавал непрерывно документы на поступление, а от этого катится к черту вся финансовая помощь. Слушай, я и не надеюсь, что тебя это будет волновать...

И Адам добавил другим голосом:

- Я просто идиот.

- Да. С головы до ног. Где твои ботинки?

- Под столом.

- Опал, можешь сходить и принести?

Нет, она не могла, потому что было слишком скучно возвращаться в дом, в то время как они оба стояли здесь, в темноте, такие волнующие. Зато у Опал была банка с двадцатью светлячками, которых она и выпустила в лицо Адаму, подскакав к нему. Он попятился. Ронан молча обзирал эту сцену.

- Она очень полезна, - заметил Адам.

Опал тут же задрала нос.

- Знаю, - сказал Ронан. - Постой-ка.

Он остановился, снял ботинки и сунул в них носки.

Оставив их на обочине тропы, он точно так же, босиком зашагал рядом с Адамом. Все его сонные создания медленно начали стягиваться в поле – в темноте их было скорее слышно, чем видно. Опал постоянно думала, что эти животные глупы. Они были простыми существами, не такими замечательными, как она. Но Ронану они, очевидно, всё равно нравились. Опал слегка волновалась, что они расскажут ему про женщину, которую прогнали, но потом она вспомнила, что в животном мире так не бывает. В любом случае, когда животные увидели, что у Ронана нет в руках ведер и что Опал рядом, они предпочли держаться на расстоянии, щипля траву и копаясь в земле.

Адам и Ронан остановились, лишь когда дошли до самого дальнего поля. Адам никогда не бывал там, когда Ронан отправлялся поехать кругами на своей машине; он, видимо, удивился, когда обнаружил, во что Ронан превратил это место. Он смотрел на примятую траву и колеи в земле довольно долго, не говоря ни слова. Возможно, Адам чувствовал себя чужим здесь. Опал однажды каталась с Ронаном не потому, что хотела поехать в машине, а потому, что не хотела стоять в стороне. Ее трясло и было очень шумно. Машина всё время жаловалась, стереосистема издавала электронное чириканье. Ронан сказал Опал, что больше не разрешит ей ездить с ним, потому что ее стошнило за сиденье. Но Опал не возражала. Теперь она предпочла бы постоять в стороне.

– Ты поступишь, – наконец сказал Ронан Адаму. – И тебе не придется составлять новый список. Будет не так, как ты себе представлял, но всё равно неплохо.

– Напомни мне об этом потом.

– Обязательно.

Адам как будто слегка ободрился. Он потыкал ком земли босой ногой.

– А в новом Кабесуотере будет место для гонок?

Адам не смотрел на Ронана и не видел странное выражение, которое промелькнуло у него на лице, зато Опал видела.

– Будет похоже на гипермаркет, – сказал Ронан. – Я живу во сне.

Адам рассмеялся, а потом выдохнул. Он, казалось, немного успокоился. Они взялись за руки, и всё стало далеко не таким интригующим. Опал подождала, не будет ли еще повышенных голосов или рассуждений об ее полезности, но они молчали, а затем развернулись и направились обратно к дому. Единственное, о чем они говорили, так это о том, что запачкали и ободрали ноги – проблемы вообще не возникло бы, будь у них копыта.

Настало жаркое лето. От Адама и Ронана пахло сильнее, чем раньше, хотя, казалось, они этого не замечали и ничуть не беспокоились. Ронан случайно устроил пожар в одном из небольших сараев, и, хотя сначала было много шума, потом стало безудержно весело, Адам и Ронан швыряли в огонь разные вещи, а на заднем плане гремела музыка. Машина Адама покинула кирпичи и

почти немедленно на них вернулась. В полях было много мышей, которых Опал очень нравилось ловить, а иногда и есть. Женщина-облако продолжала приносить еду и книги на скамейку у ручья, а порой еще и чемоданчик с трубками, которые она вставляла себе в нос, – это было интересно, и в течение нескольких дней после того, как Опал это увидела, она тоже совала разные вещи себе в нос.

Адам починил старый канавокопатель, принадлежавший Линчам, и вырыл на одном из полей стратегически расположенную яму. Она постепенно начала наполняться водой из естественного источника, а довершил дело неестественный шланг. В самые жаркие дни Ронан и Адам раздевались и прыгали в образовавшийся водоем. Опал не хотела плавать, но Адам учил ее, пока она не перестала бояться, а Ронан бросал в воду плавучие предметы и приказывал ей приносить, пока ему самому не надоело лежать на берегу. Он приснил себе два потрепанных черных крыла, которые не держали его в воздухе, и использовал их как временный трамплин для ныряния – поднимался на пару метров над водой и падал с громким плеском. Опал плавала на спине и бултыхала ногами, как показал ей Адам, а юноши то цеплялись друг за друга в воде, то разделялись. От жары всё делалось пахучим и больше походило на себя. Жизнь была прекрасна.

Лето, впрочем, тоже было животным, как и люди, и поэтому в конце концов его ждала смерть.

Конец лета оказался одновременно хорошим и плохим. Хорошо: Адам придумал игру в мяч, для которой требовались крикетные ворота, но она была лучше крикета, и Ронан иногда играл в нее с Опал, в то время как над ними плыл дымок от гриля, пропитывая одежду Ронана восхитительным запахом. Плохо: Ронан и Адам всё чаще и чаще обсуждали, можно или нет найти средство для ведра с гайками, прежде чем настанет осень и Адам уедет (или ему надо просто взять машину Ронана). Пусть даже Опал сама часто уходила из дома, ей не нравилось, что Адам куда-то уедет: он ведь мог состариться и умереть, так и не вернувшись. Хорошо: Ронан проводил меньше времени в длинном сарае со своими снами. Вместо этого он чинил другие строения и что-то печатал на компьютере, в который лазила незнакомая женщина; следовательно, он зачастую целыми днями принадлежал Опал – Ронана приходилось делить только с Бензопилой, которую та ненавидела и порой мечтала съесть. Плохо: дважды Ронану звонил его друг Ганси, и оба раза Ронан ничего не говорил, только слушал оживленную болтовню в трубке и что-то буркал в ответ. После разговора Ронан уходил и ложился, один раз в своей комнате, другой в комнате Авроры; в первый раз он долго молчал, а во второй держал в руке фотографию родителей и беззвучно плакал.

К концу лета Опал уже забыла, когда Ронан в последний раз ходил в длинный сарай. Звуки сна, которые он издавал, стали похожи на царапанье – она слышала его раньше, давно, еще когда жила во сне. Однажды Адам спросил:

– Ты создашь его до того, как я уеду?

И Ронан ответил:

– Если дождя не будет, то нет.

Адам начал что-то говорить, потом замолчал.

- Пусть будет так, - произнес он и закончил разговор.

Они снова ездили кататься, и Адам гостил в Амбарах чаще, чем обычно, но Опал знала: это только потому, что скоро ему предстояло уехать надолго. Она бесновалась, тащила всё подряд из кухонных шкафов и прятала на поле, где намеревалась зарыть тело гостя, если бы до того дошло. Когда Ронан и Адам приехали и сказали, что это недопустимо, она укусила Адама и убежала.

Ее переполняло столько плохих чувств, что она не знала, как быть. Опал хотелось, чтобы Ронану и Адаму было так же плохо, как ей. Она хотела нарушать правила. Хотела всё ломать.

Перед ней возник длинный сарай, вечером особенно темный и угрюмый. Она начала обходить его, как всегда привлеченная и испуганная тем, что он содержал. До сих пор отвращение каждый раз побеждало. Сегодня, впрочем, Опал вспомнила про правило, запрещающее входить в длинный сарай, и подумала, что оно слишком большое и старое и что, если его нарушить, это будет шумно и приятно.

А еще можно было разбить что-нибудь, найденное внутри.

Дверь длинного сарая не сказала бы ей «да», зато сказало маленькое окошко, куда не пролез бы человек. Таким образом Опал проникла внутрь.

Она ожидала, что в сарае будет темно и что он весь будет гудеть энергией сна, но там сверкали маленькие удивительные огоньки, которые прятались в углах и витали под потолком. Гудение тонуло в шуме ее напуганных легких и стуке встревоженного сердца.

Пол был грязный. На столах громоздились бумаги, стекло и музыкальные инструменты.

Какое-то произведение искусства, которое не понравилось Опал, стояло у стены. В середине сарая была открытая дверь, и за ней виднелась другая дверь. В воздухе висела откинута крышка люка, и по ту сторону синело небо. Половина ноутбука стояла на телефоне размером со шлакоблок. Опал ничего не трогала.

Теперь, когда сердце у нее немного успокоилось, она услышала гудение сонных предметов.

Страх колыбался в Опал, пока она кралась по сараю и смотрела по сторонам, держа руки за спиной и шаркая копытами по полу. Она как будто снова оказалась внутри головы Ронана. Всё было сырое, бесформенное, без правил. Бродя среди сонных предметов, она словно гуляла по чужой памяти и вспоминала беспокойную страну, в которой выросла.

Опал поняла, что Ронан уже давно не грезил. Все эти вещи были многонедельной давности. Ничто не издавало непрерывное громкое гудение свежего предмета. В основном в старом сарае царил глухая тишина, а на заднем фоне слышался стук водяных капель. Он привлекал Опал сильнее,

чем всё остальное, и она тихонько пробиралась среди разнообразных вещей, пока не нашла источник звука.

Это было огромное пластмассовое ведро. Опал поняла, что Ронан его не приснил. Он приснил содержимое. Даже снаружи оно казалось одновременно счастливым и грустным, огромным и маленьким, полным и пустым. От него исходило ощущение счастья, примерно как от женщины-облака на скамейке, но увеличенное во много раз, и Опал поняла, что сами ощущения тоже сны. Она и забыла, насколько они интенсивны.

Она помнила, что правила животного мира их не касаются.

Но забыла, в какой мере.

Опал сама не знала, зачем подняла крышку. Ей ведь было слишком страшно.

Впоследствии она думала, что, возможно, сделала это именно потому, что ей было слишком страшно. Некоторые плохие идеи бывают настолько плохи, что носятся по кругу, пока не станут хорошими.

Ее пальцы дрожали, когда она положила крышку на пол.

В ведре шел дождь.

Шорох, который слышала Опал, был шумом дождя, который затягивал туманом внутренность ведра и собирался крупными каплями на пластмассовых стенках. Иногда гремел гром, гулкий и далекий. Счастье и грусть, которым Ронан придал облик дождя, охватили Опал, и она невольно начала плакать. Это был дождь для нового Кабесуотера, и он пролежал здесь достаточно долго, так что крышка запылчилась. Ронан всё это время владел им, но почему-то не мог приснить новый Кабесуотер. Видимо, его удерживало что-то другое.

И от этого Опал стало еще радостнее и печальнее. Эмоции росли и росли в ней, и грусть постепенно отступала, так что в конце концов осталось одно только счастье.

Может быть, это ощущение, вкупе с гудением сонным вещей, стало причиной того, что она прошептала:

- Ori! Si ori!

Она уже давно не говорила на языке снов - во всяком случае, не говорила, ожидая ответа.

Но сон в ведре ответил. Забормотал гром, зашипел дождь, и вся вода поднялась из ведра. Дождь полился обратно, вися примерно в полуметре над ведром, затем в метре, затем в полтора. Тогда Опал подняла руки; она не стала больше ничего говорить на языке снов, просто схватила дождь и скатала в шар, потому что думала, что это получится.

И получилось; дождь скатался, как липкая глина, превратившись в темный клубок, похожий на грозовую тучку.

Она засмеялась, подбросила его в воздух и поймала. Отскочив от потолка, комок полыхнул молнией, которая так и не вылетела из облака. Опал поймала его, ощутив легкий прилив радости и грусти, и бросила обратно в ведро. Помедлив, она оторвала маленький клочок от пушистого комка и спрятала под свитер. Опал подумала – ничего страшного, если она украдет немножко, ведь большая часть осталась на месте и никто не узнает об этом: она никому не скажет, что нарушила правила и зашла сюда. Опал не собиралась ничего тут разбивать. Она хотела оставить всё, как было.

– Будь дождем, ладно? – шепнула она.

Облачко вновь пролилось каплями, счастливыми и грустными, и Опал закрыла крышку. Она уже так давно не играла с сонными предметами.

Опал хлопала в ладоши и закружилась, топоча копытцами по грязному полу, а потом стала звать другие сонные предметы, которые находились в длинном сарае.

Бумага хлопала, как птичьи крылья; Опал щипала ее, пока та не загорелась, а потом щипала огонь, пока он вновь не стал бумагой. Она разбивала оземь электрические лампочки, сметала осколки, и они превращались в крошки хлеба; затем она разрывала их и доставала из середины целые лампочки. Она плавала на книгах и пела, а сонные предметы отзывались ей.

Опал играла с ними, зная, как заставить их делать разные странные вещи, потому что она сама была превосходным сонным творением – и уже успела забыть, как чудесен сон, в котором нет ничего дурного.

Потом Адам нашел ее на краю леса. Солнце закатилось за деревья, оставив после себя пронзительно-розовые облака. Адам сел рядом с Опал, и вместе они стали смотреть на Амбары. Поля были усеяны спящим скотом, который приснил Ниалл Линч, и бодрствующими животными Ронана. Крыши блестели новеньким металлом – Ронан их все трудолюбиво заменил.

– Ты готова рассказать мне, куда делись все тарелки? – поинтересовался Адам.

В каждой руке Опал держала пригоршню травы, но, что бы она с ней ни делала, трава оставалась травой. Так происходило в животном мире. Правила есть правила. У нее кружилась голова, как будто весь страх, который она не ощущала в длинном сарае, пока играла, наконец настиг ее.

– Я возвращаюсь, – предупредил Адам.

Опал сорвала еще немного травы, но ей стало чуть спокойнее, когда она услышала эти слова.

– Я не хочу уезжать, но мне надо – ты понимаешь? – спросил Адам.

Она понимала, тем более что ее сонная радость-печаль передалась ему, ведь они сидели так близко.

– Просто оно наконец начинается. Ну, ты понимаешь. Жизнь.

Опал прислонилась к нему, а он к ней и сказал:

- Господи, ну и год.

Он произнес это с таким чувством, что Опал захлестнула любовь к Адаму. Она наконец сдалась и отвела его туда, где закопала все тарелки.

- Это большая яма, - заметил он, стоя на краю.

О да. Достаточно большая, чтобы зарыть в ней нарушителя границ или обеденный сервиз на двенадцать персон.

- Знаешь, я раньше думал, что ты вырастешь. Но теперь мне кажется, что ты уже не изменишься. Ты такой всегда и будешь.

- Да, - ответила Опал по-английски.

- И иногда от этого куча проблем, - добавил Адам, но она поняла, что он говорит добродушно.

Казалось, всё будет хорошо.

Но она ошиблась.

Сначала случилась беда с женщиной-облаком.

Опал несколько дней не ходила к скамейке, потому что приехал Адам, и ей не хотелось тратить время зря, раз уж они оба были в доступе. Но когда Адам завел свое: «С ума сойти, ты не можешь просто взять и сделать это сам, ладно, я поехал», а Ронан сел за компьютер и начал работать, Опал ушла, потому что соскучилась по наблюдениям за женщиной-облаком. Она продиралась через кусты к скамейке, и лес был тусклым, а ручей черным, без малейшей белизны. Звучал он громче, чем обычно.

Трава казалась серой и черной, мох тоже был серым и черным, и скамейка была серой и черной. Единственное, что не было серым и черным, так это земля рядом со скамейкой. Она была белой и пышной.

Когда Опал поняла, что это женщина-облако, она закричала на сонном языке, прежде чем успела удержаться. То, что она видела, было настолько неправильным, что казалось кошмаром.

Но она находилась не в кошмаре, а в животном мире.

Опал медлила на другом берегу ручья несколько долгих минут, ожидая, что, возможно, женщина-облако перестанет быть белым пятном рядом со скамейкой. Она помнила, что должна оставаться секретом.

Но женщина-облако оставалась белым пятном. Опал затопала копытами, тихонько завyla и наконец перескочила через ручей. Она медленно подобралась к женщине-облаку и сразу же поняла, что ей не надо соблюдать тишину. Ничего животного в женщине больше не было. Только немного неприятного запаха и упавшая рядом коробка от печения.

Опал заглянула в нее – нет ли печенья, – но всё было съедено, хотя она не знала, кто это сделал, женщина-облако или белки.

Она коснулась волос женщины (ей всегда хотелось это сделать), потом трубок у нее в носу, потом похожего на облако туловища. Оно было не таким мягким, как казалось издали, а довольно твердым. Вполне настоящим.

Опал начала скулить. Некоторое время она раскачивалась туда-сюда рядом с телом женщины-облака, а затем схватилась за собственную шапку, натянула ее на глаза и на уши и стала пронзительно и резко кричать (Ронан велел ей не издавать этих звуков теперь, когда она оказалась за пределами сна). А Адам однажды сказал, что они способны разбудить мертвого, но Опал попыталась и не разбудила. Это был животный мир, и мертвое в нем не становилось снова живым. Всё было совсем не так, как во сне, когда Ронана убивали вновь и вновь. Женщина-облако не могла ожить и появиться на скамейке в следующий раз.

Опал ненавидела этот маленький животный мир и его мелочные, стесняющие правила.

Она скулила и скулила, пока не услышала шум в лесу, громкие голоса – это были другие люди, еще полные животности. Она убежала за ручей, в свое укрытие. Ей хотелось подождать и посмотреть, что случится с телом женщины-облака, но она знала, что будет труднее ускользнуть, когда люди окажутся поблизости. И потом, было не так уж много вариантов развития событий. Люди могли съесть женщину-облако или забрать ее с собой, но только не сделать то, что хотела Опал, а именно – снова превратить ее в животное.

Поэтому она скользнула в заросли, мысленно плача и скуля, и бежала, пока не вернулась в Амбары. Светлячки подмигивали ей, пока она брела по траве, а у нее совсем не было настроения ловить их. Опал поднялась на заднее крыльцо и, к своему удивлению, обнаружила там Ронана.

Он не включил фонарь, а потому казался одним из столбов, подпиравших крышу, пока Опал не подошла близко. Сонное вещество в нем неприятно гудело, в том же тоне, как последние несколько недель, на лицо падал серый вечерний свет, и Опал встревожилось, что Ронан был сам на себя не похож, но она испугалась не настолько, чтобы не подойти к нему и не обнять его за ногу.

Ронан положил ей руку на голову и позволил некоторое время постоять рядом, а потом негромко сказал:

– Опал, не сходишь за Адамом? Он чинит машину.

Она не двинулась с места: машина Адама стояла прямо перед домом, и Ронан сам мог туда сходить. Тогда он повторил то же самое на латыни. И это было странно, потому что он вдруг показался прежним собой – тем Ронаном, с которым она разговаривала во сне, где обитали существа, способные убить их обоих. Но это был не сон, а вполне реальная ферма, реальное заднее крыльцо с облупившейся краской.

Опал привела Адама. Выйдя из-за угла, тот крикнул Ронану:

- У Опал совсем поехала крыша? Или ты правда послал ее за мной?

- Пэрриш, - произнес Ронан. - Это...

Он приподнял руку, и оказалось, что пальцы у него испачканы чем-то вроде черной краски. Нет, не вроде черной краски. Чем-то противоположным белой краске.

- Что... - начал Адам.

Опал уловила звук этого вещества через секунду после того, как увидела его. Это был звук и не звук... он всасывал гудение силовой линии и сводил его на нет. Ничто, развоплощение - кошмар, пережитый осенью. Чудовище, у которого не было имени. Оно чуть не уничтожило ее и Ронана. Страх начал подниматься от копыт к щекам, и Опал тут же стало холодно. Она задрожала.

Адам спросил:

- Ты приснил это?

Ронан покачал головой, и из одной ноздри у него показалась тонкая нить того же черного вещества.

Оно выходило из него. В последний раз, когда это случилось, оно тоже выходило из него, из него, из него, пока он дергался в машине, и из Опал, которая, сжавшись, сидела сзади. Эта штука убивала их, невысказанно и ужасно, как во сне, с той разницей, что Ронан не спал. Пугающий не-звук соединился в сознании Опал с запахом тела женщины-облака.

Силы у нее иссякли, и благоразумие отказало.

Опал начала вопить, высоко и пронзительно. Бензопила захлопала крыльями и тоже закричала. Их голоса сливались, неразделимые и похожие, и в них звучала правда: обе были существами из сна, созданными Ронаном, и различались в основном только в мелочах. Большая часть того, что их составляло, умерла бы, если бы умер Ронан. Это было нечто ужасное, слишком большое, чтобы уложить в голове - как всегда, - поэтому Опал не могла остановиться.

Она боялась и кричала так громко, что как будто ослепла, и смутилась, когда поняла, что осталась во дворе одна. Только когда Опал переворошила свою память, она вспомнила, что Адам быстро взял Ронана за руку и закрыл за ними обоими дверь. Бензопилу тоже выгнали, и она по-прежнему жалобно мяукала и хлопала крыльями. Опал попыталась ее пнуть (Бензопила зашипела), потом подергала дверную ручку.

Дверь была не заперта, но Опал не знала, хочет ли войти. Она не знала, чего боялась больше - за Ронана или Ронана. После некоторого внутреннего спора она на цыпочках пробралась в дом - так же, как в тот день, когда приехала чужая женщина: Опал встала на четвереньки и поползла по коридору, не издавая звуков. Во сне она сделалась бы невидимой. Иногда ей это удавалось.

Вряд ли чернота, выходящая из Ронана, отреагировала бы на Опал, если бы та не пряталась, но, держась как можно незаметнее, она чувствовала себя в большей безопасности. Бензопила скакала следом, не по доброте душевной, а потому, что предпочитала компанию Опал одиночеству и неуверенности. Опал прислушивалась, пока не поняла, что Ронан и Адам на кухне; тогда они с Бензопилой подобрались ближе и притаились за дверь. Она крепко вцепилась пальцами в старые деревянные половицы. В сонном шуме Ронана отчетливо слышались перебои.

– Я не уеду, если ты не придешь в норму, – сказал Адам, и сердце Опал взорвалось от радости.

Она представила осень, машину Адама на кирпичах, отсутствие перемен...

– К черту, – ответил Ронан. – Ты уедешь.

– Ты, наверное, думаешь, что я чудовище.

– Только не начинай. Блин. Дай...

– Господи.

– Господь не подаст мне полотенце.

Адам протопал мимо Опал и Бензопилы, казалось, не заметив их обеих, съехившихся за дверь. Потом он точно так же прошагал обратно. Сонный шум Ронана на мгновение прервался. Бензопила быстро защелкала клювом, и Опал показала ей кулак, чтобы та замолчала.

– Что происходит? – спросил Адам.

– Я надеялся, что ты мне объяснишь.

Магия шипела и горела в душе Ронана, отзываясь в Опал.

– А я откуда знаю?!

– Ты знаешь всё.

– Нет... Может, лучше позвонить на Фокс-Вэй.

Но в голосе Адама звучало сомнение.

– В прошлый раз это помогло.

Радость и грусть одновременно поднимались в Опал. Теперь, перестав кричать, она поняла, почему черная пустота возникла вновь. Хотя Опал предпочла бы стать настоящим животным, она по-прежнему состояла из сонного вещества. Более того, она была не просто сонным существом, но превосходным сонным существом, психопомпом, созданным для того, чтобы спасти Ронана – и она проделывала это снова и снова с тех самых пор, как он был маленьким мальчиком. Опал знала, что звучит как сонное существо, и что силовая линия звучит как источник снов, и что Ронан должен звучать

как сновидец. Она знала это... а еще знала, что она часть Ронана, явленная часть. И эта ужасная правда влекла Опал к другим вещам, похожим на нее, и в то же время отталкивала.

Значит, теперь она могла его спасти.

Но если она остановит настоящее, в котором была чернота, то получит будущее без Адама. Он сам сказал, что не уедет, если Ронан не придет в норму.

Ронан быстро прошагал мимо Опал и Бензопилы, полный такой яркой целеустремленности, что обе попятнулись. Но он не остановился – просто открыл дверь и вышел.

Адам, Опал и Бензопила спешно устремились за ним.

Все трое стояли в тусклом, приятном свете фонаря на крыльце и смотрели на Ронана. Его на крыльце не было. Он подошел к машине, которая стояла на колесах рядом с машиной Адама, стоявшей на кирпичах. Все дверцы были открыты. Маленькая лампочка в салоне напоминала единственный светящийся глаз какого-то существа, который иногда подмигивал, когда Ронан ходил туда-сюда перед ним. Он вытаскивал из машины хлам, что проделывал очень редко – обычно это приходилось делать Опал в наказание, – и складывал всякие клочки и обрывки в пакет. Опал не понимала, почему Ронан работает с такой яростной серьезностью. И он не съедал найденный мусор. Не мог же он думать, что уборка избавит его от развоплощения!

Но Ронан продолжал целыми горстями хватать бумажки и совать их в старый магазинный пакет.

– Линч, хватит, – сказал Адам.

Ронан поймал какой-то чек, который танцевал и кружился на дорожке. Чеки были восхитительны, но иногда Опал резала ими углы губ, если не той стороной совала в рот. Он запихнул бумажку в пакет.

– Иногда я сам сомневаюсь, что я настоящий. Почему других таких людей нет?

– А твой отец? И Кавински?

– Я имею в виду живых людей. Или фишка в том, что лучше всего мы как раз умеем быть мертвыми?

– Ронан. Что ты, блин, делаешь?

Ронан бросил в пакет бутылку из-под газировки.

– А на что это похоже? Разгребаю машину, прежде чем отдать ее тебе. Я просто хочу, чтобы ты уехал. Сегодня.

Адам рассмеялся, но его смех звучал как удары по воздуху.

- Как будто тебе этого хочется. Такое ощущение, что отчасти ты всегда этого хотел.

Ронан рылся в багажнике - той части машины, где Опал запрещалось собирать мусорный урожай. Она нередко пыталась угадать, что там такое, возбуждая себя самыми пугающими и жуткими вариантами (ее любимой версией было, что там находится еще одна Опал). Она теперь не могла разглядеть, что лежит в багажнике, но оно издавало болтливый металлический звук.

- Неправда.

- В таком случае, похоже, что тебе всё равно. Как будто ты не боишься.

Шум в багажнике прекратился. Ронан сказал:

- Ты сам знаешь, что я конченный человек, Пэрриш, и в обозримое время это не исправится.

Адам скрестил руки на груди. Он очень расстроился, и сердце Опал разрывалось от любви к нему; когда она прижалась к Адаму, он ее не оттолкнул.

- Я не согласен.

- К счастью для тебя, это, кажется, не будет иметь никакого значения, - сказал Ронан и бросил ключи от машины в сторону крыльца.

Они с лязгом ударились о верхнюю ступеньку и остались там лежать. Ронан часто терял ключи, кладя их в разные дурацкие места, и Опал подумала, что это очередное дурацкое место, ведь никому не придет в голову искать ключи от машины на крыльце.

Адам отвернулся и просто посмотрел на дверь, как на что-то очень интересное.

Но ничего интересного в ней не было, и Опал вновь взглянула на Ронана, который плюхнулся на пассажирское кресло в машине и оставил мешок с мусором на земле. Из ушей у него текло черное и марало воротник. Зубы, видневшиеся между приоткрытыми губами, тоже были испачканы.

От обоих пахло страхом, но ни один не говорил ни слова. Машина издала одну-единственную ноту песни и замолчала.

Опал больше не могла терпеть. Она крикнула:

- Керау, керау, керау!

И подбежала к нему, раскидывая копытами гравий. Ронан отвернулся, но она успела увидеть развоплощение, которое он пытался скрыть от нее.

- Не сейчас, - сказал он. - Пожалуйста.

Но никакого другого времени не было. Это во сне Ронан мог перезагрузиться и заснуть снова вне зависимости от того, что случилось. Но сейчас они

находились в животном мире, в котором женщина-облако умерла и осталась мертвой.

И Адам, который умел решать множество проблем животными способами, ничего не мог здесь поделывать. Это была проблема из мира снов.

То есть ее проблема.

- Спи, - сказала Опал.

Ронан, с чернотой на зубах, в глазах и ушах, не нравился ей, но во сне она видала и худшее. Опал села на дорожку перед Ронаном.

Он по-прежнему не смотрел на нее.

- Спи, - повторила она.

Он не ответил, и Опал сунула руку под свитер. Ей не хотелось этого делать, поскольку она не желала, чтобы ее наказали. А ее наказали бы за то, что она забралась в запретный длинный сарай; но, если бы пришлось выбирать - а Опал была вынуждена выбирать, - она предпочла бы быть наказанной, чем знать, что Ронан умрет навсегда, а потом умереть самой.

Опал достала клочок пушистого дождевого облака, который украла из длинного сарая. Несколько раз она стиснула его в кулаке, пока он вновь не превратился в дождь, а потом раскрыла ладонь перед Ронаном. Капли влаги усеяли его кожу.

Радость и грусть окутали их обоих, в ушах загремел гром.

Ступеньки заскрипели - Адам подошел к ним. Он присел рядом с Опал.

- Ты же сказал, что не можешь сделать дождь. Я думал, ты именно поэтому до сих пор и не создал его.

Ронан угрюмо ответил:

- Могу.

- Тогда я не понимаю.

- Спи, - настойчиво сказала Опал.

Она злилась оттого, что они не согласились с ней немедленно.

Ронан вытер лицо о плечо, но от этого оно только стало грязнее.

- У меня не получается сделать его таким же хорошим, как предыдущий.

Опал так разозлилась, что схватила мешок с мусорной добычей и швырнула его прочь.

Половина содержимого высыпалась и разлетелась по двору, прежде чем застрять в траве. Ронан никогда не пытался вести разговор, когда умирал во сне.

- СПИ!

- Так почему ты перестал пытаться?

А потом Адам как будто сложил два и два - таким же образом, каким всегда понимал, что перед ним необычная вещь. Он повернулся к Опал.

- Вот почему это происходит, да?

- Vos pot... - начала Опал, замолчала и сказала: - Нельзя перестать видеть сны. Сновидцы снят. Ну, или вот так.

- Нет, - возразил Ронан. - Нет, я уже раньше прекращал.

- Надолго? Сознательно? - уточнил Адам. - И ничего не мог приснить случайно? Это продолжается всё лето? Когда ты в последний раз что-то приснил?

Эту мысль было слишком сложно выразить по-английски, но вот что подумала Опал: неважно, как долго Ронан удерживался. Время во сне шло не так, как в животном мире - она в этом убедилась, - и совершенно не походило на животное время, с его абсолютными правилами и солдатским движением вперед. Сонное время могло внезапно побежать, если решало, что так надо.

- Всё это потому, что ты пытался сделать новый Кабесуотер идеальным? - спросил Адам.

Ронан перегнулся через панель управления и ухватился за дверцу с водительской стороны. Он захлопнул ее, и музыка наконец прекратилась.

- А иначе в чем смысл?

- Помнишь, что ты сказал тогда на гоночном поле? Я попросил тебя напомнить мне когда-нибудь впоследствии. «Будет не так, как ты себе представил, но всё равно неплохо».

Ронан вздохнул. И закрыл глаза.

- Раньше это звучало лучше.

- Да уж наверно.

- И я должен что-то приснить прямо сейчас?

Опал обрадовалась, увидев, что он медленно поворачивает свой корабль к берегу решений. Она схватила его за руку и помахала ей.

- Да.

Не открывая глаз, Ронан спросил:

- А что?

Облегчение Адама дождем пролилось из облака его голоса.

- Присни мне средство для ведра с гайками, чтобы я мог уехать и вернуться. А потом присни новый Кабесуотер. Он не обязан быть похожим на старый. Просто сделай его хорошим, насколько сможешь.

Радость и грусть поднялись в Опал, пусть даже она потеряла крошечный кусочек сонного дождя, который украла. Возможно, это были ее собственные радость и грусть - по поводу всего того, что одновременно шло хорошо и плохо, по поводу Адама, который уезжал, Ронана, которого спасли, и опять Адама, который хотел вернуться. Просто удивительно, но сон мог содержать лучшие и худшие части животного мира. Опал так боялась неоспоримо худшего, что забыла, как скучает по неоспоримо лучшему.

Опал больше не пугал новый Кабесуотер. Ведь сон делал ее еще совершеннее.

- Да, - сказала Опал. - Я хочу домой.

От автора

Цикл «Воронята» я создавала на протяжении более десяти лет, и мне так или иначе помогало бесчисленное множество людей. Эти слова, к сожалению, не отразят всей моей благодарности.

В первую очередь я хотела бы сказать спасибо своим рыцарям - Тессе Граттон и Бренне Йованофф, которые всегда были готовы сражаться с моими драконами. Сара Батиста-Перейра, ты убивала драконов, которых я даже не успевала заметить. Курт Стивенс, спасибо, что подал мне новый меч.

Великолепный двор: Лора Реннерт, мой энергичный агент, и Барри Эйслер, ее принц-консорт. Дэвид Левитан, мой редактор, который сделал мне самый щедрый подарок, на который может рассчитывать автор: время. Рейчел Кун, Лизетта Серрано, Трейси ван Страатен - ведьминское трио профессиональных пророчиц. Бекки Эмсел - спасибо за какао.

Родные: особенно родители, которые выстроили мне замок из книг. И Эрин, которая научила мастерить доспехи.

Мой любимый, Эд, прости, что я вечно в бою. Ну, я не то чтобы сожалею, впрочем. Слушай, ты же знал, во что ввязался, когда вытянул меч из камня. Я бесконечно благодарна тебе за то, что ты на моей стороне.

* * *

notes

Примечания

1

Пер. Н. Минского.

2

Госпожа.

3

Здесь: не о чем волноваться (фр.).